

Ю. С. Степанов

**ОСНОВЫ
ОБЩЕГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

*Д о п у щ е н о
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических специальностей
педагогических институтов*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» · 1975

Степанов Ю. С.

С 79 Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Изд. 2-е, перераб. М., «Просвещение», 1975.

271 с.

В пособии дается сжатое изложение основ современного языкознания с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной лингвистики.

В книге освещаются вопросы и темы, предусмотренные программами по курсам введения в языкознание и общего языкознания.

С $\frac{60602-292}{103(03)-75}$ 10-74

Предисловие

Несколько слов об «Основах общего языкознания» как учебном пособии. Первое издание («Основы языкознания», 1966 г.) преследовало цель изложить предмет наиболее компактным и экономным способом. Цель определяла композицию — от абстрактного к конкретному. Восемилетний опыт работы многих высших учебных заведений по этой книге показал, что цель достигнута, но ценой легкости изложения. Для студентов младших курсов, в средней школе плохо подготовленных к усвоению абстрактного лингвистического материала, книга нередко трудновата, и она используется главным образом на старших курсах.

Второе издание не отрицает первого. Читателю предлагается по существу новая книга, перед которой ставятся иные задачи. Методическая задача состоит в том, чтобы изложить предмет наиболее естественным, а значит, и более легким способом. Новой цели отвечает новая композиция — от конкретного к абстрактному. Трехчастное деление книги сохранено, но начальной части первого издания («Структура») соответствует в новом издании последняя, третья часть («Язык как объект теории»). Второй части («Норма») соответствует теперь также вторая часть («Язык и общество»). Прежняя третья часть («Индивидуальная речь») вошла одним из компонентов в новую первую часть («Единицы языка и система языка»). Части существенно изменились и в их содержании. Как видно уже из сопоставления заголовков, прежние разделы вошли лишь как составные доли в более широкие по содержанию новые разделы.

Предлагаемая книга отвечает действующим программам по языкознанию. В большинстве институтов и университетов нашей страны читаются два основных языковедческих курса — «Введение в языкознание» на первом году обучения, «Общее языкознание» на четвертом году. При такой системе первая часть книги, «Единицы языка и система языка», является учебным пособием по курсу «Введение в языкознание», третья часть, «Язык как объект теории», — по курсу «Общее языкознание». Средняя часть, «Язык и общество», может быть, в зависимости от индивидуального построения курсов, отнесена либо к тому, либо к другому.

Вместе с тем автор учитывал новую, прогрессивную тенденцию в нашем высшем образовании — тенденцию к большей компактности читаемых курсов, к устранению излишнего дублирования, к экономии непроизводительных затрат времени преподавателя и студента. Более того, он хотел бы своей книгой способствовать укреплению этой тенденции. При таком подходе рекомендуется вместо двух

упомянутых выше курсов читать один — «Общее языкознание» (или «Основы общего языкознания»), на третьем году обучения (с возможным распространением во второй семестр второго года или первый семестр четвертого года): занятия по русскому и иностранному языкам дают необходимый предварительный, «пропедевтический» материал. Эта система, уже проверенная не одним годом работы, требует единого учебного пособия по единому курсу. Предлагаемая книга мыслится как такое пособие.

Кое-что об «Основах общего языкознания» как книге по теории языка. Двухзначное, даже несколько двусмысленное слово «основы» означает, во-первых, главные, необходимые положения, без которых нельзя обойтись при изложении той или иной науки; во-вторых, основные принципы, на которых покоится все здание этой науки, ее основание, полное освещение которых нередко выходит за пределы данной науки в соседние области знания. Как известно, например, «основания математики» не входят в содержание основных математических курсов и исследуются на стыке двух наук — математики и логики.

Особенность этой книги состоит в том, что оба значения слова «основы» отвечают ее содержанию. В соответствии с первым книга излагает общее достояние современного языкознания — его основные положения, добытые трудами многих лингвистов и целых национальных школ. В соответствии со вторым значением автор стремился осветить глубокие принципы языка и науки о языке. Часть их носит общий характер и достаточно хорошо исследована, таковы принципы общественной природы и знаковой организации языка. Часть же осознавалась реже и до сих пор еще не исследовалась даже в теоретических работах. Назовем хотя бы такие принципы, как естественность восхождения от конкретного к абстрактному, естественность абстракции в языке и в науке о языке, основанная на иерархической организации языка; центральная роль человека в языке, притом человека социального; два вида анализа — анализ дискретный (предельный) и недискретный (непредельный), основанные на двух типах объективных отношений языковых единиц — сегментации и интеграции, и т. д. Не все эти положения в книге отдельно формулируются и ни одно не доказывается специально. Автор разделяет мысль Паскаля: принципы не доказываются подобно теоремам в математике, их надо почувствовать, а затем осознать. В том, чтобы дать почувствовать и осознать некоторые основные принципы, состоит теоретическое назначение этой книги.

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМА ЯЗЫКА

Глава I ОТДЕЛЬНОЕ СЛОВО

§ 1. Общие замечания. План содержания языка и лексика. Лексикология и семасиология. Всякий, даже не изучавший лингвистики, человек сразу скажет, что слова что-то означают, имеют смысл и что смысл, значения выражаются в словах. Эта обычная, естественная точка зрения здесь вполне совпадает с научной. Действительно, смысл, значения, содержание в языке находят выражение в первую очередь в совокупности слов языка — в словарном составе и уже затем в высказывании, в предложении. Поэтому начать изучение основ языкознания естественно и легко с устройства слов. Для такого начала есть и другая, чисто научная причина: почти все основные понятия структуры языка могут быть даны в простой (хотя и не строгой) форме на материале слов. Это характерная особенность словарного состава: глубинная структура языка выходит в нем на поверхность, как структура почвы на краю обрыва. Здесь мы находим внешнее и потому непоследовательное, но зато наглядное проявление структуры.

Словарный состав языка иначе называется лексикой, а изучающий его раздел языкознания — лексикологией. Значения и смыслы в языке называются планом содержания языка, или семантикой, а изучающий их раздел языкознания — семасиологией. В главной части эти два раздела языкознания — лексикология и семасиология — тесно соприкасаются, так как из тех единиц языка, которые имеют значение, слово — основная единица. Но у каждого из разделов есть и особая часть. С одной стороны, значением обладают не только слова, но и части слова, сочетания слов, высказывания, и поскольку семасиология изучает также и их значение, то она шире лексикологии. С другой стороны, в лексикологии словарный состав изучается не только с точки зрения значения, но и с других точек зрения — происхождения, роли в общении.

Так, по происхождению слова делятся на исконные, например: *мать, воздух, речь, петух, ходить, стараться, тянуть*; заимствованные из других языков: *кушак* (татарск.), *этикетка* (франц.), *ярмарка* (нем.), *футбол* (англ.), *концовка* (польск.), *парус* (греч.) —

и международные: *коммунизм, радио, атом, информация* (см. подробнее § 69).

По роли в общении различают активный словарь — слова, всеми употребляемые в разных условиях общения, и пассивный словарь, который определяется прежде всего кругом чтения, обязательного для культурного человека данного общества. К пассивному словарю относятся такие, например, слова, как *одушевление, воспламенить, чародейный, умолкнуть*, то есть литературные, редкие, а отчасти и устаревшие, но также и новейшие слова, неологизмы, не получившие или еще не получившие широкого распространения: *сёрвис* (из англ.), *отставаемость* (студентов), *сверхмарафён, антироман*. При этом сам пассивный словарь, характеризующий начитанного, культурного человека, может включать и слова «некультурные», жаргонные: *шизик* («шизофреник»), *туник* («туняец») и профессиональные, но понятные всем: *подотчёт* («подотчетные суммы денег»); *голеностоп* («голеностопный сустав»); *кибер* («кибернетическое устройство»); *очаговость* (заболеваний); *агрегатная, ассистентская, коррëкторская* (отделения, комнаты) (подробнее см. § 67 и 68).

Здесь мы будем рассматривать лексикологию и семасиологию в их общей, пересекающейся части, то есть только то из лексикологии, что одновременно подлежит ведению и семасиологии, а это и есть словарный состав языка, взятый в его отношении к значению, к плану содержания. При этом мы пойдем от простого к сложному: сначала рассмотрим одно слово с одним его значением, затем одно слово со многими значениями и, наконец, много слов со многими значениями.

§ 2. Отдельное слово. Семантический треугольник. Понятие о денотате (референте) и сигнификате. Минимальная ячейка лексики — слово. Начнем рассмотрение с простейшего случая, когда у слова одно значение. В действительности это бывает редко, но теоретически мы вправе предположить, что все рассматриваемые нами сейчас слова имеют по одному значению, что они однозначны. В таком случае мы имеем: во-первых, связный звуковой ряд, образующий слово с его внешней стороны, — звуковую, фонетическую оболочку слова, или фонетическое слово; во-вторых, предмет, называемый словом; в-третьих, смысл, который слово вызывает в нашем сознании. Все три элемента связаны между собой, и эти связи также имеют в лингвистике особые названия: слово называет или обозначает предмет; слово имеет смысл; смысл отражает свойства предмета в сознании человека. Весь этот комплекс — три элемента и связи между ними и есть слово языка. Как видим, слово — не такая уж простая вещь, хотя мы и взяли простейший случай. При рассмотрении лексики лингвисты пользуются также международными терминами, которые соответствуют выделенным русским терминам:

предмет — то же самое, что денотат или референт; англ. referent; франц. référé, référend;

смысл — то же самое, что сигнификат; англ. *signification*; франц. *signification*;

название, или обозначение, — то же самое, что номинация; англ. *denomination*; франц. *dénomination*, *désignation*, *signifiante*;

отношение фонетического слова (или фонетического слова вместе со смыслом, сигнификатом) к предмету, денотату, референту, — то же самое, что референтная соотношенность, референция; англ. *reference*; франц. *référéncе*.

Сказанное может быть представлено на схеме, которая называется семантическим треугольником.

Семантический треугольник

Общий случай

фонетическое слово

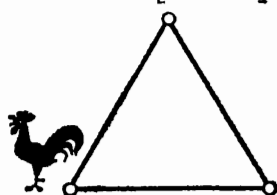

Предмет,
или денотат,
или референт

Смысл, или
сигнификат

Пример

петух [п'э'тух]

‘Домашняя птица,
самец кур, с крас-
ным гребнем на го-
лове и шпорами на
ногах’

В этом рассуждении мы отвлекались от того, что фонетическое слово может не только звучать, но и быть записано обычным письмом или специальными транскрипционными значками, что в действительности и сделано в нашем примере. Мы отвлекались и от того, что предмет может быть не только отдельной вещью, но и процессом (например, *ходить*, *хождение*; *воспринимать*, *восприятие*) или предметом лишь мыслимым как предмет или как процесс (например, *абстрагировать*, *абстракция*, *бесконечность*), — это ничего не меняет в проведенном рассуждении, любой такой случай с лингвистической точки зрения будет предметом, обозначаемым словом.

Из рассмотренного общего случая видно, что слово есть знак. Под знаком вообще в современной науке понимают материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие, процесс), который в познании и общении людей выступает в качестве представителя или заместителя другого предмета (явления, действия, процесса). Как мы видели выше, устройство слова в языке — сложный комплекс отношений. Во-первых, фонетическое слово выступает

знаком смысла (сигнификата). Во-вторых, фонетическое слово вместе со своим смыслом (сигнификатом) выступает знаком предмета (денотата, референта). В-третьих, в конкретном высказывании, в речи, весь комплекс (весь семантический треугольник) может выступать знаком иного, нового предмета. Знаковые отношения в слове, таким образом, многоступенчаты. Непонимание этого факта ведет к бесплодным спорам о том, является ли смысл, значение чем-то внешним по отношению к знаку или входит в знак; является ли знаком только фонетическое слово, сущность односторонняя, или знак всегда сущность двусторонняя. (Далее об этом см. III ч., § 82; ср. § 35.)

§ 3. Значение слова. Слово и понятие. Под значением в общем случае понимают существующую в нашем сознании связь (отношение) знака с тем, знаком чего он является. В предыдущем параграфе мы видели, что в слове несколько ступеней знаковых отношений, поэтому сам термин значение в лингвистике многозначен, и, употребляя его, следует всегда уточнять, о чем именно идет речь. Связь фонетического слова с отражением предмета в нашем сознании, со смыслом, или сигнификатом, будем называть значением по сигнификату, или сигнификативным значением. Связь между фонетическим словом, взятым вместе с его сигнификативным значением, с одной стороны, и предметом, или денотатом, — с другой, будем называть значением по денотату, или денотативным значением (см. схему § 2). Основным для лексикологии и семасиологии служит сигнификативное значение, и, когда не требуется специально отличить его от денотативного значения, можно в том же смысле употреблять просто термин «значение».

В данном выше определении слова «связь» и «отражение» обозначают такие явления, которые равно принадлежат сознанию человека. Поэтому при рассуждении о сигнификативном значении упоминание о «связи» можно опустить и выражаться проще: сигнификативное значение — это отражение предмета в сознании человека, или, более точно, это отражение свойств предмета в сознании человека, происходящее посредством слова. Но ведь отражение действительности в сознании человека, как известно из логики и психологии, является еще и восприятием, представлением, понятием. В каком же отношении стоит значение слова (а именно сигнификативное значение, сигнификат) ко всем этим явлениям?

Значение слова отличается от других форм отражения действительности в сознании человека: от ощущения, восприятия, представления, понятия. От низших форм отражения действительности — ощущения, восприятия и представления — значение слова отличается тем, что низшие формы отражения действительности отражают индивидуальное, а значение отражает общее. В самом деле, ощущение может быть только индивидуальным: мое ощущение холода, сырости, шершавости и т. д. от данного индивидуального предмета. Ощущение, следовательно, индивидуально как со стороны объекта, так и со стороны воспринимающего субъекта. Восприятие — более

высокая форма отражения, так как при восприятии происходит отражение не отдельного свойства предмета, а целостного предмета, — восприятие более, чем ощущение, обобщено со стороны объекта. При восприятии происходит включение данного неповторимого отражения в сетку уже имеющихся в сознании человека образов и знаний. Восприятие, следовательно, более обобщено и со стороны субъекта. Однако восприятие остается индивидуальным восприятием данного предмета данным одним человеком.

Представление — чувственно-наглядный образ предмета или явления, свободно сохраняемый и воспроизводимый в сознании без непосредственного ощущения и восприятия самого предмета или явления. Представление значительно обобщено как со стороны объекта, так и со стороны субъекта, но при этом отражает общее всегда в конкретной, индивидуальной форме. Например, «представление о долге» отражает ряд конкретных проявлений чувства долга (обобщено со стороны объекта), и притом так, что это обобщение более или менее одинаково у целого коллектива людей — у семьи, у группы друзей, у политической партии или даже у общества в целом (обобщено со стороны субъекта). Однако представление о долге всегда связано с индивидуальными проявлениями долга, с образами родителей, знакомых, декабристов, Александра Матросова и т. п.

Понятие отражает наиболее общие и одновременно наиболее существенные признаки предмета или явления. Это высшая форма обобщения как со стороны объекта, так и со стороны субъекта. Со стороны объекта понятие является высшей формой обобщения потому, что оно отражает признаки не одного предмета, а множества однородных предметов или признаки множества проявлений одного процесса ('растение', 'здоровье', 'семья', 'революция'). Со стороны субъекта понятие достигает наивысшей степени обобщения потому, что оно возникает в процессе глубокого познания действительности не отдельным человеком, а многими людьми и в конечном счете обществом в целом. В этом смысле субъектом понятия является общество.

Понятие может быть развернуто в целостную совокупность суждений. С другой стороны, целостная совокупность суждений о предмете или явлении действительности может быть представлена в сжатом виде одним понятием.

Значение слова ближе всего стоит к понятию. Можно сказать, что значение слова стремится к понятию как к своему пределу. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей. Значение слова может быть развернуто в предложение или в целостную совокупность предложений. Например, *синева неба* соответствует предложению *Небо — синее; разгром врага* — предложению *Враг разгромлен*; в общей форме *синева* соответствует предложению *Нечто является синим; разгром* — предложению *Нечто разгромлено* и предложению *Нечто разгромлено*.

В некоторых случаях (некоторых словах) значение и понятие сливаются. Таковы, как правило, термины: «сверхпроводимость», «интеграл», «морфема» и др.

Однако в очень многих словах значение при всей его близости к понятию нельзя целиком отождествить с понятием. Причина этого заключается прежде всего в том, что понятия как обобщенные отражения действительности выработаны в процессе общественного познания далеко не для каждого явления, называемого отдельным словом. Естественно, что, чем меньше какой-либо предмет или явление были объектом общественного познания, тем дальше отстоит значение соответствующего слова от понятия в полном логическом смысле термина. Значение и здесь остается на одном уровне с понятием и стремится к понятию как к своему пределу, но предел этот может быть довольно далеким. Слово *стол* как обозначение предмета мебели имеет общее, всем известное значение, но определить «понятие стола» как совокупности общих и одновременно существенных признаков очень трудно. Должен ли предмет, чтобы называться столом, обязательно иметь определенное количество ножек, например четыре, или он может вовсе не иметь ножек, а прикрепляться к стене? Подобные вопросы возникали бы здесь на каждом шагу. Потребовалось бы произвести исследование столов и выявить их существенные признаки, назначение и устройство, а затем дожидаться, пока это знание проникнет в массы говорящих и станет достоянием общего или научного языка.

Всё не связаны с понятиями две особые категории слов: междометия и собственные имена (*Ах!*, *Петров*, *Жучка*).

Наконец, даже те слова, которые непосредственно выражают понятия, все же могут включать в свое значение, кроме понятия, и оценку. Оценка может относиться как к самому слову, так и к обозначаемому им предмету или к понятию о нем, при этом она может быть либо эмоциональной, либо социальной, либо и той и другой сразу. Сравним: *лик — роза, плохо — мерзко, хороший — чудный, прострел* (простудное заболевание) — *невралгия, империализм, колониальный*.

При размышлении над проблемой «значение слова и понятие» следует иметь в виду и некоторую нечеткость самого понятия «понятие», как оно понимается в логике¹.

Лингвисты давно указывали, что даже те значения слов, которые близки к понятиям, все же далеко не всегда поддаются логическому определению. Л. В. Щерба по поводу смысла слова *прямая* замечал, что в геометрии этот смысл определяется как научное понятие: «прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками», а в повседневной жизни, в быту совсем иначе: «прямая — это линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз». Послед-

¹ Об этом см.: Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., «Наука», 1971, статья «Понятие».

нее и составляет значение слова *прямая*¹. Для таких понятий, если они выражены словами, были предложены, в отличие от понятий логических, другие названия: «бытовые понятия», «языковые понятия».

Во многих европейских языках различаются *фрукты* и *овощи* (ср.: нем. *Obst, Gemüse*; франц. *fruits, légumes*; англ. *fruit, vegetables*; исп. *fruta, legumbres*), а в некоторых языках, как в русском, еще и *ягоды* (нем. *Beeren*; англ. *berries*). Однако эти языковые понятия, составляющие четкую классификацию (никто из нас не спутает ягоду с овощем или фруктом), не совпадают с ботанической классификацией. С ботанической точки зрения, например, помидор сходен с некоторыми мелкими плодами — ягодами и с некоторыми крупными плодами, но по языковой классификации он относится определенно не к ягодам и не к фруктам, а к овощам. Подобные примеры легко можно умножить (ср. § 13). И, однако, неправильным был бы вывод, что между значением и понятием в таких случаях имеется разрыв. В каждом одном значении, сопоставленном с тем или иным понятием, он может обнаруживаться. Но между системой значений и «бытовых понятий», с одной стороны, и системой научных понятий — с другой, в каждую эпоху существуют глубокие и органические взаимосвязи. Понятия науки нередко возникают на основе общеязыковых значений, а система значений обогащается научными понятиями. Языкознание изучает именно значение слова, но не может избежать вопроса и о связи значения и понятия. К этой теме мы не раз будем возвращаться в дальнейшем (§ 4, 6, 12, 13).

Итак, значение слова (сигнификативное значение, сигнификат) — высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей. Значение слова стремится к понятию как к своему пределу.

Из того, что значение слова есть одна разновидность психических явлений, не следует, однако, что словами нельзя выразить всего многообразия психической и мыслительной деятельности человека, включая такие ее разновидности, как ощущение, восприятие и представление. Последние не могут быть выражены отдельными словами, но могут быть выражены сцеплением слов, развернутым описанием (как иногда говорят, могут быть выражены «на уровне индивидуальной речи»). На этой возможности основана вся поэзия и художественная проза. Ср.:

«Перед работой, на какую ехала Маша, она казалась себе временами совершенно беспомощной, даже как будто делалась ниже ростом.

Но за длинную дорогу Маша постепенно привыкла к мысли об угрюмом начальнике в черной куртке и перестала его бояться. Но грусть все же не проходила.

¹ Л. В. Щербачева. Опыт общей теории лексикографии (1940 г.). В кн.: Л. В. Щербачева. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 280.

Маша не знала, что это вовсе не грусть, а то сложное и легкое чувство, какому нет еще, пожалуй, точного названия на человеческом языке,— замирание сердца перед неизвестным и заманчивым будущим, перед простой красотой земли с ее реками, туманами, глубокими ночами и шумом прибрежных ветел» (К. Паустовский. Шиповник).

Поэтому речь в целом способна передать большую часть психических явлений человека.

§ 4. Вариации слова. Синоним, термин, метафора как пределы вариаций в трех разных отношениях. Вернемся теперь к схеме семантического треугольника. Как мы уже говорили, на ней изображен простейший случай: в каждой вершине треугольника по одному и неизменному элементу слова — одно фонетическое слово, один денотат, одно значение (сигнификат). Однако в действительности любой из элементов может варьироваться: у одного слова может быть две или больше фонетических оболочек, два или больше значений, и, наконец, оно может соотноситься с двумя или более предметами. Иногда варьируются все три элемента. Эти случаи мы сейчас и рассмотрим.

Вариации фонетической оболочки слова (его плана выражения) имеют пределом синоним. Это такие случаи, когда план выражения варьируется, а денотат и значение остаются неизменными. Простейшие фонетические варианты слова создаются различием в одном звуке: *энергия* с твердым *н* («энэргия») и с мягким *н*; *крынка* — *кринка*; *тожество* — *тождество*; *калоши* — *галoши*; *тоннель* — *туннель*; *ноль* — *нуль*; *искренно* — *искренне*; *иностранный* — *иногородный* и т. п., в последних двух случаях различие конечных звуков основы слова по мягкости сопровождается различием окончаний. Однако никакого, даже малейшего, оттенка в значениях здесь нет. Более сложные варианты возникают при различии в суффиксах или приставках: *невоздержанность* — *невоздержность*, *уполномочивать* — *уполномачивать*, *ананасовый* — *ананасный*. Здесь уже можно иногда заметить как бы легкое различие значений, но оно настолько зыбко, что определить его словесно почти невозможно. Можно только сказать, что один вариант тяготеет к сочетанию с одними словами, а другой — с другими: *бычий* — *бычачий*, по-видимому, чаще *бычий* *глаз*, но *бычачьи* *хвосты*; *петуший* — *петушиный*, *петуший* и *петушиный* *гребень*, но *петушиный* *задор*; *лиса* — *лисица*, *кобыла* — *кобылица*, *волчиха* — *волчица*; *завитушка* — *завиток*; *жилетка* — *жилет*; *ловля* — *лов* и т. п. Но в языке действует тенденция не оставлять готовые возможности неиспользованными: если создано два разных варианта слова, они, как правило, приобретают разные значения, хотя бы это различие и касалось лишь оттенков значений. Здесь мы достигли предела варьирования слова в этом направлении: еще один шаг — и перед нами на месте варианта к исходному слову — новое слово — его синоним. Так, *ананасный* и *ананасовый* — варианты, а *верхний* и *верховой* —

уже далеко разошедшиеся синонимы; *водный* и *водяной* — близкие синонимы (ср.: *водный раствор* — *водяной пар*), а *песочный* и *песчаный* — уже очень далекие синонимы; *динамичный* и *динамический* — варианты, *симптоматичный* и *симптоматический* — еще близкие синонимы, а по первому значению даже еще и варианты (оба, согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова, значат 'являющийся симптомом чего-н.'), тогда как *симпатичный* и *симпатический* — уже далеко разошедшиеся синонимы, но во времена В. Даля они были лишь вариантами (в его словаре — *симпатическая душа*, *симпатический человек*, *симпатичный человек*). Такие слова, как *нераздельный* и *неразделимый*, *неразделимый* и *неделимый*, *невозвратный* и *невозвратимый*, *неграмотный* и *безграмотный*, — синонимы, различающиеся оттенками, часто очень существенными, одного понятия.

Синонимия вообще имеет следующее обычное определение: сходство нескольких слов по значению. Мы видим теперь, что это определение необходимо уточнить. В синонимии вообще особенно важное место занимает тот ее тип, который только что рассмотрен и который характеризуется тем, что, во-первых, синонимия заключается в сходстве нескольких слов по сигнификативному значению, а не по другим видам значения и что, во-вторых, в действительности при этом вовсе не безразлично и сходство слов в плане выражения (в фонетической оболочке, в составе приставок и суффиксов). Основные типы синонимов в русском языке как раз таковы, что варьируется лишь часть плана выражения слова: либо приставки и суффиксы при одном корне, либо корни в обрамлении одних и тех же приставок и суффиксов; ср., с одной стороны, *угаснуть*, *погаснуть*, *загаснуть*, с другой — *безграничный*, *беспредельный*, *бесконечный*¹ (см. далее § 9).

Вариации значения (сигнификата) имеют пределом термин. Это такие случаи, когда план выражения (фонетическая оболочка) и денотат остаются неизменными, а значение варьируется. Но как при этом варьируется значение? Не всякие его вариации мы подводим под этот случай, а только те, которые состоят в переходе от представления к простому понятию и далее к развитию и обогащению этого понятия. В лингвистике впервые утвердил это различие, под названием ближайшего и дальнейшего значения слова, А. А. Потебня. Он писал: «Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится [в общении людей.— Ю.С.] о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о

¹ См.: А. П. Евгеньева. «Введение» в книге: Словарь синонимов русского языка, т. I. Л., «Наука», 1970, стр. 12; О. С. А х м а н о в а. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957 (ч. 4).

причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук,— дальнейшим значением слова»¹. Так, слово *луна* имеет ближайшим значением 'ночное светило, месяц', а дальнейшим — понятие 'естественный спутник Земли', определение последнего, если его развивать, должно совпасть с научным определением понятия Луны.

Из того, что слова развиваются по этой линии в сторону специализации и отдельных наук, вовсе не следует, как это получалось у А. А. Потебни, что языкознание не должно заниматься этими процессами. Напротив, именно процессами, в отличие от их конечных результатов в виде специальных терминов и понятий отдельных наук, и должно здесь заниматься языкознание. Современное языкознание как раз открыло новую главу — изучение терминов духовной культуры, основных терминов науки и материального производства в процессе их возникновения в общем языке. (См. § 6.)

Итак, вариации, о которых идет речь, заключаются в том, что в каждую данную эпоху слово функционирует в общем языке в своем ближайшем значении и одновременно в разных специальных сферах общения, главным образом в языке науки, а также в разных профессиональных коллективах — в своих дальнейших значениях. Дальнейшие значения, развиваясь на основе ближайших значений, в конце концов достигают такого отличия от ближайших, что превращаются в специальные термины, омонимы к исходному слову. Вот о таких омонимах-терминах мы и говорим как о пределе семантического варьирования слова.

В качестве примера остановимся (очень кратко) на истории слова *идеалист*, как эта история предстает по данным двух словарей русского языка. В Словаре русского языка С. И. Ожегова (9-е издание, 1972 г.) у этого слова отмечаются три значения: «*Идеалист* — 1. Последователь идеалистической философии. 2. Тот, кто идеализирует действительность, мечтатель (*устаревшее*). 3. Тот, кто в своем поведении, жизни руководствуется идеалистическими (в 3-м значении) принципами». Второе, устаревшее значение мы опустим и подробнее рассмотрим 1-е и 3-е значения, которые разъясняются отсылками к слову *идеализм*. Если в 1-м значении *идеалист* — последователь идеалистической философии, идеализма, то это значит (смотрим *идеализм* в его 1-м значении) — последователь «враждебного материализму, связанного с религией и идеологией реакционных классов философского направления, ложно считающего основой всего существующего сознание, дух, идею, а не материю». Если в 3-м значении *идеалист* — тот, кто руководствуется идеалистическими принципами, то это значит (смотрим *идеализм* в его 3-м значении) — «приверженец высоких нравственных идеалов». Значение, указанное

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., Учпедгиз, 1958, стр. 19.

здесь третьим,— это и есть ближайшее значение слова в смысле А. А. Потебни, а значение, указанное первым,— его дальнейшее значение. В настоящее время, обогащенное понятием из специального языка философии, оно заняло первое место в системе значений слова *идеалист*. Но столетие назад это значение было именно дальнейшим, вторичным и второстепенным при теперешних втором и третьем. В словаре В. Даля (2-е издание, 1881 г.) читаем: «*Идеалист, -тка* — умствователь, кто увлекается несбыточными на деле выдумками; мечтатель, мнитель. *Идеализм* — философия, основанная не на явлениях вещественного мира, а духовного или умственного. Наклонность человека к мечтательности этого рода». *Идеалист* в современном первом значении это и есть предел вариаций значения (сигнификата) слова *идеалист*. Масса слов современного русского языка имеет аналогичные вариации от ближайшего к дальнейшим значениям без каких-либо вариаций формы. Ср. слова *капитал* в быту и как термин политэкономии; *государство* — в общем понимании и в теории исторического материализма; *образ* — в общем понимании и в теории литературы; *воля* — в обиходе и в психологии, а также в философии; *право* — в быту и в юриспруденции и т. д. и т. п. Всё это вариации значения слова, стремящиеся к термину-омониму как к своему пределу. Для нас в данном случае совершенно неважно, достигает ли они, и какие именно из них, этого предела, и решать этот вопрос — дело практической лексикографии (составления словарей), нам же важно указать на самую тенденцию и подчеркнуть, что, как бы практически ни решали вопрос лексикографы, дело идет именно о языковой тенденции к термину-омониму.

Многие лингвисты квалифицируют рассматриваемое здесь явление как многозначность, полисемию, одного слова. В действительности же это такая полисемия, которая требует для своего существования чего-то лежащего вне ее — наличия соотносительных терминов в языке науки. Когда при этом говорят о полисемии, то основываются на случаях лишь одного типа, которые, действительно, иллюстрируют полисемию. Между тем сущность развития заключается здесь как раз в том, что оно включает разные типы, но все их объединяет одно — тенденция к термину-омониму. Все процессы протекают вокруг одной центральной оси — термина-омонима. В отдельных случаях развитие не достигает этого предела, и тогда тяготеющее к термину значение остается в системе значений исходного слова общего языка и может служить иллюстрацией полисемии. В других случаях процесс достигает предела и специализированное дальнейшее значение отрывается от слова общего языка и становится термином в какой-либо специальной области. Наконец, в случаях третьего типа терминологическое значение снова смыкается с каким-либо значением общего слова, тогда перед нами, действительно, полисемия одного слова, но полисемия вторичная, уже как бы побывавшая за своим пределом — в сфере специальной терминологии — и вернувшаяся к своему первоисточнику. Слово *идеалист* в современном русском языке иллюстрирует именно этот третий

случай. Случаи последнего типа особенно важны. Именно в них воплощается глубокое и органичное взаимодействие между системой значений общего языка и понятиями науки, осознание которого составляет один из основных принципов всей этой книги.

Проиллюстрируем теперь два других случая. Термин *буква* в логике и математике, как об этом свидетельствует его определение, по видимому, таков, что не выходит за пределы системы значений слова *буква* в общем языке и тем самым иллюстрирует первый из названных выше случаев: «В логике и математике всякий конечный набор знаков называется «алфавитом», входящие в него знаки — «буквами» алфавита, а конечная (в том числе пустая) последовательность написанных друг за другом букв какого-либо алфавита называется «словом» в этом алфавите. Рассмотрим алфавит (a, b) из двух букв: a и b . Примерами слов в этом алфавите являются: $b, ab, bba, aaababb$ и т. д.» (Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, стр. 39). Можно предполагать, что и термин *слово* в данном случае укладывается в систему общего слова *слово* как одно из его значений.

Напротив, термин *факт* иллюстрирует второй случай — термин оторвался от своего источника — исходного слова и пребывает целиком в сфере специального языка: «1. В обычном словоупотреблении синоним понятий 'истина', 'событие', 'результат'. 2. В логике и методологии науки факт можно определить как обозначение особого рода предложений, фиксирующих эмпирическое знание» (Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, стр. 298).

Подобные наблюдения решительно препятствуют тому, чтобы все отмеченные явления подводить под разновидности полисемии. Центр всей проблемы — омонимия. Мы раздвигаем рамки категории омонимии, подводя под нее и крайние ступени полисемии, когда одно из значений стремится к термину (*идеалист 1 — идеалист 3*). В таком понимании омонимии мы следуем традиции С. Карцевского, Е. Куриловича и других крупных лингвистов¹.

Омонимия вообще определяется как совпадение по звучанию двух или более слов, имеющих разные значения. Мы видим, что это общее определение необходимо конкретизировать. В омонимии вообще особое место занимает тот ее тип, когда на основе каких-либо признаков понятия, содержащихся в «ближайшем значении» (сигнификате), в очерченных им рамках, развивается новое, более богатое понятие, которое соотносится со своим источником как его «дальнейшее значение» и стремится достигнуть предела — стать его омонимом, термином.

Вариации денотата слова имеют пределом метафору. Под этими вариациями мы понимаем те случаи, когда фонетическая оболочка слова (его план выражения) и его значение (сигнифи-

¹ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В книге: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX в. в очерках и извлечениях, ч. II, изд. 3. М., «Просвещение», 1965, стр. 87; Е. Курилович. Заметки о значении слова. В книге: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., «Прогресс», 1962, стр. 246.

кат, понятие) остаются до поры до времени неизменными, но слово начинает прилагаться к другому предмету действительности, тем же словом начинают называть другой предмет. Подобные переносы возникают в речи на каждом шагу. Мы говорим: *Не забудь свой блин* (про шляпу); *Ну, поплыли!* (переходя через большую лужу); *Приходите к Ломоносову* (т. е. в старое здание университета в Москве у памятника М. В. Ломоносову); *отстрелялись* (быстро пообедав в столовой); *демоны Максвелла, ободранный атом* (термины физики) и т. п. Все это переносы слов с одного предмета, их обычного денотата, на новый денотат, переносы на основе подмеченного сходства реальных предметов или в силу их соседства в пространстве или во времени, или в силу одинаковых функций, выполняемых ими в жизни общества, — разные виды метафоры в широком смысле этого термина (включая метонимию, синекдоху и прочее). Само слово *метафора* и означает по-гречески 'перенос' (μεταφορά). До тех пор пока метафорически перенесенное слово по окончании акта речи, в котором оно было употреблено, возвращается в свою обычную языковую ячейку — к своему денотату, тождество слова с самим собой сохраняется и мы имеем дело лишь с выразительным средством речи. К началу нашего века в русской художественной речи у разных авторов были отмечены такие, например, метафорические определения: *бурьян — горький, колючий, корявый, сумрачный; былинка — слабая, худая; буря — безнадежная, беспощадная, дикая, жестокая, злая, золотая, кипучая, косматая, кричащая, мятежная, неистовая, разъяренная, ревущая, сладостная, страстная, странная, шумная; ноги — быстрые, деревянные, злые, короткие, крутобедрые, острые, палкообразные, резвые, тупо-упрямые, тщедушные* и др.¹

Но когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую связь, с новым денотатом, — перед нами метафора как явление языка. Как только перенос названия закрепился, у слова наряду с прежним возникло новое, переносное значение, и, строго говоря, перед нами уже не то же самое слово. В этом смысле мы и говорим о метафоре как о пределе вариаций слова по денотату. Возникшее новое значение, сигнификат, тотчас начинает обрастать новыми признаками, начинает создаваться прообраз будущего нового понятия. В современном русском языке слова *память* и *поколение* в применении к электронно-вычислительным машинам — *память машины, новое поколение машин* — иллюстрируют эту фазу. Нередко перенос значения сопровождается некоторыми изменениями фонетического слова, или, говоря точнее, фонетическое слово, закрепившееся за метафорическим значением, начинает варьироваться иначе, чем варьировалось старое слово, подчиняется иным закономерностям варьирования. С течением времени на месте одного иногда мы находим два различных слова. Так называемые слова-дублиеты многих европейских языков иллюстрируют это явление. Типы вариаций могут быть при этом весьма разнообразны: русск. *стра-*

¹ Ал. Зеленецкий. Эпитеты литературной русской речи, ч. I. М., 1913.

дает (прямое знач.) — *страждет* (перен.), так же *махает* — *машет*, *двигает* — *движет* различаются фонетическим составом и суффиксами; *принимает* — *приемлет*, *короткий* — *краткий*, *голова* — *глава*, (*из*)*морозь* — *мразь* различаются чередованиями в корне (так называемым аблаутом); *про́клятый* — *прокля́тый*, *вѣнчаннѣй* (на брак) — *венча́нный* (на царство) — ударением. Перенос названий с частей тела на детали инструментов в русском языке сопровождается приданием слову суффикса уменьшительности: *ножки*, *спинки* мебели; *зубцы*, *зубчики*, *глазкі́*, *ушки*, *головки*, *пятки* инструментов (далее см. § 52, 81).

Нетрудно видеть, что метафора такого рода, так же как и вариации сигнификата, имеет пределом омонимию. Подобно тому как выше мы говорили о термине-омониме, здесь можно говорить о метафоре-омониме к исходному слову. Эти наблюдения над омонимией будут обобщены ниже (§ 7).

§ 5. Система значений одного слова. Многозначность, или полисемия. Мы начали с простейшего случая — одно слово с одним значением, но вслед за тем видели, что естественное функционирование языка постоянно приводит к сдвигам такого простого соотношения «один к одному» и порождает иное соотношение — «один к более, чем одному», одно фонетическое слово в отношении ко многим предметам и значениям, т. е. многозначность слова. Иначе то же явление называется термином полисемия. Чтобы наглядно убедиться в многозначности (полисемии) слов, достаточно наугад раскрыть любой словарь. То, что указано там после каждого фонетического слова под цифрами 1, 2, 3 и т. д., и есть разные значения одного слова.

Система значений одного слова — явление сложное и разнородное. В ней обычно сосуществуют результаты различных вариаций и изменений, прежде всего тех трех типов вариаций, о которых шла речь в предыдущем параграфе.

Во-первых, если слово пережило фонетическое варьирование или в данное время имеет фонетический вариант, то одно и то же значение или оттенки одного и того же значения будут принадлежать обоим вариантам: ср. русск. *симптоматичнѣй* — то же, что *симптоматическѣй* в 1-м значении (словарь С. И. Ожегова); *воднѣй* и *водяноѣй* оба относятся к *вода* в 1-м значении (там же); *голова* и *глава* почти совпадают в одном из своих значений — *он глава всего дела*, *он всему делу голова* и т. п.

Во-вторых, в системе значений многозначного слова может присутствовать результат совсем другого процесса — развития сигнификата (понятия) от ближайшего значения к дальнейшему. Таковы рассмотренные выше 1-е и 3-е значения русск. *идеалист* (по словарю С. И. Ожегова) и в большинстве случаев другие так называемые «абстрактные» понятия и термины духовной культуры. Ср. русск. *капитал*: «1. Стоимость, являющаяся при капитализме средством получения прибавочной стоимости путем эксплуатации наемного труда. 2. Обычно мн. число. Деньги, большая сумма денег (*разго-*

ворн.). *Купил бы, да капиталов не хватает*» (словарь С. И. Ожегова). Подчеркнем еще раз, что, с нашей точки зрения (по крайней мере теоретически), это предельные случаи полисемии, по существу, уже омоинимия.

В-третьих, в системе значений может наличествовать значение, возникшее в результате метафорического переноса, ср. русск. *молния*: «1. Мгновенный разряд скопившегося атмосферного электричества в воздухе. 2. Экстренный выпуск бюллетеня, газеты, книги и т. п., а также особо срочная телеграмма. 3. Род металлической или пластмассовой быстро задегивающейся застёжки» (словарь С. И. Ожегова).

Иногда в системе значений обнаруживаются результаты и иных, более частных и редких процессов. Так, в только что приведенном примере 3-е значение слова *молния* — результат прямого перевода (кальки) французского названия той же застёжки *fermeture-éclair*; во французском языке оно было первоначально просто коммерческим наименованием этого изделия. Аналогичный исконно русский пример — *Москвич* как название автомобиля, ср. *Купили «Москвича»* (разговорное).

Ввиду такой сложности системы значений многозначного слова составление хорошего словаря оказывается делом чрезвычайно трудным. Один из самых сложных вопросов — отграничение нескольких различающихся употреблений слова при одном значении, оттенков значения, от разных самостоятельных значений. Мы здесь не будем касаться этой сложнейшей проблемы, остановимся лишь на том, как подается система значений слова в словарях. Разные способы подачи значений — порядок перечисления значений (какое будет приведено первым, какое последним), описание значений, примеры и т. д. — вскрывают разные стороны в самой объективно существующей в языке системе значений. Остановимся на основных способах.

На первое место словарной статьи выносится главное значение. Естественно, что этот способ требует умения отделять главное значение от неглавных. Главное значение — то же самое, что свободное значение.

Главным, или свободным, значением слова называется то значение, которое максимально независимо от сочетаний с другими словами (полная независимость невозможна), которое не меняется сколько-нибудь существенно при сочетании данного слова с другими словами в речи, то есть не зависит существенно от позиции в разных конкретных высказываниях. Неглавными значениями называются те, которые зависят от позиции, то есть могут быть поняты только в сочетании с какими-либо определенными, а не любыми словами.

Рассмотрим пример с русским словом *дядя*. В современном русском языке (согласно словарю С. И. Ожегова) у него три значения: а) «обращение к взрослому мужчине» (в просторечии); б) «мужчина» (в детской речи и просторечии); в) «брат отца или матери», а также

‘муж тетки’. Главным, или свободным, значением из них будет то, которое реализуется без существенных ограничений, в любом или почти любом сочетании, это значение «в»: ср. *Спроси у дяди, Дядя заболел, Чей это дядя?* и т. п., оно займет место под цифрой 1. Место под цифрой 2 займет то из оставшихся значений, которое реализуется лишь при некоторых особых условиях, им будет значение «а»: для его реализации необходима ситуация непосредственного общения в просторечии; если эта ситуация налицо, то все примеры, приведенные выше для первого случая, могут быть поняты так: *Спроси у дяди = Спроси у этого мужчины; Дядя заболел = Этот мужчина заболел; Чей это дядя? = Что это за мужчина?* Место под цифрой 3 займет то значение, которое выше было приведено под буквой «б». Для его реализации требуется уже не одно, а два ограничительных условия: во-первых, чтобы налицо была ситуация непосредственного общения в просторечии; во-вторых, чтобы в этой ситуации говорящим был ребенок, ср. *Дядя, а вы за тысячу рублей съели бы дохлую кошку?* (аналогичный пример со словом *тетя* приводил К. Чуковский в книге «От двух до пяти»). (Подробнее см. § 12.)

На первом месте словарной статьи идет то значение, из которого легко выводятся остальные, его также можно называть главным. Иными словами, если даны два значения «а» и «б» и зная «а», легко понять «б», но зная «б», еще не поймешь «а», то на первом месте должно стоять «а», на втором — «б». Такие связи значений всегда живые, они существуют лишь в данный определенный период, а в следующий период они уже иные. Эти связи всегда актуальны. Поэтому иначе их можно назвать «актуальным порождением» значений (из одного — других). Словари, построенные по такому принципу, очень полезны для овладения языком, но они быстро устаревают и требуют перестройки. Возьмем для примера русское слово *выпуск*, означающее действие по глаголу *выпускать*. Это его главное значение. Но порядок неглавных значений в системе этого слова за несколько десятилетий существенно изменился. В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, 1935 г.) он таков: «2. То, что исключено, выброшено (в сочинении), *Пьесу давали с большими выпусками*. 3. Часть целого сочинения или периодической серии, издаваемая отдельной книгой. 4. Совокупность учащихся, окончивших в данном году учебное заведение. 5. Количество выпущенного... товара, продуктов производства». И т. д. Очевидно, что в наше время второе значение должно пойти далеко ниже, а четвертое и пятое выйти вперед (какое из них прежде другого — уже конкретный лексикографический вопрос; в словаре С. И. Ожегова поставлено на второе место прежнее четвертое значение).

Интересно, что и прежние первое и четвертое значения претерпели не только относительные сдвиги по своему месту в системе значений, но и внутренние. Словарь дает среди иллюстраций такую: *Выпуск учеников состоится завтра*. Теперь мы сказали бы *выпускной акт* или *выпускной вечер*, а выражение *выпуск кого-либо* употребляем

главным образом в собирательном значении: *наш выпуск, выпуск та-кого-то года*.

На первом месте то значение, которое исторически возникло первым, а вслед за ним все другие в исторической последовательности их появления. Словари такого типа не отражают современного состояния языка, но зато и не требуют перестройки: их можно много раз переиздавать, присоединяя новые значения в конце списка. Для русского языка таких словарей нет, для французского близок к этому типу словарь Э. Литтре, постоянно переиздающийся с 1863—1874 гг. до наших дней.

Для многих слов все три характеристики главных значений совпадают, то есть главное значение одновременно и наиболее свободное (наименее зависит от окружения), и является центром, из которого выводятся другие значения, и первично с точки зрения истории. Ср.: *рука, голова, брат, нести, отец, мать* и т. д. Эти слова составляют основную часть словарного состава языка.

§ 6. Семантическое развитие слова. Из сказанного в предыдущих параграфах уже можно заключить, что развитие системы значений слова, семантическое развитие слова, протекает в двух основных направлениях. С одной стороны, происходит смена денотатов — процесс, в основе которого лежит метафора. С другой стороны, постоянно углубляется содержание сигнификатов, благодаря органическому взаимодействию системы значений слов и системы научных понятий. Кратко остановимся на обоих процессах.

Метафора в разных ее видах — одно из главных орудий развития лексики. Поэты и писатели осуществляют метафорические переносы в разных направлениях — от природы на внутренний мир человека, от тела человека на его духовные качества, от духа к телу, от одного явления природы к другому и т. д. Но главное направление метафорических переносов в общем языке — от самого человека и от ближайшей к человеку действительности на весь остальной мир. Благодаря языку и посредством языка человек осваивает внешний мир. Выше мы уже говорили о том, что детали орудий осмысляются и называются по их аналогии с частями тела (*ручки, ушки, головки, пятки*). Как показал О. Н. Трубачев, термины плетения прутьев, первобытного ремесла, в дальнейшем превращаются в термины ткацкого производства, когда оно приходит на смену более примитивным ремеслам¹. Латинский корень *teks-*, представленный в слове *texo* 'тку', восходит к более древнему корню, сохранным в древнеиндийском *taks-* 'рубить топором'. От орудий труда люди в процессе их социальной, хозяйственно-экономической жизни переходят к заключениям о глубинных основах бытия и обобщают эти заключения в форме метафор: русск. *основа* — первоначально, да и теперь еще, — это термин ткацкого ремесла 'основа ткани'; *станок* — первоначально приспособление только для пряжи и ткань; франц. *travail*

¹ О. Н. Труба ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., «Наука», 1966.

‘работа, труд’ — первоначально тоже термин ткацкого ремесла, *travouil* ‘челнок, мотовило’, отсюда же англ. *travel* ‘путешествие’, первоначально ‘езда туда-сюда’; международный термин *материя*, имеющий теперь важнейшее философское значение, в латыни значил ‘древесина’, и из этого латинского значения *materia* развилось еще и современное испанск. *madera* ‘древесина’. От жизни своего организма и организма животных люди переносят признаки на жизнь природы, об этом свидетельствуют такие древнейшие корни индоевропейских языков, как те, которые содержатся в русск. *меркнуть*, *смеркаться* и литовском *mérkti* ‘жмурить глаза’, русск. *жар* в теле и *жара* в природе; *стыд* и *стужа*, *стыдиться* и *студить*; *мразь*, *мерзость* и *мраз*, *мороз*; *горе* и *гореть*, *печаль* и *печь* и многие другие. Переносов последнего типа во всех языках сохранилось так много, что исследователи считают возможным говорить об одушевлении природы как об особой всеобщей стадии в развитии мышления, стадии анимизма, переживаемой человечеством в эпоху родо-племенного строя (см. также § 64).

Иной процесс — развитие значений, сигнификатов. Система языковых понятий (ближайших значений) постоянно приближается к системе научных понятий, стремится включить ее в себя, никогда, однако, не достигая этого предела и не совпадая с этой системой. Рассмотрим в подробностях — так как здесь именно подробности помогают понять суть дела — один пример. Русское слово *цветок* в своем ближайшем значении значит следующее: «растение (трава), имеющее органами размножения цветки» (Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова). В ботанике же это слово в этом значении заменено словосочетанием *цветковые растения*. Замена слова общего языка словосочетанием в научном языке — не случайное явление. В большинстве случаев в процессе развития понятия требуется уточнить значение исходного слова, а это как раз и достигается легче всего присоединением определений или сочетанием основ слов. Само приведенное словосочетание возникло на основе прилагательного *цветковый*, в свою очередь образованного от мн. числа слова *цветок* — *цветки*, но такое мн. число в литературном языке неупотребительно, обычное мн. число — *цветы*. Следовательно, со стороны формы, плана выражений, современный ботанический термин *цветковые растения* является далеким производным от слова *цветок*. В плане содержания термин также опирается на обиходное слово: основные признаки значения слова *цветок* входят в понятие ‘цветковые растения’, но не полностью: ‘растение, имеющее органами размножения цветки’, входит, а ‘трава’ не входит. В современном курсе ботаники говорится: «Цветковые растения — наибольшие по размеру представители не только растительного, но и всего органического мира. Они могут достигать 150 м высоты (эвкалипты из семейства миртовых), а некоторые лианы (ротанговые пальмы) имеют стебли длиной 200 и более метров»¹. Перечень основных при-

¹ С. А. Шостаковский. Систематика высших растений. М., 1971, стр. 118.

знаков цветковых растений, составляющий научное понятие о них, занимает четыре страницы большого формата. В частности, указывается, что цветковые растения могут быть и деревьями. Слово же *цветок* в ботанике обозначает лишь часть цветкового растения. Очевидно, что *цветок*, *цветковое растение*, а также *дерево* в общем, или обиходном, языке и в современном языке ботаники представляют в настоящее время как раз две крайние точки семантического развития — ближайшие значения в обиходном языке и дальнейшие значения, термины в языке ботаники. При этом слова *цветок*, *дерево* — термины-омонимы к соответствующим словам обиходного языка. Значения этих современных обиходных слов не достигли возможного для них предела — не совпали с ботаническими терминами, однако они могут совпасть с теперешними терминами в будущем.

Чтобы убедиться в том, что такие возможности превращаются в действительность, зададимся теперь вопросом: как соотносится слово *растение* с научными данными прошлых эпох? Рассмотрим понятие 'растение' в исторической перспективе. Латинский язык классической поры не имел ни общего слова, ни понятия 'растение'. И в тогдашней ботанике также *arbor* 'дерево' и *herba* 'трава' были самыми общими названиями. Общий родовой термин 'растение' *planta* появляется только в средневековой латыни, у знаменитого ученого-схоласта XIII в. Альберта Великого (Albertus Magnus). Лишь три века спустя оно в виде заимствования утверждается во французском языке. Но теперь во французском языке *plante* 'растение' уже не научное понятие-термин, а общеязыковое достояние, слово с его ближайшим значением. Очень похожий путь проходит здесь и русский язык. В начале XVIII в., в эпоху Петровских реформ, в науке устанавливается деление природы на «три царства природы»: животное, растительное и минеральное. Для первого «царства» обобщающее слово, родовое обозначение, было к тому времени известно — *животные*, реже *звери*. Для второго и третьего их не было. До середины века проходит период проб и исканий, часто возникают описательные выражения «деревья, травы и прочие к ботанике принадлежащие» (отчет Шумахера о заграничной поездке 1721—1722 гг.). Некоторые термины начинают чуть-чуть приподниматься над видовыми значениями, в этой более высокой роли одно за другим перебивались: 1) *былие*, *зелие*; 2) *летораслия*; 3) *рассада*, *расада*, *росада*; 4) *ращение*, *произрастание*; 5) *растуице вещи*, *прозябающие вещи* (ср. современное *явь*), *прозябеня*, *произрастающие*; 6) латинизмы *вегетабилы*, *планты* (ср. *planta* выше) и, наконец, 7) *растение*, особенно частое у М. В. Ломоносова и впервые, по-видимому, употребленное им в 1757 г. (в речи «О рождении металлов от трясения земли») ¹. То, что в середине века было научным термином, стало к концу его словом общего русского языка. Позже оно легло в основу

¹ Ю. С. Сорокин. Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (термин *растение* и его синонимы). «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 25, вып. 3, 1966.

рассмотренного уже нами сочетания *цветковые растения*, которое без опорного слова-понятия не могло бы возникнуть.

Значения слов *растение*, *цветок*, *цветковые растения* стремятся к научному понятию, но достигают его каждый раз тогда, когда наука уже оставила это понятие и, отталкиваясь от него, ушла вперед.

Не менее интересно развитие понятия 'машина'. В античном мире различались слова и понятия «орудий — силачей», с одной стороны, и «машины» — с другой. Под первыми понимали шесть простых орудий — рычаг, блок, ворот, клин, наклонную плоскость и винт, а под машиной — «систему связанных между собою частей из дерева, обладающую наибольшей мощностью для передвижения тяжестей» (так у римского писателя I в. до н. э. Витрувия. Об архитектуре, кн. X). Это понятие было в эпоху Витрувия своего рода научным или техническим, во всяком случае, не бытовым. Но само слово для него пришло из быта, *machina* было первоначально обозначением мельницы. До начала XVIII в. понятие Витрувия сохранялось в Европе без изменений, а затем начало быстро обогащаться новыми существенными признаками, главным из которых оказался признак экономии времени и сил: «Машины суть такие орудия, посредством коих сила гораздо больше произвести может действие, нежели как она сама по себе производить в состоянии» («Руководство к механике, изданное для народных училищ Российской Империи». СПб., 1806). У К. Маркса («Капитал», т. I) в понятие машины включаются такие важнейшие для нас теперь признаки, как связь с общественно-экономической формацией, благодаря чему для капиталистического способа производства машина разъясняется как «средство производства прибавочной стоимости»¹. Совершенно ясно, что когда мы теперь, вовсе не будучи специалистами во всех областях науки, где применяется понятие машины, рассуждаем о «поколениях электронно-вычислительных машин», о том, сможет или нет такая машина заменить человека в творческой функции, то мы можем делать это лишь благодаря многовековому опыту и знаниям, закрепленным в слове-понятии «машина».

Семантическое развитие слова, протекающее в двух направлениях — метафорического переноса и обогащения понятия, отвечает двум основным функциям языка — практическому освоению мира с помощью метафоры и его познанию и объяснению с помощью научного понятия.

¹ О развитии этого понятия см.: М. М. Покровский. *Machina* (Eine semasiologische Skizze), «Indogermanische Forschungen», 49, 1931; В. А. Добровольский. Развитие понятия «машина» и необходимость его уточнения. «Научн. зап. Одесского политехн. ин-та», т. 4, вып. 2. Харьков, 1955.

Глава II

ГРУППЫ И СИСТЕМЫ СЛОВ

§ 7. Простейшие группы слов. Омонимия. В пределах словарного состава языка слова существуют не изолированно, а входят в те или иные системные группировки, причем одновременно в несколько разных. Наличие внутренней системности в лексике очевидно: не будь ее, мы не могли бы легко и быстро отыскивать в своей памяти нужные слова, ведь словарь (активный и пассивный вместе) современного культурного человека содержит до 70—80 тыс. слов бытового обихода, круга литературного чтения и терминов и от 4—5 до 20 тыс. фразеологических единиц. Сейчас, все еще продолжая считать, что слова имеют по одному значению, рассмотрим простейшие из таких группировок — омонимы.

С понятием омонимии мы познакомились, рассматривая вариации слова. Омонимия в общем случае определяется как совпадение по звучанию слов, имеющих разное значение. Мы видели также, что это общее определение покрывает существенно различные явления: с одной стороны, термин-омоним, возникший как дальнейшее значение слова по отношению к его ближайшему значению (*факт* в общем понимании и *факт* в логике и в методологии науки); с другой стороны, метафору, когда она закреплена в языке (*носок* 'маленький нос, носик' и *носок* 'короткий чулок'; *Москвич* 'житель Москвы' и *Москвич* 'автомобиль особой марки'). Кроме того, омонимия возникает иногда вследствие случайного звукового совпадения слов, которые были первоначально различны, но в ходе исторического развития приобрели одинаковую фонетическую форму. Таковы русск. *ключ* 'родник, источник' от того же корня, что *клокотать*, и *ключ* 'приспособление для отпираания замка' от того же корня, что *клюка* 'палка'. Известны случаи, когда из-за омонимического совпадения двух одинаково важных в обиходе слов одно из них исчезло из системы языка и заменялось новым. В небольшой области на юге Франции исчезло слово *gallu(m)* 'петух', в то время как в окружающих диалектах оно сохранилось. Петуха называют различными странными именами, свидетельствующими о том затруднении, в котором оказались говорящие: *faisan* 'фазан', *vicaire* 'священник'. Причина исчезновения слова заключается в том, что в этом говоре

латин. *ll* дало *tt* и слово *gallu(m)* совпало с *gattu(m)* 'кот'. Третий тип омонимии не играет существенной роли в развитии и функционировании языка, но два первых составляют постоянно действующий фактор и требуют обобщения. Введем следующее обобщение. Существует омонимия по сигнификату и омонимия по денотату. Омонимия по сигнификату является пределом, к которому стремится слово, в то время как его сигнификат развивается от ближайшего значения к дальнейшему. Омонимия по сигнификату характеризует отношение между словом общего языка и специальным термином. Омонимия по денотату возникает на основе метафорического переноса наименования с одного предмета на другой. Как и в случае омонимии по сигнификату, она является пределом, к которому стремится слово в этом процессе. По достижении этого предела слово распадается на два слова, одно из которых нередко начинает варьироваться иначе, чем другое, в таком случае возникшая омонимия снова устраняется за счет разных вариаций (*махаёт* и *машет*; *голова* и *головка*).

Выше мы рассуждали об омонимии как о таком явлении, когда слова совпадают по звучанию во всех своих формах (*ключ*, *ключа*, *ключу*... и т. д.). Очевидно, однако, что возможны совпадения лишь в части форм, например, русск. глагол *тереть* совпадает с числительным *три* только в форме ед. числа повелительного наклонения. Классификации омонимов проводится существенная роль в специальных лингвистических исследованиях (омонимы подразделяются на лексические (как в рассмотренных выше примерах) и грамматические, полные и частичные и т. д.). Лексические омонимы могут занимать более или менее значительное место в системе языка. В английском языке, языке с высокой омонимичностью, насчитывается около 7000 лексических омонимов среди самых употребительных слов, относящихся к разным частям речи.

Наконец, следует отметить, что выше мы рассуждали об омонимах как словах, совпадающих по звучанию. Но слово существует и в письменной форме. Для такого языка, как русский, где письменная форма относительно однозначно отвечает произношению, это различие в вопросе об омонимии не столь существенно. Но оно очень важно, например, для английского языка. Исследователи английского языка подразделяют омонимы на омонимы, существующие лишь в произношении (омофоны), существующие лишь в написании (омографы) и существующие в произношении и написании одновременно (омонимы в собственном смысле). Орфография английского языка позволяет различать омонимы на письме, закрепляя за ними различное написание: *discreet* 'осторожный' и *discrete* 'дискретный, раздельный'; *flower* 'цветок' и *flour* 'мука'; *story* 'рассказ' и *storey* 'этаж'; *canon* 'канон' и *cannon* 'пушка' и т. п.

§ 8. Простые группы слов. Антонимия. Другая группировка, играющая большую роль в лексико-семантической системе языка, — антонимы. Антонимы — это слова, противоположные по сигнифи-

кативному значению. Сравнительно простыми группировками антонимы оказываются потому, что в каждой группировке всего два слова: *хороший — плохой, большой — маленький, молодой — старый* и т. д. Иногда у каждого из противопоставленных таким образом слов есть синонимы: *большой — огромный, громадный, здоровенный; маленький — крохотный, малюсенький*. В таком случае антонимичные отношения существуют и между двумя группами синонимов, взятыми в целом: {*огромный, громадный, здоровенный*} антонимично к {*крохотный, малюсенький*}, но группы антонимичны на основе более простых антонимических отношений, отношений между двумя словами.

Антонимия — сравнительно простое отношение в лексике и по другой причине: она всегда опирается только на одно сигнификативное значение. Если у слова несколько таких значений, то оно может входить в несколько антонимических рядов, но все они просты и всегда двучленны. Например, *говорить* в значении 'выражать речью свои мысли' — антоним к *молчать*; *говорить* в значении 'выражать устной речью свои мысли' — антоним к *писать*; *говорить* в значении 'выражать обычным голосом свои мысли' — антоним к *кричать*; *ночь* — антоним к *день* в значении 'темное время суток' в противоположность к 'светлому времени суток'; *входить* — антоним к *выходить*, когда эти слова означают движение в противоположных направлениях. В других своих значениях те же слова не будут антонимами друг к другу, как, например, *говорить* в значении 'высказывать мнение'; *входить* в значении 'быть частью чего-либо', или вообще не будут иметь никаких антонимов. Из сказанного следует, что устанавливать антонимы можно всегда только в рамках какого-либо одного значения. Определять самые эти рамки можно различными способами.

Рамки антонимии могут ограничиваться третьим общим понятием, под которое подводятся два антонима: применительно к понятию 'рука' *левый* и *правый* будут антонимами, левая рука противопоставляется правой руке, но применительно к понятию 'дело, работа', те же слова не будут антонимами — возможны только *правое дело, левая работа* (в смысле 'незаконная или неофициальная работа') — но не * *левое дело*¹, * *правая работа*; применительно к понятию 'пространство' будут антонимами слова *верх* — *низ*, но их антонимия не существует в рамках понятия 'духовные качества' — возможны *верх благородства, верх глупости, на верху блаженства*, но невозможны * *низ благородства, *низ глупости, *в низу блаженства*; в рамках понятия 'известность' противопоставляются как антонимы *слава* — *позор*, отдельно *слава* — *безвестность*. Отношение общего понятия к подводимым под него антонимам может быть различным. Либо каждый из антонимов прибавляет нечто к общему понятию — один «плюс», другой «минус»: *извест-*

¹ Звездочка применяется в лингвистике перед записью слов и выражений, не известных из наблюдения и реконструированных.

ность добрая — слава, известность дурная — позор. Либо один антоним имеет то же самое значение, что общее понятие, а другой его отрицает: *известность* и есть *слава*, а *безвестность* — противоположное этому. Рамки антонимии могут определяться и иным способом — через сочетание с другими словами: *свежий* — антоним к *теплый* в рамках сочетаний со словами *вечер, утро, ночь, ветер; свежий* — антоним к *старый* в рамках сочетаний со словами *газета, журнал, новости, силы, резервы; свежий* — антоним к *соленый* в рамках сочетаний со словами *огурец, грибы* и т. д.

§ 9. Более сложные группы слов. Синонимия. Синонимы определяются обычно как слова, сходные по значению. Это справедливо, но недостаточно. Мы видели уже, что само значение — сложное явление, в его структуре мы выделили две линии: отношение к предмету, денотату, и отношение к понятию, сигнификату. Отсюда следует, что и синонимами слова могут быть либо когда они относятся к одинаковым денотатам (синонимы по денотату), либо когда они связаны с одинаковыми понятиями (синонимы по сигнификату). Лингвисты обычно придерживаются одного из двух, прямо противоположных взглядов на синонимию — либо под синонимами понимаются слова, называющие один и тот же предмет и выражающие разные понятия об этом предмете, либо под синонимами понимаются слова, выражающие одно и то же понятие или различные «оттенки» одного и того же понятия. Очевидно, что как в том, так и в другом случае не делают всех необходимых выводов из устройства слова, из того, что оно включает и отношение к предмету, и отношение к понятию. Мы должны учитывать оба эти отношения и обобщить понятие синонимии следующим образом. Синонимия существует, во-первых, между двумя словами, по-разному называющими один и тот же предмет и, следовательно, выражающими два разных понятия об одном и том же предмете; у таких слов совпадает предмет обозначения, а не понятие; это синонимия по денотату. Синонимия существует, во-вторых, между двумя словами, выражающими одно и то же понятие (или «оттенки» одного и того же понятия), но называющими два различных предмета; у таких слов совпадает понятие, но различен предмет обозначения; это синонимия по сигнификату. Оба типа синонимии представляют собой крайние, полярные случаи, между которыми возможны и случаи промежуточные, когда два слова обозначают один предмет и одно понятие, различаясь лишь «оттенками» понятия. В чистом виде первый и второй типы встречаются редко, и можно говорить лишь о преобладании тех или иных связей при синонимии. Поэтому синонимия и оказывается более сложным явлением, чем антонимия. Кроме того, в отличие от последней синонимия не ограничивается двумя членами сопоставления, а по самой своей сути предполагает, что их много. В этом еще одна причина большей сложности синонимических группировок слов.

Синонимы по сигнификату — наиболее очевидные и типичные группировки. Как мы видели выше, сигнификат, или сигни-

фикативное значение, очень близок к понятию. Поэтому часто говорят, что синонимы — это слова, употребляющиеся для обозначения одного и того же понятия, а различаются они тем или иным признаком в пределах данного понятия. Такое приближенное определение вполне допустимо и удобно в практической работе¹. К нему надо добавить только, что такие синонимы нередко называют разные предметы, выражая при этом одно понятие об этих разных предметах. В этом неповторимая особенность языка: он выражает общее, указывая одновременно, с каким из частных явлений говорящий в данном случае это общее должен соотнести. Например, *стиль, манера, замашки, повадка* (чаще мн. ч. *повадки*) выражают одно общее понятие 'способ поведения', но каждое из слов несет в себе указание, какой предмет действительности должен быть им назван: *стилем* (в первом, главном значении этого слова) будет назван способ теоретического поведения — *стиль мышления, стиль руководства, стиль Чехова*; *манерой* будет назван способ теоретического и практического поведения — *манера одеваться, манера вести собрание* (и поэтому при этом слове чаще требуется глагол); *замашки* — способ практического, бытового поведения — *человек с замашками начальника*; *повадками* будет назван способ поведения животного — *повадки зайца-русака*. Другие примеры: 1) *искренний, неподдельный, непритворный, нелицемерный*; 2) *способ, образ, манера*; 3) *наперерез, наперехват*; 4) *зачинатель, начинатель, инициатор, пионер, застрельщик* и т. п. Характерная черта многих групп синонимов по сигнификату в том, что они стремятся выразить разные оттенки одного понятия сходным способом или назвать разные предметы одинаково. Но единство способа — предел; синонимы никогда не достигают его вполне (они слились бы при этом в одно слово), они лишь уподобляются друг другу в той или иной степени. В русском языке, как показывают данные словарей синонимов, уподобление идет преимущественно либо по линии приставок и суффиксов — одна приставка или суффикс при разных корнях, либо по линии корней — один корень в оформлении разных приставок и суффиксов. Поэтому для сигнификативных синонимов русского языка (по данным указанного Словаря синонимов...) наиболее характерны такие два типа:

I. *Безграничный, беспредельный, бесконечный, бескрайний, безбрежный; неграмотный, безграмотный; непорядок, беспорядок*;
II. *Близко, вблизи, поблизости; угаснуть, погаснуть, загаснуть*.

Синонимы по денотату — это слова, называющие один и тот же предмет, но называющие его по-разному. Так как предметы отражаются в языке лишь через их названия, то по-разному назвать один и тот же предмет равносильно тому, чтобы создать или начать создавать разные понятия о нем, такие случаи мы и будем называть

¹ На основе этого принципа составлен двухтомный Словарь синонимов русского языка. Л., «Наука», т. I, 1970; т. II, 1971 (подробнее см.: А. П. Е в г е н ь е в а. «В е д е н и е», в первом томе этого словаря, стр. 8—14).

синонимами по денотату. Таким образом, денотативные синонимы отличаются от сигнификативных синонимов двумя признаками: во-первых, направлением развития, движением развития, — идет ли оно от меняющегося обозначения предмета (у денотативных) или от меняющегося понятия о предмете (у сигнификативных); во-вторых, степенью различия понятий о предмете. Конечно, часто трудно сказать, различаются ли синонимы лишь каким-либо признаком в пределах одного понятия (синонимы по сигнификату) или несколькими признаками, приводящими к различию понятий (синонимы по денотату). Где это различие провести трудно, там и разграничение синонимов на сигнификативные и денотативные, по-видимому, несущественно, это будут как раз промежуточные случаи, и можно пользоваться обобщенным понятием синонимов по сигнификату. Но нередко различие проходит довольно отчетливо. Сравним *прут*, *хворостина*, *лоза*; *прут* — всякая тонкая гибкая ветка без листьев, *хворостина* — длинная и сухая ветка, *лоза* — ивовый прут, очень гибкий и тонкий. Как орудие порки это тождественные понятия (о возможно различных предметах) — синонимы скорее сигнификативные; как посадочный материал — различные понятия (о возможно тождественных предметах): годный к посадке — *лоза*, негодный — *хворостина*, синонимы скорее денотативные. Различие типов синонимии определяется в конечном счете тем, существенно или нет для человека объективное различие предметов (см. об ограничительном признаке § 11). Выражение «оттенок понятия» и означает несущественное различие, могущее стать существенным в другой связи. (Далее термин «синонимы», без уточнений, означает синонимы по сигнификату.)

Очень наглядны денотативные синонимы в народных названиях растений. Например, одно и то же растение плаун (*Lycopodium clavatum*) — ползучая, ярко-зеленая лекарственная травка — называется иначе *деряга*, от *драть*, *зеленица*, *змеиный мох*, *пльвун*.

Если учитывать второй признак — идет ли различие от меняющегося обозначения предмета (у денотативных синонимов) или от меняющегося понятия о предмете (у сигнификативных), то разграничиваются ряды, которые могут выглядеть одинаковыми или похожими. Например: а) *механизация*, *машинизация*, *автоматизация* — сигнификативные, б) *механический*, *механизированный*, *машинизированный*, *машинный*, *автоматический*, *автоматизированный* — денотативные. Сигнификативные синонимы представляют собой ряд, сходящийся в данный период существования языка для выражения оттенков одного понятия. Денотативные синонимы — ряд расходящийся, представляющий новые и старые названия одного и того же. Так, *машинная обработка данных* означает использование электронно-вычислительных машин, *механизированная обработка данных* предполагает использование других механизмов — старое название того же процесса механизации на его раннем этапе. (См. далее § 19 и 53.)

Ряд денотативных синонимов часто представляет некоторую историю языка. Это особенно наглядно в периоды бурного языкового

развития, таким, например, для русского языка был конец XVIII—начало XIX в. Если вернуться к отмеченным уже выше названиям растения, которые бытовали в ту эпоху, то они как раз и образуют ряд денотативных синонимов: 1) *былие, зелие*, 2) *летораслия*, 3) *рассада, расада, росада* и т. д. (§ 6). Другой такой же ряд денотативных синонимов представляли в начале XIX в. слова: *словесные науки, словесность, письменна, письменность, литература, беллетристика* и др.; *изящная словесность, изящная письменность, изящная литература, изящные письменна*. Одни из этих способов наименования отходили в прошлое (*изящные письменна*), а за другими было будущее (*словесность, литература, изящная словесность*).

Наконец, речевые синонимы по денотату — вариации названия одного и того же — постоянно встречаются в рамках одного высказывания, предложения, группы предложений или абзаца. Яркие примеры этого дает фольклор, где часто целая песня строится на вариациях названия, на параллелизме названия:

*Ерему в шею, а Фому в толчки!
Ерема ушел, а Фома убежал,
Ерема в овин, а Фома под овин,
Ерему сыскали, а Фому нашли,
Ерему били, а Фоме не спустили,
Ерема ушел в березняк, а Фома в дубняк¹.*

При этом различие названий может переходить в название явно различных вещей, но сопоставленные различные слова оказываются синонимами — *березняк* и *дубняк* в предыдущей песне. Или *ленты-кружева* и *сарафан* в следующей:

*Ах ленты-кружева, да ленты-кружева,
Сарафан из миткаля.*

В такое же отношение уподобления друг другу могут ставиться не отдельные слова, как в предыдущем случае, а целые высказывания, тогда получается метафора, а все сложное построение перерастает в психологический параллелизм. А. Н. Веселовский возводил его начальные формы к тем временам, когда древний человек отождествлял жизнь природы с человеческой жизнью, к временам анимизма (подробнее см. § 64), а более развитые формы находил в излюбленном приеме народной поэзии. Вот несколько примеров из его богатейших наблюдений:

русская песня: *Отломилась веточка
От садовой от яблоньки,
Откатилось яблочко;
Отъезжает сын от матери
На чужу дальнюю сторону;*

¹ Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. В сб. «Poetics. Poetyca. Poэтика», (I). Warszawa, 1961, стр. 401.

украинская: *Ой, тонкая хмелиночка
На тин повилася,
Молодая дівчинонька
В козака вдалася;*

чувашская: *У начала семи оврагов
Ягод много, да места мало,
В доме отца и матери
Добра много, да дней мало
(т. е. жить недолго);*

испанская:

<i>A la mar, por ser honda</i>	ИВ море, из-за его глубины,
<i>Se van los ríos,</i>	Идут реки,
<i>Y detrás de tus ojos</i>	А за твоими глазами
<i>Se van los míos.</i>	Идут мои!. ¹

Вряд ли нужно особо доказывать, что синонимия в разных ее видах — ценнейшее достояние общего языка и художественной речи.

§ 10. Омони́мо-синонимические группы слов. Паронимия. Омони́мия и синонимия как две «оси» в системе языка. Рассмотрим несколько довольно типичных колебаний и ошибок в русской речи: *Слово для выступления предоставляется // представляется товарищу Н.²; Ему представилась // предоставилась возможность; Детей надо оберегать // остерегать от гриппа; В эту эпидемию гриппа были случаи со смертельным // смертным исходом.* Чем вызваны подобные колебания говорящих? Очевидно, тем, что соответствующие слова кажутся им очень похожими, трудно различимыми или даже такими, которые нет необходимости различать. И это впечатление имеет основания. Действительно, по значению такие слова лингвистически определяются как семантические варианты одного и того же или близкие синонимы (см. § 4), а по форме они даже еще ближе друг к другу, чем некоторые типы синонимов (*водный* и *водяной*; *кровавый* и *квяной*; *непорядок* и *беспорядок*, см. § 9). Такие отношения слов называются паронимией, а состоящие в этих отношениях слова — паронимами. Паронимия имеется во всех языках, ср. нем. *gleich, glatt, flach, platt* (здесь и далее указываем не значение каждого слова, а лишь общее значение группы) 'ровный'; *klappern, klapsen* 'стучать'; *blitzen, glitzern, blinken, blinzeln* 'блестеть, мерцать'; (*der*) *Block*, (*der*) *Klotz*, (*der*) *Klos*, (*der*) *Pflock* 'глыба, чурбан'; *schleppen, schleifen* 'волочить'; *schleichen* 'красться', *schlingen* 'обвивать'; англ. *bash, mash, smash* 'ударять, разбивать', *crash* 'рушиться

¹ А. Н. Веселовский. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. В книге: «Историческая поэтика». Л., 1940; Б. А. Ларин показал, что параллелизм называния — одно из оснований поэзии вообще; см.: Б. А. Л а р и н. О лирике как разновидности художественной речи (1927 г.). В кн.: Б. А. Л а р и н. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

² Двойная косая черта — принятый в лингвистике знак, означающий 'варьируется, чередуется'.

с грохотом', *dash* 'швырнуть', *lash* 'хлестнуть', *rash* 'бросаться', *brash* 'ломать', *clash* 'сталкивать', *plash* 'плескаться', *splash* 'брызгать', *flash* 'мелькнуть'; другой ряд: *tunnel* 'туннель, дымоход', *runnel* 'канавка, ручеек', *ginnet*, *channel*, *canal* 'канал'; франц. *retrouver*, *recouvrer*, *recupérer* с общим значением 'возвращать себе что-либо' и т. п.

Дадим общее определение паронимии. В предыдущих параграфах мы неоднократно пользовались понятиями омонимии и синонимии как двух основных «осей», по отношению к которым определяются тождества и различия слов. Паронимию мы определим теперь как явление в полном смысле промежуточное; паронимия есть частичное совпадение двух фонетических слов, не сводимое к омонимии и к совпадению каких-либо самостоятельных частей этих слов (корней, приставок, суффиксов, окончаний), при одновременном совпадении значений такого характера, что оно практически не может быть определено квалифицировано либо как синонимия, либо как вариантность. Если совпадение двух фонетических слов таково, что граница совпадающих частей приходится на границу приставки, корня, суффикса, то благодаря этому вычленяется их общая приставка, корень, суффикс, но паронимия здесь еще нет, ср. *близ-ко*, *в-близ-и*, *по-близ-ости*. Если же граница совпадающих частей пришлась внутрь приставки, корня, суффикса, окончания, разрезола хотя бы один из этих элементов слова, то создались условия для паронимии, ср. русск. *ост-ерег-ать*, *об-ерег-ать*, здесь совпадающие части *-ерег-* не являются корнем, налицо условия паронимии. Благоприятных условий в данном случае еще больше из-за сходства приставок и окончаний: *о-...-ать*. Если к тому же имеется сходство значений, как в данном случае, то перед нами паронимия. Сходство значений может носить, как уже было сказано, самый общий и неопределенный характер. Так, в ряде английских паронимов начальная группа *sp-* соответствует значению 'испускать что-либо ртом': *spit*, *spew*, *speak*, *sputter*.

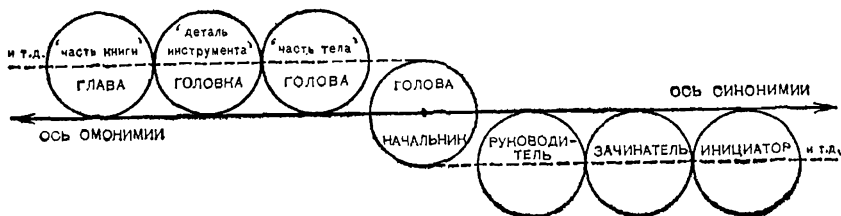
Сравнивая между собой приведенные выше немецкие примеры, мы видим, что в плане выражения они имеют следующую особенность: первые три звука во всех без исключения словах подобны друг другу в фонетическом отношении (это группы *schl-*, *pl-*, *bl-* и т. д.) и аналогичны в фонологическом отношении. Назовем эту группу звуков начальной, или началом слова. Третий звук, или первый звук срединной части слова, совпадает в большинстве слов, но не во всех (это *i*, *a*, *o*, *ei*); остальные звуки срединной части максимально различаются. Наконец, в последней части слова снова большее совпадение (*-en*, *-eln*, *-ern* в глаголах, *-t*, *-ch*, *-cht* в прилагательных). Таким образом, в плане выражения паронимия основана на сходстве фонетического состава слова, причем это сходство является своеобразной функцией от длины слова: оно велико в начальных звуках, минимально в срединных и снова увеличивается в конечных, но в конечной доле оно зависит также уже и от части речи, к которой принадлежит слово. Это соотношение является общим свойством

Паронимии в индоевропейских языках. Ему отвечает теоретико-информационное устройство индоевропейских языков. Согласно данным Р. Г. Пиотровского, короткие и средние слова (в записи: короткие до 4-х букв, средние от 5 до 7 букв; эксперимент, о котором идет здесь речь, производился над письменным текстом) дают монотонное убывание информации от начала к концу слова, связанное с тем, что среди коротких и средних слов много неизменяемых форм. У длинных слов графические схемы их информативности принимают так называемую *U*-образную форму: максимумы информации сосредоточены здесь в начале и конце словоформы, буквы же, находящиеся в средней части словоформы, несут наименьшую информацию. Присутствие максимума информации в начале слова вызвано тем, что начальные буквы письменного слова содержат наибольшее количество неопределенности в выборе. Отсюда следует, что указанные буквы несут наибольшее количество информации. Появление же максимума информации в конце слова обусловлено морфологической структурой слова в индоевропейских языках; в этих языках основную грамматическую информацию несут присоединяемые к концу слова аффиксы и окончания ¹.

Как видим, паронимия — важное объективное свойство языка. Она не только источник ошибок для говорящих, но и средство упорядочения информации, содержащейся в лексическом составе языка. Паронимия — одно из оснований так называемых обратных словарей, в которых слова расположены по алфавиту их букв с конца слова к началу. Обратные словари в свою очередь — важное средство при машинной обработке языковой информации.

Омонимия и синонимия являются двумя «осями» в системе языка. Каждое слово, не теряя своей индивидуальности, оставаясь тем, что оно есть, или, выражаясь терминологически, сохраняя тождество самому себе, в то же время как бы скользит по этим двум противоположным осям, подчиняясь, с одной стороны, тенденции к омонимии, с другой — тенденции к синонимии с другими словами. Если схематизировать слово в виде круга, разделенного пополам, так что одна половина его символизирует фонетическое слово, а вторая — значение, сигнификат, то положение слова на двух осях в языке может быть представлено такой схемой.

**Положение слова как языкового знака
на оси омонимии и оси синонимии**

¹ Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка. Л., «Наука», 1968, стр. 86.

Положение о синонимии и омонимии как о двух «осях» в языке непосредственно восходит к работам С. Карцевского и Е. Куриловича (они упомянуты в § 4). Это важнейшее положение современной лингвистики характеризует не только отношения слов, но, как мы увидим в дальнейшем, и отношения между любыми элементами языка, которые обладают формой и значением, т. е. между любыми знаками языка.

§ 11. Антонимо-синонимические группы слов. Введение понятий оппозиции, дифференциального признака, структуры, системы. Когда какие-либо два слова имеют в своих значениях и общие, и различные признаки, причем те и другие отчетливы и их можно перечислить, то такие два слова составляют оппозицию. Хороший пример оппозиции дают слова, обозначающие родственные отношения, например русск. *брат* ~ *сестра*¹. Общее у них: 'члены семьи, принадлежащие к тому же поколению, что и «я»; находящиеся со мной в кровном родстве; оба — по боковой линии', а различны признаки пола: 'муж. пол' — 'жен. пол'. Другой пример: русск. *брат* ~ *внучка*, общее у них: 'члены семьи, находящиеся со мной в кровном родстве', а различны признаки поколения: 'брат — мое поколение' ~ 'внучка — младшее поколение', линии родства: 'брат — боковая линия' ~ 'внучка — прямая линия' — и признаки пола. Как видим, в оппозиции признаки могут распределяться по-разному: в одном случае у противопоставленных слов больше общих признаков и меньше различных (*брат* ~ *сестра*), в другом — больше различных и меньше общих (*брат* ~ *внучка*).

Собственно говоря, с явлением оппозиции мы уже сталкивались на предыдущих страницах, хотя и не называли его особо: ведь синонимы — оппозиции, антонимы — тоже оппозиции. В антонимах различие преобладает над сходством: *говорить* ~ *молчать*, общая часть 'производить голосом звуки речи, слова', но при *говорить* она мыслится целиком наличной, как бы со знаком «плюс», а при *молчать* целиком отсутствующей, как бы со знаком «минус». Когда какие-либо слова, кажущиеся неполными антонимами, например *говорить* ~ *кричать*, мы рассматриваем как антонимы, то мы всегда ограничиваем их общую часть, в данном случае вводим признак 'говорить нормально, не очень громко', и тогда признаки опять распределяются таким же образом: у одного слова все введенные признаки будут в наличии, как бы со знаком «плюс» (*говорить*), а у другого они будут целиком отсутствовать, как бы со знаком «минус». В самом деле, кричать — это говорить, но говорить «не нормально, очень громко».

Если же ограничительного признака не вводится, то в сопоставлении слов *говорить* и *кричать* общая часть признаков будет пре-

¹ Знак ~, когда он помещается между двумя элементами, служит обозначением их оппозиции (в словарях он применяется иначе, в качестве заменителя слова или части слова).

обладать над различной, и слова окажутся не антонимами, а синонимами: *говорить* 'производить голосом звуки речи, слова', а *кричать* 'производить голосом звуки речи, слова + очень громко'. Таким образом, между антонимами и синонимами нет непроходимой границы; окажутся ли выбранные нами пары слов антонимами или синонимами, зависит от того, в каком отношении, с каким ограничительным признаком мы разобьем взятую группу слов. Но не следует думать, что явления антонимии и синонимии зависят от произвола исследователя. В одних случаях ограничительный признак при данных словах мыслится всегда и всеми говорящими на данном языке, составляет часть их сигнификата. Такие слова преимущественно, всегда, кроме особых случаев нарушения их значения, будут антонимами. Таковы *день ~ ночь, верх ~ низ, большой ~ маленький* и т. д. Напротив, когда в сигнификате присутствуют общие признаки, а ограничительный признак не входит сам по себе в сигнификат, не мыслится в нем всегда и всеми, противопоставленные слова окажутся синонимами. Значит, антонимы и синонимы могут составлять соотносительные между собой членения одной и той же группы слов. Рассмотрим пример:

<i>истощенный</i>	—	<i>тощий</i>	—	<i>худой</i>	—	<i>сухопарый</i>	—	<i>нормальный</i>	—	<i>упитанный</i>	—	<i>полный</i>	
	—4		—3		—2		—1		0		+1		+2
		<i>толстый</i>	—	<i>тучный</i>									
	+3			+4									

Мы видим, что в этом ряду каждая пара стоящих рядом слов, кроме тех, которые примыкают к отметке «нуль», являются синонимами; пары слов, занимающие симметричные или почти симметричные и противоположные по знаку места, — антонимы (*сухопарый ~ упитанный; тощий ~ тучный*, также *худой ~ толстый* и т. д.).

Интересно аналогичное рассуждение Л. Толстого:

«Можно так определять характеры: 1. Чуткость большая, меньшая и до ... тупости. 2. Ум большой, меньший и до ... глупости. 3. Страстность большая, меньшая и до ... апатии, холодности. 4. Смирение большое, меньшее и до ... самоуверенности.

Можно присоединить еще правдивость и живость, хотя это свойство не такое основное. И характеры определять проводимыми чертами»¹.

Итак, синонимия и антонимия объективно заложены в самой природе языка, в частности и в системе лексики, но без ограничительных признаков могут мыслиться очень неопределенно. Вообще говоря, с известной точки зрения все слова языка могут оказаться синонимами, образуя бесконечный градационный ряд, подобный приведенному выше (... *истощенный... тучный...*)². Поэтому с понятия-

¹ Л. Толстой. Дневник, запись 26 дек. 1906 г. Собр. соч., в 20-ти т., т. 20. М., 1965, стр. 258.

² С логической точки зрения см. об этом: А. И. Уемов. Проблема синонимов и современная логика. В сб. «Логико-грамматические очерки». М., «Высшая школа», 1961; Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер. с франц. М., Изд-во иностр. лит., 1955, стр. 144—157.

ми антонимии и синонимии целесообразно работать всегда при четких ограничениях. Первым ограничением должен быть выбор общего ограничительного признака для того, чтобы им очертить группу слов, например: 'говорение', 'упитанность тела', 'черты характера', 'родственные отношения'. Когда такой признак выбран, он вычленяет из всей массы слов более или менее ограниченную тематическую группу. Признаки синонимии и антонимии, выявляемые совместно внутри такой группы слов, позволяют установить ее четкую внутреннюю организацию. Пример Л. Толстого может быть схематизирован следующим образом:

	-2	-1	0	+1	+2
I	<i>чуткость</i>	<i>малая чуткость</i>		<i>малая тупость</i>	<i>тупость</i>
II	<i>ум</i>	<i>малый ум</i>		<i>малая глупость</i>	<i>глупость</i>
III	<i>страстность</i>	<i>малая страстность</i>		<i>малая холодность</i>	<i>холодность</i>
IV	<i>смирение</i>	<i>малое смирение</i>		<i>малая самоуверенность</i>	<i>самоуверенность</i>

Общий тематический признак, объединяющий всю группу, здесь 'черты характера'. Между словами, соответственно клетками в табличке такие отношения: между соседними клетками в каждом горизонтальном ряду (I—IV) — отношения синонимии; между симметричными клетками каждого ряда — отношения антонимии (в I ряду: -1, +1; -2, +2; во II ряду: -1, +1; -2, +2 и т. д.). В каждом вертикальном ряду, в колонке, существуют отношения сходства темы, тематического ограничительного признака. Но с точки зрения Л. Толстого, выражения в первой колонке (под номером —2) — «положительные черты характера». Следовательно, *чуткость* — *ум* — *страстность* — *смирение* — также синонимы, но лишь в рамках данного рассуждения Л. Толстого (ср. § 9), и так в каждой колонке.

Количество колонок и строк может быть большим или меньшим, в нашей схеме многоточия показывают, что теоретически здесь возможно большое количество переходных случаев. Попробуем продолжить рассуждение Л. Толстого и пополнить предыдущую схему словами или, за отсутствием слов, устойчивыми словосочетаниями русского языка. Мы получим приблизительно такую картину:

	-2	-1	0	+1	+2
I	<i>чуткость</i>	<i>внимание</i>	<i>ровность в обращении</i>	<i>равнодушие, невнимание, невнимательность</i>	<i>тупость, бессердечие</i>
II	<i>ум</i>	<i>сообразительность</i>	<i>руссудительность, здравый смысл</i>	<i>ограниченность, недалекость</i>	<i>глупость</i>
III	<i>страстность</i>	<i>живость</i>	<i>уравновешенность</i>	<i>вялость</i>	<i>холодность</i>
IV	<i>смирение</i>	<i>уступчивость</i>	<i>самостоятельность</i>	<i>независимость</i>	<i>самоуверенность, самонадеянность</i>

Конечно, по поводу распределения слов здесь возможны разные мнения, и это не случайно, обусловлено не только различиями во взглядах людей, но прежде всего объективным устройством языка: обычно лексика не содержит в своем составе подсистем с математически строгим и симметричным распределением элементов — клеток. Поэтому классификация, подобная только что приведенной, всегда будет по отношению к живому словарному составу его схематизацией, отсечением некоторых живых связей слов и приписыванием словам некоторого числа признаков, в действительности несущественных. Важно только, чтобы эта схематизация не переходила разумных пределов.

Некоторые участки лексики обнаруживают вполне симметричное устройство. Но, как правило, это бывает в пределах небольших рядов слов, четко ограниченных каким-либо признаком. Примером могут служить следующие четыре глагола русского языка: *идти*, *ехать*, *плыть*, *лететь*. Они образуют компактную группу, если, во-первых, ограничиться только первым значением каждого из этих слов (по словарю русского языка С. И. Ожегова) и, во-вторых, из многочисленных признаков, содержащихся в сигнификатах этих глаголов, выделить один ограничительный признак 'передвигаться (применительно к человеку)'. Тогда отношения четырех слов можно схематизировать (см. верхнюю схему на стр. 41).

Как видим, для того чтобы построить четкую схему этого отдела лексики, нам потребовалось, во-первых, ввести ограничительный признак 'передвижение человека', без которого глаголы *лететь*

‘Передвигаться (о человеке)’

Где Как	По суше	Не по суше
С вспомогательными средствами	<i>ехать</i>	<i>лететь</i>
Без вспомогательных средств	<i>идти</i>	<i>плыть</i>

и *плыть* не могли бы быть четко сопоставлены с другими (ведь лететь может и птица, а плыть может и лодка, и при этом упоминание о вспомогательных средствах оказалось бы бессмысленным). Во-вторых, нам пришлось столь же четко установить признак антонимии, так сказать, «антонимизировать» отношения. Это мы и сделали, выбрав признак ‘по суше’ и прямо противоположный ему признак ‘не по суше’ и установив такую же пару к признаку ‘с вспомогательными средствами’. При этом пришлось поступиться положительным указанием признаков, которые скрываются под общим названием ‘не по суше’ (по воздуху; по воде) и под общим названием ‘с вспомогательными средствами’ (на колесах; на крыльях). В предыдущем примере с названиями свойств человеческого характера поступить так без специального подробного исследования было бы затруднительно, противопоставления слов там не столь четки, и мы оставили колонки и строки без общих названий, просто под номерами: не все в лексике поддается четкой схематизации.

Однако не следует думать, что схематизация всегда ведет только к потере содержания. Благодаря ей там, где она возможна, мы можем свести основную часть в значении каждого слова к нескольким четким признакам. В нашем примере:

	1-й признак	2-й признак	3-й признак
<i>идти</i>	‘передвигаться’	‘по суше’	‘без вспомогательных средств’ ‘с вспомогательными средствами’
<i>ехать</i>	‘передвигаться’	‘по суше’	
<i>лететь</i>	‘передвигаться’	‘не по суше’	‘с вспомогательными средствами’ ‘без вспомогательных средств’
<i>плыть</i>	‘передвигаться’	‘не по суше’	

В случае необходимости схематизация может быть продолжена. Такая необходимость возникает, например, при использовании электронно-вычислительных машин. Как видно из последней таблицы, каждый признак в ней характеризуется своим постоянным

местом и либо утверждением, либо отрицанием. Условимся обозначать утверждение цифрой 1, отрицание цифрой 0, а к какому именно признаку будет относиться цифра,— ясно из ее места: положение на первом месте относит цифру к первому признаку, на втором — ко второму, на третьем — к третьему. Тогда можно зашифровать данные таким кодом (это двоичный код):

<i>идти</i>	110
<i>ехать</i>	111
<i>лететь</i>	101
<i>плыть</i>	100.

При взгляде на эту табличку возникает вопрос: не может ли быть какого-либо действия человека, которое характеризовалось бы нулем на первом месте, а это значит — отрицанием признака 'передвигаться'? Действительно, такие глаголы могут найтись. Так, к глаголу *лететь* (его шифр 101) парой окажется глагол *парить* 'неподвижно висеть в воздухе' (его шифр будет 001); к глаголу *идти* (110) парой будет *стоять* (010). К глаголам с шифрами 111 (*ехать*) и 100 (*плыть*), в русском языке пар не находится, но в других языках они могут быть. Так, во французском языке есть глагол *flotter* (его шифром будет 000), который буквально значит 'без движения подерживаться вплавь на воде'.

Мы можем ввести теперь основные определения. Совокупность элементов, связанных внутренними отношениями, называется системой. В нашем примере совокупность четырех глаголов — система. Совокупность отношений между элементами системы называется структурой системы, или просто структурой. Отношение любых двух элементов друг к другу в пределах структуры называется оппозицией. Оппозиция содержит общее для двух членов основание (синонимию) и различие их (антонимию). В нашем примере оппозиций шесть: 1) *идти* ~ *ехать*; 2) *идти* ~ *лететь*; 3) *идти* ~ *плыть*; 4) *ехать* ~ *лететь*; 5) *ехать* ~ *плыть*; 6) *лететь* ~ *плыть*. Все различительные признаки в пределах структуры называются дифференциальными признаками. В нашем примере 'передвигаться', 'по суше', 'с вспомогательными средствами' — дифференциальные признаки. Каждый дифференциальный признак мыслится всегда двойным (бинарным), состоящим из утверждения и отрицания, положительной и отрицательной разновидности. Поэтому сказать, что в нашем примере есть дифференциальные признаки 'передвигаться', 'по суше', 'с вспомогательными средствами', равносильно тому, чтобы сказать, что здесь есть дифференциальные признаки 'передвигаться ~ не передвигаться', 'по суше ~ не по суше', 'с вспомогательными средствами ~ без вспомогательных средств'.

Кроме дифференциальных признаков, в системе всегда существуют еще и интегральные признаки. Образно говоря, дифференциальные признаки отличают один элемент от другого и очерчивают его место в системе, а интегральные признаки как бы напол-

няют это место изнутри и создают каждый элемент в отдельности как таковой. В нашем примере интегральные признаки — это те признаки каждого из слов *лететь*, *плыть*, *ехать*, *идти*, которые скрываются под признаками 'по суше' — 'не по суше' и 'с вспомогательными средствами' — 'без вспомогательных средств'. Под признаком 'не по суше' скрываются признаки 'по воздуху', 'по воде'; под признаком 'с вспомогательными средствами' скрываются признаки 'на колесах', 'на крыльях', а под признаками 'по суше' и 'без вспомогательных средств', взятыми одновременно, скрывается один интегральный признак — 'ногами'.

Дифференциальные признаки логически строго противопоставляются друг другу, как «А» и «не-А», интегральные признаки так не противопоставляются: ср. 'ногами' и 'на крыльях'; 'ногами' и 'на колесах'; 'на крыльях' и 'на колесах'.

Совокупность дифференциальных признаков образует структуру системы, совокупность дифференциальных признаков, интегральных признаков и элементов — систему.

Все указанные понятия широко используются в современном языкознании. (Более полно оппозиции по дифференциальным признакам рассматриваются в § 79 и 84.)

§ 12. Еще раз семантический треугольник. Понятие о десигнате. Вернемся еще раз к семантическому треугольнику, а именно к той его части, которая называется сигнификатом. Мы уже видели (§ 3), что значение слова, сигнификат, представляет собой разновидность понятия, а во многих случаях то же самое, что понятие. Это заключение было сделано нами до рассмотрения структур в лексике. Оно целиком остается в силе и после этого, но категория структуры вносит в него существенные добавления.

Когда слово входит в какую-либо группу слов, образующую структуру, то в значении слова выделяется часть, состоящая из дифференциальных признаков.

Запишем в наших примерах содержание каждого сигнификата в виде перечня признаков, а часть, составляющуюся из дифференциальных признаков, возьмем в фигурные скобки:

- идти* — передвигаться {по суше; без вспомогательных средств}; ногами;
- ехать* — передвигаться {по суше; с вспомогательными средствами}; на колесах;
- лететь* — передвигаться {не по суше, с вспомогательными средствами}; по воздуху или в космосе;
- плыть* — передвигаться {не по суше; без вспомогательных средств}; по воде или в воде.

Все, что записано здесь после каждого из четырех глаголов, представляет собой полное описание его значения, сигнификата. (Разу-

меется, это полнота в рамках принятой нами системы описания.) Та часть, которая стоит вне фигурных скобок, была нам известна и раньше, до структурного описания, из практического знания русского языка или из сведений, полученных из словаря, и она представляет собой то, что мы знаем о каждом из этих глаголов самом по себе, отдельно от других. Та же часть, которая стоит в фигурных скобках, представляет собой знание, полученное из описания каждого глагола в рамках системы — группы из четырех глаголов; в этой части зафиксировано то, что объединяет эти глаголы и одновременно отличает каждый из них от всех других. В этой части не записан только признак 'передвигаться', но он входит в структурное описание, так как мыслился нами при начале описания заранее известным ограничительным признаком. В рамках структурного описания данные, известные нам по отдельности о каждом глаголе, составили интегральные признаки, а данные, полученные из сопоставления глаголов в принятой системе с ее структурой, составили дифференциальные признаки. Интегральные и дифференциальные признаки в совокупности образуют сигнификат, а только дифференциальные признаки образуют структурную часть внутри сигнификата.

Эта часть должна получить особое название. Для ее названия используются следующие термины: русск. означаемое; десигнат; англ. signified 'означаемое'; франц. signifié 'означаемое'; valeur 'ценность'.

Если по-русски употреблять термин означаемое вместо десигнат, то вместо фонетическое слово или слово в плане выражения следует говорить означающее, тогда единство терминологии будет выдержано: означаемое ~ означающее. Эта пара терминов была введена знаменитым швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром (1916 г.) и представляет собой перевод его французских терминов signifié ~ signifiant. Тот же автор применял для обозначения десигната, или означаемого, в слове термин valeur, букв. 'ценность', или, точнее, 'меновая стоимость'. В этом смысле он использовал термин политической экономии, введенный еще Адамом Смитом, «меновая стоимость товара» в противопоставлении его «потребительской стоимости». Этим термином де Соссюр хотел подчеркнуть то, что означаемое слова устанавливается относительно означаемых всех других слов его группы, т. е. относительно значения слова по означаемому.

Интегральные и дифференциальные признаки в значении слова играют различную роль в его функционировании и развитии. Часто именно интегральными признаками создается все своеобразие языкового выражения понятий. Вместе с тем в развитии понятий определяющую роль, по крайней мере на первых порах для каждого нового понятия, играет означаемое, или десигнат. Оно отводит место новому понятию в системе уже существующих — в группе лексики, создает костяк понятия, который затем уже обрастает интегральными признаками.

По отношению к вариациям слова в плане содержания означаемое, или десигнат, может быть иначе названо инвариантом. Вернемся еще раз к нашему примеру со словом *дядя*:

**Значение слова с учетом категории структуры
(на примере слова *дядя*)**

Инвариант— означаемое, десигнат, или „ценность“	0. 'Мужской член семьи, принадлежащий к поколению родителей и не являющийся прямым родственником по восходящей линии'		
↕			
Его варианты—сгнификаты	1. 'Брат отца или матери'; 'муж тетки'	2. 'Обращение к взрослому мужчине' (в просторечии)	3. 'Мужчина' (в детской речи)
	Самостоятельный вариант, главное значение, наименее зависимое от окружения	Варианты, сильно зависимые от окружения, комбинаторные варианты, неглавные значения	

Инварианты определяются только через соотношения друг с другом, их сущность не зависит от позиции, в которой они находятся в данном конкретном высказывании, в речи. Варианты, напротив, это такие представители инварианта, которые частично, более или менее, зависят от позиции в речи — от окружения другими словами.

Самостоятельный вариант соотносится с инвариантом непосредственно; нередко — в практических целях — можно считать инвариант логической формулировкой самостоятельного варианта (так и в данном примере). Другие варианты соотносятся с инвариантом лишь косвенно и опосредованно.

§ 13. Процесс называния. Понятие о внутренней форме слова и этимологии. Выше мы рассмотрели, как устроены и соотносятся друг с другом в языке уже названные явления и понятия. Останемся теперь на вопросе о том, как получают названия. Этот вопрос составляет суть особого отдела языкознания — ономастологии, или теории номинации (именования).

Не следует думать, что место слова в лексической системе навсегда определено тем, как получилось данное слово-название. Такая связь существует лишь на самых первых порах возникновения слова, а в дальнейшем соотношенность слов друг с другом определяется их

значениями. С примерами расхождения названия и значения мы уже встречались на предыдущих страницах: цветковые растения имеют малое отношение к цветам и цветам, машина к мельнице (§ 6). Задержимся еще раз на последнем примере. Как мы видели, развитие проходило так, что сначала существовали два непересекающихся ряда явлений действительности и понятий о них (1) жернов, ступа, мельница для зерна, *machina* и т. д.; 2) молот, топор; простые механизмы (ворот, клин и др.); сложные механизмы и т. д.), а в определенный момент на почве латинского языка произошел перенос слова *machina* (ранее заимствованного из греческого языка, где было *μηχανή* в значении 'хитроумное средство') от названия мельницы к названию сложного механизма. Перенос осуществился на основании метафоры, но два ряда явлений и соответственно понятий не смешались: понятие о сложных механизмах не включилось в ряд понятий о мельницах (скорее уже мельница стала осознаваться как разновидность механизма).

От процесса первоначального наименования сохраняются некоторое время следы в виде внутренней формы слова. Под внутренней формой понимают способ, каким в новом наименовании представлено старое наименование (А. А. Потебня). В естественных языках внутренняя форма часто недолговечна, она забывается, исчезает, и объясняется это тем, что определяющую роль, как уже было сказано, играют системные связи слова, его принадлежность к группам и структурам в составе лексики, а не его происхождение.

Так, в современном русск. *час* мы уже не видим его внутренней формы, давно утраченной: слово *час* означало некогда зарубку на палке или на притолоке в избе, отмечающую меру времени, и этой мерой был, конечно, не современный час, а в каждой местности иной отрезок времени. Выясняется это по этапам. То, что мера времени была неустойчивой, видно из ближайших сравнений русск. *час* с украинск. *час*, польск. *czas*, чешск. *čas*, — все эти слова означают 'время'; то, что первоначально мерой служил надрез, зарубка, видно из более далеких сравнений с балтийскими языками, например с литовским, где тот же корень *kas-* означает 'копать, рыть'. Таким образом, русск. *час* оказывается в дальнем родстве с *косить* и *чесать*, но эта связь нами совершенно не ощущается и не имеет никакого отношения к понятию времени. Работы по выяснению первоначальной внутренней формы слова называются этимологией.

Дольше сохраняется внутренняя форма в словах, имеющих отчетливо выделяемые части — корни, приставки, суффиксы: по составу слова легко ощущается его происхождение. Например, писатель — 'тот, кто пишет', читатель — 'тот, кто читает'. Внутренняя форма отвечает здесь лишь лишь означаемому, или десигнату, соотнося эти слова с глаголами *писать* и *читать*. Значение же этих слов, их сигнификат, гораздо богаче и сложнее. Писатель и читатель — социальные категории, совершенно отличные от наименования лиц по процессу писания или чтения (ср. *пишущий*, *писец*; *читающий*, *чтец*). Когда внутренняя форма слова по воле художника слова или

просто человека, чуткого к слову, внезапно оживляется, это удивляет нас, а иногда и смешит. Ср.: ...*Шли домой ватагой, громко говоря, стуча по «пешеходам»* (И. Бунин. Лица), *пешеходы* здесь — деревянные тротуары. Или еще: *Он все о кладах мечтает, ... все клад и клад ... какой кладовщик нашелся!* (А. Рыбаков. Кортик), действительно, *клад* — *кладовая* — *склад* — *кладовщик* — слова одного корня.

С другой стороны, внутренняя форма наименования не предвещает отнесения наименованного предмета и понятия о нем однозначно к тому, а не иному ряду предметов и понятий. Это заметно уже и в приведенном случае: *пешеходы* могут быть и людьми, и тротуарами. Еще пример. *Подснежниками* в разных краях России называют самые разные цветы, лишь бы они были первыми и всходили из-под снега: в Подмосковье — белые *ветреницы*, и синие *медуницы*, и голубые *печеночницы*; на Урале — желтые *прострелы* или *сон-траву*; в лесостепном крае — синие *сциллы*.

Напротив, в искусственных языках внутренняя форма всегда сохраняется, пока сохраняется данное наименование: без внутренней формы там нет наименования, нет знака. Внутреннюю форму называют там концептом, концептом денотата, или смыслом. Смысл — это путь, которым мы пришли к имени (Г. Фреге). С точки зрения логики, выражения *сэр Вальтер Скотт* и *автор Вэверля* — это имена, они имеют один и тот же денотат (это — известный писатель), но обладают различными смыслами, или концептами, этого денотата, потому что называют его разными путями: в первом случае — от его титула, семьи и имени, данного при крещении; во втором — от его писательской деятельности. На эти логические термины следует обратить внимание для того, чтобы не смешивать их с лингвистическими понятиями и не вводить без необходимости в языкознание.

§ 14. Лексические и семантические поля. Понятие о сочетаемости слов и дистрибуции. В предыдущих разделах мы затронули разные типы более тесных и менее тесных групп слов в лексическом составе языка: антонимические ряды, синонимические ряды, тематические группы, такие, как «черты характера», «глаголы передвижения человека». Все эти группы — разновидности одного явления — лексического или семантического поля. Однако сам термин «поле» обычно применяется лишь к достаточно обширным группам слов. Разные исследователи по-разному подходили к изучению системности в лексике и выделяли поля, опираясь на разные основания. Соответственно этим основаниям и по именам исследователей поля могут быть классифицированы следующим образом.

Поля М. М. Покровского. Мы называем их так по имени русского ученого, впервые поставившего задачу системного изучения лексики (начиная с 1890-х годов). Поля такого типа выделяются на основе совместного применения трех критериев: 1) тематическая группа (слова относятся к «одному и тому же кругу представлений»,

по выражению М. М. Покровского), 2) синонимия, 3) морфологические связи. Под последними понимаются группировки по принципу названий деятелей, орудий, способов действия и т. д. (слова, сгруппированные таким образом, имеют общие показатели в своей форме — суффиксы и проч.), а также более сложные отношения, например отношения отглагольных имен существительных к глаголам. Такой ряд слов и их значений, как *отвод у кабеля* 'ответвление', *отвод в лесу* 'место, отведенное для вырубki', *для отвода глаз* и т. п., может быть понят только в связи с организацией значений и форм соответствующих глаголов — *отводить*, выражающего активное действие, и *отводиться*, — пассивное. Систему «сходных представлений» М. М. Покровский связывал с системами явлений общественной и хозяйственной жизни (орудиями труда и т. п.). Названный тип полей остается одним из самых актуальных объектов лексико-семантических исследований.

Поля И. Трира. Немецкий автор (первая работа 1931 г.) предложил разделять поля на лексические и понятийные. Понятийное поле — обширная система взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия, например 'ум, разум'. Лексическое поле образовано каким-либо одним словом и его «семьей слов». Лексическое поле покрывает только часть понятийного поля, другая часть последнего покрыта другим лексическим полем и т. д. Понятийное поле оказывается в плане выражения составленным подобно мозаике. И. Трир делит весь словарь на поля высшего ранга, эти — на поля более низкого ранга и т. д., пока не доходит до отдельных слов. Слово играет в его системе подчиненную роль. Введенный им принцип И. Трир подчеркнуто противопоставлял изучению лексики в связи с предметами материального мира. Эта концепция подверглась резкой критике ученых разных направлений. Названный принцип полей сохраняет определенное значение при изучении явлений духовной культуры и их выражения в языке.

Поля В. Порцига. Этот немецкий лингвист предложил (с 1934 г.) иной принцип выделения полей. В. Порциг обратил внимание на явления такого типа: слово *схватить*, нем. *greifen*, обязательно предполагает наличие в языке такого слова, как *рука*. Но обратное отношение не имеет места: рукой можно не обязательно хватать, но выполнять массу самых различных действий. На этом основании в лексике выделяются, по терминологии В. Порцига, «элементарные семантические поля», ядром которых всегда является либо глагол, либо прилагательное, так как обычно эти классы слов могут быть сказуемым (точнее: «выполнять предикативную функцию»). Примеры таких полей:

'схватить'	→ 'рука',
'лаять'	→ 'собака',
'жмурить'	→ 'глаза',
'кусать'	→ 'зубы',
'белокурые'	→ 'волосы' и т. п.

В последние годы поля такого типа легли в основу быстро развивающихся в разных странах исследований по выявлению глубинной семантической структуры языка. Еще с одним типом полей мы познакомимся ниже (§ 15).

Как видно из самого факта существования лексико-семантических полей, слова в языке предрасположены сочетаться друг с другом не любым, а лишь тем или иным определенным образом. Их предрасположенность к сочетанию проявляется в факте сочетания в речи. Предрасположенность и факты сочетания называются сочетаемостью. Она имеет различный характер и допускает обобщение в типы. Типом наиболее сильной сочетаемости является та, которая вытекает из «полей Порцига». В таких случаях появление в речи глагола или прилагательного с почти стопроцентной уверенностью предсказывает появление соответствующего существительного. Например: *Не жмурьте ... (глаза); Где это лает ... ? (собака; возможно и шакал); Я не могу кусать этим ... (зубом)*. С иным видом сильной сочетаемости мы встречаемся тогда, когда в значении слова не заложено никакого признака, требующего его сочетания именно с данным, а не с другим словом, но оба слова тесно срослись, образовав фразеологическое сочетание: *витать ... (в облаках); баклуши ... (бить); ласы ... (точить); замуж ... (пойти, выйти); заклятый ... (враг); проливной ... (дождь)* и т. п. (Об этом см. подробнее след. раздел.) Наиболее важный практически тип составляет средняя по силе сочетаемость, избирательность слов: со словом *экзамен* сочетается *сдать, провалить; меры — принять, осуществлять; поражение — потерпеть, нанести; победу — одержать; диагноз — поставить* и т. п. Избирательная сочетаемость допускает обобщение в таком, например, виде.

Синонимы понятия 'сильно, очень'
(помечена сочетаемость)

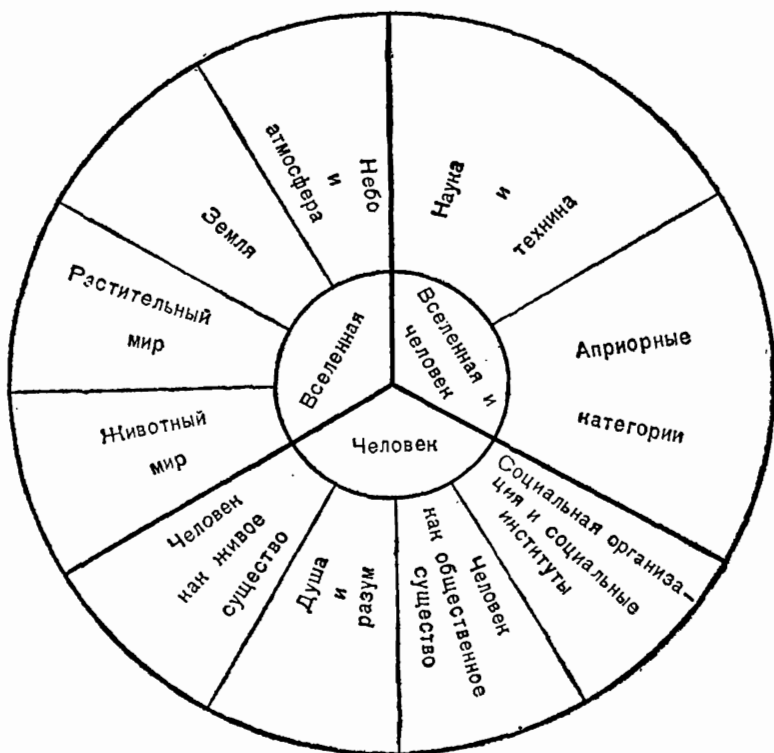
	изо всех сил	во всю	во весь опор	на-взрыд	до отвала	всем сердцем	что есть духу	и т. д.
<i>кричать</i>	+						+	
<i>плакать</i>				+				
<i>стараться</i>	+	+						
<i>бежать</i>	+	+	+				+	
<i>любить</i>						+		
<i>наестся</i>					+			
<i>одобрять</i>						+		
и т. д.								

Совокупность фактов сочетания составляет дистрибуцию. Приведенная табличка иллюстрирует полную дистрибуцию семи глаголов относительно семи наречий (или, обратно, семи наречий относительно семи глаголов). Но это лишь часть дистрибуции этих

глаголов (так как они могут сочетаться и с другими наречиями) и лишь часть дистрибуции этих наречий (так как они могут сочетаться с другими глаголами).

§ 15. **Вся лексика как система. Словари-тезаурусы.** Словари-тезаурусы (от лат. заимствования из греч. thesaurus 'сокровищница, богатство') — это словари, в которых представлены все известные слова данного языка. Для расположения слов в них принимается обычно классификация от понятий, от «идей», поэтому такие словари иначе называются идеографическими. Основные словари-тезаурусы: английского языка — Роже (P. M. Roget), немецкого языка — Дорнзайфа (F. Dornseif). В процессе составления подобных словарей выяснилось, что классификация лексики на понятийной основе, хотя и с некоторыми натяжками в частности, вполне возможна и таким образом самый факт существования таких словарей доказывает системность лексики. Для иллюстрации этой системности мы приведем одну из наиболее удачных классификаций — систему Р. Халлига

Классификация понятий по Халлигу и Вартбургу

и В. Вартбурга¹, которые использовали также «языковые», или «бытовые», понятия (см. о последних § 3). Общая схема этих исследователей такова (см. на стр. 50).

Фрагмент 'Человек' из классификации Халлига и Вартбурга

Человек

Человек как живое существо	Душа и разум	Человек как общественное существо	Социальная организация и социальные институты
<ol style="list-style-type: none"> 1. Пол 2. Раса 3. Части тела 4. Органы и их функционирование 5. Пять чувств 6. Движения и положения тела 7. Сон 8. Здоровье и болезни 9. Человеческая жизнь вообще 10. Потребности человека как живого существа 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Общие положения, ум, мудрость, способности 2. Восприятие 3. Сознание, представление 4. Память 5. Воображение 6. Мышление 7. Чувства 8. Воля 9. Мораль 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Общественная жизнь вообще: <ol style="list-style-type: none"> а) устройство общества; б) язык; в) общественные связи 2. Человек в труде: <ol style="list-style-type: none"> а) общие положения; б) сельское хозяйство; в) ремесла и профессии; г) промышленность; д) торговля; е) собственность; ж) дом, комната 3. Транспорт 4. Почта, телеграф, телефон 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Общественный коллектив 2. Государство 3. Право 4. Образование 5. Внешняя политика 6. Национальная оборона 7. Война 8. Литература и искусство 9. Вероисповедание и религия

Работа над идеографическими словарями-тезаурусами дает основание предположить, что в языке существуют два самых общих типа группировок слов. Один тип — логический, он отражает логику познания мира человеком. Группировки слов по логическим категориям, которые были приведены выше, как раз и описывают эту логику. В своей основной части она одна и та же у всех народов (хотя приведенные данные основаны на изучении европейских языков). Не случайно также, что и словарная схематизация в тезаурусах тоже в самом основном сходна у разных авторов-составителей. Другой тип — ассоциативный, он основан на психологических ассоциациях как предметов и понятий, так и ассоциациях их знаков — самих слов, на своеобразном «притяжении» слов друг к другу. В основе второго типа группировок лежит, таким образом, обратное

¹ R. Hallig et W. v. Wartburg. *Système raisonné des concepts pour servir de base à la lexicographie*, 2-ème éd., Berlin, 1963 (в той же книге тот же текст на нем. яз.).

воздействие языка на сознание. Такие часто встречающиеся сочетания, как *хлопья снега*, *хлеб крошится*, влекут за собой группировки *хлопья — снег*, *крошка — хлеб*. Ассоциативный — это четвертый тип лексико-семантических полей, о котором нужно упомянуть в дополнение к трем другим (полям М. М. Покровского, «понятийным полям», полям В. Порцига; см. предыдущий параграф).

Итак, вся лексика образует систему в силу того, что каждое слово и соответственно каждое понятие занимают в этой системе определенное место, очерченное отношениями к другим словам и понятиям. Благодаря этому язык может выполнять одно из своих важнейших назначений — быть средством хранения информации, накопленной общественным опытом человечества.

Разыскивая в памяти нужное слово или понятие, человек движется вдоль структурных линий, пронизывающих систему лексики, — ассоциативных или логических. В дополнение к описанным выше линиям синонимии и антонимии обзор тезаурусов вскрывает еще одну линию — гипонимии, или подчинения понятий. На схеме тезауруса она выражается последовательным подчинением понятий низшего яруса более общим понятиям высшего яруса. По линии гипонимии человек движется при многих различных мыслительных операциях с семантической информацией, когда приходится последовательно уменьшать «области неопределенности». В частности, так мы поступаем при указании адреса, последовательно называя страну, город, улицу, дом, квартиру, фамилию, имя.

Глава III

НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ (НЕДИСКРЕТНЫЕ) ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКИ. ФРАЗЕОЛОГИЯ

§ 16. **Общее понятие о недискретных единицах лексики. Устойчивые и фразеологические словосочетания.** С недискретными единицами лексики мы уже сталкивались в разделе о сочетаемости слов (§ 14). Сочетания *витать в облаках*, *выйти замуж*, *проливной дождь*, *горячие аплодисменты* — примеры таких единиц. В общем виде мы называем их недискретными (непределными, не полностью разложимыми) потому, что они, очевидно, состоят из отдельных слов, тем не менее функционируют в речи, хранятся в памяти и воспроизводятся говорящим как целое, подобно отдельному слову. Они могут быть названы устойчивыми сочетаниями или, при большой степени устойчивости, фразеологическими единицами. Как и при рассмотрении других основных лексико-семантических категорий (значения, омонимии, метафоры), здесь следует обратить внимание на то, что недискретные лексические единицы составляют принадлежность не только языка в целом, но могут возникать и в отдельном акте речи, в речевом произведении. Существуют, следовательно, недискретные лексические единицы языка и недискретные лексические единицы отдельных актов речи. На существование таких единиц в поэтической речи обращал внимание чтецов-декламаторов французский поэт Поль Валери. Он указывал, что в стихотворении существует «стих, рассчитанный поэтом», составленный из более мелких частей и отвечающий логическому назначению — логически связывать текст, подводить заключение, предварять последующее. Но наряду с ним в рамках целого стихотворения существует и другой стих — «стих, данный готовым», заключающий в себе единый художественный образ, и произноситься такой стих должен особо¹. «Стих, данный готовым», и есть недискретная единица художественной речи. Подтвердим наблюдение Валери простым русским примером.

В русских двусоставных (из подлежащего и сказуемого) и двухсловных предложениях порядок слов и фразовое ударение нахо-

¹ P. Valéry. Extraits du discours sur la diction des vers. «Morceaux choisis». Gallimard. Paris, 1930, стр. 187.

дятся в определенных строгих соответствиях. В нейтральном варианте на первом месте стоит грамматическое подлежащее, на втором — грамматическое сказуемое; сильное ударение приходится на сказуемое, а более слабое на подлежащее: *Поезд пришёл*. В таком виде это предложение является логическим ответом на вопрос *Что произошло с поездом?* Если же такое предложение должно служить ответом на вопрос типа *Что там? Что случилось?*, то его интонационное строение будет другим. Сильное ударение перемещается на первое место, на подлежащее, а сказуемое остается без ударения или, в случае если оно длинно, получает слабое ударение: *Поезд пришел*. Предложение-высказывание в этом случае по распределению ударений уподобляется отдельному сложному слову и является недискретной речевой единицей. Такие единицы нередко появляются в русской речи и в связном рассказе, не прерываемом репликами собеседника, в сказе вообще и несут на себе типичную сказовую интонацию. Такую строчку мы находим и в известном детском стихе:

*Таёт снежок,
Ожил лужок,
День прибывает,
Когда это бывает?*

Прочитанная как *День* (небольшая пауза, затем с ударением) *прибывает*, эта строчка представляла бы свободный, разложимый, дискретный тип высказывания. Но прочитанная так, как и надо читать ее в этом стихотворении, подобно одному длинному слову с ударением на первом слоге, *День-прибывает*, она является примером «стиха, данного готовым», она отвечает не на вопрос *Что делается с днем?*, а на вопрос *Что происходит в природе?* и указывает на то, что *день прибывает*, как на цельное явление природы, «дне-прибывание».

Недискретность может проявляться в речи и в чисто логическом аспекте. Рассмотрим с точки зрения отрицания известное некрасовское четверостишие *Не ветер бушует над бором, / Не с гор побежали ручьи, / Мороз-Воевода дозором / Обходит владенья свои*. Что здесь отрицается? Только ли то слово, перед которым стоит отрицательная частица — *не ветер, не с гор?* При таком толковании четверостишие следовало бы понимать так: 'Над бором нечто бушует, но не ветер. Ручьи побежали откуда-то, но не с гор'. Очевидно, что такое понимание невозможно. Ему препятствуют заключительные строки — *Мороз-Воевода дозором / Обходит владенья свои*. Они противопоставляются всему предыдущему как целому. Следовательно, отрицается частицей *не* целое предложение-высказывание — *Не (ветер бушует над бором); Не (с гор побежали ручьи)*. Иными словами, понимание должно быть таким: 'описанная целая ситуация 'Над бором бушует ветер' не имеет места'; 'описанная целая ситуация 'С гор побежали ручьи' не имеет места'. Частица *не* отрицает целое предло-

жение, которое тем самым предстает как относительно цельная, неразложимая на составные части, недискретная единица.

Важнейшая проблема недискретных речевых единиц в языкознании еще только начинает исследоваться. Но недискретные лексические единицы языка, под общим названием фразеологии, изучены уже достаточно хорошо. С открытием фразеологических единиц как объекта языкознания (первое капитальное исследование принадлежит швейцарскому лингвисту Ш. Балли, 1909 г.) было установлено фундаментальное положение о том, что совокупность фразеологических единиц представляет собой расширение лексического состава языка. Ниже мы рассмотрим фразеологические единицы главным образом с этой точки зрения.

§ 17. Классификация фразеологических единиц с точки зрения их происхождения. Основы такой классификации (ее можно было бы назвать «генетической») были заложены Б. А. Лариным и развиты целым рядом исследователей впоследствии. Кратко резюмируем ее:

1. Переменные сочетания: а) свободные сочетания (напр., *Поезд пришел; Который час? Кислое яблоко*); б) устойчивые сочетания (напр., *Горячий привет; Ядерный реактор; Сдать экзамен*);

2. Фразеологические сочетания (напр., *Досада берет; Гробовая тишина; Беспросыпное пьянство*);

3. Фразеологизмы в узком смысле слова (напр., *Языком чесать; Дать тягу; Выносить сор из избы; Был таков* ('убежал, скрылся'); *Притча во языцех*).

Между первой и второй группами существуют постоянные отношения обмена, проникновение единиц туда и сюда, своеобразная «диффузия». Переменные сочетания при ограничении сочетаемости компонентов в них могут переходить во фразеологические, а последние — хотя и в более ограниченных масштабах — могут при определенных условиях расширять свою сочетаемость и превращаться в переменные устойчивые сочетания. Так, в начале XIX в. прилагательное *изящный* в русском языке образовывало переменные устойчивые сочетания — *изящная словесность, изящная литература, изящные письмена, изящные искусства* и даже *изящные науки*. В настоящее время его сочетаемость сузилась и осталось лишь фразеологическое сочетание *изящные искусства*. Напротив, фразеологическое сочетание *черное золото* 'нефть' или 'каменный уголь' дает начало ряду устойчивых — *белое золото* 'вода' или 'хлопок', *зеленое золото* 'лес'.

Третья группа, фразеологизмы в узком смысле слова, по мнению многих исследователей, связана почти исключительно с переменными словосочетаниями и отделена почти непреходимой границей от второй группы, фразеологических сочетаний. Причина этого заключается в том, что появление фразеологизма связано с метафоризацией переменного сочетания. Фразеологические же сочетания, по-

видимому, не могут подвергаться метафоризации и поэтому, как правило, не служат источником фразеологизмов. Рассмотрим несколько примеров. Русск. *Показать пятки*, как и в точности соответствующее ему франц. *montrer les talons*, вполне может быть понято буквально: 'кто-то кому-то показывает пятки'—и будет в таком случае свободным, переменным сочетанием. Переносный смысл, делающий их фразеологизмами, не явствуется из собственной формы какого-либо их компонента или всего сочетания в целом, он как бы условно приписан свободному сочетанию слов и закреплен за ним общепринятым употреблением. Таков типичный путь образования фразеологизмов.

Однако неверно было бы на этом основании заключить, что такие фразеологизмы никак формально не обнаруживают своего фразеологического характера. Он проступает в том речевом контексте, в котором они оказываются употребленными; то, что высказано в речи до такого фразеологизма, и то, что следует за ним, сопоставляется с фразеологизмом, в результате чего последний опознается как отрезок речи с отклонениями в смысле от «нормальных» отрезков и в конечном счете как отрезок с метафорическим смыслом. Ср. свободное переменное словосочетание *Пациентка рассказала врачу о происхождении своей хромоты и показала пятки* и фразеологизм *Вот она вам теперь пятки и показала, несчастная-то! Вот и гоняйся за ней по большим дорогам, высуня язык* (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

С точки зрения содержания фразеологизмы нередко отражают реальные исторические факты — фразу из какого-либо известного в свое время литературного произведения, обобщенный намек на историческую ситуацию, обычай и т. п. Ср. *забрить лоб* 'забрать в солдаты' (обычай в николаевской России); *лить колокола* 'распускать сплетни, врать' (от старинного суеверного обычая распространять всякие слухи во время отливки колокола, чтобы он лучше звучал); *ариаднина нить* 'путеводная нить' (сюжет древнегреческого мифа); *лодыря гонять* 'лентяйничать' (согласно преданию, от фамилии придворного врача Александра I, Лодера) и т. п.

§ 18. Классификация фразеологических единиц с точки зрения их связи с лексикой в целом. Эту классификацию иначе можно было бы назвать «ориентированной на лексику», «лексической». Ее основы были разработаны трудами В. В. Виноградова по русской фразеологии. В этой классификации выделяются в настоящее время четыре группы (В. В. Виноградов устанавливал первые три):

1. Фразеологические сращения, они немотивированны и непроеизводны, эквивалентны слову, их значение никак не связано со значениями компонентов и не выводится из них: *ничтоже сумняшея*; *притча во языцех*; *елки-палки* и т. п.;

2. Фразеологические единства, они также семантически неделимы, и значение в них также не равно сумме значений компонентов, как и в сочетаниях первой группы, но это значение здесь

мотивировано компонентами, напр.: *держатъ камень за пазухой; выносить сор из избы; языком чесать* и т. п.;

3. Фразеологические сочетания — тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, напр.: *беспросынное пьянство; зло, досада берет* (при невозможности * *радость, удовольствие берет*); в этом типе одно слово входит в сочетание в своем связанном значении, тогда как значение второго свободно; слово со связанным значением В. В. Виноградов называл стержневым, напр. слово *гробовой* в сочетании *гробовая тишина*;

4. Фразеологические выражения — воспроизводимые устойчивые сочетания слов; сюда можно отнести: *горячий привет; ядерный реактор; принять меры*.

Кроме того, некоторые лингвисты включают в состав фразеологии «крылатые слова», имеющие автора, «цитирование» в широком смысле этого слова, а также пословицы и поговорки. Правда, мнения на этот счет существенно варьируются. По-видимому, принадлежат к фразеологии лишь немногие пословицы и поговорки, которые имеют только переносный план, в отличие от таких пословиц и поговорок, в которых слова как отдельные единицы языка не утратили своих свойств.

Термин «идиом», также употребляемый по-разному, по-видимому, чаще всего является синонимом термина «фразеологизм» с несколько более узким значением; чаще всего идиомами называют только фразеологизмы высшей степени сращения.

§ 19. Категории омонимии, антонимии, синонимии, метафоры в сфере словосочетаний. Опираясь на эти категории, мы рассматривали основную часть лексики. Естественно, что, определяя совокупность фразеологических единиц как расширение лексики, мы должны и к анализу этой совокупности применить те же категории.

В совокупности устойчивых сочетаний и фразеологизмов проходит отчетливая внутренняя граница, разделяющая устойчивые сочетания и фразеологические сочетания, с одной стороны, и фразеологизмы в узком смысле слова — с другой. В устойчивых и фразеологических сочетаниях одно слово-компонент имеет фразеологически связанное значение, т. е. выступает в этом значении только в составе данного сочетания; это слово нередко называют «опорным», или «стержневым», тогда как второе слово (или другие слова) входит в сочетание в своем свободном значении, в качестве конкретизирующего. В этих сочетаниях, следовательно, налицо одна сторона являющаяся компонентом: одно слово связано и незаменимо, другое более свободно и заменимо. Ср. {горячие, бурные, продолжительные} *аплодисменты*; {низкий, глубокий} *поклон*; с {искренним, глубоким, сердечным} *прискорбием*. Не следует думать, что «опорным» в этом «фразеологическом» смысле может быть только существительное по отношению к прилагательному, прилагательное по отношению к наречию и т. д., короче говоря, что опорным оказывается грамматически наиболее самостоятельное слово. Речь здесь идет о семанти-

ческих зависимостях, и опорным может оказаться прилагательное по отношению к существительному. Практический способ для определения опорного слова — предсказуемость. Опорным будет то слово, которое предсказывает наличие другого (или других), но само не предсказывается ими. Так, слово *пневматический* предсказывает слова *насос*, *молоток*, но обратное неверно — *насос* и *молоток* не предсказывают обязательного наличия при них *пневматический*. Последнее в данных сочетаниях и будет опорным словом. Ср. также: *смертная (казнь)*, *обвинительный (акт)*, *(скамья) подсудимых, (полезные) ископаемые*, где опорное слово стоит без скобок. Во фразеологизмах в узком смысле термина ни одно слово не предсказывает другого с достаточной определенностью (*показать — пятки*) или, напротив, оба слова предсказывают друг друга одинаково хорошо (*притча — во языцех; ничтоже — сумняшеся*). Ни одно слово в составе фразеологизма не представляет уже собой лексической единицы с самостоятельным значением, фразеологизм сам является лексической единицей с собственным единым значением. В таких словосочетаниях налицо, следовательно, двусторонняя взаимобу-словленность компонентов. Из этих данных нужно исходить, когда рассматривается омонимия, синонимия и метафора в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах.

Очевидно, что фразеологизм связывается с исходным свободным или устойчивым сочетанием отношением метафоры: *Показать пятки*. Это отношение совершенно такое же, как и в случае с отдельным словом (§ 4). И точно так же, как метафорически возникшее слово оказывается в отношении омонимии к исходному, и фразеологизм является омонимом соответствующего свободного или устойчивого переменного сочетания.

Один фразеологизм по отношению к другому фразеологизму может, как и предельные лексические единицы, слова, по отношению друг к другу, находиться в отношениях антонимии, вариативности, синонимии. Антонимия фразеологизмов не представляет каких-либо трудностей для выявления: ср. . . *Он в нашем полку был принят как свой брат товарищ* (Пушкин. Выстрел) — *Ученье-то не свой брат, хоть кого в бараний рог свернет* (Гончаров. Обломов); *входить в колею — выбиваться из колеи; заваривать кашу — расхлебывать кашу* и т. п.

Исследователи настаивают на необходимости различать вариативность и синонимию фразеологизмов. Следует, однако, заметить, что здесь это различие устанавливается с гораздо большим трудом, чем в отношении слова. Причина трудности заключается в том, что фразеологизм варьируется с гораздо большим размахом, чем слово: в состав фразеологизма обычно входит большое число компонентов, и каждый из них (и, кроме того, их соотношение) в принципе допускает варианты. Нередко существуют более или менее длинные непрерывные (недискретные) ряды очень близких друг к другу фразеологизмов, и трудно решить, варианты ли это одного и того же фразеологизма или фразеологизмы-синонимы. Ср. русск.

Во все лопатки = *во весь опор* = *во весь мах* = *во весь дух* = *во всю мочь* = *во всю силу* = *что есть силы* = *что есть мочи* = *что есть духу*. Выдвигаются следующие критерии для различения. Фразеологизмами-синонимами признают фразеологизмы, хотя и очень близкие по значению, но не имеющие в основе один и тот же образ (это их семантический признак) и не допускающие замены компонентов от одного фразеологизма к другому (это их формальный признак). Так, русск. *сойти в могилу* и *сыграть в ящик* — синонимы, в их основе лежат разные образы, и невозможна взаимозамена частей — **сыграть в могилу*, **сойти в ящик*. Ср. еще *муху зашибить*, *шары залить*, *за галстук заложить (залить)*, где два последних фразеологизма — варианты, а первый — синоним к ним. Ср. франц. *dévisser son billard* букв. 'развинтить свой бильярд', 'умереть' и *déposer le bilan* букв. 'представить баланс' (арго) с тем же значением; при тождественности значений и звуковом сходстве взаимозамена частей здесь также невозможна, и это — синонимы. Фразеологизмами-вариантами считают фразеологизмы с одной образной основой, одним строением и возможной взаимозаменой частей: русск. *таращить глаза* = *лупить глаза* = *пучить глаза* = *пялить глаза* = *пялить буркалы* и т. д.; франц. *s'enfoncer dans la bourbe* = *se mettre dans la bourbe* 'провалиться в грязь' = *se mettre dans de sales draps* 'попасть в грязные простыни' = *se mettre dans de jolis draps* 'попасть в красивые простыни' с общим значением 'попасть в грязную историю'.

С точки зрения, принятой в этой книге, охарактеризованные выше фразеологизмы-синонимы — это не что иное, как фразеологизмы-синонимы по денотату; они называют одно явление разными способами. То, что охарактеризовано как фразеологизмы-варианты, — это не что иное, как фразеологизмы-синонимы по сигнификату: они называют разные оттенки одного понятия и, естественно, называют их сходными способами. Фразеологизмы-синонимы по сигнификату представляют собой развертывание, или распространение, одного и того же образа. Поэтому нередко они соотносятся как краткий и пространный варианты одного и того же образного описания. Ср. русск. *наплевать* = *плевать* = *плевать я хотел на них (на это дело)* = *плевать я хотел на них (на это дело) с колокольни* = *плевать я хотел на них (на это дело) с высокой колокольни*; ср. еще *пройти огонь и воды* = *пройти огонь и воды и медные трубы* = *пройти огонь и воды и медные трубы и сатанинские зубы*; франц. *avoir une gueule à faire peur* 'иметь такую рожу, что страшно делается' = *avoir une gueule à bloquer (caler) les roues de corbillard* 'такая рожа, что у катафалка колёса останавливаются' = *avoir une gueule à faire des contre-appels dans les cimetières* 'такая рожа, что на кладбище тревогу объявят' (с тем же значением) (см. также § 9).

Отношение устойчивых сочетаний и фразеологических сочетаний к категориям омонимии и синонимии иное, чем у фразеологизмов. Связанность слов в них не предельно тесная, и эти сочетания

вступают в отношения омонимии и синонимии через посредство своих компонентов. Опорное слово, т. е. то, которое выступает в своем связанном значении и предсказывает другое слово, напоминает о других своих подобных же связанных значениях и тем самым устанавливает синонимический ряд, ср. русск. *забубённая голова, забубённый человек, забубённое пьянство* ('что-либо разгульное, бесшабашное'); *светлая голова, светлый ум, светлая личность, светлый образ, светлая память* ('что-либо хорошее, ясное, ничем не 'омрачённое'); *дырявая голова; дырявая память*. Напротив, оставшееся слово (или остальные слова), являющееся в сочетании уточнителем, конкретизатором опорного слова и входящее в сочетание в своем более или менее свободном значении, устанавливает отношения омонимии, точнее, частичной омонимии и между совершенно разными по значению сочетаниями, например, слово *голова* в сочетаниях *голова забубённая; голова светлая; голова дырявая; голова садовая; голова всему делу; голова идет кругом*.

Таким образом, антонимия, омонимия, синонимия не только по отношению к основной части лексики, но и по отношению к устойчивым и фразеологическим сочетаниям и фразеологизмам, как расширению лексики, являются основными «осями» их организации в единую систему.

§ 20. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Лексика и семантика». Здесь даются краткие сведения об авторах, упомянутых в тексте в связи с основными проблемами лексики и семантики, и избранная библиография, сверх указанной в сносках. Порядок указания такой: классики марксизма-ленинизма, далее по темам, внутри тем — по алфавиту авторов, сначала работы на русском, затем на иностранных языках. Литература, рекомендуемая как учебное пособие, дается отдельно в конце списка.

В. И. Лени н и. Философские тетради. Поли. собр. соч., т. 29, и отдельные издания (о соотношении слова и понятия).

Основополагающие лингвистические работы о соотношении слова и понятия принадлежат русской филологической школе: Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891), знаменитый русский и украинский лингвист, автор капитального труда «Из записок по русской грамматике» (первое изд. 1874 г., последнее издание: т. I—II. М., Учпедгиз, 1958; т. III. М., «Просвещение», 1968), где он изложил не только свои богатейшие наблюдения над русским языком в кругу других индоевропейских, но и свою философию языка. «Введение» в I т. остается превосходным введением в проблемы семантики, этимологии, соотношения лексики и грамматики; стр. 461—465 — введением в теорию метафоры. Другие особенно значительные работы Потебни — «Мысль и язык» (последнее издание: Харьков, 1926) и «Из записок по теории словесности» (Харьков, 1905); в последней изложена оригинальная семантическая (в противопоставлении формальной) концепция словесного художественного творчества. Лев Владимирович Щерб а (1880—1944), академик, крупнейший русский лингвист XX в., один из основоположников фонологии (см. подробно § 26); в области лексикологии дал замечательные образцы словарной работы: Словарь русского языка. АН СССР. Институт языка и мышления. Т. 9, вып. 1 («И — идеализироваться»). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935; редактирование Русско-французского словаря (ряд изданий, начиная с 1936 г.) и «Опыт общей теории лексикографии» («Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка (ОЛЯ)», вып. 3, 1940), последняя рекомендуется для полной учебной проработки. Структурные отношения в лексике (десигнат, или значимость, омонимия, синонимия, антонимия). Фердинанд де Соссюр (1857—1913), знаменитый швейцарский лингвист, один из основоположников структурной лингвистики и так называемой Женевской лингви-

стической школы; основные работы (написаны по-французски): «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878), где закладываются основы «алгебраического» изучения языка и структурной реконструкции прошлых этапов языка; цикл статей о литовском ударении, где формулируется знаменитый закон передвижения ударения в балто-славянских языках, впоследствии названный «законом Фортунатова — де Соссюра»; «Курс общей лингвистики» (посмертное издание по записям учеников, 1916), где изложена общая концепция и философия языка, ставшая кредо структурализма (подробно см. ниже, раздел «Постулаты современной лингвистики»). Сергей Осипович Карцевский (1884—1955), известный русский лингвист, работавший последние годы жизни в Женеве, синтезировал идеи Ф. де Соссюра с наследием русской филологической школы; основные работы: «Система русского глагола» (издана по-французски в Праге, 1927), «Повторительный курс русского языка» (1928) и большое количество статей, одна из которых, упомянутая в разделе «Лексика и семантика», рекомендуется для учебной проработки. Ежи Куррилович, известный современный польский лингвист, профессор Ягеллонского университета в Кракове, создал оригинальную концепцию языка, в основу которой положена система морфологических оппозиций; основные статьи переведены на русский язык в сб.: Е. Куррилович. Очерки по лингвистике. М., ИЛ, 1962. Теория семантического (лексического) поля. Первые идеи высказаны русским филологом академиком Михаилом Михайловичем Покровским (1869—1942), работавшим на материале классических языков — латинского и древнегреческого; относящиеся сюда исследования собраны в кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., Изд-во АН СССР, 1959 (рекомендуются: «О методах семасиологии», «Соображения по поводу изменения значений слов»; из других значительных работ М. М. Покровского отметим «Историю римской литературы» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1942). О. Н. Трубачев — современный советский лингвист, чл.-корр. АН СССР, автор ряда крупных работ по этимологии славянских языков, перевел и дополнил Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (т. 1—4. М., «Прогресс», 1964—1973), в данной связи см. его работу «Ремесленная терминология в славянских языках. Опыт групповой реконструкции» (М., «Наука», 1966). Далее см.: А. И. Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. Изд-во МГУ, 1963; история вопроса в кн.: А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. М., «Наука», 1962, стр. 17—73; Г. С. Щур. О новом и старом в теориях поля в лингвистике, «Романо-германские языки» («Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та», вып. 73). Ярославль, 1970; S. Ohtani. Theories of the "linguistic field", "Word", vol 9, no 2, 1953; W. Porzig. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 58, 1934; J. Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes, Bd. I. Heidelberg, 1931. Другие типы групп в лексике. Обзор словарей-тезаурусов: В. В. Морковкин. Идеографические словари. Изд-во МГУ, 1970; ассоциативные группы в лексике: в настоящее время развернуты исследования их как основы для составления словарей сочетаемости, см. сб.: «Вопросы учебной лексикографии», изд. МГУ, 1969, ранее см.: Р. Халлиг и В. Вартбург, указ. в тексте соч., стр. 41; еще ранее, на иной основе, их обнаружил Г. Шпербер: Н. Спербер, Ueber den Affekt als Ursache der Sprachveränderung, Halle, 1914; он же. Einführung in die Bedeutungslehre, Bonn und Leipzig, 1923. Фразеология. В этом разделе упоминаются: Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969), академик, крупнейший русский лингвист XX в., автор фундаментальных работ по всем разделам науки о русском языке, а также по поэтике и стилистике; основной труд по грамматике «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (2 изд. М., «Высшая школа», 1972); здесь упоминается как один из основоположников, наряду с Б. А. Лариним, учения о русской фразеологии, см.: В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Серия филол. наук». Л., 1946; он же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, в кн. «Акад. А. А. Шахматов». М.—Л., 1947; Борис Александрович Ларин (1893—1964), крупный русский лингвист, автор ряда основополагающих работ по поэтике, лексикологии, истории русского языка. В данной связи см.: Б. А. Ларин. Очерки

по фразеологии. «Учен. зап. ЛГУ», № 198, серия филол. наук, вып. 24, 1956. Первые идеи учения о фразеологизмах были высказаны крупнейшим швейцарским лингвистом, учеником Ф. де Соссюра, Шарлем Балли (1865—1947); в данной связи см.: Ш. Балли. Французская стилистика (1909). Перев. с франц. М., Изд-во иностр. лит., 1961, стр. 87—111; далее см.: В. П. Жуков. Изучение русской фразеологии в отечеств. языкозн. последних лет. «Вопросы языкознания», 1967, № 5; В. Г. Гак и Я. И. Рецкер. Предисловие к Французско-русскому фразеологич. словарю. М., 1963; А. В. Кунин. Фразеология соврем. англ. языка. Опыт систематизированного описания. М., «Международ. отношения», 1972; А. И. Молотов. Вступительная статья к «Фразеологическому словарю русского языка». М., 1967. Паронимия. Общий обзор: Ю. С. Степанов. Лексико-семантическая система в освещении недискретной лингвистики. «Научная конференция «Вопросы описания лексико-семантической системы языка». Тезисы докладов», ч. II, Моск. пед. ин-т. иностр. яз. М., 1971; M. V é a l, Les doublets latins. «Mémoires de la société de linguistique»-Paris, t. 1, fasc. 2, 1868 (первое научное исследование паронимии); M. K o n r a d t - H i c k i n g. Wortfeld oder Bedeutungsfeld (Sinnefeld)? «Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft», Bd. 73, H. 3/4, 1956; R. L o r d. Lexico-semantic categories. «Studia linguistica», (Lund), 24(1), 1970.

К введению в языкознание: на материале русского языка — Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). Изд-во МГУ, 1973; Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., «Просвещение», 1964; о н же. Проблемы семантического анализа лексики. М., «Наука», 1973; а н г л и й с к о г о — А. А. Уфимцев а. Слово в лексико-семантической системе языка. М., «Наука», 1968; р о м а н с к и х — Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). Изд-во МГУ, 1963; и е м е ц к о г о — К. А. Левковская. Теория слова. М., «Высшая школа», 1962; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). М., «Высшая школа», 1968.

Глава I

ЗВУКИ РЕЧИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

§ 21. Звуки вообще и звуки человеческой речи. Звук — это результат колебаний какого-либо тела в такой среде, которая может передавать эти колебания до органа слуха (в воде, в воздухе). Акустика как раздел физики характеризует звук следующими параметрами:

1) высота, зависящая от частоты колебаний, т. е. от количества колебаний за единицу времени; чем больше частота, тем выше звук на слух. Человеческое ухо способно воспринимать частоты от 16 до 20 000 герц (герц, Гц, — одно колебание в секунду); диапазон, используемый для речи, значительно уже;

2) сила, зависящая от амплитуды (размаха) колебаний; чем больше амплитуда, тем громче звук;

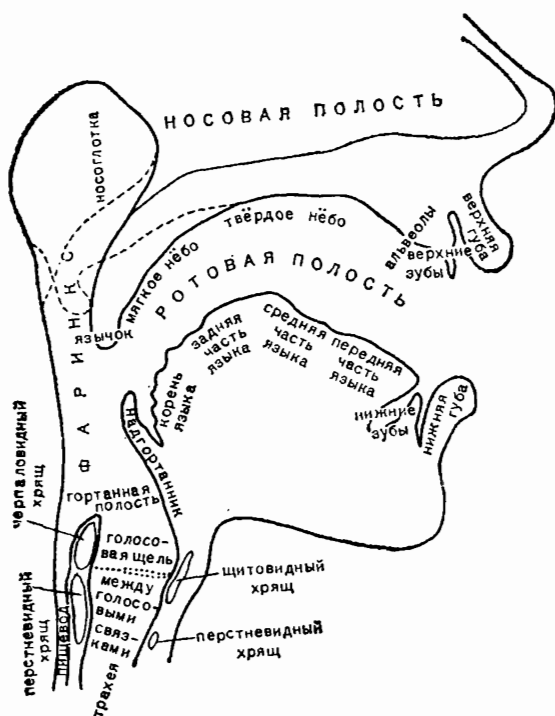
3) тембр, зависящий от дополнительных частот, входящих в состав звука;

4) долгота, или длительность, общее время звучания.

Звук в таком качестве способен производить голосовые связки (гортань) человека, которые в этом отношении функционируют в общем подобно музыкальному инструменту. Однако это еще не звук речи. Для того чтобы звук как чисто акустическое явление стал звуком речи, необходимо, чтобы он прошел органы речи, расположенные выше гортани. (См. схему речевого аппарата человека.)

Проходя далее через органы речи, звук, или голосовой импульс, изданный гортанью, получает форму, моделируется. Органы речи, состоящие из ряда резонаторов, — глотка, ротовая полость, носовая полость — подавляют одни частоты и усиливают другие, дают обертоны. Кроме того, преграды, имеющиеся в органах речи, — язык, зубы, губы — дают неперіодические колебания — шумы. Шум может образоваться и без участия голосовых связок, трением струи воздуха о преграды (например, [ш] — такой шумный звук; [ж] — тот же в основе звук плюс голос, производимый голосовыми связками). В результате «на выходе» из органов речи получается уже моделированный импульс, или звук речи. Каждая зона частот,

Схема речевого аппарата человека

усиленная резонаторами, называется формантой. Совокупность формант и межформантных областей дает спектр звука речи.

Реальное изображение звука с помощью специального аппарата (спектрографа) — спектрограмма звука — похоже на тонкую штриховку, в которой зонам формант соответствуют более густые пучки линий с пиками.

Для характеристики гласных обычно бывает достаточно указать три форманты — одну основную (F_1) и две дополнительные (F_2 , F_3). Частоты указываются в герцах или, преимущественно в зарубежной практике, в циклах. Сила звука, или интенсивность, указывается в децибелах, дБ. Сравним, например, характеристики двух звуков [i], их спектры:

Французское [i]
как в слове *rigé*

	Гц
F_1	250
F_2	2500
F_3	3400

Русское [и]
под ударением

	Гц
F_1	400
F_2	2550
F_3	3200

Первой, или основной, в составе звука всегда является форманта с наименьшей частотой, она дает основной тон звука и определяет качество звука в целом. Остальные форманты в сочетании с основной определяют окраску звука, его тембр. Так, сочетание формант 250—400 и 2500 Гц дает звук типа [и], сочетание формант 200 и 800 Гц — звук типа [а] и т. д. В согласных, как уже было сказано, участвует еще и шум.

§ 22. Классификация звуков речи. Артикуляторная и акустическая классификация. Непосвященному человеку кажется, что классифицировать звуки речи естественнее всего по тому, как мы их слышим. Однако это оказывается делом малоэффективным: человеческое ухо различает в звуках речи лишь то, что существенно для функционирования системы языка (об этом мы подробно будем говорить дальше, § 25). Остаются два способа: либо «классификация со стороны говорящего», по его способам производства звуков — артикуляции, это так называемая артикуляторная классификация, либо характеристика по объективно выявляемым с помощью приборов акустическим параметрам — формантам, шумам и проч., это акустическая классификация. Но так как производящим аппаратом является речевой аппарат человека, то акустическая классификация тесно связана с артикуляторной.

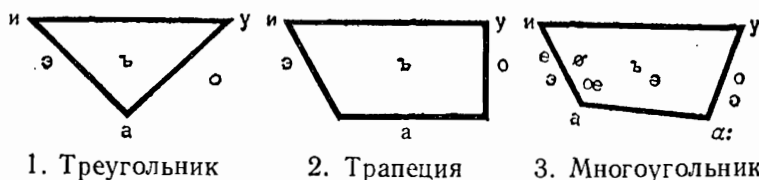
Артикуляторная классификация. Прежде чем перейти к теме этого параграфа, нужно сделать примечание о способах изображения звуков речи на бумаге. Обычные буквы, орфографическая запись дают несовершенное изображение: одной букве может соответствовать несколько звуков и один звук может изображаться разными буквами либо сцеплением букв. Поэтому в лингвистике используется специальная система записи — транскрипция. Полные сведения о транскрипции даются в курсах современного русского или иностранного языков, и мы их здесь опускаем.

Всякий гласный звук можно охарактеризовать со стороны произношения сочетанием двух черт: 1) насколько язык поднят в полости рта (подъем), 2) насколько язык продвинут вперед, к зубам (ряд положения языка). Например, русские:

[ъ]	[а]	[э]	[и]
гласный	гласный	гласный	гласный
1) среднего ряда	1) среднего ряда	1) среднего ряда	1) переднего ряда
2) среднего подъема	2) нижнего подъема	2) среднего подъема	2) верхнего подъема

Если обозначить схематически разные положения языка во рту, приняв за опорные точки его крайние положения при [и], [у], [а], то получится треугольник (1); при более детальном изображении — трапеция (2); при еще более детальном — многоугольник (3). Все гласные можно удовлетворительно разместить на этих схемах.

Схемы классификации гласных

Дополнительные значки указывают:

- [e] — закрытое [э], такое, как во франц. *été* или нем. *Ehre*;
- [ɑ] — заднее [а], как в англ. *part*, нем. *kam*, франц. *pâte*;
- [ɔ] — открытое [о], как в англ. *talk*, нем. *dort*, франц. *or*;
- [ø], [œ] — огубленные [э, е] разного качества, как во франц. *peur*, нем. *Ohren*;
- [ь], [э] — так называемые нейтральные гласные, как в русск. [вдь] *провод*, англ. *apart* [ə'pɑ:t].

Для характеристики согласного также необходимо знать по крайней мере два основных признака: 1) место его образования в органах речи, 2) способ его образования. (При дальнейшем чтении нужно следить за значением терминов, сообразуясь с рисунком на стр. 64.)

Согласный характеризуется по месту образования как: 1) губной ([б], [п], [м]), 2) губно-зубной ([в]), 3) зубной ([д], [т], [н]), 4) переднеязычный (те же [д], [т], [н]), 5) заднеязычный ([г], [к], [х]), 6) язычковый (маленький язычок) (франц. [ʁ]), 7) гортанный (англ. [h]), 8) носовой ([м], [н]);

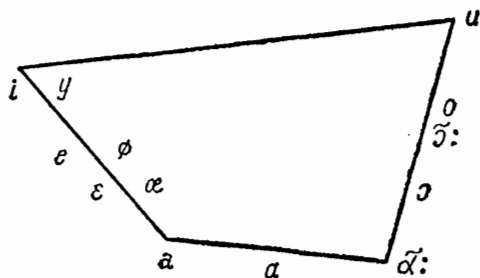
по способу образования как: 1) взрывной — один орган смыкается с другим, и выдыхаемый воздух резко преодолевает эту смычку, благодаря чему и получается [б], [п], [д], [т]; 2) щелевой (фрикативный) — органы смыкаются неплотно, и воздух проходит через щель — [ф], [в], [х]; 3) аффриката — сначала образуется смычка, а потом щель — [ч], [ц]; 4) плавный — смычка особого рода, как у [р], [л], [м], [н] (по качеству — участию голоса плавные иначе называются сонорные или сонанты).

Артикуляторная классификация очень удобна, проста и широко применяется в языкознании, но, разумеется, она недостаточно точна с акустической точки зрения. Однако просто уточнить артикуляторную классификацию новейшими акустическими данными, получаемыми с помощью приборов, оказалось невозможно. Дело в том, что слуховой эффект может быть предсказан по акустическим фактам, а эти последние — по артикуляции, но обратное неверно. Иными словами, точно установить на основании акустического анализа звука, каким укладом речевых органов он произведен, невозможно. Долгое время считалось, что у гласных F_1 производится в глоточной полости (глоточном резонаторе), а F_2 — в ротовой полости (ротовом резонаторе). Однако в настоящее время это мнение отвергнуто. Для большинства гласных оказалось невозможно определенно связать форманту с полостью. Кроме того, один и тот же акустический

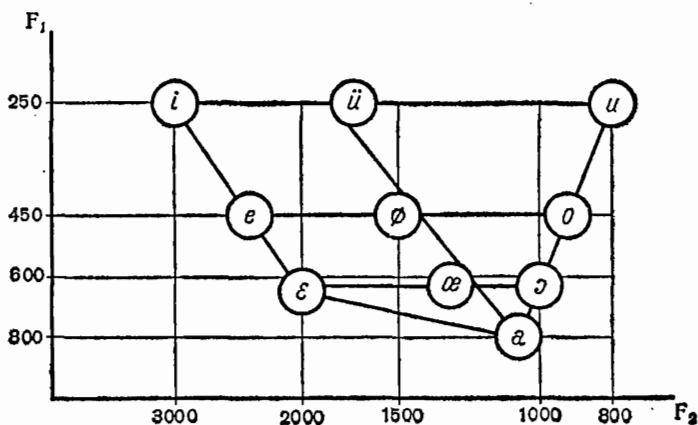
импульс может быть произведен разными артикуляционными способами и возможности компенсации артикуляций велики. Так, больные с ампутированной гортанью производят речевые звуки совершенно иначе, чем здоровые люди, роль гортани играют мышечные складки, образующиеся в пищеводе (получается так называемый пищеводный голос), но спектр звуков остается в общем тем же.

Если учитывать только некоторые форманты звука, то его можно, хотя и приблизительно, связать с артикуляцией. Лучше это удастся для гласных. Сказанное иллюстрируют следующие две схемы.

Артикуляционная классификация французских гласных (по Л. В. Щербе)

Акустическая классификация французских гласных (по Ж. К. Лафону)

Первая представляет традиционную артикуляционную схему, или иначе многоугольник гласных, в данном случае французских, по Л. В. Щербе¹; вторая — акустическую таблицу французских

¹ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка, изд. 7. М., «Высшая школа», 1963, стр. 51 и «Приложение II. Основные типы гласных и некоторые знаки для них».

гласных, по работе Лафона¹. Акустический график дается в обратном логарифмическом масштабе, за параметры приняты две первые форманты. (Выбранная проекция дает стяжение изображения по мере нарастания частоты, поэтому, например, расстояние между отметками 800 и 1000 почти такое же, как между отметками 2000 и 3000.) При таком способе представления этот график неизбежно совпадает с артикуляционным графиком. (На схеме Л. В. Щербы *y* означает огубленное [i], как нем. *ü*, α — заднее [a]; введены носовые гласные.)

Тем не менее в целом артикуляторная и акустическая классификации остаются двумя различными типами классификаций.

§ 23. Универсальные дихотомические классификации. Начиная с 50-х годов нашего века усиленно разрабатываются новые способы классификации, ставящие своей целью учесть все возможные речевые звуки, какие только способен произвести человек. Для достижения этой цели совмещаются некоторые приемы артикуляторной и акустической классификаций и вводятся новые, как по цели, так и по способу описания. Такие классификации являются универсальными. Первый такой способ классификации был предложен Р. Якобсоном, Г. М. Фантом, М. Халле. В основе этой классификации лежат 12 различительных, или дифференциальных, признаков. Мы уже знаем (см. Лексика, § 11), что дифференциальные признаки мыслятся только парами, состоящими из положительного и отрицательного признаков. Точно так же обстоит дело и здесь. Следовательно, выражаясь более точно, в основе этой классификации лежат 12 пар различительных признаков. Их достаточно для того, чтобы описать все звуки, используемые во всех языках мира, поэтому классификация является универсальной. Процесс классификации заключается в том, что множество звуков разбивается сначала на две части по первому признаку (им обычно служит признак «гласный — негласный»), так что в одну группу попадают все звуки, характеризующиеся тем, что «они — гласные», а в другую все звуки, характеризующиеся тем, что «они — негласные». Затем каждая из полученных групп снова разделяется на две по второму признаку (им обычно служит признак «согласный — несогласный»). В результате этого второго этапа анализа в группе «гласные» получатся две подгруппы: 1) «гласные, которые одновременно обладают признаком «согласные» (таковыми будут, например, [p], [л]), 2) «гласные, которые одновременно обладают признаком «несогласные» (ими будут [a], [o], [э], [и] и подобн.). Точно так же разбивается на две подгруппы группа «негласные»: 1) «негласные, которые одновременно обладают признаком «согласные» (ими будут [t], [д], [н], [м], [с], [з] и т. д.), 2) «негласные, которые в то же время и несогласные» (таковым будет звук «йот» [j]). Таким образом, на втором этапе анализа, при использо-

¹ J.-C. Lafon. Message et phonétique. «Cahiers d'audiophonologie», 2. P. U. F. Paris, 1961, стр. 131.

вании двух пар признаков, получаются четыре группы звуков. На следующем этапе каждая из четырех групп снова разбивается на две, уже по третьему признаку, и т. д., пока не будут использованы все 12 пар признаков. Так как на каждом этапе анализа происходит разбиение групп звуков надвое, вся классификация получила название дихотомической (от греч. διχοτομία 'разрубание пополам', 'разделение надвое'). Мы видим, что в основе этой классификации лежит та же логика исследования, что и при выявлении лексических, или антонимо-синонимических, групп слов: каждая группа, полученная на данном этапе анализа, антонимична к соседней, все ее члены синонимичны друг с другом. Используемые признаки имеют четкие акустические соответствия в спектре звука и довольно хорошо соотносимы с артикуляторной характеристикой (однозначное соответствие с последней, как уже говорилось в § 22, невозможно).

Дихотомический характер классификации вызвал длительную дискуссию. Противники дихотомии утверждали, что в реальной речи далеко не все звуки допускают характеристику по принципу «либо одно — либо другое». В настоящее время дискуссию можно считать законченной. Стало очевидным, что признаки в универсальной дихотомической классификации имеют двойную функцию. В их функции чисто фонетического описания реальных звуков речи признаки допускают градуальную трактовку: «гласный — менее гласный — еще менее гласный и т. д.»; «компактный — менее компактный — еще менее компактный и т. д.»; так же во всех случаях. Но в их функции именно классификации для целей универсального лингвистического описания признаки могут быть только двоичными, дихотомическими. В таком применении эти признаки выявляют лишь обобщенные для целей описания, типичные звуки речи, звукотипы.

Перечислим все признаки этой классификации:

1) гласный — негласный (акустическая характеристика: наличие — отсутствие четко выраженной формантной структуры; артикуляционная характеристика: колебания голосовых связок при свободном проходе воздуха через голосовой тракт);

2) согласный — несогласный (акустическая характеристика: низкий — высокий общий уровень энергии; артикуляционная характеристика: наличие — отсутствие преграды в органах речи);

3) компактный — диффузный (характеристики мы здесь опускаем, их можно найти в специальной литературе);

4) напряженный — ненапряженный;

5) звонкий — глухой;

6) носовой — ротовой (или назализованный — неназализованный);

7) прерванный — непрерывный;

8) резкий — нерезкий;

9) глоттализированный — неглоттализированный;

10) низкий — высокий;

11) бемольный — простой (например, русские согласные перед огубленными гласными: *тут, нос*, в отличие от *там, нас*);

12) дизыный — простой (например, русские согласные *ть* [t'] в отличие от [t]; *къ* [k'] в отличие от [k]; русские гласные [a] после *ть* — *тянут* [t'ánут] в отличие от [a] после *т* — *так* [такл]).

Мы иллюстрировали два последних термина, потому что они получили особенно широкое распространение и встречаются в лингвистике и вне дихотомической классификации. Более подробное разъяснение этих явлений по существу см. ниже, в разделе о слоге (§ 41).

Позднее Н. Хомский и М. Халле создали другой вариант универсальной дихотомической классификации, который особенно часто применяется в англо-американских работах. Новшеством является здесь понятие нейтральной позиции органов речи. (При дальнейшем чтении нужно следить за значением терминов, сообразуясь с рисунком на стр. 64.) В этой позиции органы речи имеют в основном тот уклад, который характеризует их при спокойном дыхании через нос, но только нёбная занавеска поднята, чтобы воздух перестал проходить через нос, а спинка языка чуть-чуть приподнята, как при произнесении звука [э] в русском слове *эти*. В таком положении речевого аппарата голосовые связки могут звучать под воздействием свободно проходящего воздуха (вследствие разницы давления по чисто физическому «эффекту Бернулли»), что получило название «спонтанного колебания голосовых связок».

На основе понятия спонтанного колебания голосовых связок вводится три основных признака этой классификации: 1) сонорный — несонорный; сонорный — всякий звук, при котором уклад речевого канала делает возможным спонтанное колебание; сужение канала препятствует спонтанному колебанию, пределом оказывается такое сужение, как при [w] и [j]; 2) вокальный — невокальный; вокальный — всякий звук, при котором действует ротовой резонатор, и при этом сужение в нем не превышает сужения для звуков [u] и [i]; спонтанное колебание при этом возможно; 3) консонантный — неконсонантный; консонантный — всякий звук, при котором создается препятствие в речевом канале. Эти признаки составляют так называемый главный класс признаков (употребленный ниже термин «глайд» означает звук, переходный от согласного к гласному при соседстве последних в речи):

	Сонорный	Консонантный	Вокальный
Звонкие согласные	+	—	+
Глухие согласные	+	—	—
Глайды [w], [j]	+	—	—
Глайды [h], [ʔ]	+	—	—
Плавные	+	+	+
Носовые согласные	+	+	—
Неносовые согласные	—	+	—

Кроме «главного класса признаков», вводятся еще четыре. Перечислим все классы признаков: 1) главный класс (major class features): сонорный, вокальный, консонантный; 2) признаки полости (cavity features): корональный (передняя часть языка поднимается выше нейтральной позиции), передний (препятствие создается впереди от палатоальвеолярной части рта), круглый (с округлением губ) и т. д.; 3) признаки способа артикуляции: прерванный, с резким отступом, с плавным отступом и т. д.; 4) признаки источника (source features): повышенное подгортанное давление, голос, шум; 5) просодические признаки: ударение, тон (с дальнейшим делением на высокий, низкий, восходящий и т. д.), долгота. Всего в классификации участвует 40 парных признаков¹ (далее см. § 81).

Несколько существенных примечаний о терминах. В современной лингвистике особенно актуальным является вопрос о «глоточных», «зевных», «ларингальных» и т. п. звуках. Они оказываются в центре нескольких важнейших проблем: способов «порождения» звуков и целых фонетических и фонологических систем; изучения непредельных, некратчайших фонетических явлений (так называемых просодических явлений, «просодии») — слога, слогаделения, слоговых интонаций и т. д. (см. § 41); реконструкции фонологических и морфологических систем исчезнувших языков (так называемая проблема ларингальных в индоевропейском языке). Поэтому особенно важна относящаяся сюда группа фонетических терминов. Как и в разделе «Лексика и семантика», мы дадим их соответствие на разных языках. Заметим, что терминология не вполне устоялась, и ниже мы ее несколько упорядочиваем:

фарингальный, или зевный, или глоточный; англ. pharyngeal; франц. pharyngal;

ларингальный, или гортанный; англ. laryngeal, laryngeal; glottal, glottalic; франц. laryngal, glottal;

заротовой, или глоточный, как общее название для звуков заротового резонатора — и фарингальных, и ларингальных; англ. faucal; франц. faucal (в русской фонетической традиции термин «фаукальный» имеет другое значение и здесь использован быть не может).

¹ N. Chomsky and M. Halle. *The Sound Pattern of English*. New York, 1968, стр. 295—303.

Глава II

ВЫДЕЛЕНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОНЕМ

§ 24. Выделение фонем из многообразия звуков речи. В предыдущих параграфах мы рассматривали все многообразие звуков, которые, естественно, способен произвести речевой аппарат человека. Но центральная задача лингвистики заключается в том, чтобы выделить из этого многообразия основные для каждого языка звуки, т. е. такие звуки, которые используются в данном языке для различения звуковых оболочек слов и форм слов (или «фонетических слов», как мы называли их в разделе «Лексика и семантика»). Очевидно, что эта задача уже не может решаться артикуляторной или акустической классификацией. Какие звуки из естественного диапазона избраны данным языком, определяется традицией, а то, как избранные звуки уложены в систему, определяется структурной организацией данного языка. При решении этой задачи артикуляторно или акустически классифицированные звуки берутся как материал, и этот материал подвергается дальнейшей классификации, по признакам, продиктованным теперь уже самой языковой системой.

Что именно избрано традицией, решается простым наблюдением над звучащей речью. Так, наблюдения показывают, что в русском языке нет ларингальных («гортанных») звуков, которые встречаются в арабском языке, что русское [r] нёбное, а не увулярное (язычковое), как французское, что оно дрожащее, а не плавное, как английское, что в русском нет носовых гласных, как в польском или французском, и т. д. Ненужная для данного языка часть универсального диапазона звуков отсекается легко. Но как выделить в оставшейся, нужной части подлинно основные элементы, по отношению к которым другие используемые в данном языке звуки могли бы рассматриваться уже как их видоизменения, вариации? Заметим сразу, что такие основные звуки называются фонемами (от греч. φωνή 'звук'), а изучение их — фонологией. Вопрос заключается, следовательно, в том, как установить фонемы или перейти от фонетики к фонологии.

Вопрос может решаться двумя противоположными путями. Либо таким подбором слов и словоформ для сопоставления, чтобы

несущественные, второстепенные звуковые различия оказывались в данном сопоставлении незаметными, устраненными, а существенные сразу выдвигались бы на первый план, это путь устранения различий. Либо таким путем, чтобы сами многообразные видоизменения звуков были подобраны в как можно больших сериях, чтобы затем эти серии были в свою очередь упорядочены, классифицированы и основной звук мог быть таким образом отличен от его регулярных видоизменений, это путь усиления различий. Ниже мы рассмотрим по очереди оба пути.

§ 25. Выделение фонем способом устранения различий. Минимальные пары. Слова могут различаться максимально — по всей длине звучания, например, русск. *дом* ~ *брысь*, *три* ~ *поехали*. Каждая такая оппозиция может быть с полным основанием названа фонемной, или фонологической, оппозицией. Но если мы хотим установить фонемы способом устранения различий, то должны сопоставить слова, одинаковые по длине звучания, приравнять их по длине звучания — *три* ~ *пить*, *дом* ~ *сын*, а затем и по большей части звучания, так, чтобы проследить различия на минимально возможных участках. Таким путем мы приходим к подбору минимальных пар: *дом* ~ *дам*, *дам* ~ *дым*, *три* ~ *при*, *ми* ~ *мне*, *капать* ~ *копоть* и т. п. Оппозиция здесь сохраняется, но делается кратчайшей. В оппозиции теперь находятся кратчайшие, далее неделимые части в звуковой оболочке слова: *о* ~ *а*, *а* ~ *ы*, *т* ~ *п*, *и* ~ *о*, *и* ~ *а* и т. д., значит, [о], [а], [ы], [и], [т], [п] — фонемы. С этой точки зрения можно дать определение фонемы: фонемой является кратчайшая часть фонологической оппозиции (Н. С. Трубецкой) или кратчайшая, предельная единица языка в плане выражения. То же определение можно высказать и в иной формулировке: фонемой является кратчайшая звуковая единица данного языка, способная сама по себе различать слова и их формы. Но эта формулировка менее точная.

Заметим еще, что относительно фонем, установленных таким способом, можно далее поставить вопрос, не являются ли какие-либо две из них в свою очередь лишь разновидностями более общей единицы, другой фонемы. В случае положительного ответа на этот вопрос количество основных звуковых единиц данного языка может быть уточнено, т. е. сокращено. Так, в русском языке [ы] оказывается не самостоятельной фонемой, а лишь видоизменением фонемы [и] после твердых согласных. Дальнейшее укрупнение фонем по этой линии может привести к установлению «архифонем», но на этом теоретическом понятии мы здесь останавливаться не будем (см. § 74). Из сказанного ясно, однако, что установление фонем способом минимальных пар всегда требует затем проверки, чтобы выяснить, во-первых, нельзя ли выделенные фонемы подвергнуть дальнейшему обобщению, соединению (как русск. [ы] и [и]); во-вторых, не попали ли в отдельные фонемы части дифтонгов, так как некоторые

дифтонги состоят из одной фонемы, являются однофонемными сочетаниями двух звуков; не разбиты ли на две фонемы фонемы-аффрикаты.

Разумеется, что элементы звучания, различающие слова, т. е. фонологические оппозиции, могут быть совершенно различны по качеству. В английском языке различие долгих и кратких гласных звуков—существенный различительный признак слов, а следовательно, и фонем¹: *fit* [fit] с кратким [i] 'годиться', *feet* [fi:t] с долгим [i:] 'ноги'; *mitt* [mit] с кратким [i] 'рукавица', *meet* [mi:t] с долгим [i:] 'встречать'; *port* [pɔ:t] с долгим [ɔ:] 'порт', *pot* [pɒt] с кратким [ɒ] 'горшок'. Во французском языке слова различаются по открытости-закрытости гласных звуков, особенно находящихся в конце слов: *fait* [fɛ] с открытым (широким) [ɛ] 'факт', *fee* [fe] с закрытым (узким) [e] 'фея'. В русском же ни долгота, ни краткость, ни открытость и закрытость гласных звуков не существенны для различения слов. Это не значит, конечно, что в отдельных конкретных случаях такие различия не появляются в русской речи, но они никогда не используются для различения слов, т. е. не являются фонологически существенными: *мама* с кратким [a] и *ма-а-м-а-а!* с долгим [a:] — одно и то же слово; *эти*, произнесенное с закрытым (узким) [e] или с открытым широким [ɛ], также одно и то же слово и т. п.

Из этих примеров можно видеть, что [d], [t], [k], [o], [a] в русском, [i], [i:], [ɔ], [ɔ:] в английском, [ɛ], [e] во французском — различные фонемы; напротив, долгое и краткое [o], закрытое и открытое [a] в русском — представители одной фонемы.

Саму фонему разложить далее на следующие один за другим элементы нельзя, но каждое слово можно представлять состоящим из

Гласные фонемы русского языка (таблица по принципу минимальных пар)

	[a] пар	[o] сон	[э] шест	[у] гул
[и] сын	бак бык	бок бык	сэр сыр	бук бык
	[a] пар	бок бак	чешка чашка	бук бак
		[o] сон	сэр сор	бук бок
			[э] шест	ухо эхo
				[у] гул

¹ Фонемы записываются здесь в квадратных скобках.

фонем, следующих друг за другом. Такое описание слова очень существенно при изучении структуры языка. Вместе с тем необходимо уяснить себе, что это описание — абстракция от действительного существования языка и что до некоторой степени оно условно. Поэтому данное здесь определение фонемы верно, но еще не полно.

Гласные фонемы английского языка (часть состава)
(таблица по принципу минимальных пар)

	[i:] (seen)	[e] (bet)	[ei] (day)	[æ] (cat)	[eə] (there)	[a:] (cart)	[ɔ] (hot)	[ɔ:] (lord)	[ou] (go)
[i] (pit)	peat pit	pet pit	pate pit	pat pit	cared kid	card kid	pot pit	port pit	boat bit
[i:] (seen)	pet peat	pate peat	pat peat	pears peas	car key	pot peat	port peat	boat beat	
		[e] (bet)	pate pet	pat pet	fared fed	hard head	pot pet	port pet	boat bet
			[ei] (day)	pat pate	fared fade	marred made	pot pate	port pate	boat bait
				[æ] (cat)	fared fad	marred mad	pot pat	port pat	boat bat
					[eə] (there)	card cared	cod cared	cord cared	code cared
						[a:] (cart)	hot heart	caught cart	coat cart
							[ɔ] (hot)	cord cod	code coo'
								[ɔ:] (lord)	code cord
									[ou] (go)

и т. д.

Примечание. Таблица заимствована из работы: A. S. C. Ross and J. Josephs. Triangular tables for the phonemes of English. «Archivum linguisticum», I(1), 1949. Здесь воспроизводится лишь начальная, левая часть таблицы. Далее в таблице располагаются [u] (foot), [u:] (boot), [ʌ] (cut), [ə:] (her), [ai] (by), [au] (found), [ɔi] (oil), [iə] (deer), [uə] (tour), [ə] (china). Следует обратить внимание на то, что в английском языке каждый из приведенных дифтонгов является одной фонемой. Авторы упростили обозначения для краткого [i] и долгого [a].

§ 26. **Предельный случай минимальных пар — фонема как форма отдельного слова.** Логически развивая принцип минимальных пар, мы должны прийти к выводу, что фонема, одна и сама по себе, может быть звуковой оболочкой отдельного слова. Такое слово, очевидно, может послужить более наглядным критерием выделения фонемы. Критерий этот действительно используется в другой фонемной теории, у одного из основоположников учения о фонеме — Л. В. Щербы (исторически его теория возникла раньше теории Н. С. Трубецкого, упомянутой выше). «В живой речи, — писал Л. В. Щерба, — произносится значительно большее, чем мы обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить условием человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем. Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде (подчеркнуто мной. — Ю. С.), и, собственно, он один только и сознается нами как речевой элемент»¹. Подчеркнутые слова и разъясняют, почему фонему нужно определять по тому типу звука, который может быть звуковой оболочкой отдельного слова. В самом деле, ведь, согласно Л. В. Щербе, мы должны стремиться выделить звук по его произношению в изолированном виде, следовательно, надо искать его не в каком-нибудь тесном окружении соседних звуков, где искомый звук сильно зависит от окружения, от расстояния до места ударения и т. п., а искать его надо, снимая влияние окружения. Таким путем мы и приходим к тому, что максимально независимой позицией для звука окажется тот случай, когда он без всякого окружения, сам по себе, образует звуковую оболочку отдельного слова. В большинстве случаев в языках типа русского такая позиция для гласного окажется к тому же и ударенной. Описанный способ иллюстрируется таблицей на стр. 77.

Этот способ удобен тем, что он наглядно соответствует определению фонемы: определение утверждает, что фонема есть кратчайшая единица языка в плане выражения, и приведенный способ буквально реализует это определение, предписывая отсекающие допускаящие отсекающие части слов и доходя до такого положения, когда один звук составляет сам по себе звуковую оболочку слова.

На приведенное выше щербовское определение очень похоже определение английского фонетиста Д. Джоунза, который также называет фонему семьей звуков, состоящей из основного члена (*principal member or part*) и неосновных членов (*subsidiary members*). Основной член — тот, который допускает в этом языке произнесение в изо-

¹ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка, изд. 7. М., 1963, стр. 18.

лированном виде. Однако Д. Джоунз дает ему еще и другую характеристику — «самый частый, чаще всего встречающийся» — и тем самым допускает существенную неточность: частотность не имеет прямого отношения к разделению членов фонемы на основные и неосновные ¹. Утверждение, что, чем проще реализация фонемы, тем

	Для русского [а]	Для русского [и]
1. Очень плохая позиция для установления фонемы	<i>пя́тёрка</i> [п'н'т'о́ркъ]	<i>пи́тьевой</i> [п'ит'и'эво́]
2. Лучшая позиция	<i>пя́ть</i>	<i>пи́ть</i>
3. Еще лучшая	<i>па</i> (фигура танца)	<i>пи</i> (математический термин)
4. Самая лучшая	<i>а!</i> (междометие)	<i>и</i> (союз)

чаще фонема встречается, высказывалось неоднократно (Г. К. Ципф, Р. Якобсон, П. Гиро, В. В. Мартынов, О. С. Широков и др.). Неопределенным здесь остается понятие частотности: одни авторы понимают под этим наличие фонемы в системах разных языков, другие — ее встречаемость в текстах одного языка, третьи, как, по-видимому, Д. Джоунз, — то, что форма слова с основным членом фонемы встречается чаще, чем формы того же слова с видоизменением фонемы.

Все члены фонемы, как те, так и другие, называются аллофонами (allophones). Этот термин употребляется и в современной советской лингвистике. Он соответствует термину оттенка фонемы у Л. В. Щербы и термину варианты фонемы в других теориях.

Следует заметить, что в некоторых высказываниях Л. В. Щербы имеется терминологическая неточность: фонемой называется иной раз звук в независимой позиции. На самом деле звук, находящийся в максимально независимой позиции, будет не самой фонемой, а лишь одним из ее оттенков, правда основным оттенком фонемы.

¹ D. Jones. An Outline of English Phonetics, 8-th ed., Cambridge, 1957, стр. 49—51.

Фонема выделяется и называется обычно по ее основному оттенку. Однако сама фонема, по утверждению Л. В. Щербы, — это то общее, что содержится во всех ее оттенках, как основном, так и несомненных.

Максимально независимый фонетический оттенок в силу своей максимальной независимости всегда более или менее отчетливо осознается говорящими как речевой элемент и ассоциируется с тем или иным смыслом в данном языке. Поэтому, по Л. В. Щербе, и сама фонема всегда так или иначе ассоциируется со значением. В одних случаях эта ассоциация непосредственна и сильна, а именно тогда, когда фонема образует звуковую оболочку отдельного слова: *и* — союз, *а* — междометие, *у, к, с* — предлоги и т. п. В других случаях ассоциация непосредственна, но слаба: когда фонема образует звуковую оболочку аффикса или грамматического окончания, таковы *м* в слове *дам* против *дашь, дай*; *л* в прошедшем времени глаголов, *ехал* против *ехать*. В большинстве случаев непосредственной ассоциации нет, например, *м* в слове *дом* никак не связано со значением, но опосредованно фонема [м] в языке связывается со значением благодаря таким случаям, как *дам, ем* и т. п. И с этой точки зрения, по связи со значением, для выделения фонем могут быть удобные и неудобные позиции.

Например:

	Для русского [м]	Для русского [н']
1. Очень плохая ассоциация для установления фонемы	<i>пломбир</i>	<i>кончик</i>
2. Лучшая	<i>лом, дом</i>	<i>конь, гармонь</i>
3. Еще лучшая	<i>им</i> (против <i>их</i>) <i>мы</i> (против <i>вы</i>)	<i>румянь!</i> (против <i>румян</i>) <i>стань!</i> (против <i>стан</i>)
4. Самая лучшая	<i>стол-а-м</i> (против <i>стол-а</i>) <i>мам-а-м</i> (против <i>мам-а</i>) и т. п.	<i>дань, рвань, ткань</i> (против <i>дан, рван, ткан</i>) и т. п.

Мы видим, что и при выделении фонемы путем сведения минимальных пар к предельному случаю — отдельному слову этот предельный случай все равно остается глубоко связанным с системой оппозиций, в которые он включен в данном языке. Вне противопоставлений нет фонем.

§ 27. Выделение фонем способом усиления различий. Понятие о сочетаемости, или дистрибуции. Понятие о дополнительной дистрибуции. Как уже было сказано, второй путь выделения фонем заключается в том, чтобы с наибольшей полнотой учесть разнообразные позиционные варианты звуков, классифицировать их и выделить фонемы как их общую, остающуюся неизменной часть. Иллюстрируем этот способ на материале русского языка такой табличкой (в заглавиях колонок буквы символизируют: Т — любой твердый согласный, Т' — любой мягкий согласный, А — любой гласный):

	I А, АТ	II ТА, ТАТ	III АТ', ТАТ'	IV Т'АТ, Т'А	V Т'АТ'	Какая выделяется фонема
1	[а] а? ад	[а] да, дам	[ä] Аня, Таня	[ä] тянут, хотя	[ä] тянет	[а]
2	[о] о? он	[о] то, том	[ö] Оля, Тоня	[ö] тёмный, ещё	[ö] берёзе	[о]
3	[э] э-э..., эх	[э] в душе, шест	[ë] эти, шелест	[ë] тесто, в суде	[ë] лён	[э]
4	[у] у? ум	[у] пишу, шум	[ÿ] учит, тучи	[ÿ] людно, свечу	[ÿ] люди	[у]
5	[и] и-и? им	[ы] пиши, был	[и] иней, [ы] быть	[и] милый, вели	[и] нить	[и]

Классификация того вида, как показанная в таблице, производится по двум признакам: 1) по определенному фонетическому качеству обследуемого звука, «по типу звука», этот признак дает горизонтальные ряды I—5; 2) по характеру позиций, этот признак дает колонки I—V. (Разумеется, для другого языка и типы рядов и типы колонок могут быть иными.) Следует заметить, что позиции тоже ведь состоят из звуков, которые тоже образуют «типы звуков». Поэтому после такой классификации выделение фонемы происходит сравнением классов по два по следующему правилу: если есть классы звуков I, II, III, IV, V... и т. д., при этом в сочетании со звуками типа Т (в позиции после Т) встречается только II класс ([а], [о], [э], [у], [ы]), а в сочетании со звуками типа Т' (в позиции между Т' — Т') встречается только V класс ([ä], [ö], [ë], [ÿ], [и]), то звуки этих классов должны быть попарно объединены, т. е. объединяются [а] и [ä], [о] и [ö], [э] и [ë], [у] и [ÿ], [ы] и [и]. Затем берется один из об-

следованных классов и сравнивается с одним из оставшихся и так далее, пока таким образом не будут сопоставлены друг с другом все классы. В этом сравнении мы опираемся на один из признаков предварительно проведенной классификации, в нашем примере на колонки (I, II, III, IV, V). Соединение же звуков попарно происходит на основании второго признака предварительной классификации, в данном случае на основании рядов (1, 2, 3, 4, 5), поэтому попарно сводятся [a] и [ä], но не [a] и [ö], [o] и [ö], но не [o] и [э] и т. д. Полученные путем сведения звуки дают фонему. Как и в других случаях, фонема называется по ее разновидности в максимально независимой позиции (см. последнюю колонку таблички) ¹.

Все случаи соседства в речи одного звука (или фонемы) с другими называются сочетаемостью, или дистрибуцией, этого звука (или фонемы) (ср. аналогичное понятие в Лексике, § 14). Такое явление, когда один звук встречается только в одном типе позиций, а другой звук — только в другом типе позиций, называется дополнительной дистрибуцией этих звуков; говорят, что два данных звука находятся в дополнительной дистрибуции (один относительно другого). В дополнительной дистрибуции могут находиться и целые классы (множества) звуков. В нашем примере находятся в дополнительной дистрибуции звуки [a] и [ä], [a] и [ä], [a] и [ä]; отдельно [o] и [ö], [o] и [o], [o] и [ö] и т. д.

В дополнительной дистрибуции находятся и классы: {[a], [o], [э], [y], [ы]}, {[ä], [ö], [э], [y], [и]}, {[ä], [ö], [э], [y], [и]}.

¹ Ср.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 49 (табличка), стр. 56—57 (правило); Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 98—100 (таблицы).

Глава III

ГРУППЫ И СИСТЕМЫ ФОНЕМ

§ 28. Некоторые общие вопросы. Системы фонем и системы значений (и слов), их аналогии. Когда фонемы данного языка выявлены, важной задачей является их классификация, т. е. соединение в группы и системы фонем. Это соединение делается на тех же основаниях, что и при аналогичной работе в семантике и лексике. Там, как мы видели (§ 7—15), группировка значений (и слов) производится путем установлений сходств и различий. В семантике в основе сходств лежит элементарное отношение синонимии, а в основе различий — элементарное отношение антонимии. Применимы ли понятия синонимии и антонимии при классификации фонем? Можно ли говорить, что сходные в каком-либо отношении фонемы «синонимичны», а различные в каком-либо отношении — «антонимичны»? Ответ на этот вопрос будет различным, смотря по тому, как мы понимаем назначение фонем в языке.

Если видеть назначение фонем в том, чтобы быть строительным материалом для знаков языка — слов и других единиц, то названные принципы к классификации фонем, очевидно, не применимы.

По-иному решается вопрос, если видеть назначение фонем в том, что они являются смысловозначительными единицами. Возьмем пару словоформ, заведомо имеющих одно и то же значение: *пруды* ~ *пруд* [прут], или другую пару: *волы* [валы] ~ *вол*. Здесь противопоставлены фонемы [д] и [т], в другом случае [о] и [а]. Но лексическое значение противопоставленных форм слов одно и то же, следовательно, [д] и [т], отдельно [о] и [а] — фонемы-«синонимы». Но те же пары фонем в случаях *дом* и *том*, *вол* — *вал* будут, очевидно, фонемами-«антонимами». Итак, при понимании фонем как смысловозначительных единиц одни и те же пары фонем (и соответственно и более крупные последовательности из трех, четырех и т. д. фонем) должны считаться то синонимами, то антонимами, и, следовательно, принцип синонимии-антонимии не применим.

Еще иначе решается тот же вопрос, если смотреть на фонемы как на единицы, назначение которых — различать фонетические слова. Если разные фонетические слова различаются еще и значением, то в этих случаях фонемы служат и различению значений, но эту последнюю роль они выполняют не непосредственно, а по-

средством различения фонетических слов, или «звуковых оболочек» слов. Непосредственным назначением фонем остается и в этих случаях различение фонетических слов. При таком подходе сравниваемые фонетические слова (или формы одного слова, так как разные формы одного слова — это разные фонетические слова) будут теми оппозициями, в рамках которых сопоставляются и сравниваются фонемы. И оппозиции эти фонетические. Фонемы, сходные в одном каком-либо фонетическом отношении, будут фонемами-«синонимами», а различные в каком-либо фонетическом отношении — фонемами-«антонимами». Так, [д] и [т] в русском языке будут всегда фонемами-синонимами по признакам места и способа образования и фонемами-антонимами по признаку звонкости ([д] — звонкая, [т] — незвонкая, глухая). Именно на таком понимании вопроса мы и остановимся. Оно позволяет строить классификацию фонем на тех же общих принципах синонимии и антонимии, которые применены к семантике и лексике. А из двух описаний языка, равных в прочих отношениях, лучше то, в котором большее количество разных явлений сведено к меньшему количеству общих принципов.

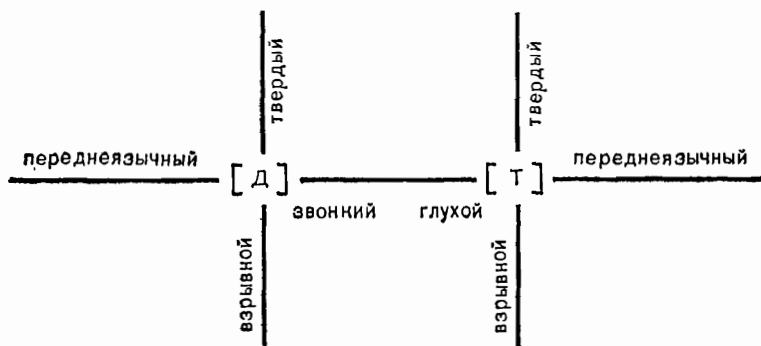
Итак, совпадение фонем по каким-либо фонетическим чертам есть синонимия фонем, а противопоставление фонем по каким-либо фонетическим чертам — антонимия фонем. Этот принцип позволяет дать классификацию фонем каждого языка.

Примечание. В заключение этого параграфа сделаем одно примечание. Данное решение опирается на такие фонемные теории, как теория Л. В. Щербы и Д. Джоунза по крайней мере в одном отношении: оно предполагает, что в таких случаях, как словоформы одного слова *пруды* — *пруд*, чередуются разные фонемы [д] и [т] и что, напротив, в словах *пруд* — *прут* мы имеем одну и ту же фонему [т]. Если же принять за основу теорию Московской фонологической школы, согласно которой фонема характеризуется местом в морфеме (о морфеме см. ниже, § 46), то в случае *пруды* — *пруд* мы имеем одну и ту же фонему [д] в ее двух вариантах — [д] и [т], а в случае *пруд* — *прут* — две разные фонемы, совпавшие в одном варианте [т]. Это [т] будет полным омонимом по отношению к фонеме [т] и частичным омонимом по отношению к фонеме [д]. Но частичный омоним есть синоним в одном отношении и антоним в другом, и мы опять приходим к понятиям фонем-синонимов и фонем-антонимов, хотя и более сложным путем — со вставкой лишнего промежуточного звена.

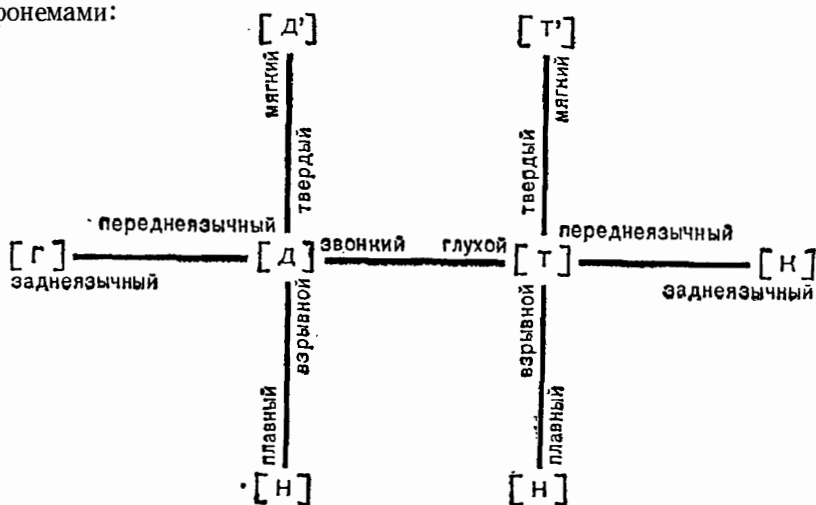
§ 29. Элементарные оппозиции фонем. Дифференциальные и интегральные признаки фонем. В начале раздела фонетики мы говорили об оппозициях фонетических слов с целью выделить фонемы. Теперь будем сопоставлять уже выделенные фонемы. Любые две фонемы одного языка, сопоставленные друг с другом, образуют оппозицию фонем. Сравнение фонем в оппозициях производится на основании фонетических черт тех звукотипов, которыми реализуются фонемы¹. Эти фонетические черты — то же самое, что признаки

¹ Поэтому в определениях допустимы формы и муж. и жен. рода: «переднеязычный, -ая; взрывной, -ая» и т. п.

классификации звуков (§ 22—23). У фонем, составляющих оппозицию, общие признаки — это черты синонимии фонем, и эти черты образуют основание оппозиции, а различные признаки — черты антонимии фонем, образующие противопоставление. Так, в оппозиции [д] и [т] в русском языке общие признаки: 1) взрывной, 2) переднеязычный, 3) твердый, а различные признаки: [д] — звонкий, [т] — глухой (глухой). Эту оппозицию схематически можно изобразить так:

Линия, соединяющая на схеме [д] и [т], символизирует их противопоставление, и, как всегда в случае антонимии, эта линия градуальна — от точки «звонкость» у [д] она через ряд последовательных ступеней достигает точки «глухость» у [т] (ср. аналогичную градацию в Семантике, в § 11). Но эта градуальность фонетическая; для противопоставлений же фонем существенны лишь крайние точки таких различий — противопоставления фонем прерывисты, дискретны, и сами фонемы — единицы дискретные. Точно такие же противопоставления фонемы [д] и [т] образуют по другим линиям с другими фонемами:

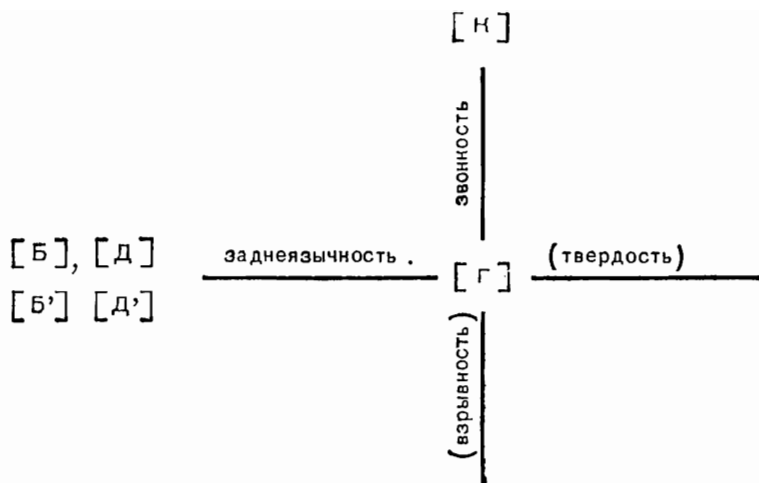

Эти другие фонемы ([д'] и [т'], [г] и [к]) в свою очередь образуют оппозиции друг с другом, и таким образом вся совокупность фонем обнаруживает черты структуры. В этой структуре есть места тесных, напряженных оппозиций, там, где в основании оппозиции совокупность общих черт велика, а противопоставление создается одним признаком, благодаря чему один признак несет на себе всю нагрузку противопоставления. Это оппозиции привативные. Таковы [д] ~ [т], [д] ~ [д'], [т] ~ [т'], [д'] ~ [т'] и др. Есть в ней места и ненапряженные. Это те места, где общие и различные признаки оппозиции находятся в равновесии и где, следовательно, фонемы противопоставлены по многим признакам одновременно. Такова оппозиция [т] ~ [н]. Ненапряженность этой оппозиции выясняется в сравнении с оппозицией [д] ~ [н], в последней фонемы противопоставлены только по одному признаку—взрывности-невзрывности (плавности), а все остальные признаки у них общие (их три: звонкость, переднеязычность, твердость). (Можно считать, что [н] отличается от [д] еще двумя признаками: назальностью (носовым характером) и сонорностью. Но эти признаки — простое следствие признака плавности: чтобы образовалась плавность, нужно, чтобы воздух в этом случае прошел через нос и тем самым образовал бы и назальность, и сонорность.) Напротив, [т] ~ [н] противопоставлены одновременно по двум признакам: [т] — взрывной и глухой, [н] — невзрывной (плавный) и звонкий; общих признаков (переднеязычность, твердость) у них примерно столько же, сколько различных, общие и различные признаки находятся в равновесии, это оппозиция эквивалентная.

Совокупность фонем каждого языка образует структуру. Поэтому признаки, по которым одна фонема противопоставлена всем другим фонемам данного языка, являются дифференциальными признаками фонемы. Понятие дифференциального признака было уже введено при рассмотрении лексики, и к этому месту нужно сейчас вернуться (§ 11).

Совокупность дифференциальных признаков образует фонологическое содержание фонемы. У фонемы [д] она такова: 1) переднеязычность, 2) звонкость, 3) твердость, 4) взрывность. Фонема [г], как легко видеть на такой же схеме, имеет два дифференциальных признака: звонкость, которой она противопоставлена лежащей в той же плоскости [к], и заднеязычность, которой она противопоставлена более отдаленно лежащим в симметричном ряду плоскостей фонемам [б], [д], [б'], [д'] (см. схему на стр 85).

Что касается двух других противопоставлений — твердости и взрывности, которыми [г] могло бы отличаться от других фонем, то они оказываются неиспользуемыми, так как соответствующие места в русской системе согласных пусты. Твердость не использована потому, что нет мягкой фонемы [г'] (у заднеязычных согласных в русском языке это противопоставление не играет фонологической роли). Взрывность же не использована потому, что нет фонемы невзрывного, щелевого (фрикативного) произношения, типа южно-

русского «г» [ɣ]. Между тем без этих признаков могла бы существовать фонема как абстрактный знак, но не мог бы существовать звук речи, воплощающий эту фонему. Такие признаки называем интегральными признаками фонемы. Интегральные признаки не входят в фонологическое содержание фонемы (ср. понятие интегрального признака в «Лексике», § 11).

Фонологическое содержание фонемы, ее дифференциальные признаки, определяют границы, в которых можно варьировать звуки, составляющие каждую фонему: очевидно, до тех пор, пока дифференциальные признаки данной фонемы не совпадают со всеми дифференциальными признаками другой.

Кроме того, дифференциальные признаки объясняют, в каких направлениях может изменяться принятое произношение фонемы. Так, щелевое, «южное» произношение [ɣ] в южнорусских диалектах, обозначаемое знаком [ɣ], возможно потому, что признак смычки, взрывности у [ɣ] не использован, этим признаком она не противопоставлена никакой другой русской фонеме.

Из сказанного ясно, что структура фонемного состава создается многими видами оппозиций, различными как по качеству (составу признаков), так и по количеству охватываемых фонем (оппозиции двух фонем, трех фонем и т. д.). Но все они сводимы к элементарной — парной (или бинарной) оппозиции антонимо-синонимического характера.

§ 30. Системы из элементарных оппозиций. Корреляции. Если фонемы в одной оппозиции соотносятся друг с другом так же, как другие фонемы в другой оппозиции, то обе оппозиции образуют корреляцию. Необходимо подчеркнуть, что в корреляции непосредственным сходством обладают не фонемы, а элементарные оппозиции фонем. Корреляция в фонемном составе может быть до

известной степени уподоблена пропорции в математике. Приведем примеры корреляций в русском языке. Корреляция по твердости-мягкости: [п] ~ [п'] = [б] ~ [б'] = [т] ~ [т'] = [д] ~ [д'] = [р] ~ [р'] = [н] ~ [н'] = [л] ~ [л'] = [м] ~ [м'] = [с] ~ [с'] = [з] ~ [з'] = [в] ~ [в'] = [ф] ~ [ф']. Кроме того, в русском языке есть фонемы, не образующие непосредственных оппозиций по твердости-мягкости и потому не входящие и в эту корреляцию, Это только твердые [х], [к], [г] и [ж], [ш], [ц] и только мягкие [j]. [ж'] (*вожжи, дрожжи*), [ш'] (*щи, ищи, щёлк*), [ч]. Корреляция по звонкости-глухости: [п] ~ [б] = [т] ~ [д] = [с] ~ [з]... и т. д.

§ 31. Весь фонемный состав как система. Из сказанного ясно, что после предварительной работы по систематизации фонем в оппозиции, группы и корреляции, весь фонемный состав языка может быть представлен как система.

Согласные фонемы немецкого языка как система

(По Н. С. Трубецкому)

		v	z	
	x	f	s	ʃ
p	t	k	ʃ	c
b	d	g		
m	n	ŋ		
r	l			
		h		

Следует заметить, однако, что плоскостное изображение не дает адекватного представления о системе (или структуре) фонемного состава, поскольку последняя многомерна. Более полное представление получается с помощью объемных схем. Однако поскольку фонемная система не трехмерна, а многомерна, то и объемные кубические схемы тоже являются лишь тем или иным приближением. Наиболее адекватное представление получается с помощью математической абстракции многомерного пространства, но это представление не наглядно. Вообще представимость и наглядность — разные свойства. Требуя от научных схем представимости, мы не можем в то же время требовать от них и непосредственной наглядности.

§ 32. Фонемы в сильных и слабых позициях. Группировки фонем по различной силе. Определяя понятие фонемы, мы видели, что слова противопоставляются и различаются своим звучанием по всей длине, но на некоторых отрезках этой длины противопоставление и различие слов достигает полной силы, в то время как на других отрезках, несмотря на то что и там звуки отчетливы и различимы не хуже, противопоставление сглаживается и в отдельных случаях может совсем исчезать.

Первые отрезки звучания назовем сильными позициями, вторые — слабыми позициями фонем.

В русском языке положение на конце слова — слабая позиция для звонких и глухих согласных фонем; по этому признаку они там не различаются, ср. *пуд* и *пут* от *путы* — равно [пут]; *нож* и *нош* от *ноша* — равно [нош] и т. п. Аналогичное положение в немецком. Напротив, в английском и французском та же позиция для так же противопоставленных согласных — сильная; согласные в этой позиции различаются, ср. англ. *wick* [wik] 'фитиль' и *wig* [wig] 'парик'; франц. *ruse* [ru:z] 'хитрость' и *russe* [rus] 'русский'. В русском языке безударное положение — слабая позиция для гласных фонем [o] и [a], ср. *валы* и *волы* — равно [валы]. Во французском языке слабой позицией для гласных [ε] и [e] — закрытого и открытого — является срединный слог, оканчивающийся согласным; эти гласные фонемы здесь теряют свое различие и равно сводятся к среднему [E].

Если следовать принятому нами определению фонемы как кратчайшей фонологической единицы, т. е. кратчайшей единицы, различающей звуковые оболочки слов, то приходится признать, что первая часть этого определения (единицы — кратчайшие) подходит целиком и для случаев слабых позиций, вторая же часть определения (единицы — различительные) теряет силу: в слабых позициях кратчайшие фонологические единицы различают меньшее количество слов, чем в сильных позициях, и сами противопоставляются меньшему количеству других таких единиц. Фонемы в сильных позициях, различающие максимальное количество слов, называются иногда сильными фонемами, фонологические единицы в слабых позициях, различающие меньшее количество слов, — слабыми фонемами (по Р. И. Аванесову). В русском языке противопоставление согласных по глухости-звонкости обладает максимумом различительной силы в положении перед гласными и согласными [л], [р], [в], [в']. Это значит, что фонологическими противопоставлениями такого типа различается большое количество русских слов: *палка* ~ *балка*, *просит* ~ *бросит* и т. д. Противопоставление согласных по твердости-мягкости у переднеязычных и губных в положении конца слова обладает в русском языке несколько меньшей фонологической силой, противопоставлениями такого типа различается несколько меньшее количество слов: *топ* ~ *топь*, *бит* ~ *бить* и т. п. Противопоставление по глухости-звонкости в конце слова имеет, как уже было сказано, минимум различительной силы: никакая пара русских слов или словоформ одного слова не может различаться по этому признаку.

Из сказанного ясно, что любое описание фонемного состава языка в виде набора определенного количества единиц до некоторой степени условно, т. е. до некоторой степени зависит от принятых исследователем условий подсчета единиц. Обычно количество фонем определяется по подсчету различительных единиц в сильных позициях. Остальные случаи рассматриваются как снятие различий между фонемами, как нейтрализация фонем.

Глава IV

НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ (НЕДИСКРЕТНЫЕ) ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

§ 33. **Общее понятие о непредельных фонетических единицах.** Для того чтобы составить себе общее представление об этом предмете, нужно вспомнить логику нашего описания в предыдущих параграфах. Мы начали с отдельного слова, рассматривая его в плане содержания и, следовательно, предполагая, что слово с внешней стороны в плане выражения уже отделено от других слов, выделено и заранее нам известно. Слово в плане выражения мы назвали фонетическим словом. В разделе «Фонетика» до сих пор мы сопоставляли отдельные фонетические слова, стремясь к расчленению их на кратчайшие составные части и достигая предела этого членения в виде фонемы. Таким образом, во всем предыдущем рассуждении мы исходили из заранее принятого деления потока речи на слова и продолжали деление вплоть до фонемы. Вопрос о том, откуда является само фонетическое слово, т. е. как оно выделяется из потока речи, там не возникал. Но этот вопрос существует и оказывается очень важным для изучения языка.

Отвечая на этот вопрос, лингвисты приходят к выводу, что слова отделяются и выделяются в потоке речи не менее четкими фонетическими показателями, чем те, посредством которых уже выделенные слова противопоставляются друг другу. Но чтобы уловить эти показатели и описать их в системе, не следует ни начинать с уже выделенных слов, ни стремиться к предельному их членению. Напротив, следует начинать с широких кусков звучащей речи и стремиться к тому, чтобы уловить изменения фонетических характеристик именно на этих целых широких участках. Это и составляет предмет особого раздела фонетики — учения о непредельных (недискретных) фонетических единицах. Слово *недискретный* означает здесь, как и в разделе о лексике (§ 16), «не допускающий предельного разложения». Совокупность всех таких фонетических характеристик речи может быть иначе названа *просодией* (от греч. *προσῳδός* «стройно звучащий, стройный»; *προσῳδία* «ударение»). Это же слово употребляется и для обозначения соответствующего раздела фонетики (сравним аналогичную двузначность слова *грамматика* — «грамматический строй языка» и «учение о грамматическом строе»).

Из этого предварительного разъяснения следует, что дальше необходимо различать два ряда явлений: 1) различные протяженности участков речевой цепи, длину или меру участков, 2) фонетическую характеристику, или фонетическое содержание, этих различных участков. Мера участков речевой цепи образуют от большего к меньшему: высказывание, фраза (синтагма или словосочетание), слово, слог. Фонетическое содержание этих участков образуют: интонация, ударение, тоны, гармония гласных, гармония согласных, гармония гласных и согласных (ассимиляция и диссимиляция). Сразу следует заметить, что исчерпывающая характеристика явлений как того, так и другого ряда может быть дана только в их сопоставлении друг с другом; на отдельных участках они даже очень тесно смыкаются (например, слог может быть определен только на пересечении указанных двух рядов явлений), но на других участках они более независимы (так в высказывании) и в целом требуют независимых определений, по крайней мере сначала.

§ 34. Слог. Понятие слога является основным в учении о просодии; в нем пересекаются понятие меры речевого членения и понятие фонетического содержания, поэтому мы уделим ему наибольшее внимание, а остальные понятия меры (фонетическое слово, фраза, высказывание) затронем здесь лишь вскользь. Слог — одна из самых сложных фонетических единиц. Единой теории слога не существует. Каждая из имеющихся различных теорий объясняет преимущественно одни какие-либо черты слога, оставляя без объяснения другие. Но для нашей цели это несущественно. С точки зрения основ языкознания достаточно определить слог антропоцентрически, т. е. «от говорящего человека». Определение это таково: слог — минимальные единицы, на которые говорящий человек может разделить свою речь паузами. Слоги — естественное деление речи, связанное с самой организацией дыхания в процессе речи. (Это антропоцентрическое определение согласуется, однако, с экспериментальными данными и выработанными на их основе определениями, например в работах Н. И. Жинкина и Л. В. Златоустовой.)

Слог представляет собой минимальную порцию энергии голоса, имеющую свою вершину — максимальную звучность и отделенную от другой такой же порции — другого слога — падением энергии и звучности. Поэтому в изолированном и тем самым в наиболее типичном виде слог состоит из какого-либо звука, допускающего максимум голосовой энергии и называемого собственно слогообразующим, и других звуков, составляющих минимум энергии. Слоγοобразующими звуками выступают, как правило, гласные и сонанты ([p], [л], [н], [j]). Звуки с минимумом голосовой энергии, окружающие слоγοобразующий звук, — это обычно согласные. Однако следует еще раз подчеркнуть, что не в изолированном виде, в связной речи, признаками слога могут оказаться самые разные фонетические черты, в том числе и форманты согласных с минимумом энергии. При-

мером таких слогов могут служить *во-пль* (заметим, что возможно произношение и в один слог *вопль*), *теа-тр*, *ру-бль*, *мо-ис* и т. п. Сонанты в русском языке, кроме редких случаев, подобных приведенным, не являются слогообразующими звуками, но они могут быть таковыми, и даже ударными, в других языках, например в сербскохорватском *др̑жава* 'держава, государство', *жр̑тва* 'жертва', *п̑рт* 'перст, палец', *четвр̑так* 'четверг', где [p] — звук слогообразующий и ударный, причем качество ударения в пределах звучания [p] может быть весьма различным (четыре различных вида ударения отмечены в приведенных примерах разными значками, подробнее об ударении см. ниже). В чешском слогообразующими и ударными могут быть [p] и [l]: *srdce* 'сердце', *vlk* 'волк'. Слоговые сонанты были типичными звуками древних индоевропейских языков.

С точки зрения состава слоги могут иметь разный вид. Если обозначить всякий согласный символом *C* (от латинского *consonans* 'согласный'), а всякий гласный — *V* (*vocalis* 'гласный'), то структуру слогов можно символизировать так:

<i>CV—</i>	<i>CVC—</i>
<i>CVV</i>	<i>CVVC</i>
<i>—V</i>	<i>—VC—</i>
и т. д.	и т. д.

Все слоги левой колонки, кончающиеся на гласный, открытые; все слоги правой колонки, кончающиеся на согласный, закрытые. В большинстве языков мира преобладает слоговой тип *CV*, т. е. в связной речи слог начинается с согласного и кончается гласным (или иным слогообразующим звуком): *CVCVCV...* Однако возможны и значительные отклонения от этого среднего типа. Один полюс, с увеличением количества гласных, представляют полинезийские языки: *CVVCVVCVVCV...*, другой полюс, с увеличением количества согласных,— германские языки: *CVCCVCCVCCVC*.

В силу такого строения речевой цепи в германских языках слогораздел в них будет приходиться между двумя согласными чаще, чем, например, в полинезийских языках, русском, французском. Поэтому первые из упомянутых языков могут быть названы языками с тенденцией к закрытым слогам, вторые — языками с тенденцией к открытым слогам. Во французском языке эта тенденция реализуется в большей степени, и французский язык по количеству открытых слогов занимает первое место среди языков своей группы — романских. Русский язык до периода так называемого падения редуцированных гласных [ъ] и [ь] (середина XII в.), как и другие славянские языки в соответствующие периоды их истории, характеризовался абсолютным преобладанием открытых слогов. Но в настоящее время тенденция к открытым слогам реализуется в нем несравненно слабее и, по-видимому, слабее, чем во французском. Основной закон слогаделения и в русском, и во французском одинаково свидетель-

ствует об этой глубинной тенденции: слогораздел проходит перед звуком наименьшей звучности, которым таким образом и начинается слог; заканчивается же он в силу того же закона слогораздела звуком наибольшей звучности — либо гласным, либо сонантом. Ср. русские примеры: *па-трон*, *ко-сматый*, *о-кно*, *тол-па*, *мор-ской*; французские: *pa-trie*, *per-drix*. Но в таких случаях, когда граница слога приходится на долгий (геминированный, или удвоенный) согласный, оба языка реализуют общую тенденцию несколько различно: рус.: *ра-ззадорить*, *а-ктер*, *се-кстант*; фр.: *a^c-cteur*, *ba^t-trie*. Иными словами, русский сохраняет напряженное произношение согласного, и поэтому слоговая граница проходит перед ним, французский ослабляет согласный, оставляя вторую его часть тождественной простому согласному (*-trie* в *ba^t-trie* такое же, как в *pa-trie*), а ослабленную первую половину присоединяя к предыдущему слогу, в силу чего он делается как бы слабозакрытым¹.

Основной принцип слогоделения свободно реализуется в каждом языке лишь на ограниченных участках — обычно внутри слова (в индоевропейских, тюркских языках) или внутри комплекса слогов, сопоставимых со словом (во вьетнамском). Но там, где вступает в силу смысловое членение речи, оно подчиняет себе слоговое членение и накладывает на последнее существенные ограничения. В силу этого в фонетической форме слога и слогоделения отражается смысловое членение речи на приставки, корни, суффиксы — в пределах слова, на служебные и самостоятельные слова — в пределах сочетания слов, на разные группы сочетаний слов — в пределах полного высказывания.

Продумаем внимательно произношение и слогоделение трех русских слов: *палитра*, *гулливый* (слово книжного языка, означающее 'склонный погулять, порезвиться по своей воле'), *пол-литра*. Слоговая граница проходит так: *па-литра*, *гул-ливый*, *пол-литра*, т. е. всюду одинаково перед слогом *-ли*. Но в первом случае граница пролегает внутри неразложимого слова, во втором — отделяет корень от суффикса, в третьем — служебное слово от самостоятельного слова, и произношение *л* на стыке слогов во всех трех случаях резко различно. В одной и той же последовательности букв мы прочтем по-разному одно и то же место, в зависимости от того, проведем в нем или не проведем слоговую границу: *подрúкувели*. — 1) *подрúку-вели* 'под руку вели' (для условий опыта допускаем ненормативное ударение, литературно-правильным было бы *пóд руку вели*), 2) *подрúку-вели* 'подруг увели', — различие между первым и вторым членением в произношении *у*. Хотя в данном примере возможно и полностью одинаковое произношение, это не отменяет правила: во втором случае остается возможность иного произношения, которой нет в первом случае. Ср. также: *гадюк убили* — *гадюку били*; англ. *a notion* [ə'noʊʃən] — *an ocean* [ən'ouʃən]; *a name* [ə'neim] — *an aim* [ən'eim].

¹ Для наглядности в *batterie* опущено не произносящееся *e*.

Итак, реализация слога, будучи либо свободной, либо связанной смысловым членением речи, сигнализирует тем самым границу корня, аффикса, слова, группы слов и т. д.

§ 35. Фонетическое слово, фраза, высказывание. Из сказанного ясно, что, когда слог определен и строение слогов описано, более протяженные единицы — слово, фраза, высказывание — могут быть легко определены на основе слога.

Слово получает следующее определение. Последовательность слогов, могущая быть ограниченной паузами, содержит по крайней мере одно самостоятельное слово. Последовательность слогов, определенная таким способом, внутри которой не может быть вставлено другой такой же последовательности слогов, есть отдельное самостоятельное слово.

Выражение «внутри» следует здесь понимать как «между слогами». Выражение «такая же последовательность» в этом определении можно понимать в любом смысле, и в широком, и в узком. В узком смысле оно означает, что последовательность имеет ту же слоговую структуру и состоит из тех же звуков: например, *под руку вели* и *подрук увели* (форму *подрук* записываем частично — в отношении последнего звука — фонетически). В эксперименте внутри первой последовательности можно вставить вторую: *под руку {подрук увели} вели*, благодаря чему первая последовательность разбивается на две части. Проверка второй из получившихся частей дает, очевидно, отрицательный результат: *ве {вели} ли* невозможно, так как последовательности **ввелили* не существует в русском языке. Проверка первой части несколько сложнее; внутри *под руку* вставляем *подрук*: *под {подрук} руку*; * *подру {подрук} ку*, первая последовательность возможна и дает разбиения *под* и *руку*, вторая невозможна; комбинацией этих результатов получаем вывод: *под* и *руку* — отдельные слова (также отдельные словоформы) русского языка.

Но выражение «такая же последовательность» можно понимать и в широком смысле: такая же лишь по слоговой структуре, но не обязательно с теми же звуками. Мы уже видели в предыдущем параграфе, что в случае паузы между *к* и *у* — *подрук увели* — произношение *у*, а вместе с ним и вся структура слога *у(-вели)* меняется по сравнению со слогом *-ку* — *под ру-ку*. Следовательно, здесь сразу можно сказать, что в случаях *подруку-вели* и *подрук-увели* перед нами совершенно разные слоговые последовательности, и остается проверять вставкой лишь те слогоразделы, которые совпадают в первой и второй последовательности. В общей форме: поскольку начальные и конечные слоги слова, как уже было сказано, отличаются от средних, постольку ни одна последовательность слогов, составляющая слово, не может быть вставлена внутри другой такой же последовательности или хотя бы примкнуть к ней. Тем самым в принципе четко отграничиваются группы слов от сложносоставных слов типа англ. *a black bird* 'черная птица' и *a blackbird* 'дрозд' или явления вроде русск. *в неочереди* и *вне очереди*. Заметим, что, понимая вы-

ражение «такая же последовательность» в указанном широком смысле, мы можем получить в результате проверки «слова», фонетически возможные, но не существующие как реальные слова в данном языке: *мель*, но **мель*; *близкий*, но **глизкий* и т. п. Следовательно, узкое определение дает нам фонетические слова данного языка, и мы таким образом определяем понятие, использовавшееся нами выше (в разделе «Лексика») без строгого определения.

Примечание. В данном здесь определении слова легко заметить сходство с одним известным определением¹. Однако сходство это скорее внешнее: на месте «слоговой последовательности» — у П. С. Кузнецова «звуковая последовательность»; из-за этого остается неясным, в какое именно место одной звуковой последовательности следует вставлять другую звуковую последовательность. Следовательно, определение П. С. Кузнецова либо предполагает письменную форму языка, где дана отчетливая последовательность букв с пробелами между ними, либо предполагает, что мы заранее умеем членить звуковую последовательность, но тогда получается, по-видимому, круг в определении, так как для членения звуковой последовательности надо знать, что является в данном языке отдельным словом². Что касается самой процедуры определения, то она одна и та же не только в двух данных определениях слова, но вообще во всех так называемых рекурсивных лингвистических определениях³.

Тем же путем, что фонетическое слово, может быть определено «фонетическое словосочетание», или фраза. Последовательность фонетических слов, ограниченная паузами, внутрь которой не может быть вставлено другой такой же последовательности, есть фонетическое словосочетание, или фраза.

Наконец, тем же путем получаем определение высказывания: последовательность фраз, ограниченная паузами, внутрь которой не может быть вставлено другой такой же последовательности, есть высказывание. Если фраза — фонетическая форма словосочетания, то высказывание — фонетическая форма предложения, или, точнее, фонетическое предложение.

Приведенные определения, как легко видеть, имеют следующую внутреннюю логику: исходный элемент — слог определяется предметно и антропоцентрически, все дальнейшие явления — слово, фраза, высказывание — определяются на основе слога последовательным применением одной и той же процедуры несколько раз подряд. Последняя черта называется рекурсивностью, а само определе-

¹ П. С. Кузнецов. Опыт формального определения слова. «Вопросы языкознания», 1964, № 5.

² Подробнее в этой связи см.: Ю. С. Степанов. Цели и средства (некоторые традиционные черты русской науки о языке). В сб. «Проблемы современной лингвистики». Изд-во МГУ, 1968.

³ См. об этом в значительно более ранней работе: И. И. Ревзин. О логической форме лингвистических определений (на примере определения морфемы). В сб. «Применение логики в науке и технике». М., Изд-во АН СССР, 1960.

ние на ее основе — рекурсивным определением. Рекурсивные определения достаточно строги.

Однако возможно, что, будучи строгими, они не всегда достаточно наглядны. В данном случае от поверхностного взгляда может ускользнуть следующая важная черта определенных таким образом единиц: каждая из них имеет собственный фонетический признак, какую-либо неразложимую фонетическую характеристику — силу, длительность, тон, интонацию и т. д. Наличие этой непрерывной характеристики и отмечается в определениях словами «внутри нельзя вставить...». К фонетическому содержанию таких черт мы сейчас и переходим.

§ 36. Фонетическое содержание слога (сила, тон, длительность и т. д.). Как мы видели выше, слог — основная мера звучащей речи. На пространстве слога разворачиваются разные фонетические явления. Слог как бы маленькая сцена, а действующие на ней персонажи — сила звука, тон, длительность и др. Поскольку слово, фраза, высказывание — это последовательности слогов, постольку они получают свои характеристики через тоны, силу, длительность разных слогов в их соотношении друг с другом.

Во всех нижеследующих параграфах необходимо с самого начала четко различать, с одной стороны, абсолютные, или материальные, акустические качества слога — силу, тон, интонацию, длительность и, с другой стороны, относительные качества — силу, тон, интонацию, длительность одного слога относительно силы, тона и т. д. других слогов. Хотя относительные качества слога возникают на основе его абсолютных, материальных качеств, однако только они, относительные качества, способны образовывать системы противопоставлений и служить основанием для дальнейших различий языковых единиц.

§ 37. Сила слога. Силовое, или динамическое, ударение. Если разные звуки выравнять при произнесении так, чтобы они — с точки зрения говорящего — звучали одинаково громко, то окажется, что их действительная акустическая мощность (сила звучания, интенсивность), регистрируемая приборами, вовсе не одинакова. Явление это объясняется тем, что, как мы уже знаем (§ 21), сила звучания зависит от амплитуды колебания и, следовательно, связана с формантами звука. Русские гласные по убывающей акустической мощности располагаются в такой ряд: [a], [o], [ɛ], [y], [i]. Если говорящий будет давать своим органам речи одно и то же задание — усилить гласный, то акустически произойдут совершенно разные явления: каждый гласный будет усилен пропорционально его акустической мощности. Так, [i], получив в абсолютном исчислении гораздо меньшее усиление, чем [a], уже будет ощущаться как сильно выделенное, потому что его собственная акустическая мощность невелика. Для того чтобы [a] усилилось так же, как [i], требуется уже гораздо большее абсолютное усиление, потому что собственная акустическая

мощность [a] велика сравнительно с [и]. Согласные в общем имеют меньшую акустическую мощность, чем гласные, причем звонкие согласные менее мощны, чем глухие. Ясно, что каждый слог будет иметь постоянную силу в зависимости от составляющих его звуков, но лингвиста интересует не эта абсолютная сила звучания, а относительная сила звучания. Повышение акустической мощности слога относительно других слогов в данной последовательности слогов называется **силовым, или динамическим, ударением**. В чистом виде силовое ударение встречается редко. Даже в таких языках, как русский, где имеется мощное силовое ударение, оно, как правило, сопровождается другими средствами выделения слога — главным образом значительным увеличением длительности гласного, а отчасти и изменением тона. В грузинском и польском языках, а также в новоиндийских языках (хинди, урду) — слабое динамическое ударение. Нетренированное русское ухо его почти не воспринимает: все слоги кажутся равноударенными.

§ 38. Тон слога. Языки с этимологическими тонами. Языки с морфологическими тонами. Языки с тоновым, или музыкальным, ударением. Из того, что мы сказали о силе слога, должно быть ясно, что и в высоте звучания слога, или в его тоне, нас также будет интересовать относительная высота — тон в музыкальном смысле термина — и движение тона в пределах слога.

Тоны используются в языках мира совершенно по-разному, и названные в заголовке этого параграфа типы языков — это совершенно различные типы.

В языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — китайском, вьетнамском, бирманском и некоторых других — каждый слог характеризуется определенным тоном. Тон в этих языках связан со слогом и его значением исторически и, так же как в русском, не является средством выделения слога — ударением. Такие языки называются языками с этимологическими тонами. В китайском языке имеется долготное и динамическое выделение слога — ударение. Этимологические тоны реализуются только под ударением, а в безударных слогах тоны не различаются, все такие слоги произносятся с одним и тем же так называемым легким тоном.

Назначение, функция, тонов в этих языках следующее. Слог всегда составляет какую-либо значимую часть слова (морфему, о морфеме см. ниже, § 46), а часто и целое слово. Слоги и слова, одинаковые по фонемному составу, но различные по тону, имеют совершенно различное значение, тон здесь — средство не допустить омонимии. Так, например, в китайском различают четыре тона, которые можно иллюстрировать таким примером (см. на стр. 96)

В этой функции китайские тоны сходны с динамическим ударением русского и других индоевропейских языков, ср. русск. *мука́*, но *му́ка*.

Далее, при одном фонемном составе и общем «вещественном» лексическом значении тон служит средством разграничения грамма-

тических категорий, например китайск. *shēnghuó* ‘жизнь’, *shēnghuó* ‘жить’. Присутствие полного тона на втором слоге — признак того, что слово принадлежит к разряду существительных, в то время как соотносительное слово без полного тона на этом слоге принадлежит к разряду глаголов. Эта функция китайских тонов также сходна с функцией динамического ударения индоевропейских языков, ср. русск. *рjúки* им. п. мн. ч. — *рукú* род. п. ед. ч.; англ. *subject* [ˈsʌbdʒ-ikt] ‘сюжет, тема’ — *subject* [səbˈdʒekt] ‘подчинять’.

Другие языки, например многие языки Северо-Восточной Африки, используют тоны как средство выделения слога, а тем самым и как различительное средство всей данной слоговой последовательности — слова, фразы или высказывания. Каждое определенное соотношение тонов характеризует там определенный класс слов — классы глаголов, классы имен существительных. Например, в языках группы Мору-Мадди имеются три класса глаголов, которые различаются соотношениями тонов (правый знак ударения означает высокий тон, левый знак — низкий тон, отсутствие знака — средний тон)¹, в частности:

	Один тоновый класс	Другой тоновый класс
Один морфологический тип глагола	má-túté ‘я сел на корточки’	má-tùtè ‘я плюнул’
Другой морфологический тип глагола	m-édéte ‘я вылечил’	m-óyite ‘я пришёл’

В этих языках тон также нельзя считать выделительным средством: тоном обладает каждый слог (см. также ниже, § 39), тон здесь не ударение. Вместе с тем, как это видно из таблицы, тон не служит и специально дополнительным средством различать тождественные по фонемному составу слова и слоги: в верхней горизонтальной строке таблички разные тоны действительно различают одинаковые сло-

¹ А. Н. Тускер and М. А. Вгуап. Linguistic analysis. The Non-Bantu languages of North-Eastern Afrika. Oxford University Press. London, 1966, стр. 33; ср.: В. Я. Порхоновский. Заметки по типологии глагола языка марги. В книге: «Типология глагола в африканских языках». М., «Наука», 1972, стр. 113—114.

ги и слова в целом, как, казалось бы, в китайском. Однако это первое впечатление рассеивается при взгляде на нижнюю строчку: та же оппозиция тонов падает на слова и слоги, и без того уже различные по фонемному составу. Подлинная языковая функция тонов в этом языке разъясняется при сопоставлении левой вертикальной колонки с правой: тоны служат средством различать друг от друга глагольные классы, потому что в разных классах могут оказаться тождественные по морфологическому типу глаголы, и одновременно объединять каждый класс в цельное единство, потому что каждый класс может включать в себя различные по морфологическому строению глаголы. По своей функции эти тоны могут быть названы грамматическими или, точнее, морфологическими.

Наконец, существуют и такие языки, в которых тон является в подлинном смысле средством выделения слога: таковы, например, языки японский, корейский, а также шведский. В этих языках, следовательно, имеется тоновое, или музыкальное, ударение.

В таких языках, как русский, английский, польский, тон слога может меняться по усмотрению говорящего и, следовательно, не может служить ни этимологическим тоном, как в китайском, ни таким средством, как в африканских тоновых языках, ни средством музыкального ударения, как в японском. Но в названных европейских языках тон может быть средством эмоционального ударения. Это особенно отчетливо видно во французском языке. Отчетливость здесь проистекает из того, что этот язык имеет постоянное силовое ударение на конечном слоге последовательности слогов — слóва, фразы, высказывания (в высказывании, впрочем, высокое и сильное ударение приходится на конец ритмической группы перед переломом интонации книзу, к концу высказывания; в простом предложении это сильное ударение заканчивает обычно группу подлежащего). Намерение говорящего выделить иной слог, а соответственно иное слово, естественно, не может привести к передвижению силового ударения на выделяемое слово, как это бывает в русском или немецком языках, и реализуется иначе: как повышение тона выделяемого слога. Так, во фразе *Le repas a été excellent!* 'обед был великолепным!' слог *ex-* в случае эмоционального выделения может достигать высоты слога *-pas* (а, как уже было сказано, *-pas* — конец группы подлежащего, составляет высотный пик высказывания) или даже превосходить его. Вспомогательный глагол во французском языке не может выделяться. Напротив, он может быть выделен главным образом динамическим способом, в английском языке: *But it was excellent!*

§ 39. Движение тона в пределах слога. Слоговые интонации. Под интонацией в языкознании понимается чередование тонов с непрерывными переходами между ними. Пауза может входить составной частью в интонацию, но характерный признак интонации именно непрерывное тоновое движение. Очень часто как пауза воспринимается слушающим не фактический перерыв звучания, а именно рез-

кое, неплавное изменение тона. Минимальным отрезком речи, на котором может развертываться интонация, является слог, точнее, его слогаобразующая часть — гласный звук или сонант. Рассмотрим пример из тонового языка кикую (африканский язык семьи банту) ¹:

1.	<i>inoka</i>	‘иди домой’	
2.	<i>kerato</i>	‘ботинок, обувь’	
3.	<i>hagaga</i>	‘колебаться’	

Мы видим, что в этом языке, как обычно вообще в тоновых языках Африки, важна интонация всего слова — в данном примере соотношение трех тонов трех слогов. Но и динамика тона в пределах слога играет существенную роль: в третьем слоге второго слова и во втором слоге третьего слова — восходящая интонация, но разная: в первом из этих случаев — восходящая с низкого тона до среднего, во втором — со среднего до высокого. Эти два слога и служат примерами слоговых интонаций. Еще раз подчеркнем, что в тоновых языках слоговые интонации не составляют самостоятельной системы.

Имеются языки, в которых слоговые интонации составляют самостоятельную систему. В этих языках, следовательно, важен не общий тоновый контур слова, а лишь интонация одного слога в слове. Такими языками являются литовский с латышским (балтийская группа индоевропейской семьи) и сербскохорватский (славянская группа той же семьи). В сербскохорватском языке интонационные различия осуществляются как на долгих, так и на кратких гласных и сонантах, но лишь ударных, что может быть представлено такой табличкой:

Слоговые интонации в сербскохорватском языке

	Восходящая интонация	Нисходящая интонация
Долгий гласный	<i>на̀род</i> <i>че́твртак</i>	Циркумфлекс <i>дрѣ̂г</i> <i>жр̄тва</i> <i>вра̂н</i>
Краткий гласный	<i>субо̀та</i> <i>др̄жа̀ва</i>	Акцент <i>бра̂т</i> <i>др̄во</i> <i>вра̂на</i>

¹ L. A. Armstrong. The phonic and tonal structure of Kikuyu. Oxford University Press. London, 1940, стр. 48.

В литовском литературном языке различие интонаций существует только на ударных и только долгих гласных, а также на дифтонгах (дифтонги приравниваются к долгим гласным, но могут состоять не только из двух гласных, но также гласного и сонанта — *an*, *ar*, *ir* и др.).

Слоговые интонации в литовском языке

	Резкая нисходящая интонация	Плавная восходяще-нисходящая интонация
Долгий гласный или дифтонг	Акут <i>výras</i> 'мужчина' <i>áušti</i> 'остывать' <i>várna</i> 'ворона'	Циркумфлекс <i>výturas</i> 'бинт' <i>aušti</i> 'светать' <i>várnas</i> 'ворон'

В этих языках основную роль играет динамика тона, а количество тоновых уровней несущественно, обычно для описания слоговых интонаций достаточно различать два относительных тона — нижний и верхний. Слоговые интонации были характерной чертой древних индоевропейских языков, в частности древнегреческого. Согласно одной гипотезе, в общиндоевропейском языке, а именно в той его диалектной ветви, которая дала начало балтийским и славянским языкам, интонации различались как на ударных, так и на безударных слогах, но только на долгих, и, таким образом, это была еще третья система, отличная и от сербскохорватской, и от литовской, и впоследствии по-разному преобразовавшаяся в них. (Существуют и другие гипотезы.) Нужно обратить внимание на то, что две индоевропейские интонации — акут и циркумфлекс — по-разному отразились в этих языках, и поэтому эти названия, даваемые на исторической основе, покрывают теперь совершенно разные фонетические явления (см. таблицы). Заметим, что акутовая и циркумфлексная интонации отразились и в русском языке, но еще иначе — как разное место ударения в полногласных сочетаниях *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-*:

индоевроп. а к у т: литовск. *várna*, сербскохорв. ^а*vрана*, русск. *ворона*;
индоевроп. ц и р к у м ф л е к с: литовск. *várnas*, сербскохорв. *vран*, русск. *ворон*.

Из сопоставления разных систем слоговых интонаций следует вывод, что в теоретическом описании должны рассматриваться как независимые друг от друга параметры: 1) направление тона (нисходящее, восходящее), 2) динамика тона (резкое, плавное движение), 3) долгота гласного, 4) ударность или безударность, 5) место ударения. Различная комбинация этих черт дает ту или иную отдельную просодическую систему того или иного языка. Однако язык не математическая система, и не все комбинации возможны. По-видимому, невозможен язык, в котором были бы одновременно слоговые интонации и слоговые (а не словесные) ударения; по-видимому, невозможен язык, в котором была бы система грамматических тонов (как в кикую) и сильное динамическое ударение.

На примере тонов и слоговых интонаций мы довольно детально познакомимся с типологическим изучением языков.

§ 40. Длительность, или долгота, слога. Долготное ударение. Язык и стих. Как и во всех других случаях, следует различать общую длительность слога, включая согласные, и длительность его слогообразующей части (т. е., как правило, гласного или сонанта). Общая длительность слога в большинстве случаев составляет лишь материальное, абсолютное качество и непосредственно в языковых противопоставлениях не участвует. Длительность гласной или сонантной части непосредственно участвует в языковых противопоставлениях, иными словами, она является поэтому обычно и абсолютным и относительным качеством слога. Рассмотрим оба качества подробнее.

Общая долгота слога уясняется из следующего примера — пять типов слогов арабского языка Каира (напомним, что *C* — обозначение согласного, *V* — гласного, *VV* — долгого гласного) ¹:

(1) <i>CV</i>	краткий слог,
(2) <i>CVV</i>	средний слог,
(3) <i>CVC</i>	средний слог,
(4) <i>CVVC</i>	долгий слог,
(5) <i>CVCC</i>	долгий слог.

Гласные же в этом языке могут быть только либо краткими, либо долгими. Таким образом, два долготных типа гласных создают в сочетании с согласными три долготных типа слога — краткий, долгий и средний. Отношения, показанные здесь на примере арабского языка, типичны и встречаются в других языках. Долгота и краткость гласного — противопоставленные, т. е. относительные, признаки, они играют здесь фонематическую роль, долгие и краткие гласные — различные фонемы. Долгота и краткость слога — лишь абсолютные, материальные качества слога.

Как уже было сказано, абсолютная долгота слога не участвует в языковых противопоставлениях непосредственно, но опосредованное ее участие может быть очень существенно. Например, в оформлении системы слоговых интонаций в индоевропейских языках, которую мы рассматривали в предыдущем параграфе, большую роль сыграло строение слога. Слоги типа *TéRəT* (где *T* обозначает любой согласный, *R* — любой сонант, включая *i*, *u*; *e* — гласный *e*, *o*; *ə* — особый индоевропейский редуцированный) сохраняли долготу и развили акутовую интонацию, а в дальнейшем отразились как, например, лит. *várna* 'ворона', русск. *ворóна*. Слоги типа *TeR* в положении перед гласным разложились в простые сочетания согласный + гласный + согласный (конечный сонант усилил свои качества согласного) и утратили долготу, а с нею и акутовую интонацию.

¹ J. R. Firth. Sounds and prosodies (1948). В книге: F. R. Palmer (ed.). Prosodic analysis. Oxford University Press. London, 1970, стр. 13.

По-разному развивались в разных слогах и чередования гласных (аблаут). Такие черты слога тем самым оказываются очень важны при сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков.

Большое значение имеет абсолютная долгота слога и в стихотворной метрике. В латинском языке от начала его литературного периода (III в. до н. э.) до начала нашей эры (I в. н. э.) ударение было музыкальным. Долгота гласного не играла роли в ударении, но была фонематической. Система латинского стихосложения, как и греческого, основывалась на противопоставлении долгих и кратких слогов. Теперешние европейские названия стихотворных размеров „ямб“ (— — —), „хорей“ (— — —) и т. д. восходят к греко-латинскому наследию, и знаки, которые в схемах этих размеров мы теперь интерпретируем как «ударная часть» (черта), «безударная часть» (скоба), для античного стиха означают долготу и краткость. Долготный ритм стиха и музыкальное ударение сосуществовали, не мешая друг другу. Но с I в. н. э. в латинской фонетике происходит быстрая перестройка: музыкальное ударение заменяется силовым. В зависимости от новой системы словесного ударения стала перестраиваться и вся система гласных: ударные краткие начали удлиняться; а безударные долгие сокращаться. И в стихах латинских поэтов этой поры встречается множество просодических ошибок.

В силлабо-тонической системе русского стихосложения абсолютная длина слогов не играет существенной роли именно потому, что система основана на двух опорных линиях: равном количестве слогов и одинаковом расположении ударений в соотносительных строках стихотворения. В английской системе, хотя она также силлабо-тоническая, линия ударений является опорной, а линия равносложности носит лишь вспомогательный характер. Равное количество слогов в английском перестает быть обязательным — слогов в строке может быть то больше, то меньше, и поэтому абсолютная длина слогов приобретает большее значение: если в одной из соотносительных строк слогов будет значительно больше, чем в другой, и при этом слоги будут существенно длиннее, то ритмическая структура стиха сильно отдалится от силлабо-тонического размера. Отсюда проистекают интересные следствия. Одно из них особенно любопытно для русского слушателя: чем больше лишних слогов в английской строке, тем быстрее должна она произноситься, поэтому для русского уха чтение английских стихотворений определенного размера кажется неравномерным, в одной строке очень быстрым, в другой — слишком медленным. Вообще английский дактиль или анапест по этой причине оказываются быстрыми ритмами, а ямб и хорей — медленными, т. е. получается обратное тому, что имеется в русском стихе и было в греческом и латинском. Для греков и римлян дактиль был размеренным, торжественным стихом, а ямб — легким, гибким, разговорным, допускавшим большое разнообразие. Для англичан эмоциональное соотношение этих размеров обратное.

Английская силлабо-тоническая система до некоторой степени сопоставима с русским так называемым акцентным стихом, или

«ударником». Примеры его находим в былинах. Читать такой русский стих нужно особым образом: там, где стоит нижняя скоба, — соединять слова в одну ритмическую группу под одним ударением; где скобы нет, — делать небольшую паузу:

Во граде \cup было Кіеве,
Жилá \cup была молодá \cup вдова.
У нѣй \cup было дѣвять \cup сыновей,
Десятáя — дочь \cup любíмая...¹

(О неделимых речевых группах в стихе см. в § 16.)

Наконец, увеличение абсолютной долготы слога может иметь эмоциональный характер. В русском языке общая долгота слога увеличивается за счет продления гласного, так как продление согласного может привести к фонемному смещению краткого согласного с долгим: *Вам пода-а-ать?!* (если продлить согласный, то получится *поддать*). Во французском как раз наоборот, общая долгота при эмоциональном подчеркивании увеличивается за счет продления согласного, так как долгота гласных является фонематической: *Ce que je vous d-d-déteste...* 'Как я вас презираю...'

Из сказанного ясно, что для словесного ударения, т. е. для выделения одного слога из последовательности слогов, долгота может использоваться лишь в тех языках, где гласные не противопоставлены по долготе-краткости как фонемы. Например, в литовском литературном языке, где, как мы уже знаем (§ 39), гласные фонемы различаются по долготе-краткости и имеются слоговые интонации на долгих гласных, долготное ударение было бы невозможным. Но в некоторых диалектах литовского языка (североаукштайтские говоры) отмечается сильная тенденция к переходу ударения в долготное, или количественное: ударный гласный должен быть обязательно долгим, неударные гласные — краткими. Слоговые интонации в этих говорах нивелируются.

§ 41. Гармония гласных и согласных в пределах слога. Диезность и бемольность слога. Переразложение слогов и слов. Во всех параграфах этого раздела с разных сторон обосновывалось единство слога как элементарного отрезка речи. Рассмотрим теперь еще одну черту этого единства — гармонию между гласной и согласной частями в пределах слога. Собственно говоря, наличие гармонии вытекает уже из всего того, что нам стало известно о слоге, но можно привести и экспериментальные доказательства.

На приборе (синтезаторе) были искусственно произведены взрывно-шумовые эффекты, аналогичные взрыву при произнесении согласных, длительностью 15 мсек (миллисекунд) на различных

¹ См. по этим вопросам: J. L é v y. A contribution to the typology of accentual-syllabic versifications. «Poetics. Poetyka. Поэтика». Warszawa, 1961; T. S. Omond. A study of meter. London, 1903; А. К в я т к о в с к и й. Поэтический словарь. М., 1966 (статьи «Ударник», «Тонический стих» и др.); С. Н. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 61—62.

частотах от 360 до 420 Гц. Непосредственно за «синтезированными согласными» давали двухформантные гласные [i], [e], [ɛ], [æ], [a], [o], [u]. Группе испытуемых, говорящих на американском варианте английского языка, предлагалось опознать «согласные». Результаты оказались следующими: 1) взрыв с частотой 3000 Гц воспринимался в большинстве случаев как [t]; взрыв с более низкой частотой воспринимался либо 2) как [k], если он находился несколько выше второй форманты следующего за ним гласного, либо 3) как [p] во всех остальных случаях. Этим доказывается, что звуки воспринимаются не раздельно, а в слоговом единстве, и взаимное перекрывание формант не только не мешает, а способствует опознанию звуков (эксперимент Э. Фишер-Йоргенсен).

Аналогичные, хотя и более слабые, взаимодействия существуют и в пределах слова. Поскольку уже мы заговорили об эксперименте, приведем сразу некоторые данные о взаимодействии в пределах слова.

Посредством специальных приборов (магнитофонов и сегментаторов) из русского фонетического слова *потолок* в произношении пяти дикторов был отсегментирован («вырезан») согласный [т]. Вырезанный сегмент был вмонтирован в слово *купола* на место [п], вырезанного таким же образом. Полученное слово без колебаний воспринималось всеми слушателями как *куталá* (материал для эксперимента был специально подобран так, чтобы результатом переделки было незначимое фонетическое слово, и возможное влияние смысла на восприятие звуков было тем самым исключено). Образованное таким способом слово *куталá* подвергалось дальнейшей сегментации по этапам: 1) была вырезана часть, содержащая взрыв согласного, и на это место вмонтирован кусок чистой пленки того же времени «звучания» (т. е. уже «молчания») — слушатели продолжали воспринимать слово как *куталá*; 2) затем была вырезана вся глухая часть смычки согласного и заменена куском чистой пленки того же времени звучания — слово продолжало опознаваться; 3) наконец, была вырезана озвонченная часть согласного в месте перехода от предшествующего гласного к согласному — опознание прекратилось (эксперимент Л. В. Златоустовой).

В пределах слога взаимное перекрывание формант соседних звуков заходит очень далеко, в слогах типа *gi*, *gi* (дизный слог) и *gu*, *gu* (бемольный слог) соотношение формант гласного («формантный изгиб») является резонансом согласного, а частота взрыва согласного является частью гласного. Таким образом, часто в пределах слова, еще чаще в пределах слога и всегда в некоторых типах слогов форманты гласного заключены в согласном, и наоборот¹. Ниже рас-

¹ Экспериментальные данные см. в работах: E. Fischer-Jørgensen. What can the new techniques of acoustic phonetics contribute to linguistics? (1958). В книге: Sol Saporta (ed.). Psycholinguistics. A book of readings. New York, 1961; Л. В. Златоустова. Фонетические единицы русской речи (экспериментальное исследование), автореферат докт. дис. М., 1970; Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 192—193, 197.

смотрим только такие слоги, в которых отмеченное взаимодействие имеется всегда, — это так называемые дизезные и бемольные слоги. Напомним, что дизез означает подъем тона, бемоль — понижение тона по сравнению со слогом, который может быть принят за единицу отсчета. Мы берем в качестве такой единицы слог, содержащий гласный [a], в этом слоге согласные [т], [к], [п] имеют свою абсолютную высоту, [т] — высокий, [к], [п] — низкие:

Нейтральный слог	Дизезный слог	Бемольный слог
<i>та</i> <i>ка</i> <i>па</i>	<i>ти, ть</i> [т'] <i>ки, кь</i> [к'] <i>пи, пь</i> [п']	<i>ту</i> <i>ку</i> <i>пу</i>

Соответствие и частичное взаимное уподобление соседних гласного и согласного называются аккомодацией (лат. *accomodatio* 'приспособление') или сингармонизмом (от греческих слов, означающих 'со-, совместно' и 'гармония'). Итак, аккомодация и сингармонизм особенно сильны в случае дизезных и бемольных слогов.

Во всех языках земного шара бемольные и дизезные слоги, особенно последние, имеют тенденцию развиваться в различные другие звуки, многие из которых превращаются в самостоятельные фонемы, фонологизируются. Так, основная масса шипящих, а частично и свистящих ([ç], [ʒ]) звуков современных славянских языков возникла вследствие развития дизезных слогов в процессе так называемых трех палатализаций (некоторые исследователи говорят о четырех палатализациях). Из возникших таким путем звуков одни совпали с уже существовавшими фонемами, другие фонологизовались и стали новыми самостоятельными фонемами. Аналогичные процессы пережили все романские языки в процессе развития латинской речи. Ср. русск. (соответственно общеславянские) *око* — *очи*, *ухо* — *уши*, *бог* — *боже*, *мокрый* — *мочить*, *искать* — *ищу* (из **иск-ј-у*); латинско-романские: лат. *diurnata*, франц. *journée* [ʒ], исп. *jornada* [x]; лат. *justitia*, фр. *justice* [ʒ], исп. *justicia* [x] и т. д. Здесь смычный согласный или, реже, фрикативный нёбного места образования (*ухо*) развивается в аффрикату или фрикативный более переднего места образования (*ухи* > *уши*)¹. До известной степени обратные этому процессы находим в таких случаях, когда низкий гласный (типа русск. [y]) в начале слова развивается в бемольный слог; при этом задний огублённый гласный развивается в звук или комплекс звуков еще более заднего, ларингального, образования или приобретает опорный губной согласный [w]: англ. *where* [weə] в некоторых разновидностях американского произношения соответствует [hweə]

¹ Знак > в лингвистике означает 'закономерно фонетически развивается в'; знак < означает соответственно 'происходит из'.

с начальным ларингальным [h]; общиндоевропейское начальное *u* в корне *ud-* // *ued-* дает в русском (соотв. общеслав.) *вода*, в литов. *vanduo*, в греч. ὕδωρ с начальным придыханием; что можно сравнить с указанным английским явлением; балто-славянское **udra* (от того же корня) дало в русском *выдра* и т. д. (однако в ряде индоевропейских языков эта тенденция не реализовалась: латин *unda* 'волна' осталось с начальным гласным). Изучение слоговой структуры, в особенности дизных и бемольных слогов, а также слогов с сонантами и так называемыми ларингалами, лежит в основе широких исторических реконструкций не засвидетельствованных письменностью прошлых периодов развития языков. Начало этому направлению исследований было положено работой знаменитого швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1878 г.).

На основании изучения структуры индоевропейского праязыка де Соссюр заключил о существовании в нем особых фонем, которые он определил чисто структурно, «алгебраически», в системе их противопоставлений и фонетическую реализацию которых не исследовал. После работ его и других ученых было определено, что количество этих *г*, так называемых сонантических коэффициентов, — три. В 1927 г. польский лингвист Е. Курилович открыл в мертвом хеттском языке реальный звукотип *h*, который оказался соответствующим двум из трех разновидностей праиндоевропейского *г*, и гипотеза де Соссюра получила тем самым блестящее подтверждение. Дискуссии о количестве индоевропейских ларингалов продолжаются.

Существующие мнения можно сгруппировать в две наиболее общие гипотезы: 1) праиндоевропейский обладал тремя ларингалами — *г₁*, *г₂*, *г₃* и одним гласным, который условно обозначим как *а*; 2) праиндоевропейский обладал одним ларингалом и тремя гласными — *е*, *о*, *а*. Представим исходные данные каждой гипотезы не в фонемной, а в слоговой форме:

1-я гипотеза

г₁а-
г₂а-
г₃а-

2-я гипотеза

г_е-
г_а-
г_о-

Нетрудно видеть, что перед нами разновидность той же самой ситуации, которая была описана выше (см. табл. на стр. 104): имеется три типа слогов с общим просодическим признаком ларингальности — один нейтральный (*г_а-* или *г₂а-*), один дизный (*г_е-* или *г₁е-*), один бемольный (*г_о-* или *г₃а-*). Фонематически каждый слог может быть расчленен двумя способами: либо так, чтобы дополнительный признак (нейтральность, дизность, бемольность) отошел к согласному-ларингалу, и тогда будет три ларингала при одном гласном; либо так, чтобы этот признак отошел к гласному, и тогда будет один ларингал при трех гласных. Следовательно, для дальнейших решений необходимо учитывать устройство слогов в праиндоевропейском.

Единство слоговой и словесной структуры проявляется и в других случаях, не обязательно в таких типах слогов (с сонантами), как отмеченные выше, но всегда это тесное взаимодействие играет важную роль в развитии языков. Следствием этого единства получается то, что переплетающиеся форманты ряда соседних звуков порозному расчлениются разными слушателями и в результате в их сознании воспринятая последовательность слогов членится иначе, чем в сознании говорившего. Особенно часто различное членение возникает при общении людей, принадлежащих к разным языковым коллективам: либо младшего и старшего поколений в пределах одного языка, либо при заимствовании слова из одного языка или диалекта в другой. Простейшие примеры — французское сочетание, состоящее из [t] + [ü], русскими раскладывается на *ть + у* [t'y], признак диезности в пределах слога переносится с гласного на согласный, ср. *tube* — *тюбик* (заимствование); начальное французское [ü] русскими воспринимается — и при повторении раскладывается — как состоящее из [j] + [y], ср. «*L'Humanité*» — «*Юманите*» (название газеты). Другой пример — перечленение слова с артиклем: слово 'головастик' в английском языке развивалось так, что конечный звук артикля стал начальным звуком слова: *an efeta* > *an ewte* > *a newt*; так же 'змея, гадюка': *a nadder* > (ср. нем. *Natter*) > *an adder*. Подобные перечленения имеют далеко идущие последствия, когда значимые части слова, например корень и суффикс или основа и окончание, сначала тесно смыкаются, образуя на стыке единый звук и даже основной вид фонемы (например, *дет+ский* — *де-ц-кий*), а затем заново перечленяются. Граница при этом может пройти уже иначе. Обобщая подобные наблюдения, знаменитый русский и польский лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал закон о постоянном переразложении основ в пользу окончаний и на основе этого закона объяснил многие факты изменения в системе склонения славянских существительных¹.

§ 42. Гармония гласных и согласных в пределах слова. Сингармонизм. Ассимиляции и диссимиляции. Гармония гласных и согласных в пределах слова имеет ту же основу, что и соответствующие явления в пределах слога, но осуществляется менее последовательно. Яркий пример дает так называемый сингармонизм тюркских языков — гласные присоединяемых к корню суффиксов выравниваются по огласовке корневого гласного, т. е. становятся либо более задними и широкими, либо более передними и узкими. Так, турецк. *gez-di* 'погулял', *yaz-di* 'написал', *gül-dü* 'засмеялся', *vur-du* 'ударил' — суффикс имеет четыре варианта: *-dir, -dır, -dür, -dur*. Заметим, однако, что в турецком языке есть и двухвариантные суффиксы

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний (1902 г.). В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1963.

(-ar // -er, -lar // -ler и др.) и неизменные, одновариантные (-ki, -yor и др.). Заимствованные из тюркских языков слова в русском языке часто опознаются своим сингармонизмом: *тагáн*, *ятагáн*, *кишимш*, *чугáн*, *тютю́н*, *сундýк*.

В таких случаях, как -dir // -dur, суффикс делается то дизным, то бемольным, а мы уже знаем, что это качество слога в целом. Таким образом, тюркский сингармонизм — это качество слога и слова в целом, как гласных, так и согласных в нем, но проявляется оно, как бы «выходит наружу», лишь в гласных. В индоевропейских языках сингармонизма мы не найдем, но можем найти иные проявления того же общего качества слова — его единства, чаще в согласных. В санскрите имеется два ряда согласных, различных по месту образования: зубные *t*, *d*, *dh*, *n* и так называемые церебральные (иначе: нёбные, какуминальные, ретрофлексные), т. е. образующиеся путем смычки в гораздо более заднем положении языка: *ṭ*, *ḍ*, *dḥ*, *ṇ*; это же различие касается *s* и *ṣ*. Церебральные, или ретрофлексные, появляются на месте соответствующих зубных или *s* тогда, когда в слове есть еще *r* (и в некоторых других случаях). Напр., род. п. мн. ч. *agnī-n-ām* 'огней', но *vāri-n-ām* 'вод'. Таким образом, *r* как бы «влияет» на эти звуки, заставляя их «изменяться» в определенном направлении. Здесь нет, однако, никакого мистического «действия на расстоянии». Все дело в том, что в индийской фонетической системе произношение *r* требует ретрофлексного положения языка. Это положение сохраняется в той или иной степени на протяжении всей длительности звучания слова и дает себя знать, «выходит наружу», в тех частях слова, которые допускают вариации по ретрофлексности, не теряя своего звукового облика, сохраняя свое тождество как звуков, т. е. там, где язык является активным органом артикуляции. Такими частями в индийском слове и оказываются названные согласные.

Рассмотренные выше явления — сингармонизм, изменение по ретрофлексности — разновидности одного общего явления, называемого ассимиляцией (от лат. *assimilatio* 'уподобление'). Примеры ассимиляции можно найти в большом количестве и в русском языке: прогрессивная ассимиляция — по направлению от предшествующего звука к последующему, вперед, к концу слова: из *Вáнька* получается диалектное *Вáнькя*, далее *Вáньтя*, ср. *Вантэй*, *Ивантэй*, *Ивантёвка*; из *чайкú* — *чайкю*; из *чертёжник* — *чертёжник*; регрессивная — в обратном направлении: из *с+дать* получается *здать* (звонкий [д] озвончает [с]), из *обморок* — диалектное *бморок* и т. д. и т. п.

Диссимиляция (от латинского *dissimilatio* 'расподобление') только по внешности явление обратное ассимиляции. На самом деле это проявление той же самой тенденции к гармонии звуков на протяжении слова: при диссимиляции звуки расподобляются в одном отношении, но уподобляются в другом. Например, русск. *прóруба* характеризуется двукратным ретрофлексным движением языка —

в местах двух [р]. Диссимиляция же *прорубь* > *пролубь* приводит к тому, что после первого [р] язык на протяжении остального звучания движется уже без существенных ретрофлексных отхлдов назад, в общем только вперед — устанавливается своеобразная гармония. В таком случае, как русск. *к кому* > *х кому*, налицо то же стремление — иметь лишь одну сильную смычку на протяжении слова, подобно тому как в слове имеется лишь одно ударение. Теми же процессами и фонетическим единством слова объясняется так называемое диссимилятивное аканье в диалектах русского языка.

В затронутых выше случаях сквозной просодической чертой слова были дизезность или бемольность, ретрофлексия. Рассмотрим еще один интересный случай — ларингализацию. Как мы уже знаем (§ 23), ларингальность — это участие в произношении гортани (ларинкса), при особом ее укладе, дающем придыхание типа английского [h]. В древнегреческом языке такой вид ларингальности нередко является просодическим признаком всей длины слова. Если слово, содержащее какой-либо придыхательный согласный — ларингализованный центр слова, утрачивает этот центр при словоизменении, то оно восстанавливает его в другом месте. Ларингальность становится процессом, ларингализацией, действующим на протяжении всего звучания слова. Ср. *ταχύς* [tahüs] 'быстрый'; сравнительная степень этого прилагательного имеет суффикс *-τον* [-ton], перед которым *χ* [h] исчезает, ассимилируется *τ* [t], и тогда придыхание восстанавливается на первом согласном — из *τ* [t] получается *θ* [th]: *ταχύς* — * *τάχτον* — *θάττον* [tahüs — tahton — thatton].

§ 43. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Фонетика». Общий порядок здесь тот же, что в разделе «Лексика и семантика». Из крупных имен, кроме уже упомянутого там имени Л. В. Щербы, отметим следующие. Иван Александрович Бодуэн де Куртэнэ (1845—1929), крупнейший славянский лингвист, один из основоположников структурного подхода к языку и один из создателей учения о фонеме, фонологии; глава Казанской лингвистической школы; основные работы представлены в двухтомнике «Избр. произведения» (Изд-во АН СССР, т. т. 1—2. М., 1963). Николай Сергеевич Трубецкий (1890—1938), один из крупнейших лингвистов XX в., один из основоположников фонологии, изложенной им в ряде статей и книге «Основы фонологии» (в оригинальном издании на нем. яз., 1939 г., русск. пер. М., Изд-во иностр. лит., 1960), где развивается также общее учение о лингвистических оппозициях; книга остается основным пособием при изучении фонологии; из славистических работ упомянем «Граматику церковнославянского языка» (1 изд. на нем. яз.—Вена, 1954; 2 изд.—Вена, 1968); о других работах см. § 79; вместе с Р. О. Якобсоном и рядом чешских лингвистов Н. С. Трубецкой был основателем Пражской лингвистической школы (см. § 79). Роман Осипович Якобсон, известный современный лингвист, активный деятель Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) в Петрограде, стоял у истоков «русской формальной школы»; долгие годы работал в Праге, где вместе с Н. С. Трубецким и чешскими лингвистами стал основателем Пражской лингвистической школы; основные работы — в области фонологии, славянской грамматики, теории поэтической речи; последние десятилетия живет и работает в США; собр. соч. выпущено издат. «Мутон» в Гааге (т. т. 1—4, 1962—1974). Рубен Иванович Аванесов, чл.-кор. АН СССР, современный советский лингвист, известный диалектолог, фонетист и фонолог, один из создателей, вместе с В. Н. Сидоровым, П. С. Кузнецовым и А. А. Реформатским, Московской фоно-

логической школы. Наум Хомский, известный современный американский лингвист, один из основоположников «порождающих, или генеративных, грамматик»; из крупных работ на русск. яз. переведены «Синтаксические структуры» и «Язык и мышление» (Изд-во МГУ, 1973). Кроме работ, указ. в сносках, см. о фонеме: С. И. Бернштейн. Фонема. Большая Сов. Энциклопедия, изд. 2, т. 45; А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., «Наука», 1971; о недискретных фонетических единицах: Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация рус. яз. Изд-во МГУ, 1963; Н. И. Жинкин. Механизмы речи. М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958, стр. 180 и др.; В. К. Журавлев. Генезис группового сингармонизма в славянском языке, автореф. докт. дис. М., 1965; Л. В. Златоустова. Фонетические единицы русской речи (экспериментальное исследование), автореф. докт. дис. М., 1970; В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, «Наука и техника», 1968 (там же оригинальная теория порождающей фонологии); F. R. Palmer (ed.). Prosodic analysis. Oxford University Press. London, 1970 (сборник работ Лондонской лингвистической школы по основаниям фонологии); о фонетическом аспекте стихосложения: А. Квятковский. Поэтический словарь. М., «Советская Энциклопедия», 1966; сб. Versification. Major Language Types. Edited with a foreword by W. K. Wimsatt. N. Y. 1972 (о системах стихосложения в китайск., япон., библейском еврейск., классич. греч. и лат., слав. и др. языках).

К введению в языкознание: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956 (оригинальная концепция на основе общих принципов Моск. фонологич. школы); Д. Д. Благой. Мысль и звук в поэзии. «VII Международный съезд славистов. Славянские литературы. Доклады советской делегации». М., «Наука». 1973, стр. 99—139 (введение в фонетический и смысловой анализ поэтической речи); Л. Л. Булантин. Фонетика современного русского языка. М., «Высшая школа», 1970 (изложение концепции Л. В. Щербы и Ленингр. фонологич. школы); М. В. Панов. Русская фонетика. М., «Просвещение», 1967 (оригинальная концепция и история фонологии).

Глава I

ОТ ФОНЕТИКИ К ГРАММАТИКЕ. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА

§ 44. Грамматика как сочленение формы плана содержания и формы плана выражения. Введение понятия о грамматической категории. Начиная новый раздел, еще раз бросим взгляд на «карту» нашей книги. Мы начали с плана содержания языка, семантики, рассматривая его выражение в словах, в лексике. При этом мы отвлекались от того несомненного факта, что непосредственность выражения значения в слове только кажущаяся. На самом деле любой предмет может быть назван, а следовательно, любое слово может выразить соответствующее значение, только если называемый предмет подведен с помощью языка под какую-либо общую категорию: например, в русском языке 'ходить' отнесено к разряду действий, 'стол' — к разряду предметов, 'петух' — к разряду живых существ, притом еще к разряду существ мужского пола, и т. д. В языке ничего нельзя назвать, не подведя называемое под общую категорию. Подведение называемого предмета под тот или иной разряд есть одновременно включение значения слова в соответствующую общую категорию значений. Любой отдельный элемент плана содержания — «значение» может быть фактом языка только в том случае, если он подведен под общий разряд, или категорию значений.

С другой стороны, отдельное фонетическое слово или последовательность фонетических слов может быть принадлежностью данного языка, фактом данного языка, также только в том случае, если они подведены под соответствующие общие категории оформления. Воспользуемся знаменитым примером Л. В. Щербы: *глокая кўдра штёко будланўла бокра и кудрячит бокрѣнка*. Мы легко узнаем в этой фразе отдельные слова и словосочетания и даже понимаем их общий смысл: 'какой-то предмет, а скорее существо, женского рода, произвело какое-то краткое действие над другим существом, а затем делает что-то с его детенышем'. Понимание возможно потому, что слова и вся фраза построены в соответствии с требованиями русского языка, и понимаем мы именно общие категории плана содержания, которые в форме элементов *-ая, -а, -о, -нула, -а, -ит, -ѣнка* выступают здесь как оформление ничего не значащих конкретных «слов». Но

что представляет собой форма элементов *-ая*, *-а*, *-о* и т. д.? Очевидно, не что иное, как определенные кратчайшие, элементарные комбинации звуков речи и фонем, в которых сами звуки речи и фонемы находят свое собственное оформление. В нашем примере эти общие категории содержания в оформлении кратчайших комбинаций из единиц плана выражения таковы: 'какое-то существо (или предмет)' — выражено в форме *-а*; 'какой-то признак этого существа' — выражено в форме *-ая*; 'какое-то краткое действие' — выражено в форме *-ну*; 'прошедшее время этого действия' — выражено в форме *-л*; 'принадлежность этого действия названному существу' — выражено в форме *-(ла)* и т. д. Одни из этих категорий носят самый общий и абстрактный характер, например 'прошедшее время действия', другие — характер более конкретный, например 'маленькое живое существо' (*-ёнок*).

Такие категории языка, которые образованы сочленением самых общих категорий плана содержания, с одной стороны, и кратчайших комбинаций предельных единиц плана выражения, с другой стороны, в соответствии с особыми для каждого языка правилами, составляют грамматические категории языка. Совокупность грамматических категорий составляет грамматику языка. Иными словами, грамматика есть непосредственное сочленение формы плана содержания (самых общих категорий плана содержания) и формы плана выражения (кратчайших комбинаций единиц плана выражения).

Естественно поэтому подойти к грамматике и от уже известной нам части плана выражения (фонем, звуков речи, просодических элементов), и от уже известной нам части плана содержания (значений слов, а также от систем слов). Пройдем сначала первый путь (гл. I), а затем второй (гл. II). Предварительно обратим внимание на двойное значение слова *грамматика*. Оно означает: 1) часть языка, 2) раздел языкознания, изучающий эту часть языка.

§ 45. От фонетики к грамматике. Предельная грамматическая форма — морф. Морф — предельная значимая часть слова, т. е. часть слова, неделимая далее без потери ею своего значения. Элементы *-а*, *-о*, *-ит*, а также *-а* и *-я* в составе *-ая*; *-енк* и *-а* в составе *-енка*; *-ну*, *-л*, *-а* в составе *-нула* в приведенном выше примере — морфы. Для того чтобы пройти путь от фонетики к грамматике, неважно знать, каково именно значение морфов, важно лишь знать, есть оно или нет. Содержание значения раскрывается на пути от лексики к грамматике (см. гл. II).

Со стороны плана выражения многие морфы могут быть делимы и далее, при этом будут получены звуки речи, представители фонемы, но они сами по себе, как мы уже знаем, не несут значения, морф при этом дальнейшем делении перестает существовать.

К определению морфа можно подойти с двух сторон — от более крупных, чем он сам, единиц — от слов и словосочетаний и от еди-

ниц более мелких — звуков речи и фонем. Для определения морфа от слова и словосочетания рассмотрим следующий ряд слов и словосочетаний:

обед-а-ть
обед-а-ю
обед-а-ешь
обед-а-л
обед-а-ющ-ий
по-обед-а-ть
не-до-обед-а-в-ш-ий
на обед-е
после обед-а
за обед-ом
 и т. д.

Мы видим, что при сопоставлении выделяются некоторые повторяющиеся и неразложимые далее путем такого же сопоставления части слов, это и есть морфы. Одни из них представляются нам главными частями слова и наделенными конкретным значением, это — корни (*-обед-*); другие, как мы уже могли убедиться в предыдущем параграфе, несут общие, категориальные значения, это — аффиксы (*-а*, *-ть*, *по-*, *до-* и др.).

Для определения морфа от предельных единиц плана выражения необходимо привлечь основные сведения из раздела о фонетике. При этом нетрудно убедиться, что морфы состоят из позиционных вариантов фонем (представителей фонем, или аллофонов).

Отсюда ясно, что записать морф в научных целях можно различными способами — либо обозначая каждый входящий в морф вариант фонемы, аллофон (аллофонная запись), либо обозначая только фонемы, представителями которых являются эти аллофоны (фонемная запись), либо, наконец, обычным орфографическим способом. Орфографическая запись в массе случаев в большинстве языков не совпадает ни с аллофонной, ни с фонемной записью. В русском языке орфографическая запись приближается к фонемной.

Способы записи морфов

Орфографическая запись морфов	Аллофонная запись морфов	Фонемная запись морфов
<i>ряд</i> <i>дет-ск-и-й</i> <i>по-спа-ть</i>	р'а́т д'э́ц-к'и-й па-спá-т'	р'ад д'эт-ск-и-й по-спа-т'

С этой табличкой полезно сравнить фонетические записи в § 27. В дальнейшем, там, где не требуется специальной точности, мы будем давать морфы в обычной орфографической записи. Возможны и морфы, состоящие из одного аллофона, в приведенных примерах это — *-т'* (*поспа-ть*), *-й* (*детски-й*), *-а* (*куздр-а*, ср. *коз-а*), другое *-а* (*будланул-а*, ср. *боднул-а*) и др.

По положению в слове морфы делятся следующим образом: центральная часть слова, носительница конкретного, а точнее, «предметного», или «вещественного», значения, называется корнем; морфы, стоящие перед корнем, называются приставками, или префиксами; стоящие после корня — суффиксами, стоящие после суффикса — окончаниями, или флексиями; морфы, вклинивающиеся в корень, называются инфиксами; все эти виды морфов, кроме корня, называются родовым названием — аффиксы. Часть слова, состоящая из корня и аффиксов (без окончания, или флексии), называется основой слова. В составе слова могут быть еще элементы, подобные аффиксам в плане выражения, но не связанные ни с каким категориальным значением, они называются интерфиксами. Роль интерфиксов состоит в том, чтобы соединять корни между собой (*вод-о-провод*) или корни с аффиксами (*кофе-й-ный*). Если интерфиксы появляются регулярно, они становятся показателями какой-либо группы основ.

Морф, который выражает значение своим отсутствием, в противопоставлении морфам, появляющимся в этом месте в других словоформах, называется нулевым морфом: в ряду словоформ *дом*, *дом-а*, *дом-у*, *дом-ом* и т. д. словоформа им. п. ед. ч. обнаруживает нулевой морф. Виды морфов иллюстрируются в таблице на стр. 114.

Прокомментируем приведенную таблицу. Общее замечание касается формы записи: русские примеры намеренно, в целях простоты, даны в непосредственно фонемной записи — выделена только фонема [j]. Замечания по языкам. Русск. морф *-ива* в имени существительном типа *обесценивание* не следует смешивать с морфом *-ива* // // *-ыва* в глаголах. В последних он является показателем вида, в первом случае — не имеет никакого категориального значения, что доказывается полным параллелизмом слов *обесценивание* и *обесценение*. Следовательно, в отглагольном существительном *-ива* — интерфикс. Русск., англ., лат., литовск. показывают в своих суффиксах и флексиях характерное совмещение разных грамматических значений в одном морфе и видоизменение морфов на стыках. В силу такого слияния, фузии (от лат. *fusio* ‘слияние’) языки с подобным устройством слов называются фузионными. Казахск., эстонск. — языки с иным типом организации слова: суффиксы и флексии отчетливо выделены и разделены, каждый аффикс выражает, как правило, одно значение соответственно своему месту в цепочке аффиксов; это языки агглютинативные (от лат. *agglutinatio* ‘склеивание’).

Не все явления типа морфов укладываются в эту классификацию. Так, в семито-хамитской семье языков (арабский, еврейский — иврит и др.) типичное устройство корней таково: в каждом корне имеются три постоянные согласные (так называемые стойкие согласные), несущие вещественное значение и составляющие корень как таковой; между согласными располагаются переменные элементы — гласные, несущие грамматические значения и характеризующие корень в составе того или иного отдельного слова или его формы.

Виды морфов (примеры)

	Префикс	Префикс	Корень или корень с инфиксом	Интерфикс	Суффикс	Суффикс	Суффикс	Флексия	Орфографическая форма или значение
Русск.		об об бес бес	кофе игр рам цен цен	й(j) л ива	н ыва ен ен н			ый(j) т е е е	кофейный обыгрывает обрамление обесценение обесценивание
Англ.	mis	dis in in	agree form objec(t)	a	tion tion	abl(e) able	y		‘неприветливо’ ‘дезинформация’ ‘приемлемый’
Лат.		con	vi-n-c с инфиксом vic			e tor		re	‘доказывать’, ‘убеждать’ ‘победитель’
Литовск.		ra	bu-n-d с инфиксом bud					a o	‘просыпается’ ‘проснулся’
Казахск.			ара ара ара		лар лар	га			‘пила’ И. п. ед. ч. ‘пíлы’ И. п. мн. ч. ‘пилам’ Д. п. мн. ч.
Эстонск.			pesa pesa pesa pesa pesa		s s de de	t t			‘гнездо’ И. п. ед. ч. ‘в гнезде’ Внутр. п. ед. ч. ‘из гнезда’ Исходн. п. ед. ч. ‘в гнездах’ Внутр. п. мн. ч. ‘из гнезд’ Исходн. п. мн. ч.

Сравним ряд форм из арабского:

<i>k-t-b</i>	стойкие согласные корня со значением ‘читать’,
<i>katab</i>	основа перфекта (так назыв. I породы),
<i>k-tub</i>	» имперфекта (I породы),
<i>kātab</i>	» перфекта действительного залога (III породы),
<i>k-tib</i>	» причастия » (IV породы),
<i>katib</i>	» причастия » (I породы),
<i>k-tab</i>	» причастия страдательного » (I породы),

<i>kitāb</i>	основа имени, ед. ч. 'книга',
<i>kutub</i>	» имени, мн. ч. 'книги',
<i>mak-tabu</i>	» производного имени, ед. ч. 'школа' и т. д.

Не вполне укладываются в понятия, суммированные в таблице, также явления внутренней флексии, или аблаута, индоевропейских языков. Аблаутом (иногда апофонией) называются такие случаи, когда при одном общем вещественном значении корня ряда слов или форм слова различающие их дополнительные вещественные значения или грамматические значения выражаются чередованием гласных. Например:

русск.	<i>вез-у</i> (е) — <i>воз</i> (о)	
	<i>нес-у</i> (е) — <i>нош-а</i> (о)	
	<i>бер-у</i> (е) — <i>бр-а-л</i> («нуль» гласного)	
	<i>дер-у</i> (е) — <i>др-а-л</i> («нуль» гласного)	
англ.	<i>foot</i> [u:] 'нога' — <i>feet</i> [i:] 'ноги'	
	<i>goos</i> [u:] 'гусь' — <i>geese</i> [i:] 'гуси'	
	<i>breed</i> [i:] 'вскармливать' — <i>bred</i> [e] 'вскармливал'	
нем.	<i>nehmen</i> 'брать' — <i>nahm</i> 'брал, взял'	
	<i>fahren</i> 'ехать' — <i>Fuhre</i> 'воз' и т. п.	

В индоевропейских языках чередования гласных имеются и в суффиксах: русск. *ве-тер* — *ве-тр-а* (в этом слове суффикс *-тер-* // *-тр-* выделяется только с исторической точки зрения); лат. *vic-tor* 'победитель' — *vic-tr-ix* 'победительница'.

Все эти явления современных индоевропейских языков восходят к древней системе чередований, основным типом которой было чередование *e — o — нуль гласного*; $\bar{e} — \bar{o} — \bar{a}$ (\bar{a} — особый редуцированный, так называемое «шва»). Они похожи на соответствующие чередования семитских языков, но отличаются от них прежде всего тем, что вещественное значение корня в семитских языках связано только с набором согласных, а в индоевропейских — с набором как согласных, так и гласных: гласные не могут быть отвлечены от структуры индоевропейского корня (об \bar{a} см. также в § 41).

§ 46. Группировки морфов в морфемы. Понятие морфемы. Одна из задач научного описания языка состоит в том, чтобы сводить огромное количество непосредственно наблюдаемых элементов к меньшему числу более общих элементов. Эта задача выполнялась в разделе Фонетика применительно к звукам речи, которые были сведены в небольшое число звукотипов и фонем. Теперь ту же задачу нам предстоит выполнить для значащих единиц — морфов. Итак, задачи установления, выявления, морфов мы здесь только касаемся (см. об этом третью часть книги, раздел о дистрибутивной структуре), а задачу обобщения уже установленных морфов рассматриваем более подробно.

В общем виде, для сведения двух морфов к одной более общей единице необходимо установить тождество рассматриваемых морфов в разных словоформах одного слова или в разных словах, а для этого всегда нужно сравнивать ряды, или множества, слов. Сравним следующие ряды (в аллофонной записи даем только непосредственно интересующую нас часть слова):

- 1) мам-а — армиј-а̇,
- 2) мам-ы — армиј-и,
- 3) мам-ам — армиј-ам̇

и т. д.

Из наличия этих рядов следует, что морфы каждого горизонтального ряда могут рассматриваться как варианты одного и того же: 1) -а, -а̇; 2) -ы, -и; 3) -ам, -ам̇. Это «одно и то же» составляет более общую единицу — морфему. Существуют различные способы записи морфемы. Морфема может быть записана в виде класса морфов, каждый из которых записан аллофонной записью как последовательность аллофонов. Так это и сделано выше. Морфема может быть записана и как последовательность фонем, причем в частном случае эта последовательность может состоять из одной фонемы. Так, для приведенного примера:

- 1) морфема {-а, -а̇} или {-а};
- 2) морфема {-ы, -и} или {-и};
- 3) морфема {-ам, -ам̇} или {-ам}.

В дальнейшем для простоты будем записывать морфемы просто орфографически: -а, -и и т. п.

Дадим теперь определение: морфема есть и класс единиц, и единица, но уже другого, высшего уровня; морфема есть класс тождественных морфов, каждый из которых состоит из аллофонов и встречается в какой-либо определенной позиции; каждый морф такого класса называется алломорфом; вместе с тем морфема есть единица более общая, чем алломорфы, т. е. принадлежащая более высокому, чем они, уровню языка.

Между морфемой и ее алломорфами отношения те же, что между «инвариантом» и «вариантами» в других случаях (ср. в «Лексике» § 12, в «Фонетике» § 27). Эти отношения и имеются в виду, когда говорят, что морфема принадлежит более высокому уровню языка, чем алломорфы.

Примечание. Следует заметить, что в повседневной работе лингвисты, в особенности русские и французские, часто употребляют термин «морфема» в общем смысле, и как обозначение собственно морфемы, и как обозначение каждого морфа или алломорфа одной морфемы. Например, говорят: «морфема [-а] в слове *армия*». Такое словоупотребление допустимо, когда оно не ведет к смешению понятий.

При обобщении морфов в морфемы встречаются три основных случая. В простейшем случае все морфы одного класса, которые предстоит соединить в морфему, состоят из представителей одних и тех же фонем. В русском языке таковы морфы твор. п. мн. ч. муж. р. — *-ами* (*сапогами*), *-ами* (*конями*). В таком случае мы имеем право сказать, что морфема состоит из фонем. Отношения здесь просты и симметричны: все морфы одной морфемы состоят из аллофонов каких-либо фонем, морфема же состоит из самих этих фонем.

При обобщении морфов нередко встречается и более сложный случай: по значению морфы тождественны, а по фонетической форме — нет, состоят из аллофонов разных фонем. Например:

<i>мам-ой</i>	но:	<i>печ'-ју</i>
<i>ламп-ой</i>		<i>ноч'-ју</i>
<i>кор-ой</i>		<i>двер'-ју</i>

В таких случаях лингвистам приходится прибегать к ухищрениям, которые, впрочем, могут быть вполне оправданы объективным устройством языка. В данном случае можно считать, что морфема твор. п. ед. ч. ж. р. представлена тремя вариантами: 1) либо полным: *мам-оју*, *ламп-оју*, 2) либо усеченным за счет конечной части, причем это усечение не обязательно: *мам-ој*, *ламп-ој*, 3) либо, наконец, вариантом, усеченным за счет первой части (-о-), притом это усечение встречается только после основ на согласный и всегда обязательно: *печ'-ју*, *рож'-ју* и т. д. При такой трактовке полная морфемная запись соответствующих случаев будет следующей:

<i>мам</i>	— {ој (у)}
<i>ламп</i>	— {ој (у)}
<i>печ</i>	— {(о)ју}
<i>рож</i>	— {(о)ју} и т. д.

Наконец, заключая этот путь обобщения, можно сказать, что в русском языке существует только одна морфема твор. п. ед. ч. ж. р. — {-оју}, и по определенным правилам, особым для каждой из двух указанных категорий существительных, эта морфема преобразуется в реальной речи либо в форму {-ој} (*мамой*, *лампой*), либо в форму {-ју} (*печью*, *рожью*, *дверью*). При таком описании морфема {-оју} называется «глубинной морфемой», а {-ој} и {-ју} — ее «поверхностными реализациями».

Встречаются, однако, и случаи третьего типа, когда «ухищрения», а лучше сказать, закономерные обобщения, не помогают. Таковы, например, в английском разные морфы множественного числа, по значению все они тождественны, но по фонемному составу различны:

а) <i>boy-z</i> (<i>boys</i>)	б) <i>box-iz</i> (<i>boxes</i>)	в) <i>ox-эп</i> (<i>oxen</i> — мн. ч. от <i>ox</i> 'бык')
<i>dog-z</i> (<i>dogs</i>)	<i>tax-iz</i> (<i>taxes</i>)	
<i>cat-s</i> (<i>cats</i>)	<i>fox-iz</i> (<i>foxes</i>)	
<i>fur-z</i> (<i>furs</i>)		

Английские примеры типа «а» укладываются в самое простое понимание морфемы как класса алломорфов, зависимых от фонетической позиции, они подчиняются правилу «после звонкого согласного или гласного — {-z}, после глухого согласного — {-s}». Случаи типа «б» могут быть присоединены к той же морфеме путем введения абстрактного общего вида морфемы, аналогично тому, как это сделано для вышеприведенных русских примеров. Но случаи типа «в» не могут быть сведены к той же морфеме. Приходится признать, что в английском языке существуют по крайней мере две морфемы множественного числа: {-(i)z} (вариант которой -s) и {-əp}, тождественные по значению и различные по форме. Это, следовательно, морфемы-синонимы. Таким путем мы приходим к выводу, что и в отношениях между морфемами действуют те же принципы синонимии, антонимии и омонимии, которые раньше мы выявили в лексике и фонетике и которые создают оппозиции морфем. Ниже мы кратко рассмотрим эти принципы применительно к морфемам. При этом, как и при определении морфа, достаточно знать лишь, тождественны или нетождественны морфемы по значению, а вовсе не содержание их значений по существу. Таким образом, это рассмотрение завершает раздел «От фонетики к грамматике» и предваряет новый раздел — о значении в грамматике.

§ 47. Омонимия, антонимия и синонимия в грамматике. Оппозиции морфем. Хорошие примеры всех названных отношений дает русская падежная система. Чтобы выявить их отчетливее, разобьем русские падежи на три группы: 1) родительный — Р, 2) именительный — И, винительный — В, 3) дательный — Д, творительный — Т, предложный — П.¹ Рассмотрим прежде отношения падежей в пределах каждой группы. 1) Р, будучи единственным падежом в своей группе, естественно, не вступает ни в какие отношения. 2) И и В могут совпадать по форме и в этом случае вступают в отношения омонимии — одна форма при двух разных значениях, например, *Стол шатается* (И), *Сломали стол* (В). 3) Что касается третьей группы, то Т, благодаря своим резко отличным формальным показателям, не совпадает по форме с другими падежами, а Д и П могут совпадать по форме, и тогда между ними имеет место синонимия — *гулять по лесу* (Д), *гулять в лесу* (П) либо, в других случаях, омонимия — *мне* (Д), *обо мне* (П).

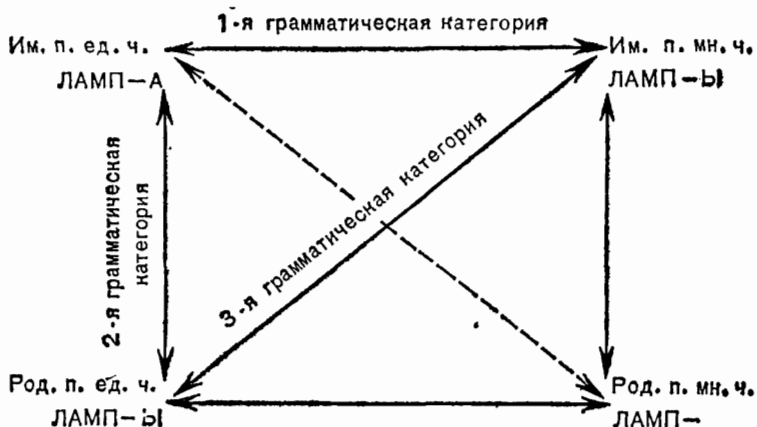
Отношения между падежами различных групп иные. Синонимия здесь, как правило, не имеет места. Омонимия встречается нередко, но не является полной — совпадающие формы различаются ударением, например, *на дверí* (П), *ручка двéри* (Р), резко различной сочетаемостью с предлогами и т. д.

Самые интересные отношения существуют между И, В, с одной стороны, и Р — с другой. Совпадение Р то с И, то с В является глав-

¹ Основания этого разбиения и некоторые следствия см.: Ю. С. Степанов. Проблема классификации падежей. «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

ным средством выражения категории одушевленности (о ней см. § 50). Кроме этого, обнаруживается специфическая тенденция: существительные, имеющие ненулевое окончание в И ед. ч. (*жен-а, воевод-а, окн-о*), имеют нулевое окончание в Р мн. ч. (*жен, воевод, окон*), и наоборот: существительные, имеющие нулевую флексию в И ед. ч. (*мышь, мать, стол*), обладают ненулевой флексией в Р мн. ч. (*мыш-ей, мат(ер)-ей, стол-ов*). Имеются также пары разных слов, различающихся внешне только таким противопоставлением: И ед. ч. *прищепка* — *прищепок*, Р мн. ч. *прищепок* — *прищепков*, также *жу́чка* — *жучо́к*, *прикладка* — *прикладок* и т. п. Подобные отношения назовем асимметричной или зеркальной омонимией. Ее общая схема такова:

Асимметричная омонимия, представленная на схеме диагональными линиями

На этой схеме горизонтальные линии символизируют одну какую-либо грамматическую категорию, например, здесь — числа, вертикальные линии — другую, здесь — падежа. Косые линии символизируют асимметричную, или зеркальную, омонимию, причем сплошная линия — ее выраженные формы (морфема *-ы*), а пунктирная линия — формы невыраженные. Асимметричная омонимия легко может стать формой какой-либо частной для данного языка грамматической категории, так как она содержит в себе все необходимые материальные противопоставления — оппозиции. Остается только нагрузить их значением.

В русском языке рассмотренный тип омонимии используется, хотя и нерегулярно, для выражения категории счетности-несчетности предметов. Ср. *варенье из вишни* (несчетная форма) — *украшения на торте из вишен* (счетная форма).

Зеркальная омонимия пронизывает всю сферу грамматики, и ее значение вырисовывается перед лингвистом тем отчетливее, чем шире круг сравниваемых с этой точки зрения категорий. Так, в

английском языке этот род омонимии соединяет склонение имени и спряжение глагола общностью флексии -s:

	Имя сущ.		Глагол
Ед. ч.	<i>The bird</i> —	↔	<i>sing</i> —s
Мн. ч.	<i>The bird</i> —s	↔	<i>sing</i> —

В итальянском и испанском языках зеркальная омонимия является краеугольным камнем всей системы спряжения. В этих языках глаголы делятся на два класса по характерному гласному основы, который определяется по инфинитиву и проходит в ряде форм настоящего времени изъявительного наклонения: 1. -a, ит. *mandare*, исп. *mandar*; 2. а) -e, ит. *credere*, исп. *creer*; б) -i, ит. *partire*, исп. *partir*. Таким образом, характерным признаком 1-го класса является гласный -a, 2-го класса — -e или -i. В настоящем времени сослагательного наклонения отношение гласных показателей обратное: 1-й класс характеризуется гласным -e или -i, 2-й класс — гласным -a.

Подведем итог сказанному. Идя от фонетики к грамматике, мы установили предельные (кратчайшие) значащие элементы языка — морфы (алломорфы), состоящие из аллофонов; выяснили, что морфы группируются в морфемы и что последние несут в себе возможность разнообразных симметричных и асимметричных оппозиций, которые становятся формой грамматических категорий, как только в системе языка им придается грамматическое значение. Следующая глава будет посвящена грамматическому значению.

§ 48. Непредельные фонетические единицы в их отношении к морфам и морфемам. Непредельные фонетические единицы — слоговой сингармонизм, ударения, тоны не находятся в каком-либо однозначном соответствии с морфами и морфемами. Важно поэтому указать лишь возможные типы этих неоднозначных соответствий.

Непредельные фонетические единицы и предельные значимые единицы — морфы и морфемы — сближает то, что как те, так и другие имеют отношение к значению. Последние, морфы и морфемы, являются непосредственными носителями значения всегда, первые — лишь в некоторых особых условиях. Непредельные, просодические, единицы могут непосредственно выражать значения тогда, когда фонетическое содержание — ударение, тон, сингармонизм и т. д. — четко совпадает в своих границах с мерой участков речевой цепи — слога, слова, фразы, высказывания. В этих условиях просодическая характеристика сопровождает уже не только ту или иную последовательность предельных единиц — морфов и морфем, но и границу между ними. Благодаря этому граница, чаще всего заключающаяся в паузе, получает положительную просодическую характеристику, и последняя становится непосредственным выражением того значения, которое несет пауза. Просодическая характеристика в этом случае может быть названа «суперсегментной морфемой». В русском

языке таковыми будут просодические пограничные сигналы слов, словосочетаний и высказываний. Если мы будем членораздельно, что называется «выразительно», считать от одного до пяти: *один, два, три, четыре, пять* (точка), то после слов *один, два, три, четыре* заметим отчетливое изменение тона, а иногда и паузу, которой, впрочем, может и не быть, а после слова *пять* — резкое понижение тона и обязательную паузу. Первые четыре изменения тона — это просодические показатели сочленений слов в потоке речи, они отделяют целые слова от частей слова, указывают на границы слова. Что касается конечного сочленения, идущего после слова *пять*, то оно не просто указывает на границу слова, но имеет и смысл — указывает на окончание высказывания и утверждение. В этом случае просодический показатель становится как бы дополнительной морфемой, «суперсегментной морфемой». Заметим, что этот термин достаточно условен и не лучшим образом выражает суть дела, но он приняты.

Итак, «суперсегментные морфемы» — это те просодические признаки, которые отличают целое высказывание от набора элементов, морфем, слов или фраз, не составляющих высказывания. Ср. русские 1) *Он!* и 2) *Он сам*; в первом случае после *он* имеется суперсегментная морфема, отличающая это целое высказывание от части высказывания — *он* во втором случае. Кроме того, «суперсегментные морфемы» — это те просодические признаки, которые отличают вопрос от утверждения и побуждения: *Идем. Идем? Идем!*

Если же, в отличие от предыдущих случаев, просодические элементы различают минимальные пары морфем или минимальные пары слов, тождественных по своему фонемному составу, то такие просодические элементы остаются просто непределёнными фонетическими единицами, не поднимающимися до ранга значимых единиц: ср. русск. *мука* ~ *мюка*, *замок* ~ *зámok*, *жара* (жен. р., им. п.) ~ *жара* (муж. р., вин. п.); англ. *subject* — прилагательное 'подчиненный, подвластный' или существительное 'сюжет' ~ *subjéct* — глагол 'подчинять, подвергать воздействию'; литовск. *áusti* 'стыть' ~ *áĩsti* 'светать'. В таких случаях непределённые просодические единицы становятся еще одним, в дополнение к уже существующим в составе слова, различительным средством и могли бы быть названы «суперсегментными фонемами». Однако в этом термине нет необходимости.

Отметим еще статус слога. Слог может совпадать или не совпадать с морфемой. Слог всегда совпадает с морфемой (морфом) в китайском, бирманском и некоторых других языках Юго-Восточной Азии. В этих языках морфемы всегда односложны, а факт совпадения является важной типологической характеристикой этих языков, отличающей их от других, например от индоевропейских. В последних слог и морфема (морф) в принципе не совпадают, хотя случайные отдельные совпадения и возможны (см. также § 26).

Глава II

ОТ ЛЕКСИКИ К ГРАММАТИКЕ. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ТИПЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ.

§ 49. Предварительные замечания. Три типа грамматической абстракции — номинация, предикация, локация. Начиная этот раздел, вернемся еще раз к «карте» нашего изложения. Мы прошли путь от фонетики к грамматике и установили на этом пути строение грамматических категорий. Пройдем теперь вторым путем — от лексики и семантики к грамматике. На этом пути мы должны выяснить, что такое грамматическое значение — самая сущность грамматической категории. Средством же для выяснения будет последовательное сравнение грамматического значения с лексическим.

Обычно утверждают, что грамматическое значение отличается от лексического большей абстракцией. Это утверждение справедливо, но оно недостаточно. Абстракция может быть весьма различной, и не всякая характеризует грамматику. Чтобы понять особенности грамматической абстракции, целесообразнее всего пойти естественным путем — проследив, как в действительности возникают в языке грамматические категории.

Сразу скажем, что в результате такого рассмотрения мы обнаружим не один, а по крайней мере три различных типа абстракции, характеризующих грамматику, а через нее и язык в целом. Мы назовем их соответственно: 1) абстракция предметов, признаков и действий — номинация; 2) абстракция связей между предметами — предикация; 3) абстракция отношений человека к месту и времени речи — локация.

Закрепленные в грамматике тремя различными способами три типа абстракции являются основой для выполнения языком трех его функций — назвать и классифицировать (номинация), привести названное в связь друг с другом (предикация), локализовать названное и приведенное в связь в пространстве и времени (локация).

§ 50. Номинация. Именные и глагольные классы. Естественным переходом от лексики к грамматике может служить категория одушевленности-неодушевленности в русском языке, потому что она в действительности возникла путем обобщения и абстракции лексических

значений, как категория классифицирующая. Что касается ее двойного названия, то оно не должно удивлять: в грамматике, как и в лексике и в фонетике, действует принцип оппозиций, и полное название категории должно быть оппозитивным, т. е. двойным (см. § 11, 29). Впрочем, иногда мы будем пользоваться и сокращенными названиями, такими, как «категория одушевленности».

Историю категории одушевленности-неодушевленности в русском языке мы рассмотрим кратко и только со стороны семантики. Это, конечно, упрощение, но оно не нарушает принципов научного описания, а, напротив, диктуется ими. Упрощение заключается в том, что развитие названной категории было обусловлено, помимо семантических, еще двумя группами факторов — морфологическими и синтаксическими. Морфология обусловила совпадение винительного падежа с именительным в некоторых типах основ (прежде всего, основ муж. р. на *-о*) в единственном числе, позже — более широкого круга основ во множественном числе. Синтаксис обусловил необходимость различения субъекта и объекта предложения, в особенности отличие активного субъекта, лица, от «не лица». Эти факторы находят выражение в различных типах оппозиций грамматических форм, но, показав в общем виде, как они могут действовать в языке (см. выше, § 47), мы теперь отвлекаемся от них и рассматриваем только план содержания, семантику.

В современном русском языке неодушевленные и одушевленные существительные различаются в склонении главным образом тем, что винительный падеж у первых совпадает с именительным, а у вторых — с родительным. Совпадения эти проходят полно во множественном числе (вин. = им.: *столы, окна, лампы*; вин. = род.: *братьев, сыновей, волков, мам, зайчих*) и лишь частично в единственном (вин. п. сохраняет особую, индивидуальную форму у существительных жен. и муж. р. на гласный: *маму, папу, землю, зайчиху, судью*). Этот нерегулярный «клин» в единственном числе вызван чисто морфологическим фактором — несводимостью, «несовпадаемостью», неомонимичностью падежного показателя *-у* ни с каким другим показателем им. или род. падежей¹. Здесь, следовательно, отклонение морфологически вынужденное. По этой причине, желая рассмотреть семантическую историю категории одушевленности, мы как раз должны оставить этот «клин» в стороне и анализировать лишь свободно развивающиеся показатели. Свободным же развитием будет именно такое, где формы вин. и им. падежей начинали омонимически совпадать, где, следовательно, морфологическое давление прекращалось и где вновь складывающиеся оппозиции подчинялись уже другим факторам — функционально-синтаксическим и семантическим. Наиболее свободной в этом смысле группой являются слова мужского рода с исходом на согласный (исторически — на согласный и *ѣ, ъ*) при склонении в единственном числе. После исключения «клина» семантическая история предстает здесь вполне ясной.

¹ Исключение составляет так называемый род. II (*чаю* и т. п.; см. § 79).

1. В XI в. в «Русской Правде» форму вин. = род. падежа получали преимущественно существительные, обозначающие взрослых свободных людей — мужчин, слова же со значением 'раб', 'слуга', 'холоп' и подобные чаще употреблялись в старой форме вин. падежа, не равного род., например: *холопъ ударить свободна мужа, но платити ему за холопъ*, также *выведеть ... мытника, но вдай ты мнѣ свои челядинъ, пояти ему отрокъ*. Отождествление рабов и слуг с вещами, хотя и вещами, подобными людям, характерно для древнего мира. Вспомним, что в античном рабовладельческом обществе орудия делились на «немые, мычащие, говорящие», говорящими орудиями были рабы.

2. В XII—XIV вв. форму вин. = род. падежа получают мало-помалу все существительные, обозначающие взрослых людей — мужчин, особенно в тех контекстах, где подчеркивается их личный характер, т. е. прежде всего собственные имена, а также нарицательные имена, выделяющие лицо наподобие собственного имени, например: *чтуютъца мѡгѡ* (Остромирово Евангелие, 1056—1057 гг.); *а сынъ посади Новгородъ Вспъ в олода* (Новгородская синодальная летопись, писанная в XIII—XIV вв.); *поиде князь Мьстиславъ на зять свои Ярослав* (там же); *поима зятя своего володимерковича* (Лаврентьевская летопись, XIV в.). Но, с другой стороны: *жена дѣтищъ роди* (Лаврентьевская летопись). Во мн. ч. муж. р. новая форма вин. = род. проникает лишь начиная с XIII в., и сначала наблюдаются колебания: *въпрошалъ волѣхвовъ и кудесникъ* (вместо *кудесниковъ*) (Лаврентьевская летопись).

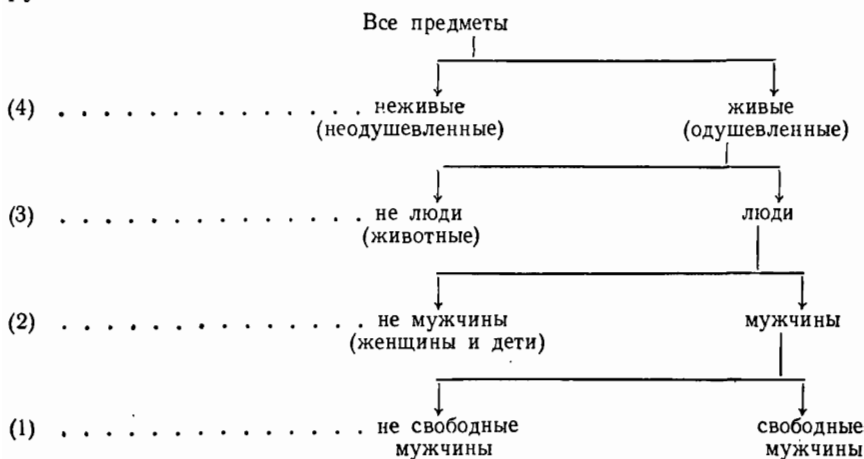
3. С конца XV и в XVI в. формы вин. = род. падежа начинают охватывать и названия лиц женского пола, но, естественно, только во мн. ч. Таким образом, на женский род процесс начал переходить лишь тогда, когда он полностью завершился для названий лиц мужского пола, т. е. охватил их как в единственном, так и во множественном числе. В XVII в. такие формы женского рода уже вполне обычны: *и вдовъ отпуститъ* (Аввакум). Но названия детей и животных остаются в старой форме: *за кобылы, и за коровы, и овцы... и за пчелы править* (Уложение 1649 г.); *дочери свои, дѣвки, или сестры, или племянницы выдали замуж* (там же). В последнем случае старая форма употреблена, вероятно, потому, что названные лица трактуются как дети, потомки.

4. С конца XVII в. новая форма распространяется и на названия животных (а также малых детей, т. е. на слова типа *дитя* и подобн., слова же типа *сын, дочь* получили новые формы соответственно еще на 2-м и 3-м этапах): *до смерти избиваютъ как есть собакаъ* (Книга о ратном строении). Но в говорах, больше всего севернорусских и сибирских, до сих пор названия животных употребляются во множественном числе в старой форме неодушевленности: *пасу коровы; гоню овцы; бьет звери*¹. В современном литератур-

¹ См.: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1952, стр. 149—153; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953, стр. 182—185; В. И. Боровский,

ном русском языке категория одушевленности охватывает названия живых, одушевленных существ.

Почему эта категория классифицирующая? Ответ на этот вопрос станет ясен, если мы изобразим с помощью схемы, на какие разряды разбивает эта категория предметы, обозначаемые существительными русского языка:

На этой схеме цифры означают последовательные, сменявшие друг друга исторические этапы классификации: цифра 4 — последний, современный, актуальный этап, остальные — этапы, уходящие в прошлое и все менее актуальные для говорящих на современном русском языке. Из этих этапов исторически первый уже целиком отошел в прошлое, различие людей по признаку «свободности-несвободности» нами в грамматике уже никак не ощущается. Промежуточные этапы, 2 и 3, не говоря уже о диалектах, играют некоторую роль даже еще и в современном литературном языке и иногда выделяются исследователями как тонкие градации внутри категории рода.

Посмотрим теперь, что происходило со значением в этой категории. Выше, в разделе Лексика, мы определили значение как явление однотипное с понятием и поэтому могущее быть описанным перечнем признаков. На древнейшем, начальном этапе (на схеме — 1) развития нашей категории мы застаем именно такое значение. Рассматриваемая категория тогда была еще почти лексическим явлением, ею выделялась группа слов, имевших такое общее значение: а) живые предметы (существа), б) из живых только люди, в) из людей только мужчины, г) из мужчин только свободные. Это значение, или понятие, включало много признаков, а именно четыре признака

П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., «Наука», 1965, стр. 222—225; о месте этой категории в славянских языках см.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. 2. Paris, 1958, стр. 17—18.

(а, б, в, г), и соответственно количество охватываемых им предметов и их названий было невелико. Здесь действует известный закон логики: содержание понятия стоит в обратном отношении к его объему. Закон действует и на всех остальных этапах: чем больше предметов и соответственно их названий — имен существительных — охватывает данная категория, тем меньше признаков входит в ее содержание:

- 1-й этап: а) живые, б) люди, в) мужчины, г) свободные;
- 2-й этап: а) живые, б) люди, в) мужчины;
- 3-й этап: а) живые, б) люди;
- 4-й этап: а) живые.

Последний, оставшийся на четвертом этапе признак и будет собственно грамматическим значением. По соотношению с лексическими значениями грамматические всегда характеризуются каким-либо одним признаком, но этот признак охватывает множество разнообразно названных предметов и соответственно группирует множество слов-названий. Из сказанного ясно, почему такая абстракция должна быть названа абстракцией признаков, или классифицирующей абстракцией.

Грамматическая абстракция такого типа есть в той или иной мере во всех языках. Ее типичное проявление — именные классы и глагольные классы. Деление существительных по линии одушевленности-неодушевленности и есть один из видов естественной, содержащейся в языке классификации по именным классам. Другие виды той же классификации по именным классам — категория рода и категория собственно именных классов.

В современном языковом мире именные классы наиболее полно представлены в языках банту (в Африке), в американо-индейских языках и в некоторых кавказских языках. Этим категориям указанных языков присущи все черты, характеризующие категорию рода в индоевропейских языках, но при этом так, что по сравнению с индоевропейскими языками роды в названных иносистемных языках кажутся развитыми более полно, более непротиворечиво и часто более «логично». Черты эти следующие: 1) все имена существительные распределены по классам, каждый из которых характеризуется четкими показателями в самой форме слова — имени существительного; 2) более или менее отчетливо видима семантика большинства классов, благодаря чему возможно понять «языковую картину мира» в том виде, как она представлена в разделении имен на классы в данном языке; 3) у каждого класса, а следовательно, у членения на классы в целом имеется еще одна ясная языковая функция, а именно функция организации сочетаний слов и всего предложения путем согласования других слов с именами существительными по их классному показателю, вследствие чего именные классы являются также, в синтаксическом отношении, согласовательными классами.

Несмотря на то что в каждом языке с именными классами иссле-

дователи отмечают перекрещивания и сосуществование различных систем, основанных на разном принципе, каждый раз этот принцип ясен и сами системы в целом допускают вполне последовательное выявление. Для именных классов семьи языков банту исследователи дают следующую их классификацию:

I. Предметное деление: 1) люди; 2) духи (деревья, горы, реки и т. д.); 3) жидкости; 4) орудия; 5) животные; 6) местности (абстрактные); 7) действия и состояния (инфинитив).

II. Соотношение предметов в пространстве: предмет находится: 1) внутри; 2) около, по направлению; 3) вне другого предмета.

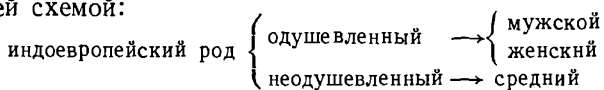
III. Соотношение предметов по их величине и значительности: 1) класс уменьшительных; 2) класс увеличительных; 3) класс уничижительных.

IV. Числовое соотношение: 1) один из двух; 2) один из многих; 3) избирательные.

Всего в банту 21 класс (по системе К. Мейнхофа) или 23 класса (по системе некоторых других исследователей). Каждый класс характеризуется одним префиксом. Так, в языке булу (Камерун): 1) *tu*, 2) *ba*, 3) *tu*, 4) *mi*, 5) *li*, 6) *ta*, 7) *ki*, 8) *bi*, 9) *ni*, 10) *lîni*, 11) *lu*, 12) *tu*, 13) *ka*, 14) *bu*, 15) *ku*, 16) *pa*, 17) *ku*, 18) *tu*, 19) *pî*, 20) *gu*, 21) *gi*. Для образования мн. ч. слову придается префикс другого класса, например: *m-ən* / *b-ən* 'ребенок / дети', 1/2 классы; *m-fək* / *mim-fək* 'мешок / мешки', 3/4 классы. Иногда префикс мн. ч. является особым, а иногда мн. ч. отсутствует. Такие парные группировки, как 1/2 или 3/4 и подобные, называются иногда «родами» в этих языках.

В древнейшем индоевропейском (общиндоевропейском) языке отчетливо прослеживаются две родовые системы: 1) различие «одушевленного-неодушевленного» рода и 2) различие «мужского-женского-среднего» рода. Эти системы не лежат в одном плане и принадлежат по происхождению разным историческим эпохам. Древнейшей из них является система «одушевленный-неодушевленный род», за которой при глубокой исторической реконструкции вырисовывается еще более древнее противопоставление «активного» и «неактивного» начал. Например, слова с основой *ped-* означают 'нога' и принадлежат к активному классу, слова с основой *pedo-* — 'след ноги' и принадлежат к неактивному классу. На существование этой многоставной системы указывают различные факты исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Так, в латыни *pater* — *mater* 'отец' — 'мать' или *lupus* — *fagus* 'волк' — 'буковое дерево' не содержат никаких показателей родовых различий «мужского» и «женского» в строении своих словоформ, потому что до этого все они принадлежали к одному и тому же «одушевленному» роду. В латыни они различаются только посредством согласования с ними прилагательных: со словами *pater*, *lupus* согласуются прилагательные мужского рода, а со словами *mater*, *fagus* — прилагательные

женского рода, т. е. формальное различие достигается явно позднейшими средствами. Среди слов, принадлежащих старому пласту «одушевленных», нет и таких смысловых различий, которые соответствовали бы позднему разделению на «мужской род» и «женский род», кроме тех в общей сложности немногочисленных случаев, когда эти слова обозначают самку или самца. Так, форма слов *lupus* и *fagus* и их значение — для не знающих всей латинской системы — не позволяют заключить, какое из них будет словом мужского, а какое — словом женского рода. Сказанное может быть резюмировано следующей схемой:

Иными словами, в то время как одушевленный род преобразовывался в позднейшей системе в двучленный мужской и женский род, старый неодушевленный род получил новое значение (относительно двух других — мужского и женского родов) — значение среднего рода. Зная общую организацию категории рода в индоевропейском, можно объяснить многие явления в древних индоевропейских языках — старославянском, древнегреческом, латыни и новых языках, например в русском. Так, названия мелких животных, половые различия которых несущественны в хозяйственной жизни человека, принадлежат в основном к женскому роду — в силу общей тенденции женского рода обозначать не общее, а разновидность общего. Названия небесных светил, огня, дня и ночи — пережитки старого одушевленного рода, поэтому в исторических древних индоевропейских языках они всегда либо мужского, либо женского рода. Вариации мужского и женского родов в этих случаях оказываются уже вторичными частностями, обусловленными конкретной системой или даже тем или иным ее фрагментом каждого отдельного языка. Так, в латыни слово *dies* 'день' было первоначально словом мужского рода, но затем перешло в женский род под влиянием других слов на *-ies*, а также под влиянием семантики соотносительного слова *nox* 'ночь', жен. р. Очевидно, что с точки зрения унаследованной именной классификации это уже частность, решающее же значение имеет принадлежность этого слова к «несреднему» роду. Имена действия (и это проходит весьма последовательно), например, в древнегреческом языке всегда мужского или женского рода, в то время как имена результатов действия всегда среднего рода; ср. греч. жен. р. *πλήρωσις* 'наполнение, заполнение' и средн. р. *πλήρωμα* 'наполнение, полнота' и т. д. и т. п. Можно предполагать, что и различие свободных и несвободных мужчин в древнерусском посредством разного грамматического оформления их названий не было абсолютным началом категории одушевленности, а продолжало глубокие традиции индоевропейского мышления.

До сих пор мы рассматривали названные категории таким образом, что это естественно отвечало на вопрос: как они развиваются? Но остается другой вопрос: как они возникают?

Вернемся к категории одушевленности славянских языков. Как видим, она представляет собой новейшую перестройку системы древних родов. Развитие протекало по такой схеме: 1) древнейшая индоевропейская система одушевленного-неодушевленного рода; 2) более поздняя индоевропейская система трех родов (муж., жен. средн.); 3) современная славянская система родов в сочетании с новой категорией одушевленности-неодушевленности. Во французском, английском и некоторых других индоевропейских языках роды 2-го этапа просто исчезли или близки к исчезновению, но именная классификация не исчезла вместе с ними. В современном английском возникли не менее четкие разряды имен: 1) имена на *-er* со значением активного деятеля (как лица, так и предмета); 2) имена на *-ing* со значением действия или процесса; 3) имена на *-tion*, *-ment* со значением результата действия; 4) имена на *-ness* со значением качества в предметной форме.

Подобные факты дали основание выдвинуть применительно к категории рода интересную гипотезу неисчезающего развития, согласно которой грамматические роды постоянно стремятся к утрате своей семантики, но никогда не утрачивают ее полностью, они постоянно получают подкрепление и семантическое обновление в виде новых родов¹. По-видимому, вообще все классифицирующие грамматические категории (как именные, так и глагольные классы) являются категориями неисчезающими, постоянно возобновляющимися. Вопрос об их возникновении заменяется вопросом об их возобновлении. Однако каково это возобновление, или регенерация? Применительно к этим категориям ни в коем случае не может идти речь о развитии по кругу. Схема именных и глагольных классификаций постоянно возобновляется, но на каждом этапе включает в себя несколько иные семантические признаки: возврата к старым признакам деления предметов не наблюдается никогда. Одушевленный и неодушевленный род древнейшего индоевропейского (общиндоевропейского), который проводил различие между богами, человеком, небесными светилами, с одной стороны, придавая их названиям форму мужского или женского рода, и детьми, рабами, результатами действия — с другой, придавая им форму среднего рода, — это нечто совершенно иное, чем противопоставление одушевленных и неодушевленных явлений в современных славянских языках или явлений, обозначаемых словами на *-er* и словами на *-ment* в английском. Но само разделение остается. Только благодаря такому устройству своих классифицирующих категорий язык может выполнять функцию хранилища знаний, накапливаемых с прогрессом человеческого познания.

¹ L. Hjelmslev. *Animé et inanimé, personnel et non-personnel*. «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. 1, Paris, 1956, рус. пер. в кн.: «Принципы типологического анализа языков различного строя. Сост. О. Г. Ревзина». М., «Наука», 1972; фундаментальные данные об индоевропейском роде см.: A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1926, стр. 213—215 и др.

Вместе с тем если речь идет о несомненном возобновлении, то должна быть и неизменная основа этого возобновления. В этой связи очень важно заметить, что при начале развития славянской категории одушевленности-неодушевленности в именах она не только продолжала индоевропейскую классификацию, заложенную в структуре родов (в которой, однако, категории одушевленности к этому времени уже не содержалось), но и опиралась на отчетливое разделение по одушевленности-неодушевленности в местоимениях. Уже на древнейшем этапе, в общеславянском языке, в вопросительном местоимении противопоставлялись личные и неличные формы *кто ~ что*, и при этом вин. п. личной формы был равен род. *кого*, т. е. здесь была дана в зародыше вся будущая именная система одушевленности-неодушевленности. Таким образом, регенерация классификационных категорий опирается на какой-то иной и, по-видимому, неизменный фактор, который сам по себе лежит вне этих категорий.

Что же это за фактор? В ряде индейских языков Северной Америки (в группах на-дене, сиу, галф) и в некоторых языках Южной Америки (семья тупи-гуарани) отчетливо выявляется тот же принцип разделения на классы, который не менее последовательно проходит в кавказских языках и предполагается исследователями для древней «рододовой» фазы в развитии индоевропейских языков: разделение имен (а также соотносительных с теми или иными именами глаголов) на «активный» и «неактивный» классы. В этом широко распространенном в самых различных языках мира классификационном принципе мы и находим ответ на интересующий нас вопрос. Основанием номинации в грамматике служит сравнение внешнего мира с человеком, отождествление одних («активных») предметов с человеком и отрицание этого тождества за другими («неактивными») предметами. Мы видим, что в основе классифицирующей абстракции лежит метафора — уподобление предметов человеку, который в этом случае выступает не как «отдельное Я», а как представитель человеческого рода — активное, действующее в мире и преобразующее мир существо.

Общетеоретическое значение этого положения будет подробнее рассмотрено в дальнейшем (см. § 82).

Вернемся теперь ко второй большой и универсальной, т. е. имеющейся в том или ином виде во всех языках, категории, какой является категория глагольных классов. За недостатком места мы не будем рассматривать ее здесь в подробностях, укажем лишь, что рассмотрение это должно было бы быть аналогичным подходу к именным классам. Глаголы в языке естественно соединяются в относительно небольшие группы соответственно тому или иному количеству общих признаков: интенсивности действия в разных ее разновидностях; нахождения в каком-либо состоянии, опять-таки в разных видах этого состояния; наличия предела действия и т. п. С течением времени какая-либо группа признаков начинает выдвигаться на первый план и охватывать все большее количество глаго-

лов, по мере чего количество признаков в группе последовательно уменьшается. Образовавшиеся в результате такого процесса крупные классы глаголов будут характеризоваться минимумом противопоставленных признаков. В современных славянских языках (например, русском и польском) такими наиболее крупными группировками являются глагольные виды — совершенный и несовершенный. Более мелкими, и соответственно более конкретными, глагольными классами были группировки по способам действия (распространенный немецкий термин *Aktionsarten*), таким, как «начинательный», «учащательный», «выражающий состояние», «выражающий переход в состояние» и др., известные из древнейшего периода индоевропейских языков.

Части речи подходят под определение классифицирующих грамматических категорий. Это предельно широкие по объему группы слов, обладающие каждая одним классифицирующим признаком: предметностью, качеством, действием или состоянием и т. д. Иногда части речи называют лексико-грамматическими категориями. С оговоркой это название приемлемо: все классифицирующие грамматические категории могут быть названы лексико-грамматическими. Однако местоимения, союзы, предлоги с грамматическим значением, частицы, некоторые наречия не могут быть включены в категорию частей речи при таком понимании последних.

Кратко резюмируем сказанное. Классифицирующая абстракция, номинация, создает один тип, или класс, грамматических категорий:

- активный — неактивный классы (как в американо-индейских языках),
- именные классы (как в языках банту),
- роды (как в индоевропейских языках),
- одушевленный — неодушевленный классы (как в славянских языках),
- глагольные классы (как, например, класс глаголов совершенного вида и класс глаголов несовершенного вида в русском языке),
- части речи (кроме, по-видимому, предлогов, наречий с грамматическим значением и т. д., см. выше).

Они развиваются по мере охвата все более широкого круга лексики и идут на убыль, когда сужают свой круг слов.

§ 51. Предикация. Элементарные синтаксические связи. Строение предложения. Предикация, как мы ее здесь определяем, представляет собой абстракцию связей между предметами (а также между признаками и действиями). Предметы отражаются в языке в результате абстракции номинации, создающей именные и глагольные классы (существительные, прилагательные, глаголы). Мы ожидаем, что связи между предметами будут отражаться в языке в виде

связей между существительными, прилагательными, глаголами в высказывании. Это положение бесспорно. Задача лишь в том, чтобы выявить простейшие языковые формы этой связи, а затем расположить все известные формы в последовательности от простых к сложным. Синтаксис — тот аспект языка, который заключается в связи элементарных языковых знаков в высказывании и предложении. Поэтому, говоря о связях интересующего нас типа, мы можем называть их синтаксическими. Само предложение, однако, не является элементарной формой такой связи. Напротив, эта форма очень сложная, и мы лишь постепенно и последовательно определим ее место на одной из верхних ступеней классификации. Элементарную синтаксическую связь представляют те случаи, когда какие-либо два элемента языка последовательно высказываются в речи один за другим и самый факт их расположения одного за другим символизирует расположение обозначаемых ими явлений действительности друг подле друга или в какой-либо связи друг с другом. Своеобразная форма множественного числа в полинезийских языках иллюстрирует такую связь почти в чистом виде: *orang* 'человек' — *orang-orang* 'более, чем один человек, люди'. Располагаться таким образом для выражения связи могут не только слова, но и морфемы: греч. γάργαρα [gár-gar-a] 'множество'; ἀραρίσκω [ar-ar-isk-o] 'класть рядом, один к одному'. Конечно, не следует видеть в этих примерах чего-либо абсолютно «первичного», «изначального». Они просто показывают элементарную синтаксическую связь в чистом виде и позволяют думать, что приблизительно таким способом происходило ее становление в языке вообще. Но сами эти факты далеко не первичны. В русском языке мы находим аналогичные конструкции с довольно сложным значением: соположение элементов символизирует здесь уже не соположение предметов в пространстве, а интенсивность или силу признака: *туго-туго*; *красный-красный*. В древних индоевропейских языках подобным образом строились глагольные формы, выражавшие особую полноту действия, т. е. его завершенность (так называемые перфекты с удвоением): лат. *te-ti-gi* при настоящем времени с инфиксом *ta-n-g-o* 'трогаю'; *pe-pi-g-i* при *pa-n-g-o* 'вколачиваю'.

Более сложный тип (следующую ступень в классификации) находим в тех случаях, где соседствующие языковые знаки не одинаковы или хотя бы похожи, как в предыдущем типе (*туго-туго*; *pe-pi-*), а различны. В таком случае при каждом из них вводится какой-либо, но обязательно один и тот же, третий знак, который и указывает на связь двух первых. Мы имеем здесь дело с категорией *согласования*. Но понимать ее нужно не узко (в школьной грамматике сюда относилось лишь согласование прилагательного с существительным и, в русском языке, глагола в прошедшем времени с подлежащим — *мальчик прыгал, девочка прыгала*). К категории согласования относится и согласование глагола с дополнением посредством повторения приставки-предлога. Итак, два основных типа категории согласования таковы:

а) голубое небо,
голубая чашка,
голубой платок;

б) въехать в город,
съехать с квартиры,
подпрыгнуть под потолок.

(Обратим внимание, что в случае *голубой платок* мы имеем нулевую морфему *голубой-ø платок-ø*).

Когда мы говорим об «одном и том же знаке, или показателе», который при согласовании присоединяется к каждому из связываемых слов, то это тождество показателей может быть и «условным», т. е. таким, которое все говорящие понимают именно как «условное тождество». Оно явно и безусловно в кратких формах прилагательных *голуба́ души́* и кажется совершенно условным в случае *голубой платок*. Но исторически и в таких случаях действительно всегда был один и тот же показатель, здесь *голубъ платъ*. Точно так же во второй группе примеров развитие проходило действительно путем распространения одного показателя, приставки-предлога:

эпоха 1: *Иде Киевъ,*

эпоха 2: *Иде Киеву, въниде Киевъ,*

эпоха 3: *Иде Киеву, въниде въ Киевъ*¹.

Такие случаи без согласования, как *подскачил к потолку, сбежал по лестнице* и подобные, объясняются как вторичные функции приставочных глаголов, возникающие уже на основе первичных, с согласованием.

Формы и типы согласования различны в разных языках. В современных индоевропейских языках наиболее полно представлено согласование имени существительного с прилагательным. Но в языках банту согласование охватывает все предложение. Так, в суахили: *ra-hali ha-ra ra-dogo ra-zuri ra-ni-pendeza* 'это маленькое красивое место мне нравится', где показатель именного класса *ra-* распространяется на все самостоятельные слова в предложении, и этим создается согласование. Аналогично этому в тех индоевропейских языках, где имеется согласование по роду, показатель рода имени существительного (или «условно тот же» показатель, как было сказано выше) распространяется от существительного на прилагательное, а иногда и на глагол. Согласовательным показателем может быть не только предельный морф, но и так называемые «непредельные морфы» — ударение, тоны, сингармонизм гласных (см. § 48).

Пары слов, «согласованные» указанным выше образом, всё еще, как и отдельные слова, принадлежат к аппарату номинации. Они также лишь называют предмет, хотя и более сложным образом. Но когда такие сочетания используются для утверждения существования названного, то они становятся высказыванием-предложением, а содержащаяся в них связь становится п р е д и к а ц и е й. Это следующе-

¹ См., например: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 175.

щая ступень в нашей классификации. Во избежание путаницы на ней следует рассматривать только именные сочетания (двух имен существительных или существительного с прилагательным). *Белый дом* — словосочетание, лишь называющее соответствующее явление, как и отдельное слово *дом*. Но взятое как утверждение о существовании белого дома *Белый дом!* в значении 'Вот белый дом', 'Белый дом существует', это словосочетание стало предложением. Такое предложение называется именным предложением. О его непосредственной близости к двучленному именному сочетанию (типа *белый дом*) свидетельствует то, что во многих языках нет внешнего различия между именным словосочетанием и именным предложением. Однако там, где оно есть, именное предложение составляет особую, более высокую ступень в классификации, чем именное словосочетание, просто употребленное в значении утверждения. В чем же разница между *Белый дом* — словосочетанием и *Дом — белый* — предложением? Здесь мы подошли к самой сути предикации.

Белый дом может быть утверждением существования белого дома, иными словами, утверждением признака 'белый' у предмета 'дом', лишь в акте непосредственного указания здесь и в данный момент, с обязательным сопровождением соответствующей интонацией голоса, а иногда и жестом. *Дом — белый* является утверждением признака всегда, как в данном акте речи, когда это высказывание произносится, так и вне его, не только в данный момент и здесь, но всегда. Связь признаков закреплена в самой форме этого высказывания и не требует опоры на ситуацию непосредственного говорения. Утверждение признака оказалось обобщенным на все ситуации, на любое время вообще. В этом и состоит суть предикации: предикация есть утверждение вневременной связи признаков. Если возможны предложения, в которых нет глагола и категории времени, значит, предикация независима от глагола и времени.

Это теоретическое истолкование подтверждается и в наблюдении. Как показал Э. Бенвенист, именное предложение в древнейших индоевропейских языках, в частности у Гомера, всегда выражает вневременные утверждения, «вечные истины» и не употребляется для обозначения ситуации с протекающим временем, в описании или рассказе.

Но что же тогда представляет собой полное глагольное предложение? Начнем с того, что глагольное предложение может и не указывать на протекание времени. Оно может быть столь же вневременным, как и именное предложение. Ср. русск. *Этот воин — победитель* — именное предложение; *Воину — быть, стать, выйти победителем* — предложение глагольное, но столь же вневременное. Такое глагольное предложение отличается от именного лишь тем, что в именном предложении способ бытия субъекта не назван, а в глагольном — назван, и это достигается посредством введения глагола — представителя аппарата номинации. Глагол, действительно, по самой своей сущности тесно связан с временем. И тем не менее

время — категория совершенно иной абстракции, которую мы рассмотрим ниже под названием «локации».

Таким образом, глагольное предложение должно рассматриваться как такое расширение именного предложения, при котором к предикации как утверждению вневременной связи двух признаков добавляется номинация способа бытия (это собственное содержание глагола как члена глагольного номинативного класса) и категория времени (это собственное содержание одной из категорий аппарата локации). Глагольное предложение является комплексным языковым образованием, сочетающим элементы из аппаратов всех трех типов — номинации, предикации, локации. Полная последовательность такова:

1) *Воин-победитель*, элементарное именное словосочетание, без предикации, но могущее стать высказыванием в непосредственном акте называния;

2) *(Этот) воин — победитель*, именное предложение с предикацией, но без номинации способа бытия и без категории времени;

3) *Воину выйти победителем; Воину стать победителем*, глагольные предложения с предикацией и с номинацией способа бытия ('выйти', 'стать'), но без категории времени;

4) *Воин вышел победителем; Воин стал победителем*, глагольные предложения с предикацией, с номинацией способа бытия, с категорией времени.

Что касается категории модальности, то она в потенциальном виде имеется во всех приведенных формах и может реализоваться, когда они становятся высказываниями в акте речи. Но может и не реализоваться в таких случаях, как *(Верно, что) воин вышел победителем*. Форма, стоящая вне скобок, собственную модальность не реализовала.

Языковые формы предикации называются структурной схемой предложения. Категория предикации едина для всех языков, она — принадлежность языка вообще. Формы же предикации могут быть различны в разных языках. Из приведенных выше примеров русского языка со словом *воин* можно выделить три различные формы предикации, или три структурные схемы предложения. Первая схема «имя существительное + имя существительное» — это схема безглагольного, именного предложения. Вторая схема — «имя существительное или местоимение в дат. п. + определенная группа глаголов + обязательное распространение этой группы». В группу глаголов в этой схеме входят такие слова, как *быть, выйти, стать* и некоторые другие. В «обязательное распространение» в этой схеме входит либо существительное в твор. п. (*Воину быть победителем; Быть вам начальником*), либо определенным образом организованным предложное словосочетание (*Быть бычку на веревочке*). В русском языке имеются и такие структурные схемы предложения, которые в первых двух компонентах подобны названной, в то время как третий компонент либо всегда отсутствует (*Машине здесь не проехать*), либо он организован иначе, чем в этой схеме (*Вам*

не видеть таких сражений). Нетрудно заметить, что схемы двух последних видов, как правило, имеют в своем составе частицу *ne*. На основе таких наблюдений может далее ставиться вопрос, являются ли два типа структурных схем — с отрицанием и без отрицания — разновидностями одного и того же или разными типами. Этот вопрос решается так же, как и для всех абстрактных единиц языка (фонем, морфем) — путем установления оппозиций. Эту часть — способы установления оппозиций между структурными схемами предложений — мы здесь не рассматриваем (об оппозициях в системе языка см. третью часть книги, § 79).

Третья структурная схема в данных примерах такова: «имя существительное или местоимение в им. п. + глагол в личной форме, принадлежащий к ограниченной группе глаголов + имя существительное или прилагательное в твор. п.» (*Воин вышел победителем*). Глаголы данной группы таковы: *быть, стать, становиться, делаться, являться* и некот. др. Этот пример показывает, что структурная схема предложения может быть ограничена со стороны лексического наполнения (входят только определенные слова) либо со стороны семантики (входят любые слова, но лишь в каком-либо определенном значении).

Структурной схемой сложного предложения является способ связи между простыми предложениями, входящими в состав сложного, — союзы, союзные слова и некот. др. Простые предложения, входящие в структурную схему сложного предложения, являются ее «наполнителями» точно так же, как слова в составе структурной схемы простого предложения¹.

§ 52. Локация. Принцип 'я — здесь — сейчас'. Категории времени, лица, числа и падежа. Рассмотрим в самом сжатом виде историю перфекта в романских языках. Как известно, начальной точкой были описательные обороты (так называемые перифразы⁴, перифрастические обороты) классического латинского языка, типа *habeo librum scriptum* 'имею книгу написанной'; далее позднелатинские *habeo scriptum librum*, из которых возникли французские *j'ai écrit le livre* 'я написал книгу' и аналогичные формы других романских языков. Такова, очень кратко, история форм. Но нас интересует сейчас главным образом значение, развитие которого проходит такие этапы:

1-й этап: состояние в момент речи в настоящем, но состояние, возникающее в результате законченного прошедшего действия ('имею книгу написанной');

2-й этап: действие, предшествующее моменту речи, с возникающим из него результатом ('я написал книгу, и вот она, имею ее написанной');

¹ О структурной схеме предложения см.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, § 1282—1288, 1290—1291; Г. В. Петрова. О понятии парадигмы в семантике и синтаксисе. «Вестник МГУ. Серия Х. Филология», № 6, 1970.

3-й этап: действие, предшествующее моменту речи ('я только что, недавно, написал книгу');

4-й этап: действие в прошлом ('я написал книгу').

Где бы, с помощью письменных памятников или лингвистической реконструкции, мы ни вскрывали историю перфекта, всюду она воспроизводит в основных чертах ту же самую схему. Индоевропейский перфект выражал состояние в настоящем, и древнегреческие памятники зафиксировали это весьма точно. От значения состояния древнегреческий перфект переходит к значению действия, законченного в прошлом, с результатом в настоящем; наконец, к значению просто прошедшего действия. Достигнув этой ступени, греческий перфект вступает в конкуренцию с аористом — глагольной формой, которая исконно имела значение действия в прошлом, и оказывается побежденным. С начала нашей эры формы перфекта в греческом исчезают, но на их месте возникают описательные формы, подобные приведенным выше латинским, и развитие начинается сначала. По косвенным данным можно судить, что такую же историю, но еще в доисторическое время, пережил индоевропейский перфект на латинской почве. Результат конкуренции перфекта с исконным прошедшим привел здесь к тому, что эти два ряда форм смешались в единой категории прошедшего (которая в латинских грамматиках называется *perfectum*). Таким образом, приведенным выше латинским формам (первый этап) уже предшествовала такая же история. Такое же развитие переживают французские формы типа *j'ai écrit*. К XVII в. они в свою очередь достигли третьего этапа значения и оказались в конкурентном соотношении с простыми формами прошедшего, типа *j'écrivis*. Но во французском борьба закончилась победой перфекта: в нейтрально-разговорном стиле современного французского языка допустимы только формы старого перфекта, который теперь уже не перфект, а просто прошедшее время. Аналогичный путь проходят германские языки. В готском языке (одном из древних германских) отчетливо сохраняется группа презентно-перфектных глаголов, которая в новых германских языках перешла в категорию настоящего времени, а на месте исчезнувшего простого перфекта возник новый составной перфект типа англ. *I have written*, нем. *Ich habe geschrieben*, подобный лат. *habeo scriptum*, и в южнонемецких диалектах он уже вытеснил формы простого прошедшего типа *ich schrieb*. Что касается английского перфекта, то он в современном языке стоит на третьем этапе и еще не вступил полностью в конкурентную борьбу с формами простого прошедшего (*Past Indefinite*). Такое же развитие характеризует и перфект в других языковых семьях (например, в семитской — в арабском и аккадском языках).

Аналогичные сдвиги претерпевают не только перфектные, но и другие глагольные формы, например: древнегреческий аорист, славянский аорист, а также сходные формы языков других семей и типов. Так, в языке шамбала (семья банту) глагол различает две системы форм: 1) для действия актуального, т. е. происходящего перед глазами говорящего; 2) для действия неактуального,

причем последним может быть, равно и безразлично, как прошедшее, так и будущее¹.

Эта схема развития оказывается, таким образом, универсальной. Проследим еще раз замены значений, подчеркнув самое существенное из них: 1) состояние в момент речи; 2) действие, предшествующее моменту речи; 3) действие в прошлом. Сравним с этим развитие категории одушевленности (см. § 50). Мы видим принципиальное различие. Там с каждым новым этапом уменьшается количество признаков и увеличивается класс слов, охватываемый категорией, — здесь количество охваченных слов меняется несущественно (на этой детали мы подробнее остановимся в § 53), количество же признаков, составляющих значение, не меняется вовсе, на каждом этапе признаки только заменяются. Поэтому там несколько этапов, составляющих цикл, не полностью повторяют другие циклы (старые индоевропейские одушевленный и неодушевленный роды не то, что новая одушевленность-неодушевленность), здесь же по завершении цикла из трех-четырех этапов начинается новый цикл из тех же этапов. Здесь, следовательно, в буквальном смысле воспроизводятся одни и те же три-четыре значения.

Но что представляют собой эти значения? Из суммированных выше пунктов отчетливо видно, что сущность их — в отношении к моменту речи. Момент речи представляет собой исходную координату, по отношению к которой определяются эти значения: первое — как совпадающее с моментом речи, второе — как сдвинутое в прошлое, но непосредственно примыкающее к моменту речи, третье — как сдвинутое в прошлое с отрывом от момента речи. Перенос глагольной формы с первого предмета называния — момента речи на второй и третий предметы называния вполне аналогичен переносу названия с одного предмета на другой в Лексике (см. § 4, 6). В основе переноса здесь, как и там, лежит метафора.

Подобно тому как значения прошедшего времени развиваются из значений настоящего, значения будущего возникают путем метафорического переноса формы желания или долженствования в настоящем на будущее. Так, индоевропейский аффикс *-s-* имел первоначально значение желательности действия в настоящем, в момент речи, а затем развил значение просто будущего, что мы и находим, например, в древнегреческом *λύ-ω* [lu-ō] 'развязываю' — *λύ-σ-ω* [lu-s-ō] 'буду развязывать, развяжу'; в литовском *saky-ti* 'говорить' — *saky-s-iu* 'буду говорить, скажу'. В романских языках окончания глаголов в будущем времени: франц. *j'écrir-ai*, исп. *escribir-é*, ит. *scrivere-ò* и подобн. — восходят к отдельному слову в латинском обороте *scribere habeo* 'имею написать', т. е. 'должен написать'.

Занимаясь этой группой грамматических значений, мы рассмотрели одну координату — момент речи, которая может быть сокра-

¹ К. R o e l. Versuch einer systematischer Grammatik der Schambalaspache. Hamburg, 1911, стр. 108—110.

ценно обозначена как «сейчас». Всего же акт речи содержит три координаты — «я — здесь — сейчас». Координата «я» — сам человек, производитель речи; координата «здесь» — место речи. Согласно современным лингвистическим представлениям, акт речи с его центром — говорящим человеком является ядром всей системы языка. Три координаты акта речи, развиваясь путем метафорического переноса, дают начало трем классам грамматических значений и категорий:

1) координата «я» — категориям глагольного лица и категориям числа;

2) координата «здесь» — категориям падежа и предлога;

3) координата «сейчас» — категориям глагольного времени.

Соответственно этому антропоцентризму языка лингвистические теории, опирающиеся на него как на центральный пункт, могли бы быть названы антропоцентрическими. Мы излагаем здесь свою теорию, входящую в это лингвистическое течение, основы которого заложены работами нескольких выдающихся лингвистов. Следует упомянуть прежде всего русского и советского лингвиста Л. В. Щербу, современного французского лингвиста Эмиля Бенвениста и польского — Ежи Куриловича.

Из первоначальной системы координат акта речи, т. е. из системы указательных слов-наречий, развивается полная система таких слов:

Первичный аппарат

(в ситуации говорения в актуальном настоящем времени)

здесь
сюда
отсюда

Вторичный аппарат

(признаки ситуации говорения метафорически перенесены на ситуацию, отдаленную в пространстве и времени)

там
туда
оттуда

Аналогичным образом:

	I		II		III
1)	я, <i>здесь</i>	→	ко мне, <i>сюда</i>	—	от меня, <i>отсюда</i> ,
	↓				
2)	ты, <i>здесь</i>	→	к тебе, <i>сюда</i>	—	от тебя, <i>отсюда</i> ,
	↓				
3)	он, <i>там</i>	→	к нему, <i>туда</i>	—	от него, <i>оттуда</i> .

Пример такой полной системы дает латинский язык; в нем развитой центральной части соответствуют более сжатые системы указательных и вопросительных местоимений (на схеме они — за чертой):

	I. <i>ubi</i> 'где?'	II. <i>quo</i> 'куда?'	III. <i>unde</i> 'откуда?'	
1)	<i>hic</i>	<i>hūc</i>	<i>hinc</i>	<i>hic</i> 'этот'
2)	<i>istic</i>	<i>istūc</i>	<i>istinc</i>	<i>iste</i> 'этот'
3)	<i>illīc</i>	<i>illūc</i>	<i>illinc</i>	<i>ille</i> 'тот'

Приведенная внутри рамки табличка служит, кроме того, примером грамматической парадигмы. Зная, что такое антонимо-синонимические группы слов и оппозиции слов (см.: «Лексика», § 11), легко дать определение: грамматическая парадигма есть антонимо-синонимическая группа слов, объединенных грамматическим значением. Это определение предваряет то, которое будет дано ниже (§ 55).

Обломки этой латинской парадигмы сохраняются в современном испанском языке:

1) <i>aquí</i> 'здесь' (у говорящего)	<i>acá</i> 'сюда' (к говорящему)
2) <i>ahí</i> 'здесь' (у собеседника)	<i>ahá</i> 'сюда' (к собеседнику)
3) <i>allí</i> 'здесь, там' (у третьего лица)	<i>allá</i> 'сюда, туда' (к третьему лицу)
	<i>este</i> 'этот' (у говорящего)
	<i>ese</i> 'этот' (у собеседника)
	<i>aquel</i> 'тот' (у третьего лица)

Сходные отношения существуют в славянских языках, например в русском и польском, причем в польском они в одном отношении более развитые, чем в русском (имеется колонка IV), а в другом более сжаты (в слове *tam* совпадают два значения). Но в целом славянская система не столь развернута, как латинская (отсутствует соответствие всей 2-й строчке латинской парадигмы). См. на таблице в местонаменных наречиях:

	I Где? <i>G d z i e?</i>	II Куда? <i>D o k a d?</i>	III Откуда? <i>S k a d?</i>	IV Каким путем? <i>K t e d y? K t o r e d y?</i>
1)	<i>здесь, tu</i>	<i>сюда, do t a d</i>	<i>отсюда, st a d</i>	—, <i>t e d y</i>
2)	—	—	—	—
3)	<i>там, tam</i>	<i>туда, tam</i>	<i>оттуда, stamt a d</i>	—

Далее, согласно так называемой локалистической теории падежей, те же отношения развиваются в рамках номинации, т. е. слов с предметным значением. Таким образом возникают падежи в их первичных значениях. Ср. те же отношения в именах:

	I Где?	II Куда?	III Откуда?	IV Каким путем?
1)	—	—	—	—
2)	—	—	—	—
3)	<i>в лесу, w lesie</i>	<i>в лес, do lasu</i>	<i>из леса, z lasu</i>	<i>лесом, lasem</i>

Тот факт, что в указательных и вопросительных наречиях и местоимениях, т. е. в словах, непосредственно связанных с актом речи,

отношения развернуты, а в падежах имен существительных свернуты и обобщены, и указывает на то, что вторые развиваются на основе первых.

Раз образовавшись, система падежей начинает сама развиваться в сторону дальнейшего отвлечения от ситуации акта речи, и при этом, на основе того же процесса метафоризации, получают вторичные значения падежей. Вторичные пространственные значения редко отличаются от первичных непосредственно внешней формой выражения (как, например, две формы русских род. и пред. падежей; ср.: *чая — чаю, в лесе — в лесу*). Но обе функции всегда четко разграничиваются соответствующими им формами вопросительных местоимений:

Падежи	Первичная функция	Вторичная функция
1. Предложный (местный)	<i>Где? В лесу</i>	<i>В чем? В лесе. В деньгах</i>
2. Винительный (направительный, адлатив)	<i>Куда? В лес</i>	<i>Во что? В лес. В любовь</i>
3. Родительный (удалительный, аблатив)	<i>Откуда? Из лесу</i>	<i>Из чего? Чего? Из леса. Из любви. (Запах) чая</i>
4. Творительный (орудийный, инструментальный)	<i>(Где?) Лесом</i>	<i>Чем? Лесом. Карандашом</i>

Приведем несколько примеров из русского языка, разъясняющих таблицу: 1) *В лесу уже все зелено, но Не видит пользы в лесе; Не в деньгах счастье*; 2) *Пойдем в лес, но Вложил всю душу в лес, Не верит в любовь*; 3) *Я из лесу вышел, но Из леса будет польза*; такое же противопоставление у род. п. без предлога: *Я не пил сегодня чаю, но Запах чая*; 4) *Шли лесом, но Довольны лесом; Писали карандашом*.

Изложенная здесь (с учетом работ Е. Куриловича ¹) локалистическая теория падежей хорошо объясняет местные, инструментальные и направительно-удалительные падежи разных языков, составляющие особую подсистему падежей. Труднее объяснить с ее помощью происхождение и функционирование так называемых грамматических падежей — именительного, винительного и отчасти родительного и дательного. Последние лучше объяснимы другой теорией падежей — теорией «синтаксического основания» или «обоснования», которую мы не имеем возможности рассмотреть ввиду небольшого объема этой книги ².

¹ J. Kuryłowicz. O rozwoju kategorii gramatycznych. («Nauka dla wszystkich», 73). Kraków, 1968; он же: Podstawowe kategorie morfologiczne. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», 28, 1971.

² См.: E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Gallimard. Paris, 1966, рус. перев. Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., «Прогресс», 1974 (гл. «К анализу падежных функций: латинский генитив и раздел «Синтаксические функции»).

Категории лица и числа развиваются из той же исходной системы координат: первая — путем обобщения отношений «я — говорящий», «ты — слушающий», вторая — путем обобщения отношений «я — мы».

Резюмируем сказанное. Локация, или абстракция отношений, возникающих вокруг говорящего «Я» в акте речи как центрального ориентира, лежит в основе третьего типа, или класса, грамматических категорий:

- лицо,
- число,
- время,
- падеж,
- предлоги и наречия в грамматической функции,
- местоимения.

Эти категории развиваются по мере метафорического смещения координат «я — здесь — сейчас» от актуальной точки (акта речи) к неактуальным (удаленным в пространстве и времени). Количество охватываемой лексики не играет существенной роли в их развитии, точнее говоря, они постоянно охватывают — с небольшими колебаниями в ту или другую сторону — одни и те же по объему классы слов. Они развиваются в тесном взаимодействии с классифицирующими категориями номинации.

§ 53. Резюме. Общие связи грамматики с лексикой. Рассмотрев три типа грамматической абстракции — номинацию, предикацию, локацию — и возникающие в их рамках три различных типа грамматических категорий, мы убедились, что все они развиваются на основе метафоры: 1) переноса признаков человека на предметы внешнего мира в аппарате номинации; 2) переноса связи признаков из ситуации непосредственного говорения на все другие ситуации, отдаленные от нее в пространстве и времени, — в аппарате предикации; 3) переноса отношений «я — здесь — сейчас», существующих в ситуации говорения, и отношений лиц — непосредственных партнеров по ситуации общения («я» — «ты») на другие лица и предметы. Эти метафорические переносы аналогичны тем, какие имеют место в развитии отдельного слова (см. «Лексика», § 6).

Однако между тремя видами метафор в грамматике есть и свои различия. Если роды и классы «одушевленности-неодушевленности» современных индоевропейских языков, как мы видели, выражают почти тем же способом, что и древние индоевропейские языки, существенно иное содержание, то здесь между древним и новым способами мы имеем синонимы по денотату (называемому предмету). Если, напротив, категория перфекта постоянно переживает один и тот же круг превращений (не исключая и того случая, когда в нее преобразуется особый лексический класс глаголов, как предполагается для древнейшего, или протоиндоевропейского), то, значит, в этой категории, в аппарате локации, мы имеем дело с процессом переноса названия, вместе с выражаемым им значением, с

одного предмета на другой и, значит, с синонимией по сигнификату (выражаемому понятию) (ср. § 9).

Иными словами, с точки зрения исторического развития, формы разных этапов категории рода — это синонимы, называющие по-разному одни и те же предметы объективного мира. Напротив, с той же исторической точки зрения, формы перфекта, выражающие сначала состояние в настоящем, затем действие в прошлом, — это синонимы, называющие разные предметы одним и тем же или сходным образом. В развивающейся теории языка еще предстоит осмыслить место предикации в этой системе метафор.

Резюмируем другой круг вопросов, который касается количества слов, объема лексических классов, охватываемых той или иной грамматической категорией. Как уже было сказано, для грамматических значений в абстракции локации несущественны колебания в количестве охватываемой лексики, в то время как эта черта является определяющей для абстракции номинации. Однако «несущественно» не означает «отсутствует». Некоторое расширение круга лексики отмечается и в категориях локации. Так, в разных языках форма перфекта, переходя от 1-го этапа ко 2-му и далее к 3-му, несколько расширяет круг глаголов. Пока английский оборот *I have written the book* обозначал состояние, он не мог содержать глаголов, объект которых возникает именно в процессе действия и не существует до него: *I have spoken words* букв. 'Я сказал слова', *He has suffered misfortunes* 'Он пережил несчастья', *He has fought battles* 'Он дал (или принял) несколько сражений'. Глаголы движения, естественно, не могли употребляться с глаголом 'иметь', при них был возможен только глагол 'быть', и общая форма перфекта распространяется на них только на одном из поздних этапов, причем прежние формы с 'быть' часто не исчезают совсем, а сохраняются на правах редкого стилистического варианта: англ. старое *He is come*, новое *He has come* 'он пришел', франц. старое *il est passé*, неологизм (не норма) *il a passé* 'он был, побывал'. Не будь здесь расширения круга лексики, сдвиги в грамматическом значении все равно произошли бы, собственно говоря, они и произошли уже до расширения круга лексики, а последнее является их следствием, тогда как в грамматических значениях первой группы это не следствие, а причина.

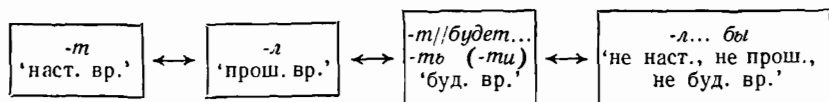
Глава III

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ЕДИНСТВО КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

§ 54. Вводные замечания. Вопрос о «степенях существования» грамматической категории. Понятие элементарного грамматического значения, или «граммемы». В предыдущих разделах мы выяснили, что грамматическая категория создается категориальным значением одного из трех типов (номинации, предикации, локации) в плане содержания и совокупностью морфов в плане выражения. Однако между планом содержания и планом выражения в грамматике, как и вообще в языке, нет соотношения «один к одному». Распутать эти сложные отношения — и значит описать каждую грамматическую категорию в ее сложности и в ее единстве. Ниже мы остановимся с этой целью на типах соединения плана выражения и плана содержания в системе той или иной грамматической категории.

Главный вопрос, который возникает при намерении описать категорию, заключается в том, в какой мере справедливо утверждение, что эта категория существует. Существует ли она вообще? Не является ли она результатом лишь нашего теоретического построения?

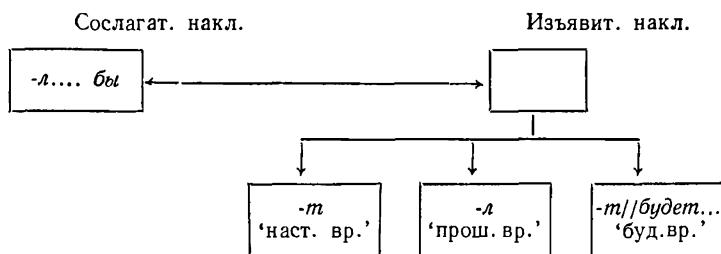
Основной принцип существования чего бы то ни было в рамках языка — это принцип противопоставления; нечто существует в языке лишь в той мере, в какой оно противопоставляется чему-то другому, связанному с ним, но отличному от него. Обратимся к «категории наклонения» в русском языке. Что касается сослагательного наклонения, то оно имеет собственную форму выражения — *бы* в сочетании с показателем прошедшего времени *-л-*. Но что сказать об изъявительном наклонении, которое реализуется лишь в совокупности форм, каждая из которых является либо формой настоящего, либо формой прошедшего, либо формой будущего времени? Фактически мы наблюдаем лишь следующий ряд форм со значениями времени (для краткости указываем лишь формы 3-го л. ед. ч.):

Очевидно, что перед нами несколько возможностей теоретически осознать это положение.

Во-первых, можно считать, что в русском языке существуют четыре формы времени, означающие 'настоящее', 'прошедшее', 'будущее' и 'не настоящее, не прошедшее, не будущее', т. е. форма с нейтрализованными частными различиями по категории времени. Такое решение не должно удивлять, потому что так действительно поступают при анализе других грамматических категорий. Согласно всем современным теориям, категория лица в языке заключается в противопоставлении 'я' — 'ты' — 'не я, не ты (=он)'. Третья форма, форма 3-го лица, заключается в действительности в невыражении различий между первым и вторым лицом, лицами говорящего и слушающего. В таком случае мы должны признать, что и категория наклонения в русском языке не существует, что термин «наклонение» является всего лишь другим названием для различных форм категории времени. Однако это решение, теоретически бесспорное, практически многих из нас не удовлетворит, потому что интуитивно мы ощущаем, что за термином «наклонение» все же стоит какая-то реальность, отличная от категории «время».

Поэтому, во-вторых, можно предложить иное решение:

При этом решении мы будем считать, что существует изъявительное наклонение, потому что ему противопоставляется сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение имеет собственную морфемную форму выражения, в то время как изъявительное реализуется лишь в совокупности частных форм.

Решения второго типа встречаются в описаниях грамматик чаще всего, и с некоторых точек зрения они предпочтительнее, чем решения первого типа. Однако вопрос о существовании остается и при этом, он лишь отодвигается на более абстрактный ярус. В какой мере, при втором из показанных решений, можно считать, что существует категория «наклонение» вообще? Ведь в действительности мы установили лишь существование двух наклонений — изъявительного и сослагательного.

Эти рассуждения приводят к выводу о том, что существуют грамматические категории трех типов: 1) категории, которые имеют хотя бы одну собственную морфему и которые, следовательно, можно непосредственно наблюдать в совокупности алломорфов (сослагательное наклонение в русском языке — пример такой категории);

2) категории, которые не имеют собственной отдельной морфемы, но существуют, с одной стороны, в совокупности морфем каких-либо частных категорий (иногда принадлежащих совсем другой общей категории — например времени, как в приведенных русских примерах), с другой стороны, в противопоставлении категориям первого типа, которые имеют по крайней мере одну собственную морфему (изъявительное наклонение в русском языке); 3) наконец, существуют категории, которые непосредственно не противопоставляются никаким другим категориям и существуют только в совокупностях морфем каких-либо частных категорий (наклонение в русском языке).

После этого остается решить вопрос о том, на какой из ступеней считать грамматическое значение элементарным. Здесь перед нами опять несколько возможностей.

Первая возможность: элементарным будем признавать лишь значение морфов самого нижнего яруса рассматриваемой иерархии, т. е. в данном случае: *-т*, *-л* и т. д. Но это значение времени. Тогда значение наклонения будет таково: изъявительное наклонение заключается в выражении времени (настоящего, прошедшего, будущего), сослагательное наклонение заключается в невыражении времени — и мы опять пришли к тому решению, от которого уже отказались раньше.

Вторая возможность: элементарным будем признавать значение, соответствующее самому высшему ярусу рассматриваемой иерархии, т. е. в данном случае наклонению вообще. Тогда элементарное значение категории наклонения будет таково: «наклонение»; затем этому термину можно давать семантические толкования, например: «Наклонение, т. е. установление говорящим соответствия или несоответствия факта действительности». И т. п. Далее, при этом решении каждая более частная категория будет определяться добавлением какого-либо одного признака к общему определению, причем при хорошо построенном описании эти признаки должны быть связаны отношениями антонимии (точнее, противопоставленности, противоположности, противоречивости). В данном случае изъявительное наклонение — наклонение, устанавливающее, с точки зрения говорящего, соответствие факта действительности; сослагательное наклонение — наклонение, устанавливающее, с точки зрения говорящего, несоответствие факта действительности, и т. п.

Третья возможность: элементарным будем признавать значение, соответствующее той из ступеней иерархии, или, что то же самое, той из частных категорий, которая имеет по крайней мере одну собственную морфему. Такое решение требует, чтобы постулируемое элементарное значение находило в данном языке хотя бы одну непосредственную форму выражения. Тогда элементарное значение категории наклонения в данном случае — это собственное значение формы {*-л* . . . *бы*}. (Для того чтобы сосредоточить внимание читателя на главном — на процедуре описания грамматической категории — и не увлекать его в сторону возможными спорами о том,

какое содержательное определение является наилучшим, мы этого определения здесь не даем, ср., однако, ниже.)

Третье решение представляется нам со многих точек зрения предпочтительным. При нем мы имеем дело с отчетливыми противопоставлениями элементов, и притом такими, что по крайней мере один из членов противопоставления имеет собственную форму выражения. Эти черты отсутствуют при первом и втором решениях. Во втором случае, когда противопоставляются высшие ярусы, вообще нет отчетливых противопоставлений. Чему противопоставлено наклонение — времени? числу? падежу? В первом случае, когда за исходное берутся элементы самого низшего и конкретного яруса, противопоставления слишком многозначны, чтобы быть отчетливыми: морфема *-т* противопоставляется другим по категории времени, лица, числа одновременно; *-л*, вступая в эти противопоставления, одновременно нейтрализует те из них, которые касаются лица, но вносит противопоставления по роду и т. д. и т. п. Третье решение остается наилучшим.

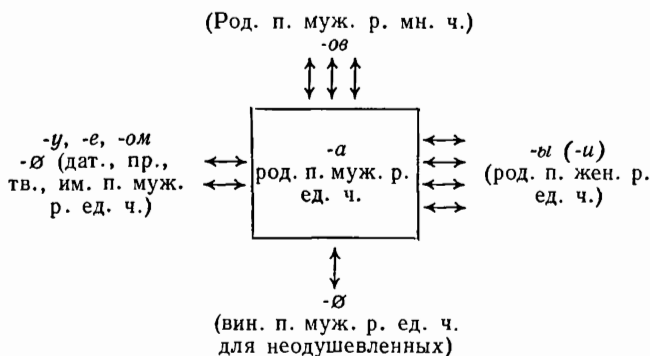
Любое элементарное грамматическое значение, каким бы способом оно ни было установлено, может быть названо граммемой. Но содержание этого термина будет, как это уже очевидно из предыдущего рассуждения, существенно различным в зависимости от избранной системы описания. В этой книге мы (в общем, в нестрогой форме) исходим из того, что элементарным значением, граммемой, является то, которое определяется в соответствии с указанной выше «третьей возможностью». Грамматическая категория понимается как основная, если ей соответствует определенное таким образом элементарное значение, граммема. В большинстве случаев основные грамматические категории — это категории «среднего яруса».

§ 55. Иерархия в строении грамматической категории. Примером простой иерархии может служить строение системы падежей одного какого-либо типа склонения. Так, в русском склонении существительных мужского рода с основой на согласный каждый морф представляет в большинстве случаев какой-либо падеж одного числа и, наоборот, один падеж одного числа представлен одним каким-либо морфом. Однако у им. п. мн. ч. и у вин. п. обоих чисел по два морфа (у им. — *-ы(-и)*, *-а(-я)*, у вин. — «нуль», *-а(-я)* и *-ы(-и)*, *-а(-я)*, *-ов*, *-ей*). Следовательно, эти падежи являются каждый уже в виде небольшого класса морфов. Одноименные падежи обоих чисел объединяются в более крупные классы — им. вообще, род. вообще и т. д. Наконец, эти последние объединяются в категорию «падеж» вообще. Основными категориями будут категории среднего яруса — им. п. ед. ч.; отдельно — им. п. мн. ч.; дат. п. ед. ч. и т. д.

В пределах этого типа склонения представлены три основных типа иерархии грамматической категории: 1) однородная категория — дат. п., в каждом из чисел он представлен одной морфемой *-у* в ед. ч., *-ам* во мн. ч. (соответственно с их мягкими вариантами *-ю*, *-ям*); 2) разнородная категория — вин. п. или род. п.,

где разнородность лежит в плане содержания, в силу переплетения категории падежа с категорией одушевленности-неодушевленности; 3) разнородная категория иного типа — им. п., где разнородность заключена в плане выражения, поскольку разные морфы выражают одно и то же значение.

Даже в случае однородных категорий типа дат. п. строение категории может быть довольно сложным. Так, в дат. п. каждая морфема выражает одновременно две граммы — грамму дат. п. и грамму числа — ед. или мн. В категориях разнородных в плане содержания типа вин. п. или род. п. строение еще сложнее. Каждая морфема выражает здесь по две граммы — падежа и числа, как и в случае дат. п., но сверх того еще и значение категории одушевленности-неодушевленности. Естественно, что при этом на первый план выходит система противопоставлений: каждое значение выявляется лишь в системе оппозиций данной морфемы другим морфемам. Так, в морфеме *-л* русского языка непосредственно (и в этом смысле вне противопоставлений) выражается значение прошедшего времени. Напротив, такая морфема, как морфема род. п. ед. ч. муж. рода *-а*, выражает значение род. п. и ед. ч. в противопоставлении морфемам им., дат. и т. д. падежей (*-ø*, *-у*, *-ы(-а)*, *-ам*... и т. д.) и значение одушевленности в противопоставлении морфеме им. п. *-ø* в смысле вин. п. Это можно представить на такой схеме, отметив соответственно большим количеством черт более непосредственные противопоставления:

Приведенная схема указывает на аналогию в строении морфемной и фонемной систем языка (ср. схемы § 29 раздела «Фонетика»).

Заметим, впрочем, что определение удельного веса противопоставлений (того, что на этой схеме выражено соответственно одной, двумя и т. д. чертами) является следствием полного описания грамматической системы данного языка и здесь дается лишь в качестве отдельной иллюстрации.

Тем не менее оно позволяет дать определение парадигмы. Парадигмой называется группа слов или словоформ одного слова, объединенных одним или несколькими категориальными значениями.

ми. Соответственно числу значений парадигмы могут быть более тесными или менее тесными, т. е. образовывать разные порядки. Так, например:

1) парадигмы первого порядка: словоформы сдного слова, противопоставленные по одному признаку — по падежам одного числа, самая тесная парадигма:

дом
дóма
дóму
дом
...

2) парадигмы второго порядка: словоформы одного слова, противопоставленные по двум признакам — падежам и числам:

дом
дóма
дóму
дом
...

домá
домов
домам
домá
...

3) парадигмы третьего порядка: парадигмы первого или второго порядка от слов одного рода, различающихся по категории одушевленности-неодушевленности:

дом	дома	бык	быки
дома	домов	быка	быков
дóму	домам	быку	быкам
дом	дома	быка	быков
...

4) парадигмы четвертого порядка: парадигмы третьего порядка от слов разного рода или парадигмы второго порядка от слов разного рода и т. д. (Понятие парадигмы дополняется материалом при рассмотрении грамматического значения, см. выше, § 52, и теорией логических отношений, см. ниже, § 75.)

Кроме рассмотренных отношений, в составе грамматической категории нередко содержится другая иерархия — совокупность центральных и периферийных кругов. Категория падежа в индоевропейских языках включает в себя два круга форм — подсистему собственно падежных форм (склонение) и подсистему предложно-наречных форм. В русском языке первая занимает центральное место, а вторая — периферийное. Периферийная подсистема включает в себя также предложные выражения и наречия, образовавшиеся на основе форм падежей — *зимой*, *бегом*, *впотьмах* и т. п. В английском языке, напротив, центральный круг — система предложного выражения тех же отношений, система же падежей занимает крайнее периферийное положение — она включает в себя слабо на-

меченное склонение местоимений, притяжательный падеж на -s в имени. В пределах именного склонения, в частности в русском языке, некоторые формы могут отрываться от центрального круга и переходить на периферию, становясь формами словообразования. Таковы в русском некоторые формы на -ы в именах муж. р. — *бродны* 'рыцарские и монашеские общества' при регулярной форме на -а, *ордена́*, и т. п. (Дальнейшее см. в § 59.)

Резюмируем сказанное о грамматической категории. Г р а м м а т и ч е с к а я к а т е г о р и я есть единство грамматического значения и грамматических форм; грамматическое значение представляет собой обобщенное отражение объективной действительности, естественно возникающее в языке и распределяющееся по трем видам абстракции — абстракции номинации, абстракции предикации, абстракции локации; грамматические формы возникают и организуются по тем же трем разрядам; они представляют собой морфемы (в чистом виде в категориях номинации), взаимное расположение морфем и слов в речи (в чистом виде в категориях предикации), метафорическое переосмысление некогда однозначных слов (в чистом виде в категориях локации); грамматические формы могут представлять собой также более или менее сложные комбинации трех основных средств; грамматическая категория имеет иерархическую организацию; грамматическая категория выявляется в языке исследователем обычно на основании среднего яруса иерархии — как категория, имеющая по крайней мере одну собственную морфему; вокруг такой категории в языке могут группироваться в различном количестве однородные ей категории с менее четкой формой и менее четким значением.

Глава IV

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 56. Предварительные замечания. Словообразование как раздел языкознания отвечает на вопрос: как делаются новые слова в языке? Естественно, что теория словообразования составляет специальную большую отрасль, и как целое она в этой книге не рассматривается. Почему же в таком случае словообразование включено, и при этом в конец раздела о грамматике? Дело в том, что если оставить в стороне вопрос об образовании личных местоимений, относительных местоимений, союзов или отдельных грамматических форм (например, цельных, синтетических форм из двух самостоятельных слов), то основную часть теории словообразования составляет вопрос об образовании полных слов, именуемых явления внеязыковой действительности — предметы в широком смысле слова. В центре словообразования — процессы появления номинативных единиц языка, слов, относящихся к системе номинации. А такие новые слова делаются на тех же основаниях, на которых создаются в языке и грамматические категории, прежде всего категории номинации. Рассмотрение словообразования под этим углом зрения, что и делается ниже, показывает общее и различное в словообразовании и грамматике.

В появлении нового слова следует различать два момента: 1) создание нового слова в речи по активной словообразовательной модели, 2) закрепление созданного слова в языке, в его словарном составе как общественно необходимой единицы. Первое явление можно иначе назвать механизмом словообразования и описывать его в структурных терминах, второе — более длительный и сложный процесс, не укладывающийся в рамки структурного описания, связанный с культурой и историей народа.

Появляющееся в результате первого процесса, механизма словообразования, слово лишено всякой идиоматичности. Если под идиоматичностью понимать такое явление, когда значение целого (слова или словосочетания) больше, чем сумма значений компонентов, то значение появляющегося слова еще полностью равно сумме значений

словообразовательной основы и аффикса. Дальнейшая жизнь слова, его «взросление» определяется социальной потребностью, в ответ на которую происходит «общественное признание» нового слова и его фиксация в словаре с идиоматичным значением. Таким образом, второй этап словообразования уже не может считаться словообразованием в том смысле, как предыдущий, это этап семантического развития. Он разъясняется в связи с понятием значения слова (см.: «Лексика», § 6, 13), и в этом разделе мы ограничимся лишь рассмотрением механизма словообразования.

§ 57. Механизм словообразования. Словообразовательная корреляция. Такие случаи, когда новое слово возникает путем развития значений старого слова, в результате чего единое слово распадается на два слова-омонима, были уже затронуты в разделе о лексике, и к ним мы сейчас возвращаться не будем. Главную массу вновь создающихся слов — в тех языках, где есть аффиксы — составляют аффиксальные образования, ими мы здесь и займемся.

Основой аффиксального словообразования всегда является словообразовательная модель. Словообразовательная модель — не что иное, как цепочка оппозиций, пропорция, представленная в более или менее длинном ряде слов. Ср. *заболевать* : *заболеваемость* = *отстаивать* : *x*; пропорция, очевидно, разрешается, если *x* = *отстаиваемость* (например, *отстаиваемость студентов по языкознанию*, неологизм). Таким образом, это частный случай общезыкового явления корреляции (см. о корреляциях § 30). Словообразовательное членение слова не совпадает с морфемным членением. Например, в современном русском слове *успеваемость* (студента) морфемное членение таково: *у-спе-ва-ем-ость*, словообразовательное же членение иное: *успева-емость*, так как прилагательного **успеваемый* нет. Разъясняется это корреляцией (рядом оппозиций) *терпеть* ~ *терпимость* = *членить* ~ *членимость* = *сводить* ~ *сводимость* = *проводить* ~ *проводимость* (электричества) = ... = *успевать* ~ *успеваемость* (студента). Корреляция показывает, что наличие прилагательного на *-мый* в современном русском языке не обязательно для образования существительного на *-мость*. Такое прилагательное лежит «под» оппозициями *терпеть* ~ *терпимость* (*терпимый*), *членить* ~ *членимость* (*членимый*), но его нет в случаях *успеваемость*, *отстаиваемость* и подобных. Морфемный анализ есть членение слова без учета фактора времени как последовательности сочетания частей, и если слово членится более чем на две части, как в случае *успеваемость*, то не устанавливается никакого соподчинения частей, все части — морфемы выстраиваются в одном плане. Словообразовательный анализ, напротив, заключается в членении слова последовательно по этапам, так, чтобы каждый этап отражал какую-либо реально существующую ступень в образовании слова. Каждый этап доказывается наличием соответственных корреляций. Для случая *успеваемость* этапы эти, начиная от ближайшего к нам, от актуального, к прошлым, таковы:

3-й этап: *успеваемость* ~ *успевать* = *проводимость* ~ *проводить* = *терпимость* ~ *терпеть* = *ранимость* ~ *ранить* = ... и т. д., членение *успева(лe)мость*); элемент *-e-* является интерфиксом (см. § 45);

2-й этап: *успевать* ~ *успеть* = *поспевать* ~ *поспеть* = *повелевать* ~ *повелеть*... и т. д., членение *успе(ва)-*;

1-й этап: *успеть* ~ *подоспеть* = *унять* ~ *поднять* = ..., членение *у(спе)-*.

Результат: последовательность членений в данном случае такова: *у(спе(ва(лe)мость))*).

§ 58. Различные типы словообразовательных корреляций. Как мы видели в предыдущем параграфе, в основе словообразовательного анализа лежит установление корреляций, а поскольку в основе всякой корреляции в свою очередь лежат оппозиции, то и оппозиций. Однако далеко не каждую оппозицию слов можно назвать словообразовательной оппозицией, т. е. моделью образования новых слов, так как далеко не каждая способна воспроизводиться в ряде слов и образовывать достаточно длинную корреляцию. Для этого в оппозиции должна присутствовать и звуковая и смысловая связь. Такой случай, как *врач* ~ *лечить*, не является словообразовательной оппозицией потому, что при явной смысловой связи нет сколько-нибудь регулярного отношения в плане выражения, сравним регулярные, т. е. словообразовательные, оппозиции *учитель* ~ *учить*, *писатель* ~ *писать* и подобн. Такой же случай, как *селезень* ~ *селезёнка*, не является словообразовательной оппозицией потому, что при отчетливой связи в плане выражения нет никакой связи в плане содержания, сравним словообразовательную корреляцию *щебень* ~ *щебёнка*, *зелень* ~ *зелёнка* (разговорное название лекарства «бриллиантовая зелень»), *печень* ~ *печёнка*. Однако попытка распространить эту корреляцию на другие случаи привела бы к ошибкам: отношения *темень* ~ **темёнка* не существуют, и слово **темёнка* образовано быть не может. Очевидно, что словообразовательные корреляции должны быть классифицированы с точки зрения их регулярности и типичности и одновременно — количества слов, охватываемых ими. Ниже мы даем такую классификацию на примере французского языка, но читатель легко установит аналогичные типы в материале русского или иного знакомого ему языка.

Исключение нетипичных оппозиций. Типичные оппозиции. Некоторые оппозиции имеют и смысловую и звуковую связь, но эта связь не повторяется более ни в какой другой оппозиции. В этом случае мы говорим о нетипичных оппозициях. Например, связь *refaire* ~ *réfection* 'переделать ~ переделка', 'ремонт' не имеет ничего общего со связью *restreindre* ~ *restriction* 'ограничивать ~ ограничение', хотя в каждой из пар слова, несомненно, соотносительны друг с другом. Даже в том случае, когда оппозиция не единична, она все же может быть нетипичной. Ср. *père* ~ *pater-*

nel, mère ~ maternel, frère ~ fraternel — оппозиция охватывает всего три-четыре случая, попытка распространения ее на другие слова привела бы к ошибкам, к созданию несуществующих, несуществовавших и невозможных во французском языке слов: *terre ~ *taternel* аналогичное русскому *темень ~ *темёнка*.

Типичными словообразовательными оппозициями оказываются для французского языка оппозиции: а) народного слова ¹ с народным и б) книжного слова с книжным. Например:

а) <i>long ~ longueur</i>	‘длинный — длина’
<i>bas ~ bassesse</i>	‘низкий — низость’
<i>étroit ~ étroitesse</i>	‘узкий — узость’
<i>chanter ~ chanteur</i>	‘петь — певец’
б) <i>longitude ~ longitudinal</i>	‘долгота — долготный’ (геогр.)
<i>docteur ~ doctorat</i>	‘доктор — докторское звание’
<i>odeur ~ odorat</i>	‘запах — обоняние’
<i>acteur ~ actrice</i>	‘актер — актриса’

и т. п.

Но в современном языке устанавливаются и смешанные оппозиции народного элемента с книжным.

Исключение неживых оппозиций из состава типичных. Живые оппозиции. Так как словообразование изучает модели, по которым создаются новые слова, то и элементы словообразования и словообразовательные оппозиции не могут не быть живыми. Так, типичные оппозиции типа *descendre ~ descente* ‘спускаться — спуск, десант’; *fondre ~ fonte* ‘лить — чугун’; *rendre ~ rente* ‘возвращать, воздавать — доход, рента’; *feindre ~ feinte* ‘притворяться — притворство’, несомненно, являются мертвыми, так как между их членами утрачена непосредственная и регулярная смысловая связь. Это проявляется в том, что производные слова во всех случаях значат не только то, что они должны были бы значить как производные от известных слов, но больше того, и эта дополнительная часть смысла не определяется никакими регулярными соотношениями, она идиоматична. Так, *rente* значит не ‘возвращение’, а ‘возвращенные деньги, доход, рента’, так же и в других случаях.

Кроме того, у неживых оппозиций исчерпана словообразовательная база оппозиции, в данном случае глаголы третьего спряжения (*descendre, fondre, rendre, feindre* и др.) уже более не образуются, от имеющихся производные слова уже давно созданы, а звуковое отношение, связывающее члены этих оппозиций (тип *rendre ~ rente*), давно уже не существует во французском языке в виде живого звукового закона.

Однако последние два признака могут, каждый в отдельности, принадлежать и живым словообразовательным оппозициям. Это

¹ Термин «народные слова» обозначает в романском языкознании слова, исторически восходящие к лексическому фонду народной латыни.

и создает практическую трудность разграничения живых и неживых словообразовательных оппозиций. Неживые оппозиции остаются типичными оппозициями, но перестают быть воспроизводимыми. Поэтому они принадлежат системе лексики, но не относятся к ее структурной части — словообразованию.

Таким образом, главным признаком живых словообразовательных оппозиций является наличие живой и регулярной смысловой связи между членами оппозиции, вследствие чего производное слово имеет выводимое из компонентов неидиоматическое значение (что не мешает ему, впрочем, иметь, кроме этого, и идиоматичные значения). Примеры живых словообразовательных оппозиций: *poil ~ poilu* 'волос — волосатый' (второе, идиоматичное значение 'солдат'), *cartelliser ~ cartellisation* 'картелировать — картелирование', от 'картель' (экономический термин) и т. п.

Исключение живых, но непродуктивных оппозиций. Продуктивные, или активные, оппозиции. Продуктивной, или активной, словообразовательной оппозицией является такая оппозиция, в которой смысловое отношение членов, т. е. производного слова к исходному, не только существует (это общий признак живых оппозиций), но и регулярно воспроизводится. Следовательно, наиболее полным типом активной оппозиции будет такой тип (или такие типы), в которых 1) отношение форм строится на основе живого, действующего звукового соотношения и 2) словообразовательная база не исчерпана, т. е. класс слов, от которых нечто образуется и которые составляют первый член оппозиции, не использован до конца. Это может быть или в том случае, если класс практически достаточно многочислен (в отличие, например, от малочисленных глаголов III спряжения во французском языке), или в том случае, если этот класс постоянно пополняется новыми словами, т. е. «открыт», как, например, в оппозиции типа *cartelliser ~ cartellisation*. Словообразовательная база — класс глаголов типа *cartelliser* — далеко не исчерпана; этот класс постоянно пополняется новыми словами. Напротив, оппозиция *barbe ~ barbu, joue ~ joufflu, ventre ~ ventru, poil ~ poilu* и т. д. ('борода — бородатый' = 'щека — щекастый' = 'пузо — пузатый' = 'волос — волосатый'), несомненно, живая, так как обладает главным признаком живой оппозиции (смысл производного слова выводим по правилу из смысла исходного слова), но причислить ее к активным нельзя, так как словообразовательная база ее, названия частей и органов тела, исчерпана, новых слов в этом классе не образуется.

В результате такой классификации словообразовательных корреляций мы убеждаемся в том, что если расположить их по типам, от наименее актуальных, уходящих в прошлое, до наиболее актуальных (продуктивных и активных), то количество слов, охватываемых корреляциями каждого типа, последовательно увеличивается, достигая максимума для корреляций актуального типа. Это явление полностью аналогично соответствующему явлению в грамматике (см. на примере категории одушевленности, § 50). Тем самым выяв-

ляются общие основы словообразования и грамматики, а система словообразования получает точно очерченное место между лексикой и грамматикой.

§ 59. Словообразование как промежуточная система между лексикой и грамматикой. Теперь мы можем ввести определения.

1. Корреляции, охватывающие малое количество слов данного языка, являются в нем лексическими корреляциями, или, в предельном случае, отдельными оппозициями; лексические корреляции в силу малого охвата лексики и в силу закона об обратном отношении содержания понятия к его объему оказываются очень богатыми в плане содержания; поэтому семантически каждая корреляция сильно отличается от другой, они малорегулярны.

2. Корреляции, охватывающие среднее количество слов, являются словообразовательными; в силу отмеченных соотношений они более регулярны, чем лексические, и обладают более обобщенными категориальными признаками.

3. Корреляции, охватывающие максимально большое для данного языка количество слов, являются грамматическими; это корреляции самые регулярные и обладающие самыми обобщенными категориальными семантическими признаками.

Например, в современном русском языке корреляции, противопоставляющие названия взрослых существ названиям детенышей посредством суффикса *-енок*, являются словообразовательными. Корреляции же, противопоставляющие названия одушевленных предметов (включая всякие существа, как взрослые, так и детенышей) названиям неодушевленных предметов, являются грамматическими. Последние выражают самые общие категории (одушевленность — неодушевленность), первые — более частные категории (взрослые существа — незрелые существа).

Из данных выше определений следует, что грамматические категории системы номинации при своем возникновении проходят сначала этап лексической абстракции и являются при этом лексическими категориями, а затем этап, когда они являются категориями словообразовательными. Из этих определений следует далее, что грамматическая категория системы номинации дважды проходит этап словообразования: один раз, — возникая и идя к вершине развития, другой раз, — убывая и склоняясь к исчезновению. В первом случае такая категория характеризуется тем, что корреляции, в которых она воплощается, еще не достигли максимума охвата лексики, во втором случае — тем, что ее корреляции уже прошли максимум охвата лексики и количество обнимаемых ими слов начало убывать.

Из этого следует, наконец, что словообразование как система в языке имеет двойственный состав материальных элементов (аффиксов) и отношений (корреляций): с одной стороны, элементы, возникающие, переживающие процесс становления и грамматизации, с другой стороны, элементы, выбывающие из сферы грамматики и пе-

реживающие процесс убыли и лексикализации¹. Этот процесс составляет самую сущность отношений между словообразованием и грамматикой в классифицирующих грамматических категориях номинации (§ 50), но в той или иной степени имеет место во всех типах грамматических категорий.

Приведем пример того, как грамматическая категория, сужая в одном из своих отделов круг охватываемой лексики и склоняясь в этом отделе к упадку, превращается в этой части в словообразовательную категорию. Примером могут служить нерегулярные формы множественного числа в современном русском языке: *теленки* ~ *телята*, *ягненок* ~ *ягнята*, *волчонок* ~ *волчата*, *котенок* ~ *котята* и т. п. названия детенышей животных. Часть слов, особенно часто употребляемых, по формам образования мн. ч. выходит из этой категории и снова возвращается в чисто грамматический разряд: *щенки* ~ *щенки* (вместо *щенята*). Еще более узкий круг особых форм мн. ч. находим в случаях *небо* ~ *небеса*, *тело* ~ *тела*, *чудо* ~ *чудеса* (ср. уже исчезнувшее *око* ~ *очеса*, вм. более современного *око* ~ *очи*). Из этих слов только *чудо* ~ *чудеса* сохраняет одно и то же лексическое значение в ед. и мн. числах, прочие пары составляют фактически уже разные слова: *небо* 'атмосфера над землей' ~ *небеса* 'пространство над землей как воображаемое местопребывание бога', 'рай', 'то же, что *небо*, но в поэтическом языке'; *тело* 'отдельный предмет', 'организм человека или (реже) животного' ~ *тела* 'жирное тело толстяка или толстухи'. В конкурирующих формах мн. ч. муж. р. на *-а* // *-ы* отношения более сложные: та из двух форм, которая оказывается менее регулярной, служит грамматической формой множественного числа и одновременно отличительным признаком особого значения того же слова, склоняющегося к отделению в самостоятельное слово; менее регулярная форма становится и здесь формой словообразования; ср. *образы* 'изображения, литературные типы' — *образы* 'иконы'; *лагеря* (туристские, пионерские) — *лагери* 'политические группировки'; *ордена* 'знаки отличия, награды' — *ордены* 'рыцарские или монашеские общества' (ср. § 86).

§ 60. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Грамматика». Общий порядок здесь тот же, что в соответствующих параграфах по Лексике и Фонетике. Основания грамматики связаны с работами А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, С. О. Карцевского, Е. Куриловича и других ученых, уже упомянутых в предыдущих разделах. Здесь специально отметим основоположника Формальной школы в русском языкознании акад. Филиппа Федоровича Фортунатова (1848—1914), крупнейшего специалиста по сравнительной грамматике индоевропейских языков; в области грамматики Фортунатову принадлежит разработка учения о формальных классах слов; см. его «Сравнительное языкознание (общий курс)» в изд.: Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. I. М., Учпедгиз, 1956, стр. 136—142. Универсальные основания грамматики специально рассматриваются ниже, в разделе о семиотической структуре языка, там же литература.

¹ Сходная точка зрения на словообразование, но на ином основании, формулируется в работе: J. Kuryłowicz. O rozwoju kategorii gramatycznych. Kraków, 1968.

К введению в языкознание. О морфе и морфеме: Л. Блумфильд. Язык. Пер. с англ. М., «Прогресс», 1968, стр. 261—268 (первое разработанное учение о морфеме; корень слова безоговорочно отнесен к морфемам); о дальнейшем развитии см. библиографию, составленную Е. С. Кубряковой, в указ. издании; Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. М., Изд-во иностр. лит., 1960, стр. 160; также Ж. Вандриес. Язык. Пер. с франц. М., 1937, см. ч. 2, гл. 1 (понятие морфемы относится безоговорочно лишь к грамматическим показателям); о грамматической категории и грамматических оппозициях: А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., «Просвещение», 1971; сб. «Вопросы глагольного вида», составитель Ю. С. Маслов. М., Изд-во АН СССР, 1962; Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий. М., Изд-во АН СССР, 1961; сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968; И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., «Наука», 1971; Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., «Высшая школа», 1965; синтаксис: В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., «Просвещение», 1967; «Грамматика современного русского литературного языка», отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., «Наука», 1970 (разделы «Простое предложение» и «Сложное предложение»); словообразование: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., Изд-во АН СССР, 1962 (имеется общая часть); Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию, в кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959; Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973; «Русский язык и советское общество», под ред. М. В. Панаева. М., «Наука», 1968, части: «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», стр. 19—41, 105—134; «Словообразование современного русского литературного языка».

ЯЗЫК
И
ОБЩЕСТВО

Глава I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

§ 61. Вопрос о происхождении языка. Приступая к теме «Язык и общество», следует сделать несколько общих замечаний. Давно стало общепризнанным, что нет языка вне общества, как нет общества без языка. Однако далеко не всегда отсюда делают необходимый вывод: чтобы понять, как устроен язык, надо изучать его в связи с обществом, которое он обслуживает. Между тем для советского языкознания эта связь всегда была очевидной. Возникшее недавно название отрасли языкознания — «социальная лингвистика», или «социолингвистика», лишь новое слово для традиционной темы советского языкознания — «Язык и общество».

Вопрос о происхождении языка занимал многих выдающихся мыслителей, но ставился и решался весьма различно. Известны теория звукоподражания (стоики, Лейбниц), теория эмоциональных выкриков-междометий (Ж. Ж. Руссо, Д. Н. Кудрявский), теория общественного договора (тот же Ж. Ж. Руссо, Адам Смит), теория трудовых ритмических выкриков (Л. Нуаре), теория «семиотического скачка» — внезапного означивания (К. Леви-Стросс) и др. Уже один перечень показывает, что дело идет не столько о теориях, сколько о гипотезах, чисто умозрительно произведенных от общих философских воззрений того или иного автора. И такое положение в этом вопросе не случайно: происхождение языка вообще как неотъемлемой принадлежности человека нельзя ни непосредственно наблюдать, ни воспроизвести в эксперименте. Возникновение языка скрывается в глубинах предистории человечества.

Однако если мы не можем полностью ответить на этот вопрос, то мы можем по крайней мере правильно поставить его, опираясь на философию диалектического материализма и на факты естественных наук.

Остановимся сначала на философском определении языка у К. Маркса и Ф. Энгельса. Дать философское определение языка — значит истолковать язык в свете основного философского вопроса: что первично, материя или сознание? Отвечая на этот во-

прос материалистически — первична материя, К. Маркс и Ф. Энгельс определяют язык следующим образом: «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹.

Прежде чем перейти к данным естественных наук относительно возникновения языка, следует заметить, что между философским определением языка и естественнонаучными данными о нем в диалектическом материализме нет разрыва. Связующим звеном служит энгельсовская гипотеза происхождения человека. Приведем из нее особенно важное для нашей темы положение: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»².

Перейдем теперь к данным естественных наук. С самого начала следует обратить внимание на то, что человеческий организм не имеет какого-либо «естественного органа речи», созданного самой природой для выполнения только этой функции, подобно тому как глаз и ухо возникают и специализируются исключительно в функции зрения и слуха. Система органов речи состоит из целого ряда органов: 1) мозг, 2) легкие, 3) гортань и глотка, 4) органы артикуляции во рту и в носовой полости. В этой системе каждая часть имеет основную, первичную физиологическую функцию: органы ротовой полости служат для пережевывания пищи, нос и легкие — для дыхания и т. д. Речь в этой системе является лишь вторичной функцией. Следовательно, речь предполагает, во-первых, обособление этой функции от других первичных и чисто физиологических функций и, во-вторых, объединение ряда органов, по своей первичной функции никак не связанных друг с другом, в единую систему для выполнения этой вторичной функции. Это — фундаментальное положение для вопроса о происхождении языка. Оно заставляет сразу отбросить те гипотезы, в которых предполагается единовременное, скачкообразное возникновение языка, и требует рассматривать появление языка как этап эволюции, сначала биологической, а затем биологически-социальной.

Так как функция речи выполняется не одним органом, а целой системой их, то в процессе эволюции специализация органов должна

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 29 («Немецкая идеология»).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 489 («Диалектика природы», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»).

была проходить по нескольким линиям. Одна линия специализации, «легкие — гортань», требует выпрямления тела, хождения не на четырех конечностях, а на двух и одновременного высвобождения передних конечностей, рук, для выполнения других, трудовых функций. Другая линия специализации, «мозг — органы артикуляции в ротовой (и частично носовой) полости», предполагает, что непосредственный образ предмета замещается его звуковым знаком. Как показывают новейшие исследования, это возможно лишь путем овладения предметом в процессе труда и производства предмета. Возникновение языка оказывается поэтому одновременно и процессом познания объективного мира, т. е. процессом становления сознания, в связи с трудовой деятельностью. Таким образом, возникновение языка неразрывно связано с возникновением человека и человеческого общества.

Эти теоретические положения заставляют датировать появление языка, а одновременно и появление современного человека, *homo sapiens*, эпохой раннего, или нижнего, палеолита.

Из сказанного ясно, что в настоящее время на Земле не существует ни одного «первоначального» языка, так как не существует ни одной разновидности людей эпохи раннего палеолита. В дальнейшем мы будем говорить лишь о том периоде развития языка, о котором имеются хотя бы косвенные лингвистические (а не палеонтологические и т. п.) данные. Этот период начинается с эпохи родо-племенного строя.

§ 62. Язык, народ, раса. Выше мы рассматривали тот или иной язык как нечто единое на всей территории, где он распространен. В действительности дело обстоит сложнее: в пределах одного языка существуют диалекты, а диалект может представлять собой группу говоров. В классификации языков установлены следующие основные разряды: 1) говор, 2) диалект, 3) язык, 4) группа родственных языков, 5) семья языков. Лингвистическое содержание этих терминов будет постепенно выясняться на протяжении всей этой части книги. В данном параграфе нам предстоит лишь установить, в каком отношении стоят эти лингвистические понятия к понятиям этнографической классификации. В последней приняты в настоящее время следующие основные разряды: 1) этнографическая группа, 2) этнос, или народ, 3) этническая общность. Этнографическая группа характеризуется культурно-бытовыми особенностями и часто совпадает либо с диалектом, либо с группой говоров внутри диалекта. Примером этнографических групп в пределах одного народа могут служить в Литве — жемайты, населяющие побережье Балтийского моря, аукштайты (с различными подгруппами) — в центре и на востоке республики, сувалькеты — на юго-западе; в ФРГ и ГДР — верхние и нижние саксонцы, баварцы, баденцы, вестфальцы, швабы, франконцы и др. Этнос, или народ, — основная единица этнографической классификации человечества, характеризующаяся единой территорией, реальными экономическими связя-

ми, единым языком (в пределах которого возможно варьирование) и общей культурой. Существенной чертой этноса, или народа, является и то, что он сознает себя как отдельный народ, т. е. его этническое самосознание¹. Русские, украинцы, белорусы, литовцы, немцы, казахи, азербайджанцы и т. д. — этносы, или народы. Этническая общность — единица более высокого порядка, она объединяет несколько народов, говорящих на родственных языках и имеющих общее культурное достояние. Русские, украинцы и белорусы, отдельно литовцы и латыши, — примеры этнических общностей. Более широкие группы языков (например, балто-славянская группа), а тем более языковые семьи (например, индоевропейская), как правило, не соответствуют этнической общности. Таким образом, из сравнения лингвистической и этнографической классификаций следует заключить, что основные категории в той и другой классификации — понятия этнос (или народ) и язык всегда соответствуют друг другу, а более мелкие разряды (диалект и этническая группа) и более крупные разряды (языковая семья и этническая общность) могут как совпадать, так и не совпадать, необходимой связи между ними нет, и вопрос каждый раз должен решаться путем конкретно-исторического анализа.

Раса — понятие антропологической классификации. Основные признаки расы — биологические и генетические (наследуемые): строение черепа, пропорции тела, цвет кожи, волос и глаз, форма волос, разрез глаз, форма и толщина губ и т. д. Вместе с тем антропологи подчеркивают связь расовых признаков с определенной географической территорией — ареалом распространения. Основные расы начали формироваться уже в конце палеолита (40—16 тыс. лет до нашего времени). Различают три основные расы — европеоидная, экваториальная и монголоидная (их прежние, ныне не принимаемые наукой названия — «белая», «черная» и «желтая и краснокожая»). О содержании этих понятий говорят сами их названия. Внутри каждой расы имеется большое количество подразделений, а между расами — переходных типов. Например, переходные расовые типы между европеоидными и экваториальными составляют южноиндийская дравидская группа, восточноафриканская эфиопская; между европеоидной и монголоидной азиатской — многие народы Западной Сибири и Северо-Восточной Европы; между европеоидной и монголоидной американской (индейцами) — метисы. Имеются и расовые типы, смешанные максимально. Древний расовый тип такого характера представляет, по-видимому, полинезийская группа на островах Океании. Буквально на наших глазах происходит становление нового максимально смешанного расового типа в странах Латинской Америки, особенно в Бразилии и на Кубе, компонентами которого стали европейцы, индейцы, негры, метисы и мулаты.

Как уже ясно из всего сказанного, расовая дифференциация человечества не имеет никакого отношения к его разделению и классифи-

¹ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., «Наука», 1971, стр. 32.

кации по языкам. Вместе с тем, поскольку расы характеризуются ареалом распространения, антропологическая классификация по расам может иметь некоторое отношение к лингвистической ареальной и типологической классификации языков, однако в настоящее время этот вопрос еще недостаточно изучен.

§ 63. Язык и общественно-экономический уклад. Важнейшей для исследования проблемы «Язык и общество» оказывается социологическая классификация человеческих обществ на разных этапах исторического развития. Исторический материализм характеризует общество через понятия общественно-экономической формации и общественно-экономического уклада. Под формацией понимается развивающийся общественно-производственный организм, определяемый особым господствующим в нем способом производства, типом производственных отношений, характером организации труда, формами общности людей, формами общественного управления, семьей и особыми общественными идеями¹. Решающим признаком является способ производства; смена способов производства определяет смену общественно-экономических формаций. Исторический материализм выделил пять формаций, являющихся ступенями в развитии человеческого общества: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую, первая фаза которой — социализм. В пределах формации, наряду с господствующим типом способа производства и производственных отношений (чем и определяется вся формация), могут быть вкрапления других способов производства и производственных отношений — общественно-экономические уклады. Определенное значение для характеристики общества могут иметь также хозяйственно-культурные типы: охота, собирательство даров природы, рыболовство; мотыжное земледелие и животноводство; плужное (пашенное) земледелие с использованием уже не ручной силы, а тягловой силы домашних животных и т. п.

Категория формации, а также понятия уклада, хозяйственно-культурного типа, имеют первостепенное значение для понимания того, как функционирует язык в обществе. Они же непосредственно определяют и многие черты в самом устройстве языка. Дальнейшую классификацию социальных типов языка мы и построим на этой основе. Таким образом, в этой классификации мы исходим из в н е я з ы к о в о г о, или, как еще говорят, экстралингвистического, критерия. Но, исходя из этого, лингвист проникает и во внутренние, собственно лингвистические особенности языка.

¹ См.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, стр. 394.

Глава II

ЯЗЫКИ ДО ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИЙ

§ 64. Языки первобытнообщинного строя. Их внутренние особенности (женские языки, табу и др.). Термином «первобытнообщинный» мы характеризуем строй с социальной точки зрения, как одну из формаций, а именно доклассовую формацию. В этнографической классификации тот же строй может быть назван родо-племенным. Оба термина равноправны, так как в первобытном обществе без антагонистических классов этническая и социальная структуры совпадают. Основной ячейкой первобытнообщинного строя является племя. Как и всякий этнос, племя характеризуют следующие признаки — это общность людей, живущих на одной территории, связанных хозяйственными отношениями и говорящих на одном языке, но в отличие от более поздних этносов (народности, нации) племя имеет одну особенность: все люди в нем связаны кровнородственной связью, все происходят от действительного или мнимого (но действительного, по их мнению) общего предка. Племя делилось обычно на две половины — фратрии (объяснение термина см. в § 65). Фратрии в свою очередь делились на роды — большие семьи, сначала, по видимому, по материнской линии (матриархат), позже — по отцовской (патриархат). Каковы исторические отношения между родом и фратрией — роды ли объединялись во фратрии, или фратрии разделялись на роды? Вопрос этот не получил окончательного разрешения, но многие этнографы предполагают второе: еще до образования первых племен «первобытная орда» людей в процессе биологически-социальной эволюции стихийно пришла к разделению на две части, внутри каждой части браки и половые связи между мужчинами и женщинами были строго запрещены, они разрешались лишь между частями. Такие отношения называются экзогамными (от греч. ἔξω 'вне, снаружи' и γάμος 'брак'), а вся структура общества — дуальной (лат. dualis 'двойной'). Возможно также, что фратрии, образующие племя, первоначально не выделялись из первобытной орды, а соединялись, сходясь из разных территорий. Древнейшие фратрии позже разделялись на роды, также экзогамные. На стадии перехода к классовому обществу родо-племенная организация была уже более

сложной. В таком виде она на основании данных Л. Моргана исследована в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На всем протяжении первобытнообщинного строя племена обычно объединялись в союзы племен, получавшиеся путем дробления, соединения, передвижения и, наконец, сплочения племен. Все особенности родо-племенного строя имеют самое непосредственное отношение к языку.

Начнем с особенностей языка, связанных с внутренней жизнью племени и рода. Деление племени на экзогамные группы предполагает некоторые отличия языка каждой группы от языков других групп, по крайней мере в области лексики. Того же требует затем и деление членов рода и племени на мужскую и женскую половины, и, наконец, к тому же ведет первоначальное разделение труда между ними: женщины занимаются собиранием плодов и корней, мужчины — охотой и рыболовством. Между прочим, о таком разделении труда свидетельствуют и некоторые лингвистические данные. Индоевропейские термины родства не однородны по составу, выделяется, в частности, группа из пяти слов: **patēr* 'отец', **mātēr* 'мать', **bhrātēr* 'брат', **dhughatēr* 'дочь', **y(e)natēr* 'зять'. Все они содержат древнейший суффикс деятеля *-tēr* и, следовательно, первоначально обозначали не родство в современном смысле слова, а социальную функцию. Корень **dheugh-* // **dhugh-* в слове со значением 'дочь' означает 'контакт, встреча, сбор'. Отсюда делается вывод, что первоначальное индоевропейское значение термина 'дочь' — 'собирательница плодов, корней'. Позже из него развилось значение 'собирательница молока', 'доющая', но только в некоторых (а именно индоиранских) языках¹.

Когда социальное разделение совпадало с разделением по половому или половозрастному принципу, появлялись различия в языке мужчин и женщин одного и того же племени, сопровождающиеся еще и различиями в языке разных возрастных групп. Таким образом, внутри племени всегда должно было существовать, хотя и по разным основаниям на разных исторических этапах, известное различие групповых языков. Подобные явления наблюдаются еще и в наше время. В языке кочующих охотников и рыболовов юкагиров, или одулов (на северо-востоке Сибири), палатальные взрывные звуки типа русск. *ть*, *дь* принадлежат только языку мужчин, женщинами они произносятся как *ц*, *дз*, а стариками — как *ч*, *дж*². Поскольку социальное различие мужчины и женщины сохраняется дольше всего, постольку тип отмеченных различий — особенности женской речи — сохраняется практически во всех современных языках, даже в таких высокоразвитых, как русский, французский, китайский, немецкий и т. д., но проявляется наиболее отчетливо не в литературном языке, а в диалектах. В мон-

¹ L. Deroy. Le nom de la «fille» et la structure fonctionnelle de la société indo-européenne. «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962.

² Сб. «Языки и письменность народов Севера», III. Л., 1934, стр. 13.

гольском языке младшим членам семьи запрещается произносить имена старших по возрасту и главным образом женщинам запрещается называть имена тещи и тестя, дядей и теток. Нельзя также употреблять слова, звучащие похоже на имена этих родственников. В случае необходимости назвать соответствующий предмет следует прибегнуть к любому способу замещения: или высказаться описательно, или употребить синоним, или, если синонима нет, заменить начальным согласным слова. Следует заметить, что эти запреты в монгольском языке распространяются и на мужчин, но в силу более привилегированного положения мужчин в семье практически касаются только женщин. Таким образом, мы видим, что существование «женских языков» подкрепляется не биологическими, а социальными причинами (см. также ниже о табу).

Еще одной особенностью языков родо-племенного строя, которая возникает как следствие постоянных и глубоких контактов и отсутствия письменности, помогающей фиксировать язык, является быстрое обновление словаря. Подобные явления неоднократно отмечались и в наши дни. Исследователь, побывавший в зоне какого-либо племенного языка и ознакомившийся с его лексикой, при возвращении в ту же местность через несколько лет может застать уже другой словарь, во многом отличный от прежнего (сообщения Л. Тальбицера об исследованиях языка эскимосов в 20-е годы нашего века). Правда, при этом не нужно забывать и об ошибках наблюдения; исследователь, применяя «прямой метод», например показывая иголку и спрашивая, как это называется, рискует получить один раз ответ «иголка», другой раз «шить», третий раз «острое, колючее» и т. п., потому что спрашиваемый может назвать либо предмет, либо его функцию, либо признак и т. д. При этом исследователь легко может сделать ошибочный вывод об изменении названия иголки. И тем не менее быстрое обновление словаря на определенных стадиях развития языка является фактом. Мы снова вернемся к нему в связи с понятием диалекта.

Смена лексики в языках родо-племенного строя обусловливается еще одним мощным фактором — табу. Под табу в лингвистике понимают общественный запрет на определенные слова, а следовательно, и на обозначаемые ими понятия. Само слово *табу* заимствовано для научного обихода из одного из полинезийских языков. Ярким примером табу служит название медведя в индоевропейских языках. Исконным словом было, по-видимому, **rk̥s̥os*, сохранившееся в соответствующих измененных формах в санскр. *rk̥sah*, др.-греч. *ἄρκτος*, лат. *ursus*, армянск. *arj*. Однако в целом ряде индоевропейских языков это название попало под запрет и было заменено подставным словом: русск. *медведь* из общеслав. *меду-рьдъ*, т. е. 'поедатель меда'; литовск. *lokys* из **tlākis* или **klākis* букв. 'толкун, топотун'; нем. (*der*) *Bär* из *bero* 'бурый'. То же в индоевропейском названии змеи: санскр. *sarpah*, др.-греч. *ἑρπετόν*, лат. *serpens*, от корня со значением 'ползущая'; русск. *змея* от того же корня, что *земля*, букв. 'земляная'; литовск. *gyvatė* 'живая, живучая', в диалектах *ilgoji* 'длинная'.

Здесь подставное наименование пошло по несколько иному пути, чем в случае «медведь»: 'ползущая...', 'длинная...', 'живая...', 'земляная...' — всюду существительное пропущено, а его определение-прилагательное оставлено.

Примечание. Подобный способ наименования мы находим и вне отношения к табу: ср. русск. *Большой, Малый* — *Большой театр* в Москве, *Малый театр* в Москве, *Вешенская* — *станция Вешенская* на Дону, *Планерная* — *железнодорожная станция Планерная* и т. п.

Запрету могли подвергаться названия не только животных, но и вещей, событий, действий, дней, времен суток, и не только имена существительные, но и глаголы, и наречия. Сравним более близкие к нам по времени *преставился, отдал богу душу* и т. п. вместо 'умер'; франц. *il y est passé* букв. 'ушел туда' в том же значении. Современный француз не подозревает, что, употребляя выражение *de bonne heure* 'рано утром', букв. 'в добрый час', он использует древнеримское подставное выражение, возникшее на месте наречия *māne* 'рано, спозаранок', которое в свою очередь до этого имело значение 'добрый, хороший'. Дело в том, что, по римским поверьям, как свидетельствует Варрон, кроме дней целиком счастливых или целиком несчастливых, были еще «расколотые дни», одни из них считались неблагоприятными по утрам и удачливыми в остальное время (*dies fissi*), другие — неблагоприятными утром и вечером и удачливыми в промежутке (*dies intercisī*). Сходный запрет на утро существует у берберов: утром нельзя упоминать названия животных, орудий труда, домашней утвари, метлы, иглы, кастрюль и т. п. У самых разных племен запрещается называть имена вождей племени, поминать имена умерших, предков рода и т. д.

Наблюдения над табу показывают, что это явление не составляет особенность какого-либо одного языка, а обусловлено хозяйственно-культурными типами (см. о них выше, § 63) родо-племенного строя, связанными с охотой и рыболовством. Такие типы выходят далеко за временные рамки первобытнообщинного строя, местами они сохранились до наших дней, а с ними вместе сохраняются и возобновляются табу. Название оленя табуировалось в древних индоевропейских языках: лат. *ceruus*, древнегреч. *κεράς* от корня со значением 'рог', буквально 'рогатый' (от того же корня и русск. *корова*, которое, следовательно, родственно по способу обозначения этим латинским и греческим словам); то же самое в современном русск. *сохатый*, от *соха*, для обозначения лося. Известный уже нам запрет на имена медведя и змеи также повторяется почти в точности в русских диалектах, в языке охотников: змея — *худая*, медведь — *хозяин, старик, он, сам, дедушко*. По отношению к словам *змея, медведь* эти слова уже табу вторичное. Название зайца запретное у многих племен, в частности у берберов: вместо собственного прямого названия зайца *atul* говорят *bu tmezgin* «длинноухий зверь» (у берберов это лишь утренний запрет). То же в языке русских охотников: *ушкан, косой, куень, куян* (последние два — заимствования из тюрк-

ских языков). Приведенные слова — родовые названия зайца, их не следует путать с названиями разновидностей, которые не являются табуистическими: *беляк, серяк, русак, ярыш* и др. Само название охоты — *охота* 'воля, желание' — по-видимому, тоже подставное слово. В народных говорах сохраняется старое: *лѣшня, лесование, полешня*, от корня *лес*, — то же в старых русских памятниках: *лѣшние лѣсы, лѣшнии рѣки* — 'охотничьи угодья'. В Архангельской области охотничья избушка на озере также называется подставным словом *теплуха, теплушка*. Здесь примечателен еще и переход этого слова из языка охотников в жаргонную речь, а позже и в общий язык: *вагон-теплушка, теплушка для прораба на стройке* (см. об этом явлении ниже, § 68).

На обширном материале было показано, что промысловые запреты не связаны исключительно с представлениями о душе животных или только с боязнью опасных животных (змеи, медведя) — они распространяются на всех промысловых животных — соболя, белку и других — и на охотничьи снасти. Это запреты именно промысловые, хозяйственные, и они обычно сопутствуют мужским профессиям охотника, рыбака¹. Это табу в узком, или собственном, смысле слова. Вместе с тем, хотя они и сохранились до нашего времени, это один из наиболее древних типов табу.

Другой тип — табу внепроизводственное, бытовое, домашнее. Это более широкое явление всем нам хорошо известно: *не к ночи будь помянуто* — говорим мы после упоминания в сумерки о чем-нибудь неприятном, *паче чаяния* — как бы желая предотвратить незваное событие, и т. п. Они отличаются от промысловых табу и подразумеваемым ими смыслом, т. е. семантикой: там — желание не спугнуть зверя, не повредить снасть, одним словом, не испортить доброго дела; здесь — желание избежать злого глаза, недоброго духа, скверного события, вообще — предотвратить злое дело, их доминирующее настроение — страх перед неизвестным. Бытовые табу связаны преимущественно с женскими занятиями в быту. Они, по всей вероятности, также восходят к какому-либо древнему прототипу родо-племенной эпохи (возможна, например, их связь с особыми женскими языками), но в своей современной форме это явления вторичные, прошедшие сложный исторический путь различных социальных переосмыслений и опосредований. Если говорить о России, то между древним источником бытовых табу и их современным видом стоит, в частности, такое явление, как волхование. В языческой дохристианской Руси волхвы представляли собой особую социальную прослойку, сходную с шаманами народов Северной Европы и Азии. Сами действия волхвов, волхование, считались чем-то подобным колдовству у северных народов (ср. у Пушкина в «Руслане и Людмиле» Финн — колдун), а др.-русск. слово *вълхвъ* было заимствовано финским языком — *velho* 'колдун' и эстонским —

¹ Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1929, стр. 1—9.

oolu 'ведьма'. С приходом христианства волхвы постепенно утрачивают свое влияние, но еще в XI—XIII вв. они нередко возглавляют оппозиционные княжеской и церковной власти движения. Имеются известия о судебных делах против волхвов вплоть до XVIII в. По мере утраты волхвами социального значения культ волхвования переходит в частную жизнь, к женщинам. С волхвованием начинают сплетаться представления о ведьмах и ведовстве, а также, с другой стороны, о магии. Постепенно ослабевая, эти явления в виде бытовых суеверий и в особенности в виде табу доживают до нашего времени.

Наконец, явление табу входит существенной составной частью в идеологию первобытнообщинного строя. Выше мы уже отмечали, что характерным признаком родо-племенного этноса является то, что все члены такой общности считают себя происходящими от одного общего предка. Этот предок мог быть как реальным, так и воображаемым. Очень часто им считали животное (орла, волка и т. п.) — тотем. Такие представления называются тотемизмом. Другой вид первобытного мировоззрения — анимизм, когда за видимой оболочкой всех людей, животных, деревьев, рек, гор и т. д. полагают невидимую вечную сущность — душу (лат. *anima*). Исторические отношения между тотемизмом и анимизмом остаются не вполне выясненными, но можно предполагать, что первое предшествует второму. С концом первобытнообщинного строя анимистические представления сменяются антропоморфизмом — представлением душ всего сущего по образу и подобию человека.

Анимизм сыграл огромную роль в развитии табу. Простейшие примеры из языка охотников: звери имеют душу, слышат и понимают человеческий язык, поэтому нельзя называть имени того зверя, на которого собираешься охотиться, и упоминать названия охотничьих снастей; на воде нельзя упоминать имени духа леса, вообще владельцев леса и суши, например зайца: они во вражде с духами воды и помешают рыбной ловле; и, наоборот, в лесу не следует поминать духа воды. Более сложные представления находим в мнении о том, что многие быстродвигающиеся животные — зайцы, птицы — воплощают в себе душу человека.

§ 65. Языки первобытнообщинного строя (внешние контакты, скрещивание и др.). Чтобы охарактеризовать особенности языков этого периода, начнем опять с фактов, хорошо известных в настоящее время. Эти факты заключаются в том, что полное единство языка поддерживается только в тех территориальных пределах, в каких существует общность экономической жизни этноса. При отсутствии такой общности нет и единства языка. Таково диалектное дробление в языке крестьянства разных стран вплоть до наших дней. На территории Литвы еще в конце XIX в. существовало такое количество живых диалектов, что, переезжая из одной деревни в другую на расстоянии лишь нескольких километров от первой, исследователь вступал уже в зону другого диалекта. Это положение отметили из-

вестные русские лингвисты Ф. Ф. Фортунатов и В. Миллер, совершавшие научную поездку по Литве. К настоящему времени мелкие диалектные членения литовского языка быстро сглаживаются, но различия между двумя основными группами диалектов — аукштайтской и жемайтской — стойко удерживаются. С территориальной точки зрения собственно литовские (аукштайтские) диалекты незаметно переходят в жемайтские, имеющие много черт сходства с диалектами латышского языка. Литовцы-аукштайты с трудом понимают жемайтов, говорящих на своем диалекте, и совсем плохо понимают латышей.

Еще сильнее это явление выражено в этносах, стоящих на стадии первобытнообщинного строя. Очень интересно свидетельство русского путешественника и исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая о Новой Гвинее второй половины XIX в. (папуасские языки): «Почти в каждой деревне берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов, жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовались два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»¹.

Во всех подобных случаях мы имеем дело с несомненно родственными диалектами: литовский и латышский языки со своими диалектами образуют балтийскую группу индоевропейской семьи; языки, упоминаемые Миклухо-Маклаем, все, по-видимому, принадлежат к папуасской семье (папуа). У папуа, как мы видим, по сравнению с диалектами балтийской группы языковое единство гораздо менее тесное — около 100 языков или диалектов. Такое же, как у них, положение существовало и у коренного населения Австралии, где еще в XIX в. отмечалось на 300 тысяч человек населения около 500 языков (австралийская семья). По-видимому, сходное явление, уже в иных социальных условиях, в современной Африке. Общее количество языков к югу от Сахары около 2000. В Нигерии свыше 100 языков, в Республике Заир — около 800 и т. д. Зачастую нельзя определить, что перед исследователем — диалекты одного языка, близкородственные диалекты, не составляющие одного языка, или близкородственные языки². Следует подчеркнуть, что природные условия Новой Гвинеи и Австралии не ставили существенных препятствий для общения племен, подобно тем препятствиям — горам и ущельям, которые способствовали обособленности языков Северного Кавказа, где до сих пор встречаются «однаульные» языки, например бацбийский. Если балтийские диалекты дают образец более современной группы в составе семьи языков, то опи-

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I. М. — Л., 1940, стр. 243.

² См.: Д. А. Ольдерогге. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. В сб.: «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 136—137.

санную языковую ситуацию Новой Гвинеи, так же как и Австралии и, по-видимому, некоторых районов Африки, можно назвать диффузной языковой семьей. С большой степенью вероятности такой тип языковой семьи может считаться особенностью языков первобытнообщинного строя.

Подобные факты легли в основу гипотезы «первичной языковой непрерывности» (развитой С. П. Толстовым). Согласно этой гипотезе, на стадии первобытнообщинного строя каждые два соседних языка очень похожи друг на друга; языки, отстоящие друг от друга через один, похожи менее; через два — еще чуть-чуть менее и т. д. Вместе с тем все территориально смежные языки («языки рода, родовые») настолько близки между собой, что становятся естественной основой для образования племенного языка, а позже то же происходит с образованием языков союзов племен. При этом поскольку концентрация преобладающих диалектных признаков происходит вокруг различных центров, то диалекты поляризуются и между ними пролегают более резкие, чем прежде, лингвистические границы. Языков становится меньше, но различаются они между собой больше. Таким образом, на этом этапе схождение и расхождение языков — это лишь две стороны одного и того же процесса. Схождение есть процесс соединения родовых или племенных диалектов в тесную языковую семью, и одновременно это же есть процесс распада прежней языковой семьи, но семьи диффузной¹. Эта гипотеза хорошо объясняет языковое состояние и процессы первобытнообщинного строя, но не объясняет первичного происхождения родства языков (специально этнографическую часть гипотезы — понимание рода мы в нашем изложении не учитываем).

Для лингвиста небезынтересно и происхождение относящихся сюда этнографических терминов: сугубо специальное, научное значение термина всегда так или иначе восходит к значению данного слова в обычном языке (см. § 6). Слово *фратрия* уже в древних Афинах приобрело терминологическое значение: свободное население Афин делилось на филы (*φύλαι*), филы — на фратрии (*φρατρία*), а фратрии — на роды (*γέννη*). *Фратрия* происходит от *φρατερ*, *φράτηρ* 'брат'. Однако в древнегреческом это слово значило не 'брат' в нашем смысле слова, а 'член родового объединения'; оно почти никогда не употреблялось в единственном числе. Когда потребовалось обозначить именно кровное родство, брата в узком смысле, было использовано слово *ἀδελφός* букв. 'единоутробный' от **δελφός*, *δελφύς* 'матка'. Осетинское *ærvad*, от того же индоевропейского корня, что и греч. *φράτηρ*, означает еще и в современном языке 'член всего рода'. Для обозначения родного брата в осетинском, подобно тому как это было сделано в древнегреческом, было создано новое *ævsymær*².

¹ См.: «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 15—23; материалы дискуссии см.: «Советская этнография», 1951, № 3.

² В. И. Абаев. «О родовых отношениях и терминах родства у осетин. В сб. «Энгельс и языковедение». М., «Наука», 1972, стр. 240.

Термины *этнос*, др.-греч. ἔθνος, и *демос*, др.-греч. δῆμος, также существенно различались: первое означало 'группа людей, народ, люди за пределами своего рода', второе — 'страна, местность, население данной местности, крестьяне'. Третье греческое слово 'народ', *лаос*, λαός, первоначально означало группу людей, главным образом мужчин, вооруженных и подчиненных вождю. Это — организация, свойственная древним воинственным племенам, например германским. В древнейшем греческом диалекте (т. е. в диалекте, известном нам в древнейшей форме), в микенском, мы находим два термина *дато*, соотв. *демос*, означающее сельскую общину, и *гашо*, соотв. *лаос*, означавшее какой-то иной, вероятно правящий, класс населения¹. Подобные показания языка подтверждают, что союзы племен часто осуществлялись путем покорения одного племени другим. Эти отношения были свойственны, по-видимому, эпохе позднего первобытнообщинного строя, на стадии его перехода в классовое общество. От них отличались добровольные союзы племен, которые в свою очередь могли носить разный характер, как хозяйственно-экономический, так и военно-политический.

Соединение племен в племенные союзы приводило к теснейшим контактам и взаимодействиям и не близко родственных или вовсе не родственных языков. Племенные союзы по своим языковым последствиям отличны от «диффузной языковой семьи» более ранней эпохи. Результатом взаимодействий в рамках племенного союза было то, что наблюдается и в хорошо известные исторические периоды (например, при завоевании Римом Галлии, Иберии и Даккии) — один язык, побежденный, исчезает, второй язык, победитель, делается общим языком новой, объединенной этнической общности людей. Но под влиянием контактов с побежденным языком он несколько изменяет свой облик. Такие изменения в языке-победителе обычно затрагивают сферу фонетики и лексики, значительно меньше сферу грамматики. Например, латинский язык Рима победил на всех завоеванных территориях, но на каждой из них несколько видоизменился под влиянием побежденного языка, что и дало начало родственным, но различным романским языкам — французскому, испанскому, румынскому. Такие же явления должны были иметь место и на стадии родо-племенного строя.

Значительно реже контакт двух языков приводит к образованию такого языка, который не является уже по существу ни тем, ни другим. Такое явление носит общее название скрещивания языков. Но что возникает в результате этих процессов — новые «скрещённые языки» или «скрещённые гибридные явления» в прежних, взаимодействующих языках? Примеры скрещивания в языках хорошо известны, их дают в большом количестве румынский и английский языки. Наиболее проницаемыми для контактных воздействий оказываются фонетика и синтаксис, лексика вообще может заменять-

¹ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, t. 2. Paris, 1970, стр. 90; уточнения в рецензии: W. Dressler, «Language», 47 (1), 1971.

ся в очень широких пределах, морфологическая система значительно более устойчива. Английский язык, будучи языком германской группы, испытал, начиная с XI в., сильнейшее и многократное влияние французского. Около 55% слов в английском — заимствования из французского или из латинского при посредстве французского; весьма сильно французское влияние в синтаксисе и заметно в морфологии. Некоторые явления в английском языке оказываются в полном смысле слова результатом скрещивания. Как и в английском, в румынском очень большой процент заимствованных слов (по некоторым данным, от 20 до 40% славянских, около 20% новогреческих, венгерских, албанских, по другим данным, около 40% французских, соответственно уменьшается доля славянских и прочих).

Характерным примером скрещивания служат румынские числительные, где латинские по происхождению корни уложены в славянскую структуру: *unsprezece* 'одиннадцать', буквально «один-над-десятью», так же *doisprezece* 'двенадцать' и т. д. (латинские числительные имели другое строение: *undecim* букв. 'один — десять', *duodecim* букв. 'два — десять' и т. д.).

Но можно ли из наличия гибридных явлений (слов, форм, синтаксических конструкций) и из заимствования лексики, хотя бы в очень больших количествах, заключать о смешанном, или скрещенном, характере самого данного языка? Вопрос остается дискуссионным. Одни лингвисты (Н. Я. Марр, В. Пизани) считают возможным говорить о целиком скрещенных языках как о типичном случае. Другие считают, что это явления и с к л ю ч и т е л ь н ы е (таковым признается, например, один из диалектов румынского языка — истро-румынский — лингвистами И. Котяну, А. Росетти). Третьи, и их большинство, считают, что в современном нам мире нет «равномерно смешанных» языков и в результате контактов всегда сохраняется морфологическая система одного из контактирующих языков, по которой и определяется происхождение, родство и языковая группа языка, возникшего вследствие контактов. С этой последней точки зрения английский язык остается германским (а не делается романским, как французский), румынский остается романским (а не делается славянским). (К проблеме языковых контактов мы еще будем возвращаться в следующих параграфах.)

Подведем итоги сказанному. В результате языковых контактов либо побеждает один язык и отмирает другой, либо образуется третий язык, который, однако, сохраняет в качестве своей основы морфологический строй одного из взаимодействовавших языков и потому, не будучи уже этим языком, по-прежнему относится к его группе в генеалогической классификации. Кроме того, в силу отсутствия государства и письменности результат второго рода, который мы и будем называть скрещиванием, должен был иметь место в эпоху родо-племенного строя значительно чаще, чем в последующие эпохи. Скрещивание языков в определенном выше смысле слова можно считать существенной особенностью языков первобытнообщинного строя.

Перейдем к рассмотрению примеров. Правда, здесь примерами являются гипотезы (выдвигаемые различными авторами — К. К. Уленбек, Н. С. Трубецкой, Б. В. Горнунг и др.). Но знакомство с этими гипотезами очень важно для того, чтобы понять, как лингвисты представляют себе конкретно (хотя и гипотетически) скрещивание языков в период первобытнообщинного строя.

Индоевропейская семья языков образовалась в результате распада первоначальной индоевропейской языковой общности в эпоху, предположительно датируемую концом III тысячелетия до н. э. Сама же индоевропейская языковая общность складывалась, опять-таки предположительно, в районе Северного Причерноморья и Дуная в течение III тысячелетия до н. э. (а по мнению некоторых ученых, значительно раньше — в V—IV тысячелетии). Складывание этой общности трактуется многими лингвистами как процесс скрещивания различных языковых потоков в результате передвижения и взаимодействия союзов племен. Таких взаимодействующих языков было, вероятно, несколько, но среди них отчетливо выделяются два главных языковых типа, которые условно можно обозначить как «язык А» и «язык Б».

Язык А характеризовался: 1) простым одноосновным склонением, 2) пространственной (локационной, или топологической) системой падежей, 3) номинативным строем предложения.

Что представляет собой одноосновное склонение, ясно из самого названия: основа имен в склонении не содержит чередований, а присоединяет к себе так называемые агглютинативные показатели падежей (см. выше таблицу, § 45, казахские и эстонские примеры).

Пространственная система падежей — это такая система, в которой основными значениями падежей служат пространственные значения — выражение места (с подразделениями: внутри, снаружи, рядом, вместе с ... и т. д. — каждое значение выражается особым падежом), выражение направления внутрь (внутри, до соприкосновения с ... и т. д.), выражение направления изнутри (изнутри, из соприкосновения с ... , отдельно от ... и т. п.). Самой характерной чертой такой падежной системы является отсутствие общего падежа объекта действия — аккузатива, или винительного. Подобные системы мы находим в современных финно-угорских языках. Например, в эстонском языке прямое дополнение может иметь формы трех падежей: номинатива, генитива и партитива. Два первых падежа выражают «полное» дополнение, т. е. такое, когда действие переходит на весь или на все названные предметы и заканчивается. При этом генитив употребляется в повествовательных предложениях для единственного числа объекта: *Ostsin raamatu* 'Я купил книгу'; номинатив употребляется также в повествовательных предложениях при множественном числе объекта: *Ostsin raamatud* 'Я купил книги'. Если же предложение выражает приказание или просьбу и сказуемое выражено формой повелительного наклонения или если предложение имеет безлично-пассивное значение и сказуемое выражено формой инфинитива, то объект выражается в номинативе

единственного числа: *Pane lamp lauale!* 'Поставь лампу на стол!'; *Lamp pandi lauale* 'Лампу поставили на стол'.

Номинативный строй предложения разъясняется уже предыдущими примерами. Он заключается в том, что ведущим в предложении оказывается оформление подлежащего, которое ставится в одном и том же падеже (номинативе) как при переходных, так и при непереходных глаголах, а также в том случае, если действие направляется на субъект-подлежащее. Напротив, единое оформление объекта может отсутствовать.

Все три указанные черты — одноосновное склонение, пространственная система падежей, номинативный строй предложения — тесно связаны и обуславливают друг друга. Единая основа проходит во всем склонении потому, что пространственные падежи обычно имеют легко выделяемые агглютинативные показатели — аффиксы, происходящие из некогда самостоятельных слов-наречий; отсутствие единого падежа объекта связано, как уже было показано, с номинативным строем.

Язык *A* (или языковой тип *A*) в составе первичной индоевропейской языковой общности отождествляется на этом основании с языком финно-угорского типа или еще шире — с языком урало-алтайского типа (в урало-алтайскую языковую общность входят финно-угорские, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки).

Язык *B* (или языковой тип *B*) по всем чертам контрастен языку *A*. В нем мы находим: 1) двуосновное (иначе, гетероклитическое) склонение, 2) совершенно иную систему падежей с отчетливым противопоставлением активного и пассивного падежей (падежей субъекта и объекта), 3) эргативную конструкцию предложения. В качестве еще одной черты иногда называют 4) более или менее отчетливое различие в глаголе активных форм (действия) и пассивных форм (состояния).

Двуосновное склонение обнаруживается в древнейшем пласте лексики индоевропейских языков в чередовании основ на *-r* // *-n*: лат. *iter* // **itinis* (позднейшее гибридное *itineris*) 'путь'; древнегреч. ἵδωρ // ἕδατος (*udōr* // *udatos* из **udntos*) 'вода' и т. п. Как и в языке *A*, все черты языка *B* тесно связаны и взаимообуславливают друг друга. Предполагают, что две различные основы в склонении соответствовали двум различным падежам: одна — активному, другая — пассивному (ср. различие «именительный» — «винительный»).

Эргативный строй предложения также контрастен номинативному. В эргативном предложении постоянную грамматическую форму получает прямое дополнение, а изменениям подвергается оформление глагола и оформление подлежащего — последнее ставится в различных падежах в зависимости от объекта. Так, именительный падеж русского языка соответствует в грузинском: именительному — 'Ребенок играет', повествовательному — 'Ребенок поиграл', дательному — 'Ребенок спит'. Эргативная конструк-

ция предложения характерна для картвельской группы кавказских языков (грузинского и др.). (Вообще же эргативная конструкция предложения обнаруживается во многих, самых разных с точки зрения генеалогической классификации и географического распространения языках земного шара.) Вместе с тем система падежей картвельских языков в целом мало похожа на предполагаемое двуосновное склонение. Отождествить «язык Б» с какой-либо одной современной языковой семьей значительно труднее, чем это делается для «языка А». Предполагаемый «компонент Б» в составе складывающейся индоевропейской языковой общности называют языком «средиземноморско-кавказского типа». В целом указанные предположения о скрещивании остаются гипотетическими, но несомненно одно: все отмеченные черты непосредственно обнаруживаются или сравнительно легко реконструируются в строе индоевропейских языков.

Поскольку сами факты, т. е. черты сходства индоевропейских языков с другими, несомненны, были предприняты и иные попытки их объяснения. Вторая гипотеза, диаметрально противоположная гипотезе скрещивания, — так называемая ностратическая гипотеза. Согласно этой точке зрения, на территории Евразии некогда существовала единая ностратическая семья языков. В процессе распада (а не скрещивания, как в первой гипотезе) эта семья разделилась на две ветви: одну — с явлениями аблаута (см. об аблауте в § 45), другую — без явлений аблаута. В результате дальнейшего членения первая ветвь дала начало индоевропейской семье, семитской семье (арабский, древнееврейский и др.), картвельской семье (грузинский, сванский, мегрельский, чанский языки); вторая ветвь в свою очередь привела к образованию семей тюркской, финно-угорской, тунгусо-маньчжурской и монгольской. Эта гипотеза возникла в результате сравнения и гипотетической реконструкции соответствий огромного количества корней всех названных языков (см. в особенности работы В. М. Иллича-Свитыча).

Наконец, третья точка зрения, наиболее скромная по сравнению с очень широкими обобщениями двух первых, вместе с тем избегает и их крайностей. Согласно ей, структура морфем, отношения между корневыми и аффиксальными морфемами, в особенности аблаут, в картвельских языках подобны индоевропейским, хотя материальное сходство морфем между картвельскими и индоевропейскими языками отсутствует. На этом основании картвельские и индоевропейские языки можно объединить в общий типологический класс. Но эти языки вместе с тем и соседствуют по территории. Все это дает основание рассматривать их как члены некоего общего языкового союза в рамках евразийской группы языков (работы Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани).

Итак, подведем итог всему сказанному здесь: языки первобытно-общинного, или родо-племенного, строя характеризуются известной лингвистической территориальной непрерывностью, постоянными и глубокими контактами, до известной степени скрещиванием,

внутри — сохранением групповых языков, иногда женских языков, быстрым обновлением словаря, запретами на слова и подставными словами — табу. Некоторые из этих явлений не отмирают с родоплеменным строем, а в определенных условиях в определенной степени постоянно возобновляются в дальнейшем. К ним мы вернемся ниже.

§ 66. Языки древнейших и древних государств. Появление понятий нормы и стиля. Исторический материализм учит, что государство «появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы»¹. Первобытнообщинное бесклассовое общество государств не знало. Поэтому говорить о древнейших государствах — значит говорить о древнейшем классовом обществе, пришедшем на смену первобытному бесклассовому обществу. В целом в мировом историческом процессе эта следующая формация — рабовладельческий строй. Общественные функции языка этого периода определяются непосредственно именно тем, что появляется государство, и далее — конкретно-историческим, либо восточным, либо западноевропейским, типом этого государства. В значительно меньшей степени особенности языка зависят от конкретной социальной структуры древнего государства. Последняя могла быть как типично рабовладельческой (так было, например, в Европе — в Древней Греции и Риме), так и значительно уклоняться от этого «чистого» типа (как было на Востоке). Лингвисты в настоящее время должны полностью учитывать историю народов Востока и не ограничиваться при изучении общественных функций языка только европейским или даже, как это нередко случалось, западноевропейским материалом.

В истории народов и языков важны факторы, создаваемые общностью исторической жизни. Есть много общего в социальном облике языка у такого государственного языка Востока, как уйгурский (VIII—XIII вв. н. э.), и таких государственных языков Запада, как латынь и отчасти древнегреческий.

Для государств этого периода характерна тенденция к созданию государственного языка. Поскольку древнейшие государства, как правило, были основаны на насильственном сплочении ряда разноразличных племен под эгидой одного племени или одного тесного союза племен, постольку языковая система при этом оказывалась двухслойной: один слой образовывался языком господствующей части населения, что территориально совпадает с центральной областью государства, другой, низший, — языками остальных частей населения, в территориальном отношении периферийных.

На Востоке такие отношения сложились, например, в Уйгурском государстве, образовавшемся первоначально в районе рек Селенга и Орхон в Забайкалье, в VIII в. Уйгуры, сначала бывшие кочевниками, частично перешли в это время к поливному земледелию. У них появились города (столица Карабалгасун). Господствовавшие

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 39, стр. 68 («О государстве»).

до этого периода родовые отношения сменяются феодальными, а родо-племенной союз сплавливается в народность. Появляется новое самоназвание этой народности — уйгуры, по-китайски хуайхэ. В 762 г. уйгуры принимают религию — манихейство, которое сменяет у них первобытный анимизм (см. выше, § 64). К концу IX в. уйгуры в силу ряда сложных исторических обстоятельств (нападения мигрирующих племен, войн) передвигаются в район Притяньшанья и принимают буддизм. (В западной части этих территорий развивалось другое государство, по языку родственное уйгурскому, — Карлукско-Караханидское, где позднее был принят ислам и арабская письменность.) Памятники уйгурского языка, главным образом религиозные и религиозно-философские сочинения, связанные с манихейством и буддизмом, а также документы хозяйственного и юридического содержания, свидетельствуют о том, что к IX—X вв. выработался единый литературный письменный уйгурский (собственно древнеуйгурский) язык. От V—VIII вв. сохранились памятники рунического письма, а в VIII—XIII вв. уйгурский язык имел свою письменность — переработанный вариант новосогдийского алфавита. Эта письменность, перенятая впоследствии монголами, существует во Внутренней Монголии по сей день. Уйгурский язык оказал значительное влияние на формирование литературных языков Средней Азии позднейшего периода: литературного языка Золотой орды (XIII—XIV вв.), староузбекского (XV—XIX вв.), старотуркменского (XVII—XIX вв.) и других¹.

В Африке также уже в X в. н. э. существовали государства. Следует заметить, что ранее считалось, будто государственность в Африку внесли только колонизаторы-европейцы. Однако современные исследователи обоснованно полагают, что первые государства возникли в Западном Судане не позже X в., а затем, в XIII—XV вв., в бассейне Конго и в Междоузье. Как и в других странах, основой раннеклассовых государств становилась одна какая-либо этническая группа. Так, союз племен, живших в долине среднего течения реки Нигер, составил ядро государства Сонгаи. В это государство были объединены многочисленные разноязычные племена, но правительственный аппарат и все войско состояли из сонгаев, и сонгайский язык стал господствующим языком на всей территории государства. После распада этого государства входившее в него население сохранило язык сонгаи. Он до сих пор существует на территории Мали и Нигерии (по данным Д. А. Ольдерогге). Подобные государственные образования, на иной этнической основе, имели место и в других частях Африки.

В Древней Греции впервые в истории в III в. до н. э. возник общий литературный язык, не совпадающий ни с одним из диалектов, — так называемое койнэ (греч. *κοινή*). Культурно-исто-

¹ В деталях см.: С. Е. Малов. Мир Алишера Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. «Известия АН СССР». Серия литер. и яз. Т. VI, вып. 6, 1952; Э. Р. Теишев. «Кутадгу билиг» и «Алтун арук». «Советская тюркология». Баку, 1970, № 4.

рическое значение койнэ, общего языка поздней греческой цивилизации, огромно. Позднее он стал языком цивилизации византийской. Древнегреческий язык и запечатленные в нем духовные ценности вошли неотъемлемой составной частью в культуру Древней Руси и России. Через него пролегал восточноевропейский путь освоения античного культурного наследия. Большое количество слов древнегреческого и латинского языков вошло в европейские языки, образовав интернациональный фонд слов-понятий (см. ниже, § 69). Вместе с тем как лингвистическое явление койнэ настолько своеобразно и даже нетипично для эпохи рабовладельческого строя, что ограничимся здесь лишь упоминанием о нем.

В наиболее классическом виде отмеченная выше многослойность языка в период образования государства, а затем и народности проявилась в Древнем Риме. В складывающемся общегаллийском государстве выделилась центральная область Лациум (или Латиум, *Latium*), населенная латинянами. В силу экспансии этого народа их язык, латинский язык, с IV в. до н. э. распространился сначала на другие части Италии, а затем и за ее пределы, в покоренные «провинции Рима» — Галлию (соврем. Францию), Иберию (соврем. Испанию), Дакию (соврем. Румынию). На территории Италии образовалась федерация рабовладельческих общин, автономных и полуавтономных, при господствующем положении центральной общины — города Рима. Напомним, что понятия города и государства в европейской античности совпадают: существует полис. На протяжении первых столетий этой автономии местные общины сохраняют свои письменные языки — венетский, мессапский, оскский, умбрийский, этрусский, фалискский — в качестве языков своей собственной местной государственности, и Рим не проводит политики насильственной латинизации. Но процесс естественного объединения идет своим ходом, и к 49 г. до н. э. права римского гражданства, первоначально принадлежавшие лишь гражданам центральной общины, самого Рима, были распространены на все общины, на всех италиков. В этот период устанавливается империя. Местные языки к этому времени практически выходят из употребления не только в документах общин, но и в частных памятниках (например, в надгробиях), и латинский язык становится языком всего италийского населения, происходит постепенное слияние италийских племен в единую народность¹. Этому способствовала, кроме единства территории и общественно-экономической жизни, и лингвистическая близость части италийских языков друг к другу; латинский (язык Лациума и Рима), оскский, умбрийский и фалискский — одна италийская группа. Хотя социальной основой этих процессов объединения были рабовладельческий строй и государство с антагонистическими классами, создание единого государственного языка следует рассматривать как явление огромного культурно-исторического значе-

¹ См.: И. М. Т р о н с к и й. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., 1953, стр. 223—233.

ния. Латинский язык стал языком науки, литературы и культуры и позднее — западноевропейским путем освоения античного культурного наследия.

Одновременно с внешней экспансией происходят глубокие сдвиги внутри латинского языка. Его фонетика и морфологический строй к началу нашей эры в целом мало изменились по сравнению с IV в. до н. э. Но словарный состав, словообразование и синтаксис при значительном влиянии греческого языка и вообще греческой культуры изменились неузнаваемо: они обогатились, приобрели развитую синонимику и освободились от синтаксической скованности. Пожалуй, самым значительным приобретением общеисторического значения было появление понятия нормы языка и речи. Языковому сознанию родо-племенного строя это понятие в таком виде совершенно не свойственно.

Вопрос Как сказать?, сознается он или нет, определяет речевую деятельность каждого современного человека. Сказать ли: [вода] или [ва́да] — вода (выбор форм произношения); *рукой* или *рукою*, *положи* или *положь*, *брось* или *швырни* (выбор слов); *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа* или *Когда я подъезжал к станции, у меня слетела шляпа* (выбор конструкции)? Вопросы такого рода и ответы на них, заключающиеся в правилах выбора, и создают норму языка. Норма предполагает три основных понятия — вариативность, идеал, традиция. Вариативность заключается в разнообразии и непрерывной изменчивости языка, стоящего человека перед постоянной дилеммой: «Что лучше? Что следует предпочесть, а что отбросить?». Представление об идеале составляет основу предпочтения и отбрасывания. Традиция закрепляет представление об идеале. Воспользуемся удачным сравнением французского этнографа (провозвестника структурной этнографии М. Мосса): когда первобытный гончар пускает в продажу или обмен десять горшков из сделанных им десяти, то мы имеем дело только с материальным производством, понятие нормы здесь отсутствует; но когда на Севрской фарфоровой мануфактуре из десяти произведенных ваз девять разбивают, поскольку они не отвечают требуемому образцу, то перед нами понятие нормы. Норма требует не только выбора и сохранения выбранного, но и уничтожения отброшенного. Осуществляя языковой выбор, каждый человек руководствуется определенными правилами, которым его обучили. Передаваемые в процессе обучения правила и составляют традицию, и потому сама норма всегда традиционна. Основное правило выбора заключается в различении «правильного» и «неправильного». Эти понятия и оказываются всегда самыми традиционными. Но они могут возникнуть лишь на основе развитого многообразия, богатства самого языка.

В эпоху становления латинского литературного языка теоретики и практики литературной речи (а в то время теми и другими одновременно были писатели) давали следующие наставления: Цицерон (106—43 гг. до н. э.): «*Quare cum sit quaedam certa vox Romani*

generis urbisque propria, in qua nihil offendi, nihil displicere, nihil animadverti possit, nihil sonare aut olere peregrinum, hanc sequamur neque solum rusticam asperitatem, sed etiam peregrinam insolentiam fugere discamus» (De oratore, III, 12, 44) 'Поэтому, раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не может оскорбить наш слух, вызвать чувство недовольства или упрек, ничто не может звучать на чуждый лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также и чужеземных особенностей' (перев. А. Н. Зографа). Римские законодатели речи считали правильностью речи ее urbanitas, т. е. соответствие говору города Рима, а неправильностью rusticitas — черты сельских говоров Рима и peregrinitas — диалектные черты других областей. Несколько позднее, когда письменные образцы правильной речи были уже созданы и им можно было обучать, другой римский литератор, Квинтилиан (35—96 гг. н. э.), писал: «Urbanitas... qua quidem significari video sermonem praeferentem in verbis et sono et usu proprium quendam gustum urbis et sumptam ex conversatione doctorum tacitam eruditionem, denique cui contraria sit rusticitas» (Inst. orat., VI, 3, 17)¹ 'Urbanitas... , по моему мнению, означает речь образцовую по словам и произношению, по употреблению это как бы неотъемлемый вкус города (Рима), и приобретает она безмолвным обучением — из разговора образованных людей (т. е. подражанием речи образованных людей.— Ю. С.), словом, противоположность ее составляет rusticitas'.

Спустя более полутора тысяч лет в другой стране, во Франции, почти в тех же выражениях создаются те же правила. Грамматист Вожла (Vaugelas, 1585—1650) в своем знаменитом сочинении «Замечания о французском языке» писал: «Bon usage c'est la façon de parler de la plus saine partie de la cour, conformément à la façon d'écrire de la plus saine partie des auteurs du temps» 'Добрый обычай — это манера говорить самой здоровой части двора, в соответствии с манерой писать самой здоровой части писателей той поры'. Рассуждения Вожла поразительно напоминают правила римских писателей: bon usage 'добрый обычай', или 'хорошее употребление', — то же самое, что urbanitas Квинтилиана. Подчеркнем еще раз, что сходство здесь не в подобии французского языка латинскому, изменились и отношения между образованными людьми и необразованными, различна и социальная основа у этих рассуждений, но одинакова их традиционность.

В Германии XVIII в. филолог И. Х. Аделунг (1732—1806), автор первого нормативного толкового словаря верхненемецкого языка и нескольких грамматик, определял правильную речь, литературную норму как разговорный язык образованных людей Верхней Саксонии, т. е. той части Германии, которая занимала в его пору ведущее

¹ M. Fabi Quintiliani. Institutiones oratoriae libri XII, Pars I. Teubner. Leipzig, 1958.

² C. F. Vaugelas. Remarques sur la langue françoise. Paris, 1934, стр. 2.

политическое и культурное положение и диалект которой послужил основой при формировании в XV—XVI вв. немецкого национального литературного языка. Это определение имело большое прогрессивное значение.

Двести лет спустя в СССР лингвисты определяют норму в ее основе так же: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка. При наличии колебаний приходится обращаться к авторитетным источникам книжно-литературного языка — произведениям художественной литературы, лучшим образцам публицистики и передовой прессы, к материалам научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них»¹. Но имеется и существенное отличие: «наиболее авторитетным» не является больше язык области, подчиняющей себе другие области (как в Риме), или язык привилегированной части общества (как во Франции эпохи Вожла и в Германии эпохи Аделунга) — понятие нормы не имеет классового характера.

Понятие стиля у римских писателей периода империи было очень развитым и тонким. Оно относилось, выражаясь современными терминами, не только к «социальной диалектологии», как мы видели выше, но и к художественно-литературной речи и ее индивидуальным манерам. Тот же Квинтилиан в своем трактате «Об ораторском искусстве» писал:

«Когда слова, взятые для соответствующих мыслей, хорошо упорядочены и образны, то особое достоинство придает им древность. Речь делается торжественнее и привлекательнее благодаря таким словам, которые не употребляет первый встречный; этим способом украшения неподражаемо пользовался проницательнейший П. Вергилий. [. . .]. Но не следует выискивать в глухой старине. Достаточно старо *quaeso* 'прошу'. Какая нужда говорить *quaiso*? Словом *oppido* 'вполне, совершенно' хотя и недавно пользуются наши современники, но его надлежит нам удерживать: ведь словом *antegerio*, значение которого то же самое, воспользуется лишь какой-нибудь манерный человек. Какая надобность в *aerumna* 'мучения', разве мало *dolor*? *Queo* 'могу' — ужасно, *reor* 'полагаю' сносно, *autumo* 'полагаю' — подобает трагедии, *proles* 'отпрыск, потомок' — стихам, *prosapia* 'потомство' безвкусно. Нужно ли много примеров? Весь почти язык теперь уже другой»².

У всех этих разнообразных рассуждений о стиле одна примечательная основа — острое ощущение исторической изменчивости языка, оно выражено и в последней фразе.

Римским стилистическим классификациям предшествовали учения эллинистических филологов. Римские грамматисты развили уче-

¹ Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 19.

² M. Fabi Quintilian. Institutiones oratoriae libri XII, Pars I (VIII, 3, 24—27). Teubner. Leipzig, 1958.

ние о трех стилях — «простом», «умеренном», «возвышенном», образцы которых поздние римские грамматики находили у Вергилия, соответственно в его «Буколиках», «Георгиках», «Энеиде». Эти представления в свою очередь легли в основу теории классицистов во Франции, а затем и в России.

К античным теориям восходят и общеевропейские и русские грамматические понятия с соответствующими терминами. (К концу XIX в. эта своего рода универсальная система проникла даже в Китай, и там появляются грамматики китайского языка на ее основе.) Необходимо подчеркнуть, что в отличие от западноевропейской грамматической традиции, возникшей из римской, русская традиция восходит к двум источникам. С одной стороны, Древняя Русь, как и южные славяне, непосредственно восприняла древнегреческое наследие от Византии. Эта культурная связь осуществлялась благодаря переводам с греческого. С другой стороны, была воспринята и римская традиция, пришедшая через Западную Европу. В результате на Руси XVI—XVII вв. получилось даже некоторое столкновение терминологий, а отчасти и самих систем грамматического описания. Перечислим главные русские грамматики до Ломоносова:

1) «О восьми частях слова» (т. е. речи) — славянская компиляция XIV в. по древнегреческим источникам, в России распространялась в XV—XVI вв.; 2) грамматика Дмитрия Толмача, перевод латинской грамматики Доната, 1522 г.; 3) «Адельфотис» (ἀδελφότης), Львов, 1591 г.; 4) грамматика Зизания, Вильна, 1596 г.; 5) грамматика Мелетия Смотрицкого, 1 изд., 1619 г., 2 изд., в Москве, 1648 г. По грамматике Смотрицкого учился Ломоносов.

О колебаниях в терминологии и ее медленном усовершенствовании дают представление такие примеры. Именительный падеж называется: 1) в сочинении «О восьми частях слова» — «правый», калька с греч. ὀρθός 'прямостоящий, прямой, правильный'; 2) у Дмитрия Толмача — «именовательный», калька с лат. nominativus; 3) у Адельфотиса и Зизания — «именованный», та же калька; 4) и только у Смотрицкого — уже «именительный»¹.

§ 67. Языки феодальных обществ. Феодальные общества развивают определившиеся еще в древнейших государствах тенденции к созданию единого языка. Однако теперь эти тенденции принимают иные формы. В ранних государствах, во всяком случае в тех трех случаях, которые мы затронули в предыдущем разделе (Уйгурское государство, Древняя Греция, Древний Рим), общий язык был в то же время единственным языком всего свободного населения или основной его массы. В феодальном же обществе с самого начала дает себя знать, и укрепляется по мере развития общества, тенденция

¹ В. Поржезинский. К истории русской грамматики и грамматической терминологии. «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 560—562

к двуязычию, но вместе с тем она не противостоит тенденции к единому языку, а своеобразно сочетается с ней. Остановимся на этом — на первый взгляд парадоксальном — положении подробнее.

Феодальное общество характеризуется резко выраженной иерархией. Верхушка общества — феодалы — противостоит основной массе населения — крестьянам и горожанам — не только в социально-экономическом отношении, но стремится обосновать это противопоставление и идеологически в разных формах: генеалогией знатных родов; возведением своего рода к действительному или мнимому предку — завоевателю, следовательно, отличному от местного населения, — князю, королю, знатному рыцарю; рыцарской геральдикой и т. п. Быт, культура и самосознание феодальной знати и народа резко различны. Особый язык верхушки, отличный от языка народа, лишь одно из выражений этой общей тенденции. Во многих странах Западной Африки по мере их исламизации местная социальная верхушка отрывалась от народной культуры и арабизировалась. В Индонезии до XV в. феодальная знать — частично выходяцы из Индии — пользовалась санскритом и другими индийскими языками, в то время как крепостное крестьянство говорило на различных языках малайской, или индонезийской, группы. В Латвии и Эстонии после их захвата в XIII в. немецкими крестоносцами класс феодалов состоял из немцев, датчан, шведов, отчасти поляков, коренное же крестьянское население — из латышей, эстов и ливов. В Ирландии крепостными были ирландцы, в среде которых сохранялся кельтский язык (кельтский, ирландский язык, или эйре, является литературным языком Ирландии и в настоящее время), помещиками же были в большинстве случаев англичане, говорившие на английском языке. Широко известный пример двуязычия дает Англия после норманского завоевания 1066 г.: языком коренного населения оставался английский (собственно, древнеанглийский), тогда как языком новой феодальной знати на долгое время стал язык норманнов-завоевателей — французский. Романские страны не знали такого двуязычия, тем не менее и там на протяжении всего раннего средневековья языком государственных актов, науки, богослужения и, в меньшей степени, деловой переписки остается язык, отличный от местного языка, — латынь. (В семье писателя и философа Монтеня (1533—1592) еще говорили по-латыни.) На Руси, также не знавшей иноземного двуязычия, те же функции, что латынь на Западе, выполнял старославянский, или церковнославянский, язык. В Литве, в Великом княжестве Литовском, с конца XIV в. государственно-административным языком был древнерусский (точнее, складывающийся белорусский) язык, на котором сохранилась обширная деловая переписка, постановления сеймов, земельные акты, сборники законов.

Противоположные, казалось бы, тенденции — к двуязычию и к единому языку — сочетались таким образом, что каждый язык становился единым языком в своем социальном ярусе, при этом язык

высшего социального слоя достигал этого быстрее и легче: вся феодальная знать говорила на едином языке, который был литературно-письменным языком — как в Индонезии, Западной Африке, Англии, или пользовалась единым языком для отправления своей государственной власти — как в Прибалтике, Франции, России. Со своей стороны стремился к единству и язык более низкой социальной группы, прежде всего населения городов, бюргерства, нарождавшейся буржуазии — народный язык, возникающий из местных диалектов. Чисто крестьянские диалекты оставались обособленными на протяжении всего феодального периода, а во многих случаях хорошо сохранились и до наших дней (в Литве, Германии, Италии). В этом сосуществовании двух языков, сначала мирном, а затем наполненном борьбой за сферы употребления, победа останется на стороне народных языков. К концу периода феодализма народные языки становятся преобладающими языками всех сфер общения в своих странах. Это время, когда завершается формирование единых народностей и народности превращаются в нации.

Сказанное здесь — общее положение. Нельзя, однако, забывать, что история не знает «общих» и «чистых» форм развития. Во многих случаях действительная ситуация оказывается более сложной. Так, во Франции XI—XII вв. мы находим, по-видимому, не двух, а трехязычие: 1) латынь — литературно-письменный язык государственной администрации, церкви, науки и т. д.; 2) народный французский язык — в его различных областных вариантах (Иль-де-Франс, Пикардия, Бургундия и т. д.); 3) третий — до известной степени унифицированный, литературно-письменный язык «Песни о Роланде» и других произведений того же рода. Аналогичное положение в Испании, где уже в «Песне о моем Сиде» фиксируются многие нормы будущего национального испанского языка. Такое положение, когда в самом местном языке, помимо иного, третьего книжного языка, существуют две разновидности, точнее было бы называть не двуязычием, а каким-либо иным термином. Был предложен, например, термин «диглоссия», от греч. *δι-* — 'два' и *γλῶσσα* — 'язык'. Так, например, во Франции народный французский и французский язык «Песни о Роланде» — диглоссия, а оба эти языка, с одной стороны, и латынь, с другой — двуязычие.

На Руси XI—XIII вв. также существовал общий живой литературно-письменный язык, отличный от церковнославянского, т. е. русифицированного старославянского, и более близкий к разговорному (точка зрения Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова и др.). Один литературный язык, церковнославянский, или старославянский, был представлен в переводах священных книг, житиях, поучениях и т. п., другой, общерусский, — в деловых и юридических памятниках. Для эпохи Киевской Руси его иногда называют киевским койнэ́. Общерусское единство, несомненно, ощущалось и в последующий период феодальной раздробленности самим народным сознанием во всех землях Руси — Московской, Новгородской, Псковской, Ростовской, Суздальской и других. Однако до сих пор

явления такого литературного и устного двуязычия, диглоссии, еще недостаточно изучены¹.

Не совпадают не только социальные сферы и социальные функции двух (а иногда, как видим, и трех) языков, но и их территориальные границы. Народный язык, как правило, совмещается с административным делением эпохи феодализма — княжеством в Европе, каганатом на Востоке. Литературно-письменный язык всегда выходит за эти границы. Так, древнерусский литературный язык охватывал все русские или восточнославянские земли, т. е. как собственно русские в современном смысле слова, так и современные белорусские и украинские. Но в период феодальной раздробленности москвичи, новгородцы, псковитяне, ростовчане, владимирцы и т. д. были государственно самостоятельны: существовали Московское, Новгородское и прочие княжества. Такое же положение и в средневековой Франции, где государственно самостоятельными были бургундцы, провансальцы, гасконцы, франсийцы (Иль-де-Франс) и другие. Границы же старославянского языка еще шире: он был общим литературным языком не только всех восточных, но и всех южных славян. Литературно-письменным языком у иранских и тюркских народов был арабский, а у части из них — уйгурский; у японцев и корейцев — классический китайский; у латышей и эстонцев, а также у чехов — немецкий; у романских народов — латынь и т. д.

Таким образом, если в период ранних государств (например, в Риме) для создания единого языка народности требуется преодоление лишь территориальных барьеров — как бы «по горизонтали», то в феодальном обществе для этого требуется, кроме территориального движения «по горизонтали», еще и преодоление барьеров между социальными сферами употребления народного и литературно-письменного языка — движение «по вертикали». На этой второй особенности мы остановимся, рассмотрев ее более подробно во внутриязыковом плане.

При взаимодействии двух языков «по вертикали» — языка литературно-письменного и языка народного — мы обнаруживаем то же явление, которое отметили раньше при взаимодействии «по горизонтали», а именно языковые контакты и сильное взаимовлияние. Но контакты «по вертикали» имеют и ряд существенных особенностей. Поскольку, как мы уже говорили выше, к концу феодального периода повсеместно побеждает народный язык, то вопрос следует поставить так: каким образом литературно-письменный язык, исчезая, преобразует развивающийся и становящийся далее в свою очередь литературно-письменным народный язык?

Сильнее и глубже всего это влияние сказывается на семантической системе. Заимствование слов из литературно-письменного языка в народный еще не самый главный показатель влияния. Гораздо существеннее то, что при внедрении новых слов изменяется семан-

¹ См. основополагающее исследование: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., Изд-во АН СССР, 1958.

тическая структура словаря, перестраиваются и обогащаются синонимические ряды, создаются терминологические пласты и сферы, которые в дальнейшем станут одной из основ различных языковых стилей. Если, как нередко бывает в этот период, сам литературно-письменный язык развивается под влиянием иного языка, то переводчикам в эту пору принадлежит важнейшая роль в создании литературно-письменного языка. В этом отношении особенно замечательной была деятельность создателей славянского алфавита и переводчиков священного писания с греческого на старославянский язык, Кирилла и Мефодия. Большой вклад в создание немецкого национального литературного языка внес своей переводческой практикой Мартин Лютер.

Благодаря тому что, как мы уже говорили, один литературно-письменный язык обычно охватывает несколько стран, семантическая перестройка системы каждого народного языка, происшедшая под его влиянием, открывает доступ широким дальнейшим контактам уже самих народных языков и их заимствованиям друг у друга. С течением времени в их составе образуется общее лексико-семантическое ядро, своеобразный международный, или интернациональный, фонд (см. ниже, § 70). Пока же, в эпоху феодального общества, это лишь начало процесса. Историки английского языка подчеркивают характерную особенность воздействия французского языка на английский. Оно не прекратилось после обособления Англии от Нормандии, и, хотя политические факторы, вызывавшие это воздействие в первый период, уступили место культурным, влияние французского языка не ослабло, но, напротив, усилилось, а закрепление в английском языке французских корней открыло в дальнейшем путь обогащению английского языка за счет латинских заимствований¹. Аналогичное явление отмечают историки и других языков, например литовского: обогащение лексики литовского языка массовыми заимствованиями из славянских совпадало с тем периодом (XIV—XVI вв.), когда языком государственной администрации Литвы был древнерусский (точнее, старобелорусский) язык².

Под влиянием литературно-письменного языка не только перестраивается семантическая система, но и появляются своеобразные черты и в системах словоизменения и словообразования, особенно в последней. Система словообразования оказывается теперь двойной, состоящей из двух подсистем — книжной (отражающей особенности прежнего литературно-письменного языка) и народной. Названия эти, конечно, условны и отражают более или менее верно лишь начальный исторический этап складывающейся и стремящейся к единству системы. Сравним в русском словоизменении (первое слово каждой пары принадлежит к книжной, второе — к народной подсистеме): *движет* — *двигает*, *каплет* — *капает*, *ма-*

¹ В. Н. Ярцева. Развитие национального литературного английского языка. М., «Наука», 1969, стр. 56 и след.

² J. Palionis. Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a. (Литовский литературный язык XVI—XVII вв.). Vilnius, 1967, стр. 272 и след.

шет — *махает*, *плещет* — *плескает* и т. п.; для *блеска* — для *блеску*, *с края* — *с краю*, *в дѣме* — *в домѣ*. То же в системе словообразования и лексики: *вращать* — *вертеть*, *влачить* — *волочить*, *избивать* — *выбивать*, *поглощать* — *глотать*, *бразды* — *борозды*, *бытие* — *бытiе* (*жительство-бытьё*), *краткий* — *короткий*, *чуждый* — *чужой* и т. п. Все парные формы тяготеют не к тождеству, а к сложной синонимии значений: ср. *Земля наша нынче хорошо родит* — *Земля наша рождает героев*; *Кто это двигает стул?* — *Вами движет чувство долга*.

Сравним также отношения в чисто семантической сфере, когда парные слова не являются дублетами в плане выражения (первое слово каждой пары славянское, второе — русское): *битва* — *война*, *брак* — *свадьба*, *вертеп* — *пещера*, *древний* — *старый*, *игор* — *ярм*, *ярмо*, *исполин* — *силач*, *лоно* — *пазуха*, *осклабился* — *улыбнулся* и т. п.

Подобные отношения двусистемности хорошо известны в английском, французском, испанском и других европейских языках (в частности, о французском см. выше в разделе о словообразовании, § 58).

Таким образом, двуязычие, или «диглоссия», феодального общества своеобразно переливается в современное достояние национальных литературных языков, образуя в них основу разветвленной и тонко разграниченной синонимии и стилистики.

Глава III

ЯЗЫКИ В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИЙ

§ 68. Языки эпохи образования наций. Национальный язык и литературный язык. Национальный язык и диалекты. Социальные диалекты, жаргоны. Нация есть историческая категория, она возникает в определенную эпоху — эпоху капиталистической формации. В. И. Ленин отмечал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹. Эти две тенденции находят и непосредственное языковое выражение.

Первая тенденция — формирование нации приводит к образованию единого национального языка из языка народности. Нация характеризуется единством территории, экономической жизни, языка, психического склада и культуры. Все эти черты складываются в единство именно в условиях развивающегося капитализма. В Европе XVI—XVII вв. и в России XVII—XVIII вв. можно говорить уже о национальных языках: английском, французском, русском и других. На смену старому, феодальному самосознанию приходит новое. Если, например, жители Руси ощущали себя и русскими, и вместе с тем именно особо от других русских суздальцами, тверичами, новгородцами, москвичами, соответственно Суздальскому, Тверскому, Новгородскому, Московскому княжествам, или французы, сознавая себя французами, вместе с тем были франсийцами, пикардийцами, бургундцами, гасконцами и т. п., опять-таки сообразно с тем же феодальным делением земель или княжеств, то в новую эпоху они сознают себя только русскими, только французами. Русская народность стала нацией, французская народность стала нацией.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 24, стр. 124 («Критические заметки по национальному вопросу»).

Те же процессы, лишь с теми или иными различиями по времени и интенсивности, характеризуют и другие народности эпохи развивающегося капитализма.

Следует, однако, иметь в виду, что почти всегда в составе развитых национальных или многонациональных государств имеются с экономико-социальной точки зрения вкрапления других укладов и хозяйственно культурных типов, восходящих к прежним, докапиталистическим формациям, а с этнической точки зрения — другие народности, не достигшие положения наций, и даже отдельные этносы племенного типа. Часто (хотя и не всегда) определенный хозяйственно-культурный тип, например охота и рыболовство, соответствует определенному племени или народности. Такое положение может известное время сохраняться и в условиях социалистического государства ¹ (см., однако, ниже о социалистических нациях, § 70). В капиталистических государствах Западной Европы этническая и хозяйственно-культурная пестрота сглаживается и исчезает в основном уже к XVII в. именно в связи с развитием капитализма. Но, например, в современной Африке языковая ситуация остается очень сложной. В силу экономической многоукладности и этнического разнообразия в большинстве молодых африканских государств языковая проблема решается, в общем, следующим образом. Отбрасывается несколько наиболее распространенных в данном государстве местных языков, языков народностей и складывающихся наций, которые становятся предметом школьного преподавания начиная с начальных классов. Издаются их буквари, учебники, грамматики. Таковы языки суахили, хауса, фуль, манде, йоруба, игбо, акан, эве и др. В старших классах школы дети изучают тот европейский язык, который распространился и закрепился со времен колониализма — английский или французский. Этот европейский язык является государственным, но не национальным языком. Так обстоит дело, например, в Мали (государственный язык — французский), Гвинее (также французский), Нигерии (английский). Язык суахили, которым владеют около 40 млн. человек в разных странах Африки, имеет возможность стать одним из языков межгосударственного общения на этом континенте.

В эпоху капитализма и колонизации на периферии национальных языков возникают своеобразные смешанные, или креольские, языки, служащие средством общения европейцев с местными рабочими, портовыми грузчиками, мелкими торговцами и т. п. Таковы языки «пиджин-инглиш» (pidgin English) в южнокитайских портах; «бич-ла-мар» (beach la mar) в Полинезии; «пти-негр» (le petit nègre) в бывших французских колониях в Африке; «лингва-франка» (lingua franca) в бассейне Средиземного моря; исилололо, или «кухонный кафрский», в горнопромышленных районах Южно-

¹ С этой точки зрения интересно положение современных эскимосов, см.: Г. А. Меновиц и ко в. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк. Магадан, 1959.

Африканской Республики (ЮАР); чикопербелти на медных разработках Родезии и др. Все они могут быть названы социальными диалектами.

Складывание национального языка завершает те тенденции, которые отчетливо выявились в предыдущую эпоху: народный язык побеждает литературно-письменный язык, обогащаясь его элементами (русский язык вытесняет церковнославянский, французский вытесняет латынь и т. д.). При этом в самом народном языке идет внутренняя перестройка, в ходе которой либо окончательно закрепляется его уже ранее наметившаяся общая форма, либо побеждает один, как правило центральный в экономическом и государственном отношении, диалект, либо происходит то или иное взаимодействие диалектов. На этой конкретно-исторической части, различной в каждой стране, мы не будем здесь останавливаться. Нам важно указать лишь черты, общие для разных языков, и, как и в предыдущих разделах, мы обрисуем особенности типа национального языка сначала во внешнем отношении, по сравнению с тем, что остается за его пределами, — по отношению к диалектам, а затем с точки зрения внутренней организации.

Особое внимание следует обратить на соотношение понятий «национальный язык», «литературный язык», «язык художественной литературы». Литературный, или литературно-письменный, язык существует в разные исторические эпохи, в разных формах и разновидностях. Это всегда язык в той или иной степени обработанный, регламентированный, подчиняющийся более или менее строгим, осознанным правилам употребления. Литературный язык может быть языком иной группы или даже иной семьи, чем разговорный язык населения. Литературные языки существовали в Уйгурском государстве, в Древней Греции, в Риме, в Киевской Руси. Национальный язык есть категория одной определенной исторической эпохи — эпохи образования наций. Национальный язык представляет собой единую форму народного языка, национальный язык — общенародный язык. Национальный язык всегда язык литературно обработанный, упорядоченный, т. е. одновременно и литературный, или литературно-письменный, язык. Как таковой, он и вытесняет старый литературный язык донационального периода, обогатившись взаимодействием с ним. На определенной, высшей ступени своего развития национальный язык, став предметом школьного преподавания, языком образования и культуры, столь же четко регламентирует свои устные формы, как и письменные. С этого времени национальный язык, будучи и литературным языком, существует в двух формах — устной форме национального литературного языка и письменной форме национального литературного языка. Таково положение в республиках СССР — Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Литовской, а также во Франции, Англии и многих других странах. Термин «язык художественной литературы» говорит сам за себя. Этот язык включает в себя все, что используется в

художественной литературе, — национальный язык, элементы диалектов, профессиональных языков и т. д.

С внешней стороны общий язык нации, национальный язык, противопоставляется диалектам. Диалекты, как правило, сохраняются и при существовании национального языка, хотя степень их сохранности может быть разной: от почти полной нивелировки в Англии, значительной сглаженности различий в России до большой сохранности в Испании, Италии и очень большой в Литве. Территориально диалекты отражают старые деления феодальной поры: таковы на территории русского языка, во-первых, новгородский, псковский, владимирский и др. диалекты (группы говоров), составляющие северновеликорусское наречие; во-вторых, южновеликорусское наречие; в третьих, переходные между ними диалекты. Но в некоторых случаях под диалектными границами проглядывают еще более старые деления племенных диалектов. Так, границы некоторых современных диалектных явлений Новгородской и Псковской областей совпадают не только с границами Новгородской и Псковской земель эпохи феодализма, но и с расселением древних племен словен и кривичей.

Один диалект отличается от другого прежде всего фонетически, несколько меньше лексически и еще меньше грамматически и фонологически, так как именно грамматика и фонология — основные части структуры языка. Примером фонетических различий могут служить такие ряды словоформ в диалектах русского языка с сильным яканьем: *ляса́, лясо́к* и т. д. при литературно правильном *леса́* [л'эса́], *лесо́к* [л'эсо́к]. Морфологические различия носят такой, например, характер: литературно правильное *лягу* — *ляжешь* — *лягут*, диал. *ляжу* — *ляжешь* — *ляжут*; *лягу* — *ляжишь* — *лягут*. Синтаксические различия можно иллюстрировать конструкциями северных диалектов: *Страховку еще не выдано; Тут воткнуто иголку; Им бумага надо*; в ряде диалектов имеются особенности в отрицании: *Никто его тронет, Никуда я пойду* и т. п. (О лексических различиях см. ниже.)

Населенные пункты, в которых наблюдается каждое данное диалектное явление, можно соединить на географической карте линией, называемой изоглоссой. Поскольку диалект характеризуется совокупностью подобных явлений, на карте он обозначится пространством внутри некоторой совокупности изоглосс. В большинстве случаев изоглоссы, очерчивающие границу диалекта, не совпадают одна с другой, а имеют вид пучка: границы между диалектами расплывчаты.

Диалект является живым языком главным образом крестьянского населения. Поэтому противопоставление диалекта национальному языку приобретает не только территориальный, но и социальный характер. Национальный язык стремится к тому, чтобы стать языком всех, но поскольку усвоение национального языка связано с усвоением культуры, с образованием, то в капиталистическом обществе он никогда не достигает этого идеала, оставаясь языком

всех образованных людей. В противоположность этому диалект остается языком не всех, а по преимуществу лишь крестьянско-го населения данной области.

Очень важно подчеркнуть, что во всех современных нам странах с национальными языками существуют переходные, или промежуточные, формы от диалекта к национальному языку. С лингвистической точки зрения они характеризуются тем, что в них устранены наиболее яркие фонетические, грамматические и лексические признаки диалекта, но сохраняются другие его особенности. Таким образом, эта форма языка сливается с местной разговорной формой национального литературного языка. Промежуточные формы, о которых идет речь, называются по-разному в разных национальных лингвистиках: *Halbmundart* 'полудиалект' в немецкой, *modified standard* 'измененный языковой стандарт' в английской, *français régional* 'областной французский' во французской. В русистике отмечают, что большинство современного сельского населения в России говорит или на литературном языке, или на своеобразных койнэ, переходных от прежних диалектных систем к литературному языку¹. В социальном отношении «полудиалект» в условиях капитализма имеет и своего социального носителя: если диалект — это «крестьянский диалект», то «полудиалект» — это «мещанский диалект», или, иначе, первый — «язык деревни», второй — «язык города». В эпоху развитого социализма такое разграничение не имеет оснований², но термин «язык города», пожалуй, может остаться. Соотношение явлений и терминов может быть представлено в следующей табличке:

Русск.	Нем.	Франц.	Англ.
1. Диалект	<i>Mundart</i>	<i>parler local, dialecte</i>	<i>dialect</i>
2. „Полудиалект“, или „переходное койнэ“, или областной русский язык	<i>Halbmundart</i>	<i>français régional (provincial)</i>	<i>modified standard</i>
3. Литературный язык	<i>Hochsprache</i>	<i>langue littéraire</i>	<i>standard</i>
4. Национальный язык	<i>Gemeinsprache, Einheitssprache</i>	<i>langue commune</i>	<i>English standard English</i>

Указанные в табличке соответствия не должны скрыть и существенного отличия русской советской терминологии. Как мы уже отмечали, «быть языком всех» является идеалом национального языка, но идеалом недостижимым для классового общества по той причине, что там недостижимо образование для всех. В советском обществе

¹ См. об этом статью Ф. П. Филина в сб. «Язык и общество» (М., 1968, стр. 12).

² См. статью В. М. Жирмунского в том же сб., стр. 27.

всеобщее образование и образованность, а также постепенное сглаживание различий между городом и деревней делаются фактом. Поэтому «промежуточной формой» между диалектом и общенациональным литературным языком здесь и оказывается именно сам этот общенациональный литературный язык, несколько окрашенный локальными, областными тонами. Такое же содержание имеют французский термин «français régional» 'общефранцузский язык в его областном варианте', англ. термин «modified standard», соответственно с тем же значением. «Промежуток» в этих условиях весьма невелик и стремится к исчезновению. Приведенный термин «переходное койнэ» (Ф. П. Филина) точно передает эту особенность. Напротив, термин «полудиалект» характеризует промежуточную форму с обратной стороны, по ее близости к диалекту, и потому оказывается для советской действительности менее приемлемым.

Понятие о промежуточной форме языка очень важно. Исследования показывают, что не только в современных развитых странах, но везде, где существует единый нормализованный язык государственности, какой бы характер она ни носила, существуют и переходные, точнее, промежуточные формы от него к языку или языкам повседневного общения населения. Кроме только что отмеченных фактов, приведем несколько примеров: древнегреческое койнэ имело две разновидности — разговорную и литературно-письменную (по данным С. И. Соболевского); древнерусский литературно-письменный язык получал местную окраску, сближавшую его с языком населения именно данной местности. То же отмечается в старофранцузских письменных памятниках, например, «Песнь о Роланде» отражает некоторые черты французского языка в Нормандии, соответственно — в памятниках древнеанглийских, испанских. Современный испанский язык имеет «национальные варианты» в странах Латинской Америки (по данным Г. В. Степанова) и т. д. Переходные, или промежуточные, формы существуют, вероятно, и в условиях креольских языков типа «пиджин-инглиш». Во всяком случае, на Гавайях исследователи отмечают две различные формы: креолизированный, смешанный диалект такого типа, как вышеназванные, и местный, сильно искаженный вариант английского¹.

В то время как национальный язык — это всегда язык литературно-письменный, диалект своей письменности и литературы, как правило, не имеет. Это один из основных признаков, отличающих национальный язык от диалекта. Хотя признак этот по отношению к внутренней организации языковой системы является, казалось бы, внешним («экстралингвистическим»), однако при ближайшем рассмотрении он оказывается тесно связанным с ее внутренним развитием, которое в бесписьменном диалекте и в литературно-письменном языке протекает различно. Диалект сохраняет некоторые типологические черты языков первобытнообщинного строя: определенная

¹ См.: J. E. R e i n e c k e. Language and dialect in Hawaii. A sociolinguistic history to 1935. University of Hawaii Press. Honolulu, 1969.

часть его словаря подвергается быстрому обновлению и, в частности, обновляется путем заимствования из соседних диалектов того же или совершенно иного языка. Термины частого и важного хозяйственного употребления, как правило, устойчивы и являются общими для всей диалектной зоны данного языка. Зато термины, редко употребляющиеся (например, названия безразличных в хозяйстве, в особенности мелких, не полезных и не вредных, животных), или термины сравнительно второстепенные (например, названия частей сельскохозяйственного инструмента) имеют массу наименований в каждом диалекте, часто меняются и заимствуются. Отсюда следует, между прочим, общелингвистический вывод: заимствование еще до самого факта заимствования предопределено местом, открывающимся в системе языка в силу ее внутреннего развития, и далеко не всегда вызвано культурным влиянием и нажимом того языка, из которого заимствуется.

Приведем примеры. Слова «мужского хозяйства» распространены на всем пространстве коренной России: *оглобля, дуга, чека* и т. п. Напротив, слова «женского хозяйства» и домашнего обихода удивительно разнообразны: *кринка — синюшка; люлька — зыбка — качка; коромысло — водонос — хлуд; веретено — вертено — варешка, варюшка; пряслице (на веретене) — котелочка — пряслен — попрыселок — попрыдок; сарафан — юбка — понева — плахта — андарак* и т. п. Однако здесь надо иметь в виду, что такие разные слова называют различающиеся предметы: *юбка, понева* и проч. — разнятся по материалу и покрою; *люлька* и *зыбка* подвешиваются к потолку, *качка* ставится на пол и т. д. и т. п. Примеры разнообразия названий мелких животных в северновеликорусских диалектах: *летучая мышь — кожанка, летяга, ашкуд, нетопырь, полеташка, ременница, елак* (финское заимствование); *головастик — бубах, живаренок, мормыш, благовица, паголовка, паголица, мутикашки* (финское заимствование); *дятел — дяктел, тикач, долбилка, желна, дегтяр* и т. д.¹

Лексическое разнообразие может поддерживаться и различием хозяйственных функций. Бык, корова; баран, овца; гусь, утка; свинья; конь, лошадь, как правило, имеют единые обозначения во всех диалектах одного языка (явление отмечено в разных языках Европы), напротив, обозначение самца-производителя варьируется, да и в литературном языке оно часто обозначается иным, непарным словом. Ср. франц. *boeuf — vache* 'бык' — 'корова', но *taureau* 'бык-производитель'; *porc* 'боров', но *verrat* 'хряк-производитель'; *mouton — brebis* 'баран' — 'овца', но *bélier* 'баран-производитель'; *oie* (жен. р.) — 'гусь, гусыня', но *jars* 'гусак-производитель' и т. д. Те же явления и в русских северных диалектах: *петач* 'нехолощечный бык'; *варжа* — 'плохой или еще очень молодой жеребец'; разные названия для оленя-производителя, самца — *урак* 'годова-

¹ См.: Л. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании. «Язык и литература», т. I, вып. 1—2. Л., 1926.

лый олень', *гирвас* 'двухлеток', *кундус* 'трехлеток' и т. п. (русские данные Л. Якубинского). Явление это в новом материале повторяет языковые явления глубокой древности. В индоевропейской языковой общности четко различались родовое обозначение всякого самца в противопоставлении всякой самке (корень **ers*, первичное значение 'мужской') и название самца-производителя без парного противопоставления (корень **wers*, первичное значение 'оплодотворяющий дождь')¹.

К местным крестьянским диалектам близки социальные диалекты одного языка (в отличие от смешанных креольских языков, о которых было сказано выше). Иначе их называют «условными языками». В России в XIX в., по некоторым данным, бытовало около 70 таких языков. Они были распространены на большой территории и служили средством общения десятков тысяч бродячих торговцев — офеней (ед. ч. *офёня*) и ремесленников — шерстобитов, шорников, овчинников, портных и ремесленников других отхожих крестьянских промыслов. Артельные отхожие промыслы — плотничество, бурлачество — таких языков, по-видимому, не имели. К таким условным языкам по общему типу примыкает и язык нищих: нищенство было на Руси своеобразным отхожим промыслом. От языка нищих уже один шаг до жаргона деклассированных, воров, преступного мира. К языку воров близок язык беспризорных детей (как разновидность существовал в 20-е — начале 30-х годов нашего века), а этот последний имеет много черт сходства с детскими тайными языками. Таким образом, все эти социальные, а отчасти и возрастные диалекты образуют гамму нерезко разграниченных разновидностей, но в ней язык отхожих ремесленных промыслов и язык воров образуют два полюса, два типа.

Первые известия об офенском, или офеньском, иногда афинском, языке относятся к XVI в., а в конце XVIII в. акад. П. С. Паллас уже дал довольно полное описание его лексики, называя, правда, этот язык «суздальским наречием» («Сравнительный словарь». СПб., ч. I, 1787; ч. II, 1789). Происхождение офенского языка в точности не установлено. Можно предполагать, что он был первоначально языком греческих купцов в Московском государстве. В пользу этого свидетельствуют как явные признаки смешанного языка (большое количество греческих корней при русской грамматике), так и само название торговца: *офень*, *офеня* либо непосредственно от слов *Афины*, *афинянин* в севернорусском окающем произношении, либо от греческого названия предмета их торговли — тонкого полотна *ὀφύμιον*, в старой русской передаче скорее всего звучавшего как *офюнь*, *офёнь*. Собственно офенский язык был распространен во Владимирской губернии, вокруг Суздаля. Все другие условные ремесленные языки России происходят, по-видимому, от этого первоначально единого языка. В разное время они обособлялись от него и

¹ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, t. 1. Paris, 1970, стр. 21—36.

начинали жить в различной среде, чем и объясняются их сходства и отличия. Таковы: галивонский в Костромской губернии; матрайский — язык арзамасских ремесленников; кубрацкий, или кубрейский (от *кубра*, *шубра* 'тесная компания'), — язык дорогобужских ремесленников; язык пензенских портных, орловских шорников и др. Первоначально офенский язык был средством самозащиты бродячих торговцев, пускавшихся пешком в далекий путь, от «лихих людей». Позднее условные ремесленные языки стали служить более серьезной социальной цели — защите профессиональных цеховых интересов, средством цехового объединения — в смысле не заводского, конечно, а ремесленного цеха. Именно такую роль этих языков отмечал В. И. Ленин. Исследуя капиталистическую мануфактуру в России, В. И. Ленин пояснял свои выводы на примере войлочного производства в селе Красном (Арзамасского уезда, Нижегородской губернии, теперь Горьковской обл.) и в этой связи замечал: «Небезынтересно отметить здесь особый жаргон красносельцев; это характерная черта территориальной замкнутости, свойственной мануфактуре»¹. Языки отхожих промыслов дожили до начала 30-х годов нашего века и мало-помалу исчезли с началом коллективизации в деревне. Остатки их можно было наблюдать кое-где в речи старожилов еще в 60-х годах.

Офенский язык имел русскую, отчасти диалектную грамматику, но собственную лексику, составленную частично из зашифрованных русских слов, частично из иноязычных заимствований. Приведем пример офенской речи. По-офенски, в песне:

*Ой и мас не смурák, а ламон карюк.
По турлú ханды́рю, коробей на́рю.
Коробей на́рю, карючков верша́ю.
Карючок клевенёк, тудошной вербушок,
Скво́женька, краси́мка — гальм да краси́ма.
Погорби басва́ масá, закуравлю с басво́й...*

Перевод: 'Ой и я не дурак — молодой молодец, по селу хожу да короб ношу. Короб ношу, на девиц гляжу. Девушка милочка, черный глазок, личико красиво — кровь с молоком. Полюби ты меня, заживу я с тобой...'².

У всей названной совокупности языков лексика в значительной части общая. Иноязычные заимствования (по данным, главным образом В. Д. Бондалетова и Д. И. Алексеева) составляют в ней около 70%: *кресо* 'мясо' из новогреч. *κρέας*; *хирьга*, *хирька* 'рука' от новогреч. *χέρη* с русским суффиксом; *мас* 'мы' из новогреч. *μᾶς*; *стод* 'бог', 'икона' из шведск. *stod*. Часть слов постоянно обновляется путем заимствований из того языка, с которым грани-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, стр. 392 («Развитие капитализма в России»).

² И. Срезнев (С. И. Срезневский). Афинский язык в России. «Отечественные записки», т. V, 1839, отдел «Смесь», стр. 11.

чит данный ремесленный язык: *пиель* 'нож' из литовск. *peilis* и *пурт* 'нож' из марийск. и т. п. Остальную часть лексики составляют русские по происхождению слова, различным образом переделанные, зашифрованные: *кустра́* 'сестра', *күлото* 'золото', *краснѣмый* 'красный', *темнѣха* 'ночь', *грѣйка* 'печка' и т. д. Основная часть лексики очень устойчива, многие слова, отмеченные в словаре П. С. Палласа и в описании С. И. Срезневского, живут и теперь и даже перешли в студенческий жаргон: *кимать* 'спать', *кѣрить* (позже *кѣрять*) 'пить', *клѣвый* 'хороший', *хлить*, *хандырить* 'идти', *косѣха* 'тысяча' и др.

Воровской жаргон, воровское аргю, или «блатная музыка», имеет много черт сходства с условными ремесленными языками. Одно из самых примечательных его отличий состоит в том, что в разных национальных вариантах в нем воспроизводится одна и та же неизменная структура, инвариант. В частности, словарь воровского аргю организуют универсальные устойчивые метафоры. Ср. русск. *погореть* 'быть пойманным', *пожар* 'арест', *печка* 'опасное место', *сжечь* 'выдать'; англ. *heat* 'арест', букв. 'жара', *hot* 'преследуемый полицией, опасный', букв. 'жаркий'; *hot stuff* 'краденое', букв. 'горячие вещи', *to burn up* 'выдать', букв. 'сжечь' и т. п. Своеобразие этого способа называния заключается в том, что сохраняется общий образ, или некий семантический код, зная который всегда можно понять новое выражение. Если в русском аргю несгораемый шкаф называется *медведем*, то понятно *медведя залороть* 'вскрыть несгораемый шкаф'; если белье, вывешенное для просушки на чердаке, — это *голуби*, то понятно *голубей спугнуть* 'украсть'. Кроме типовых метафор, в аргю много просто отдельных ярких выражений: *в рифму взять* 'опознать по приметам', *каблуки ломать* 'изменять женщине', *когти рвать* 'убегать', *рогатка* 'корова', *комендант* 'старая уважаемая проститутка' и т. п. В воровском аргю нередко прибегают к морфологической шифровке путем перестановки слогов или иными способами¹.

Детские тайные языки имеют те же способы морфологической шифровки, что и воровское аргю. Например (по данным Г. Виноградова), в языке «шоцы» кодирование одним способом происходит так: 1) переставляют слоги слова: из *вил-ка* получается *илка-ви*, из *дай* получается *ай-да*; 2) спереди приставляется *ш-*, а сзади *-цы*: *шилкавицы* 'вилка', *шайдацы* 'дай', *Шайдацы шилкувицы и шожинокцы шожалуыстапоцы* 'Дай вилку и ножик, пожалуйста'. Чаше применяется другой способ: после каждого слова вставляется морфема-добавка («интерфикс», см. § 45), она может быть самой разной: *то*, *фита*, *драга* и т. п., а иногда и морфема-приставка: *вер*, *о*, *бер*,

¹ P. Guiraud. L'argot. Collection «Que sais-je». Paris, 1956; A. Daut. Les argots. Paris, 1929; G. Sandry et M. Carrière. Dictionnaire de l'argot moderne, 3-ème éd. Paris, 1953. Данные о русском аргю из работы: Д. С. Лихачев. Черты первобытного примитивизма воровской речи. В сб.: «Язык и мышление», вып. III—IV. М.—Л., 1935.

ши, щи; особенно следует заметить две последние — они те же самые, что и в воровском аргю: морфемы в сфере этих языков заимствуются. По этому признаку (*ш-*) можно иногда узнать «темное прошлое» теперь уже «добропорядочных» слов: *шустрый* (вместо *быстрый*), *шибко*. У школьников в США существует «hog Latin» «пороссячья латынь». Этот язык построен по тому же принципу кодирования, что и русские детские языки и воровское аргю. Одна из разновидностей «пороссячьей латыни» такая: начальный согласный каждого слова переносится в конец слова и к нему добавляется *-ay* (произносится [ei]), например: *That man goes down the street* 'Этот человек идет по улице' примет вид: *at-thay an-may oes-gay own-day e-thay eet-stray*.

Резюмируем сказанное. В эпоху развивающегося капитализма происходит окончательное формирование наций и национальных языков. Национальный литературный язык распространяется по территории государства и стремится стать единым языком всех. В условиях капиталистического общества и фактического неравенства людей по отношению к культуре и образованию национальный язык не достигает этого идеала; под национальным языком сохраняются местные диалекты, которые относительно литературного языка образованных классов становятся в эту эпоху и диалектами социальными (крестьянскими). Появляется новый вид диалектного членения — собственно социальные диалекты, тесно связанные друг с другом и возрастным членением языка (обычной детской речью и условными детскими языками). Реальный язык нации существует в виде совокупности областных вариаций единого общенационального литературного языка; за его пределами существуют территориальные и социальные диалекты. Между национальным литературным языком, с его вариациями, и диалектами имеются «промежуточные» формы, эта совокупность непрерывна (недискретна). Национальный язык и диалекты развиваются разными путями. В социальных диалектах ясно проступают независимые от национальности типовые, международные, «универсальные» черты.

§ 69. Национальный язык и его стили. В предыдущем параграфе мы охарактеризовали общий язык нации, национальный язык, с внешней стороны, по отношению к тому, что лежит за его пределами, т. е. по отношению к территориальным и социальным диалектам. Теперь рассмотрим строение национального языка изнутри. С этой точки зрения основное отличие национального языка от других общественно-исторических типов языка заключается в усложнении его внутренней организации, а именно в появлении стилей. Стили языка или речи — это вид речи, употребляемый людьми в типовой общественной ситуации. Такие виды речи характеризуются, во-первых, отбором языковых средств из общенационального языкового достояния (отбором слов, типов предложения, типов произношения), во-вторых, скрытым за этими средствами общим принципом отбора. Понятие «принципа отбора» можно пояснить такими примерами. В суде мы услышим не ту же речь, что в компании друзей,

в детском саду — не ту, что в школе, по радио — не ту, что на собрании. Принцип отбора лежит не в языке, а вне его, в организации общества, в том, какие ситуации общество считает типичными, и в том, какого поведения оно требует от человека в этих типичных ситуациях. По этой причине стили в широком смысле — столько же разновидности языка, сколько разновидности типов речи, и названия «стиль языка» и «стиль речи» выражают одно и то же. (Заметим, впрочем, что некоторые авторы стремятся разделить эти термины и понятие.)

Соответственно определению характеризовать стили нужно с двух сторон: со стороны языка и со стороны действий человека в определенной общественной ситуации. При характеристике стилей с точки зрения языка в первую очередь возникает вопрос: из чего произошли языковые стили? Ответ на этот вопрос вытекает уже из того, что нам известно по теме «Язык и общество»: стили национального языка возникли из социальных и территориальных разновидностей языка, а иногда и из отдельных языков. Рассмотрим возникновение стилевых различий подробнее.

Весь национальный язык по отношению к сосуществующим рядом с ним территориальным и социальным диалектам рассматривается обществом как правильная речь, или норма. В специальной литературе это же называется «литературно правильной речью». Диалекты и жаргоны по отношению к национальному языку — речь неправильная, «вне нормы», вне национального литературного языка. Как мы уже видели выше, разграничение правильной и неправильной речи появляется задолго до возникновения национального языка, в период создания государственных языков и народностей, и четкие образцы этого дает латинский язык.

Возникновение собственно стилевых различий в пределах правильной речи сложнее. Силевые различия в пределах правильной речи называются функциональными разновидностями, или функциональными стилями языка (на схеме стр. 204 основные функциональные разновидности обозначены цифрами 1, 2, 3.) Возникновение их — более сложный культурно-исторический процесс, непосредственно связанный с развитием общественного мировоззрения, сменой литературных и художественных течений и прогрессом науки.

Книжный стиль по составу и строю во многом восходит к литературно-письменному языку феодального общества (к церковнославянскому и книжному русскому в России, к латыни в романских странах, к старофранцузскому в Англии, к древнеуйгурскому в республиках советской Средней Азии и т. д.). Разговорно-фамильярный стиль возникает во многом из речи городских низов, из «языка города», из просторечия.

Вместе с тем основное, трехчленное деление стилей восходит, как мы уже знаем, к античности (§ 66). Сравним латинское стилевое деление с современным русским или французским. В латинской культурной традиции в учениях филологов древнего

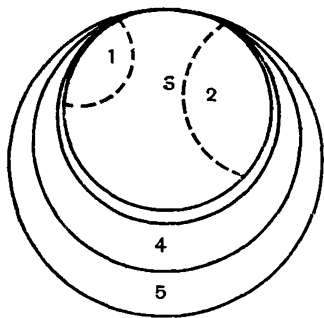
Рима стили пояснялись такими примерами. «Высокий стиль» (*gravis stylus*): главный персонаж — *воин-победитель*, пример — *Гектор, Аякс*; животное — *конь*; орудие — *меч*; место — *город-крепость, военный лагерь*; дерево — *лавр, кедр*. «Средний стиль» (*mediocrus stylus*): персонаж — *земледелец*, пример — *Триптолем, Целий*; животное — *бык*; орудие — *плуг*; место — *поле, пашня*; дерево — *яблоня*. «Низкий стиль» (*humilis stylus*): персонаж — *ленивый пастух*, пример — *Титир, Мелибей*; животное — *овца*; орудие — *палка*; место — *луг, выгон*; дерево — *бук*. Различие касалось самих понятий, и все примеры иллюстрировались равно общеупотребительными латинскими словами, например, *конь* — *equus*, *бык* — *bos*, *овца* — *ovis*. Категории стилей, о которых мы говорим применительно к национальным языкам, не существовало. Но трехчленная структура уже была.

Рассмотрим трехчленную структуру языковых стилей на примерах из русского языка. Провести резкие границы между стилями невозможно. Наиболее четко прослеживается разграничение книжного стиля от разговорного. Если взять меркой лексику, то: 1) к книжному стилю относятся такие русские слова, как *рукоплескать, аплодировать, близ, изгонять, бытие, существование, страшиться*; 2) к разговорному — синонимы этих слов: *хлопать, поблизости, недалеко, прогонять, жизнь, бояться*. Внутри книжного стиля разделяются две разновидности: строго книжная, письменная (*рукоплескать, страшиться, рать, грядущий* и т. п.), и нейтрально-книжная (*аплодировать, испытывать страх, вооруженные силы, предстоящий*). Внутри разговорного стиля также две разновидности: нейтрально-разговорная (*аплодировать, бояться, армия, будущий, поблизости*) и разговорно-фамильярная (*хлопать, трусить, рядом вместо поблизости, житьё, выгнать* и т. п.); 3) часть книжного стиля, а именно нейтрально-книжная разновидность, и часть разговорного стиля, а именно нейтрально-разговорная разновидность, вместе образуют нейтральный стиль. Эта группа стилей составляет литературно правильную речь, или норму в узком смысле слова. За пределами литературно правильной речи лежит то, что признается неправильным, в русском языке — просторечие (лексические примеры его: *дрейфить* вместо *бояться*, *пропереть* вместо *прогнать*, *житуха* вместо *жизнь*, *под носом* вместо *поблизости*, *швырять* вместо *бросать*, *лопать* вместо *есть*, *лупить* вместо *бить* и т. п.). В некоторых языках за пределами собственно нормы рядом с просторечием лежит еще арго — социальный жаргон городских низов в крупных капиталистических странах: во французском *argot*, или *langue verte*, в английском *slang* и особый лондонский *slang*, называемый *cockney*. Заметим разное употребление слова «просторечный»: в этой книге оно обозначает то, что лежит за пределами литературной нормы, а нижняя граница нормы называется разговорно-фамильярным стилем. У некоторых же авторов именно к последнему относится слово «просторечный» и ему противопостав-

ляется просто «разговорный». Понятия всюду одни, но они названы по-разному.

Основная структура — трехчленное стилевое деление — одна и та же в античном обществе и теперь, но ее компоненты совершенно различны: в античном мире — разные понятия и одинаково нейтральные слова, в современных национальных языках — одинаковые понятия, но разностилевые слова-синонимы. Такое явление называется устойчивостью семиотической структуры.

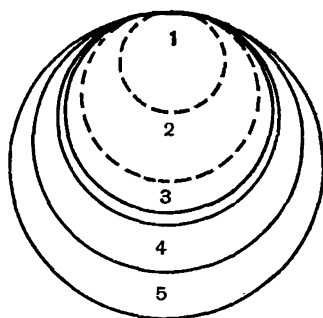
Сказанное можно суммировать в схеме (подчеркнем, что объем кругов не имеет никакого отношения к объему соответствующих сфер языка, круги символизируют лишь центральное или периферийное положение сфер в системе, но не их богатство).

Стилевая структура языка
в античном обществе
(латинский язык Рима)

- 1 — высокий стиль,
- 2 — средний стиль,
- 3 — низкий стиль,
- 4 — *rusticitas*,
- 5 — *peregrinitas*.

Внутри двойной черты — правильная речь, норма (ср. § 66).

Стилевая структура
современного национального
языка в Европе

- 1 — книжно-письменный стиль,
- 2 — нейтральный стиль,
- 3 — разговорный стиль,
- 4 — просторечие,
- 5 — диалектная речь.

Внутри двойной черты — литературно правильная речь, норма.

Языковые стили становятся материалом искусства в языке художественной литературы. Они дают ей невиданные до тех пор возможности и вместе с тем до некоторой степени предопределяют ее. Из того, что мы узнали о языковых стилях, можно уже предвидеть, в чем заключается это предопределение: античный писатель, для того чтобы передать свое разное отношение к миру, должен был изображать разные предметы; современный писатель, в руках которого многостилевый национальный язык, может выразить свое разное отношение к одному и тому же предмету, употребляя разные регистры языка. Оперирование разными словесными знаками одной и той же вещи приходит на смену оперированию образами разных вещей. Этот процесс имеет и иную, очень важную сторону. Античный писатель, желая выразить свое разное отношение к миру — иронию, трагедийное мироощущение и т. д., должен был изображать

соответственно разные стороны действительности и поэтому объективироваться, скрываться за изображаемым. Современный писатель, имеющий возможность оперировать разными знаками одной и той же действительности, тем самым не растворяется как автор в изображаемой действительности: отношение автора к изображаемой действительности становится непосредственным компонентом художественного произведения, личность автора становится частью содержания.

Особое положение в системе стилей занимает нейтральный стиль. Нейтральный стиль — это манера речи, закрепленная общественной традицией за нейтральными жизненными ситуациями, такими, как деловое общение людей на работе, в магазине, в быту. Нейтральный стиль воспринимается как речь, лишенная какой-либо специфической окраски — книжности или фамильярности, как бы «нуль» в системе отсчета, от которого «отсчитываются», по отношению к которому оцениваются стилевые окраски книжности, фамильярности и просторечности. Нейтральный стиль ни в коем случае не следует смешивать с текстом (устным или письменным), состоящим целиком из слов, лишенных всякой окраски. Такие тексты, если они и встречаются когда-либо, должны восприниматься не как нейтральные, а как нарочито нейтральные, искусственные и, следовательно, уже поэтому книжно окрашенные. В действительности нейтральный стиль, закрепленный в нейтральном общении людей, не лишен ни доли книжных, ни доли разговорных элементов, все дело лишь в их пропорции.

Каждый развитый национальный язык строго регламентирует пропорцию книжных и разговорных элементов в нейтральном стиле. Пропорция может быть разной. Во французском языке нейтральный стиль по сравнению с русским оказывается сдвинутым в сторону книжной речи, а в русском нейтральный стиль по сравнению с французским сдвинут в сторону разговорной речи. Самими говорящими на каждом языке эта сдвинутость «изнутри» языка не замечается, именно поэтому стиль и является нейтральным. Но разница нейтральных стилей обнаруживается при сравнении одного языка с другим. Ее можно назвать «коэффициентом нормы». При переводе необходимо учитывать коэффициент нормы и делать поправки на него. Например, требуется перевести на русский французское университетское объявление:

Le professeur X. étant souffrant, les étudiants sont priés de vouloir bien se présenter pour l'examen après le 20 mars.

Хороший, т. е. лишенный буквализма, но без поправки на коэффициент нормы, перевод был бы следующим: «*Ввиду недомогания проф. X. студенты благоволят явиться на экзамен после 20 марта*». Однако всякому русскому человеку ясно, что для объявления этот стиль не подходит. Мы должны приблизить его к разговорному стилю: «*Ввиду болезни проф. X. студентов просят явиться на экзамен после 20 марта*». При обратном переводе — с русского на французский — потребуется стиль приблизить к книжному.

Разница нейтральных стилей объясняется условиями, в которых исторически складывалась национальная норма речи. Во Франции это происходило в XVII в., в эпоху господства литературного направления классицизма с его стремлением ограничить употребление разговорных слов, а вместе с ними и слишком конкретных деталей, слишком ярких метафор и образов, с его предпочтением общего способа выражения перед конкретным и детализованным, предпочтением родовых понятий перед видовыми. В России литературная норма окончательно сложилась в начале XIX в., в эпоху становления реализма в литературе, трудами Пушкина и его современников. Поэтому в русской норме была закреплена бóльшая близость к разговорной речи с ее конкретностью и образностью. Даже допустимая пропорция вольностей в русской норме выше, чем во французской. Сравним несколько высказываний писателей.

Пушкин: *Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.*

(«Евгений Онегин».)

И уже без шутки Пушкин советовал учиться русской речи у московских просвирен. Законодатели французского классицизма требовали и от литературы, и от языка иного. В своем «Поэтическом искусстве» (1674 г.) Буало провозглашал:

*Чуждайтесь низкого: оно всегда уродство;
В простейшем стиле все ж должно быть благородство.*

Другой теоретик эпохи, Буур (Bouhours), писал («Беседы Ариста и Евгения», 1671 г.): французский язык «нашел секрет, как соединить краткость не только с ясностью, но и с чистотой и с благовоспитанностью (politesse), французский язык прибегает к метафоре только тогда, когда не может без нее обойтись, он ненавидит гиперболу, столь ценимую соседями (под «соседями» Буур имеет в виду итальянский и испанский языки, он даже иронизирует над ними); хорошо писать — значит иметь стиль ровный, строгий и благовоспитанный (un style également serré et poli)».

Наконец, в заключение раздела о стилях нужно сказать об индивидуальных речевых манерах писателей, обычных говорящих, которые, как правило, не создают собственный стиль, а лишь присваивают для индивидуального использования стили общественного языка.

Рассмотренные со стороны действий человека в определенной ситуации, языковые или речевые стили предстают как часть поведения человека в обществе, как языковое приспособление человека к общественной среде и обстановке. «В обычной жизни адвокат иначе говорит, когда защищает на суде преступника; иначе, когда заказывает обед, а еще иначе, когда он рассказывает в приятельской компании веселый анекдот. Приспособление является у него само собой,

помимо его воли. Но оно может быть и по нашему усмотрению»¹. С этой точки зрения стили только еще начинают изучаться в социо- и психолингвистике.

§ 70. Межнациональное общение и современные языковые союзы. В настоящее время языки мира распределяются по нескольким крупным зонам, ареалам, возникшим вокруг важнейших языков цивилизации. Каждый ареал характеризуется известным единством культуры, а с точки зрения языка сходством таких языковых черт в фонетике, лексике, грамматике, которые не зависят от общего или необщего происхождения этих языков, а приобретены вследствие контактов. Объединенная таким сходством группа языков образует языковой союз. Он может быть более тесным или менее тесным, в одном ареале могут находиться несколько языковых союзов, а границы последних могут частично перекрывать границы ареала. С подобным примером мы столкнулись раньше, говоря о древнеуйгурском языке. Этот язык был в VIII—XIII вв. основой языкового ареала, в который входили тюркские языки Средней Азии (древнеузбекский, древнетуркменский и др.). Позднее этот ареал был перекрыт более обширным ареалом, который возник вследствие распространения арабской письменности и арабского языка как языка культуры и включил в себя, кроме арабских, еще и тюркские и даже индоевропейские языки (персидский и таджикский). В наши дни тюркские и иранские (таджикский и др.) языки на территории СССР, так же как и все языки СССР, образуют новый ареал и одновременно тесный языковой союз, который может быть назван советским. Советский языковой союз, таким образом, частично накладывается на Востоке на арабский ареал, а на Западе на европейский ареал. Часть языков СССР, в особенности индоевропейские языки Европейской части нашей страны, входит в европейский языковой союз. С явлениями языковых союзов мы уже сталкивались, говоря о языках первобытнообщинного строя. Языковой союз такого типа состоит из языков, находящихся на стадии донационального языка, или из диалектов. Для понимания современных языковых союзов ключевым термином является понятие «национальный язык». Современные языковые союзы могут быть поняты и охарактеризованы только с учетом того, что в их основе лежит межнациональное общение, контакты не на уровне индивидуального общения людей и не на уровне диалектов, а на уровне целых языков в ранге национальных.

В рамках языкового союза возникает ряд общих языковых категорий. Рассмотрим два примера из европейского языкового союза наших дней. Первый пример относится к сфере словообразования и грамматики. Здесь протекает активный процесс образования так называемых аналитических прилагательных и их дальнейшей грамматикализации. В русском языке некоторые полные прилагательные

¹ А. И. Соболевский. О стиле. Харьков, 1909, стр. 12.

сокращаются: *городской* — *гор-*, *государственный* — *гос-*, *областной* — *обл-*, *партийный* — *парт-*, *промышленный* — *пром-*, *профсоюзный* — *проф-*, *сельскохозяйственный* — *сель-* (или *сельхоз-*) и т. п. Образуется специфический класс аналитических прилагательных *гор-*, *гос-*, *обл-* и т. д. Далее, количество языковых элементов, могущих присоединяться к элементам этого класса «справа», резко возрастает, а сам класс *гор-*, *гос-*, *обл-* и т. д. несколько сокращается. Таким образом, элементы этого класса приближаются к положению аффиксов, и перед нами процесс грамматикализации. Аналогичное явление имеет место во французском языке с той лишь разницей, что исходным материалом служат не прилагательные, а существительные *maison* 'дом', *monstre* 'чудовище', *standard* 'стандарт' и т. п. Сначала они образуют тесные сочетания с другими существительными и начинают играть в этих сочетаниях роль «аналитических прилагательных», а затем некоторое количество аналитических прилагательных резко увеличивает свою сочетаемость (во французском языке это «сочетаемость слева») и, так же как в русском, приближается к положению аффиксов. В новой роли они имеют уже другие значения: *maison* значит не 'дом', а 'высшего качества' — *fabrication maison* 'производство высшего качества', *coup de poing maison* 'великолепный удар'; *monstre* значит не 'чудовище', а 'огромный' — *effet monstre* 'огромный эффект', *concert monstre* 'огромный концерт' и т. п. Другой пример относится к сфере семантики. Здесь отмечается общая тенденция семантической девальвации слов. Она основана на относительности лексического значения (см. § 12): при изменении значения одного слова соотносительно с ним изменяются значения других слов той же семантической группы. Поясним это следующим примером:

Объективная характеристика	До семантической девальвации	После семантической девальвации
'Начальник в академии, университете'	<i>ректор</i>	<i>ректор</i>
'Начальник в училище'	<i>директор</i>	<i>ректор</i>
'Начальник в магазине, конторе'	<i>заведующий, управляющий</i>	<i>директор</i>

Слова *ректор* и *директор* пережили семантическую девальвацию, так же как: *воин* вместо *солдат*; *заповеди* вместо *правила* (*Лесные пожары нередко возникают оттого, что не соблюдаются элементарные заповеди*); *возводить* вместо *строить* (*Намечено возвести девять скотных дворов*) и т. п.¹ Аналогичное явление, хотя и в других семантических группах, отмечено в современном французском языке: *opérer un choix* букв. 'осуществлять выбор' вместо

¹ Многочисленные примеры см. в кн.: Краткий словарь трудностей русского языка (Изд-во МГУ, 1968; толкование наше).

choisir 'выбирать'; *effectuer un voyage* букв. 'совершать поездку' вместо *voyager* 'ехать', *posséder* 'обладать' вместо *avoir* 'иметь', например, *la jeunesse possède ses difficultés* букв. 'молодежь обладает своими трудностями' и т. п.

Каждый национальный язык в пределах СССР принадлежит к современному языковому союзу национальных языков советских социалистических наций. В рамках этого языкового союза актуализируются и все более укрепляются черты общности каждого языка с другими языками этого союза. В то же время отходят на второй план и не являются столь же актуальными черты общности, возникшие в рамках старых языковых союзов (например, арабского, балканского и других). Языковой союз СССР входит в более широкий языковой союз социалистических наций Европы, и, наконец, последний принадлежит к значительно менее единому европейскому языковому союзу, некоторые черты которого были отмечены выше.

Языковые контакты и союзы подвели нас к вопросу о будущем языка. Прогнозирование развития языка опирается на оценку современного состояния языковых союзов и идет по двум руслам.

Одни авторы видят будущее языка в интеграции существующих языков, в их постепенном слиянии в один язык всего ареала языкового союза. По их мнению, достигнуто это будет путем последовательного увеличения интернационального фонда лексики, морфологических моделей и синтаксических конструкций. Таким образом, эти прогнозы опираются на реально существующие тенденции языкового союза.

Однако существуют и другие, столь же реальные тенденции. В современном мире мы наблюдаем тенденции к укреплению и развитию национальных языков, в особенности языков социалистических наций. В Советском Союзе тенденция к сближению языков и тенденция к развитию национальных языков — две стороны одного и того же объективного процесса, поддерживаемого Советским государством. Развитие национальных языков не дает оснований предвидеть в обозримом будущем их слияние, или интеграцию. Да и примеров вполне смешанных языков история, как мы уже знаем, не дает. На этом основании возникают другие прогнозы.

Согласно этим прогнозам, развитие пойдет путем создания зональных языков. Зональный язык не создается, а им становится какой-либо уже существующий язык, когда он «возводится в ранг» языка общения между народностями или нациями. Можно предвидеть существование языков межнационального общения разных рангов. Например, грузинский язык является уже и теперь языком общения на всей территории Грузии, для грузин, мегрелов, сванов, а также для абхазцев и некоторых других народностей, населяющих Грузию. Для всех них, кроме грузин, грузинский язык будет вторым языком. В общении на всей территории СССР грузинский язык не может быть использован в силу того, что им не владеет большинство населения нашей страны. В этой функции выступает русский язык — язык межнационального общения наро-

дов СССР. Для Грузии он будет вторым языком, а для мегрелов, сванов, абхазцев и т. д. — третьим языком. Язык суахили является языком межнационального общения значительной части Африки. Немецкий язык служит зональным языком значительной части бассейна Балтийского моря (для ГДР, ФРГ и всех скандинавских стран, кроме Дании). Русский, английский, французский, испанский и китайский языки являются языками и мирового общения, и это положение закреплено уставом Организации Объединенных Наций. Для многих малых народностей каждый из этих языков будет соответственно вторым или третьим языком. Таким образом, для малых народностей и для тех наций, хотя и не малых, язык которых не служит средством межнационального общения, будущее заключается, по-видимому, в развитии и укреплении своего родного языка и в одновременном овладении вторым, а иногда и третьим для них языком — языком межнационального общения.

§ 71. Библиография к разделу «Язык и общество». Как и в предыдущей части, здесь, сверх отсылок в сносках, указывается избранная библиография. Работы, выделенные разрядкой, рекомендуются для учебной проработки. Порядок указания — по темам, внутри темы сначала приведены труды классиков марксизма-ленинизма, далее в алфавитном порядке по фамилиям авторов или, при отсутствии фамилии перед названием, по первому слову названия. Языки первообычно общинного строя. Общее: Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20 (или отдельные издания); Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21 (или отдельные издания); А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., «Наука», 1963. Табу, анимизм, особенности женской речи и т. д.: Е. Аничков. Волхвы на Руси. Новый энциклопедический словарь, т. 11, столб. 497. СПб., изд. Брокгауз—Ефрон; Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1929; ч. II. Запреты в домашней жизни. Л., 1930 (соответств. т. 8 и т. 9 сб. Музея антропологии и этнографии); В. Клигер. Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1911 (огромный материал по теме анимизма, главным образом из античной литературы); А. Ф. Лосев. Мифология (с исчерпывающей библиографией). Философская энциклопедия, т. 3. М., «Сов. энциклопедия», 1964; Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931 (об особенностях женской речи в монгольском языке); А. М. Сахаров. Религия и церковь, в сб. «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 2. «Духовная культура». Изд-во МГУ, 1969 (о волхвовании); Смирнов. О бабах богомерзких. «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому». М., 1909; Э. Тэйлор. Первобытная культура, пер. с англ. М., 1939; М. В. Етпеау. Taboos on animal names. «Language», 24, 1948, стр. 56—63; Le langage des femmes. Enquête linguistique à l'échelle mondiale, «Orbis», I, 1952; R. Smail-Stocki. Taboos on animal names in Ukrainian. «Language», 26, 1956, стр. 489—493. Языковая семья, родство языков, скрещивание языков: В. М. Рятнов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. (К проблеме прародины славян.) Минск, Изд-во АН БССР, 1963; «Материалы дискуссии о проблеме субстрата» («Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», № 9, 1956) (работы В. И. Абаева, Б. А. Серебrenникова, В. Н. Ярцевой и др.); Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., «Наука», 1971; А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании, пер. с франц. А. В. Дилигенской. М., Изд-во иностр. лит., 1954; А. П. Непокупный. Реальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, «Наукова думка», 1964; Б. А. Серебrenников. О некоторых отличии-

тельных признаках волго-камского языкового союза. Сб. «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, стр. 8—17; Al. G a u r. La romanité du caucase, Bucarest, 1965; полный обзор проблемы скрещивания и библиография: E. P e t r o v i c i. Interpénétration des systèmes linguistiques, «X-ème Congrès International des Linguistes», Bucarest, 1967; «Энгельс и языкознание». М., «Наука», 1972, см. также ред. Ю. С. Степанова и М. А. Кумахова на эту кн. «Вопросы языкознания», № 1, 1973. Гипотезы о происхождении индоевропейской семьи языков: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на грузинском языке, большое резюме в конце книги на русском языке); Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1954, ротап rint (обзор истории вопроса и собственная концепция); В. М. Иллич-Свищич. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (1 ч.). М., «Наука», 1971; Э. А. Макаев. О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства. В сб. «Энгельс и языкознание». М., «Наука», 1972, стр. 290—309; И. И. Мещанинов. Структура предложения. М.—Л., 1963 (о номинативном и эргативном строе предложения); В. Пизани. К индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1966, № 4; Н. С. Грубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (работа 1936 г.). «Вопросы языкознания», 1958, № 1; С. С. Уһлепеск. The Indogermanic mother language and mother tribes complex. «American anthropologist», vol. 39, № 3, 1937. Языки древних государств; древнейшая лингвистическая терминология: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, изд. 2, исправл. и дополн. М., «Высшая школа», 1969, стр. 160 и др.; Е. М. Верещагин. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. Изд-во МГУ, 1971 (ротап rint, с библиографией); В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в национальную и национальную эпохи. (IV Междунар. съезд славистов. Доклады.) М., Изд-во АН СССР, 1963; Джагдиш Прасад Димри. Индийская и русская филологическая традиция (опыт сравнения на материале морфемного анализа), автореферат канд. дис. М., Изд-во МГУ, 1973; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., «Наука», 1969 (гл. «Русские переводы XI и XIII вв.»); А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. I. Алма-Ата, 1969; Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., «Наука», 1966; изд. 2. М., «Наука», 1972, стр. 7—28 и др.; П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., Изд-во АН СССР, 1958; С. И. Соколовский. Κοινὴ «общий» греческий язык (по связи с библейским). «Православная богословская энциклопедия», т. IX, столб. 603—754. СПб., 1908 (остается основополагающим исследованием); И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953 (глава шестая); И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., «Наука», 1973; В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895 (история памятника «О восьми частях слова») (стр. 326—328, 342—365, 749—770, 810); Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953 (раздел «Древнерусский литературный язык»); E. Benveniste. Catégories de pensée et catégories de langue. «E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale», Paris, 1966; русск. перев.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., «Прогресс» (о логико-лингвистической терминологии Аристотеля); R. Lazzaroni. Stratificazioni nella lingua poetica greca. «Studi linguistici in onore di Vittore Pisani». Brescia (Italia), 1969—1970; A. Meillet. Aperçu d'une histoire de la langue grecque, 7-ème éd., Paris, 1965; L. Renou. Terminologie grammaticale du sanskrit. Paris, 1942. Национальные языки и литературные языки. Общее: В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 24; Р. А. Будагов. Проблемы изучения романских литературных языков. Изд-во МГУ, 1961; В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., «Наука», 1967; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—

XIX вв., 2-е изд. М., 1938; В. П. В о м п е р с к и й. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. Изд-во МГУ, 1970; М. М. Г у х м а н. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М., Изд-во АН СССР, ч. I, 1955; ч. II, 1959; Н. И. К о н р а д. О литературном языке в Китае и Японии. Сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков» («Труды Института языкознания», т. X). М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 11—49; Г. В. С т е п а н о в. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., Изд-во лит. в ин. яз., 1963; Ф. П. Ф и л и н. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., «Наука», 1973; В. Н. Я р ц е в а. Развитие национального литературного английского языка. М., «Наука», 1969. Социальная дифференциация в языке, понятие нормы: В. И. Л е н и н. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3; В. Д. Б о н д а л е т о в. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев, автореферат докт. дис. М., 1966; Сб. «Вопросы русской диалектологии» («Труды V и VI конференций кафедр русск. яз. пед. ин-та Среднего и Нижнего Поволжья. Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та.»). Куйбышев, 1965 (статья И. Д. А л е к с е е в а и В. Д. Б о н д а л е т о в а, с библиографией); Сб. «Вопросы социальной лингвистики». Л., «Наука», 1969; Р. Р. Г е л ь г а р д т. О языковой норме. «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., «Наука», 1961 (о различии «нормы», «нормативности», «литературности»); Р. Р. Г е л ь г а р д т. Литературный язык в географической проекции. «Р. Р. Гельгардт. Избр. статьи». Калинин, 1966; И. С. Г о р б а ч е в и ч. Изменение норм русского литературного языка. Л., «Просвещение», 1971; В. М. Ж и р м у н с к и й. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; С. И. К о т к о в. Условный язык орловских шорников. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3. М.—Л., 1949; Ю. С. С т е п а н о в. Французская стилистика. М., «Высшая школа», 1965 (§ 4—7; 103—109); Сб. «Язык и общество», отв. ред. Ф. П. Ф и л и н. М., «Наука», 1968; I. R. G a l p e r i n. Stylistics. Moscow, «Higher School Publishing House», 1971. Развитие национальных языков в СССР и современные языковые союзы: Н. С. А в и л о в а. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., «Наука», 1967; В. В. А к у л е н к о. О ложных друзьях переводчика, в кн.: В. В. А к у л е н к о, С. Ю. К о м и с с а р ч и к и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969; В. В. А к у л е н к о. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972; Сб. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», отв. ред. Н. А. Б а с к а к о в. М., «Наука», 1969; Сб-ки «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», под общей ред. Ю. Д. Д е ш е р е в а, «Наука»; «Иранские и кавказские языки». М., 1969, «Тюркские, финно-угорские и монгольские языки». М., 1969; Т. И л ь я ш е н к о. В. И. Ленин и развитие национальных языков. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1971, № 1; A r g e n t i e r i, L'integrazione linguistica eur-atlantica, Roma, 1963 (излагается точка зрения сторонника «атлантической интерграции» языков Западной Европы); E t i e m b l e. Parlez-vous franais? Paris, 1964 (иронический термин franais расшифровывается так: franais + anglais; книга содержит резкую критику «атлантического сабира (жаргона)»).

ЯЗЫК
КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ

Глава I

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

§ 72. Вводные замечания о соотношении языка как наблюдаемого явления и языка как абстрактного объекта теории. Назначение этой части книги — изложить самые общие и абстрактные понятия лингвистики, которые являются подлинной основой всех предыдущих разделов, но в силу своей общности не могут быть включены ни в один из них.

Соотношение наблюдаемых объектов с теоретически, мысленно представляемыми, абстрактными объектами характеризует не только языкознание, но и любую современную науку. Так, в физике его отчетливо определил еще И. Ньютон, говоря о понятии времени: «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обычной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год»¹. Здесь у Ньютона «обыденное время» соответствует уровню наблюдения, а «абсолютное, или истинное», — абстрактному уровню представлений.

Геометрия, оперирующая не конкретными наблюдаемыми геометрическими фигурами, например нарисованными мелом на доске точками и линиями, а абстрактными фигурами, тоже дает хорошую аналогию для различения уровней. Так, точное представление о геометрической точке дает следующий приводимый геометрами пример. Начертим при помощи линейки отрезок a_0 длиной 1 дм. Разделим этот отрезок на десять равных частей и возьмем одну из них. Пусть это будет отрезок a_1 , равный 1 см. Этот отрезок опять разделим на десять равных частей. Теперь получим отрезок a_2 длиной 1 мм = = 0,01 дм. Если мы попытаемся продолжить такой процесс деления, то должны будем скоро прекратить его из-за неразличимости види-

¹ И. Ньютон. Математические начала натуральной философии, пер. А. Н. Крылова. Пг., 1915—1916, стр. 30.

мого пространства: меловые штрихи начнут сливаться друг с другом. Однако в нашем представляемом пространстве не имеется никакого препятствия для продолжения этого процесса: здесь мы можем повторить его неограниченное число раз. Каждый из следующих после a_0 отрезков $a_1, a_2 \dots$ будет находиться внутри предыдущего. Длина этих отрезков будет становиться все меньше и меньше (например, после сотого деления мы получим исчезающе малый отрезок a_{100} длиной 10^{-100} дм; это число изображается десятичной дробью с 99 нулями после запятой). Посредством повторения такого процесса деления мы как бы улавливаем «точку» как «место в пространстве, не имеющее протяжения», именно ту точку, которая является общей для всех отрезков $a_0, a_1 \dots$ «Однако процесс перехода к идеальным образам состоит не только в абстрагировании, т. е. в исключении из рассмотрения несущественных свойств воспринимаемых объектов. Он сопровождается другой, совершенно противоположной тенденцией: добавлением к воспринимаемым объектам некоторых новых свойств. . . Для прямой такое добавление производится в направлении «микрокосмоса»: отрезок в результате многократного повторного деления понимается как континуум, состоящий из бесконечно большого числа точек»¹.

Совершенно так же и современная лингвистика различает в языке наблюдаемый уровень и представляемый, или абстрактный уровень. При этом очень важно подчеркнуть, что понятия, принадлежащие абстрактному уровню в лингвистике, не появляются только путем удаления некоторых признаков из понятий или представлений о конкретных наблюдаемых явлениях, но включают в себя и некоторые новые признаки, отсутствующие в последних. В общем понятия абстрактного уровня в лингвистике, например понятия различных «инвариантов» — фонем, морфем, значимостей, включают признак регулярности, особой упорядоченности, относительной неизменности, противопоставленный признаку изменчивости, вариаций, «естественного разброса» наблюдаемых явлений языка.

Аналогичное соотношение между наблюдаемыми и представляемыми объектами существует и в такой филологической дисциплине, как стиховедение. На абстрактном уровне различные стихотворные размеры могут быть отождествлены как разновидности одного и того же размера. В качестве примера можно указать так называемый контрольный ряд, введенный в русскую теорию стиха А. П. Квятковским и так им определенный: «Контрольный ряд — пространственная модель тактометрического периода, в пределах которого образуются нормы реального стиха. Всякий правильный период определяемого вида расчленяется на равновеликие части равномерными метрическими акцентами, которые выделяют элементарные группы (краты), повторяющиеся в периоде определенное количество раз... Метрическая структура контрольного ряда состоит из одина-

¹ Р. Неванлинна. Пространство, время и относительность, пер. с нем. М., «Мир», 1966, стр. 19—20.

ковых модельных ячеек (долей), позитивным наполнением их являются звуковые и паузные элементы стиха»¹. Очень важно подчеркнуть, что контрольный ряд не является условным построением, всего лишь приемом описания, «конструктом» и т. п., — он всегда символизирует реальное время текущей речевой цепи; поэтому некоторые ячейки контрольного ряда могут быть не заполнены слогами, но нет ни одной ячейки, которая не соответствовала бы реальной доле времени (при отсутствии слога в такой ячейке она отмечается знаком ^). Две следующие строфы представляют один и тот же контрольный ряд («трехкратный трехдольник третий», по терминологии А. П. Квятковского), но в первом случае каждой его клетке соответствует в наблюдаемой речевой цепи какой-либо слог, а во втором случае некоторые клетки заполнены лишь беззвучной длительностью — паузами.

*Я те / бе нице / го не ска / жу
И те / бя не встре / возжу ни / чуть,
И о / том, что я / молча твер / жу,
Не ре / шусь ни за / что нарек / нуть.*

(А. Фет.)

*Я по / кинул ро / димый ^ / дом,
Голу / бую о / ставил ^ / Русь.
В три звез / ды берез / няк над пру / дом
Теплит / матери / старой ^ / грусть.*

(С. Есенин.)

Абстракции в языке имеют особый характер. В этом мы уже убедились, рассматривая группы слов, фонемы, морфемы, грамматические категории. Перечисленные (и другие) сущности языка не присутствуют в виде отдельных, непосредственно наблюдаемых фактов или явлений, но они тем не менее объективно существуют в виде множеств конкретных языковых единиц и объективных принципов упорядочения этих множеств; порядок принадлежит здесь объективной действительности. Определяя такие сущности как представляемые объекты, или абстрактные объекты, или теоретические объекты, лингвист отходит от непосредственного наблюдения, но не отходит от реальности. Напротив, он глубже проникает в нее, и определяемые им абстрактные сущности не являются только порождением его ума, «концептами», или «конструктами» разума. Наблюдаемый и абстрактный уровни науки о языке, две ступени познания, соответствуют объективным — поверхностному и глубинному — аспектам языка, познаваемого объекта.

Однако между двумя ступенями есть и совершенно определенные различия. В конкретном аспекте языковые сущности представляют собой классы как множества единиц, объединенных

¹ А. Квятковский. Поэтический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1966, стр. 139. Следующие примеры из Фета и Есенина оттуда же, стр. 203.

теми или иными общими для них и наблюдаемыми качественными признаками. В абстрактном аспекте те же сущности представляют собой классы как целое, объединенные тем или иным принципом упорядочения. Как таковые классы объединяются уже не изнутри, не перечислением качественных признаков их элементов, а извне — отличительными признаками одного класса от другого, т. е. противопоставлениями и вообще отношениями. Классы как множества определяются качественно, классы как целое — относительно. Но это уже следствие из основного принципа: в конкретном аспекте — класс как множество, в абстрактном аспекте — класс как целое. Все остальное определяется этим.

Примеры классов языковых сущностей неоднократно приводились на предыдущих страницах. Фонема, до тех пор пока в процессе познания языка она определяется как множество тех или иных звуков речи, объединенных теми или иными качественными признаками, пока она как бы извлекается в виде общего, содержащегося во множестве звуков речи, представляет собой класс как множество (ср. § 27). Но когда та же фонема определяется извне, лишь относительно других фонем, противопоставленных ей в системе (парадигматике), определяется лишь отличиями от других фонем, лишь оппозитивно, то она представляет собой уже класс как целое (ср. § 29). Такие же отношения существуют между классом морфов и соответствующей ему морфемой, между классом предложений и соответствующей ему структурной схемой предложения и т. д.

§ 73. Уровни языка и единицы языка. Уровень — одно из тех слов, которые в последние годы употреблялись в лингвистике в самых разных, часто противоречащих друг другу значениях. После ряда плодотворных дискуссий, отголоски которых слышатся, впрочем, до сих пор, это слово стало наконец точным термином. Уровнем языка называется та часть его системы, которая имеет соответствующую одноименную единицу. Таким образом, есть фонемный уровень, морфемный уровень, уровень слов, уровень словосочетаний, уровень предложений, поскольку есть одноименные единицы — фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение. Этот последний, верхний предельный уровень имеет некоторые черты, отличающие его одного от трех предыдущих. В еще более особом смысле, с определенными оговорками, можно говорить о нижнем предельном уровне — об уровне дифференциальных признаков фонем, поскольку, как мы знаем, существуют дифференциальные признаки фонем как особые, всегда совместные (симультанные) элементы языка. Нет, например, «стилистического» уровня, поскольку нельзя лингвистически точно говорить о какой-либо единице «стилема».

Между уровнями существуют следующие отношения. Срединные уровни — фонемный, морфемный, уровень слов, уровень словосочетаний — характеризуются тем, что единица низшего уровня вхо-

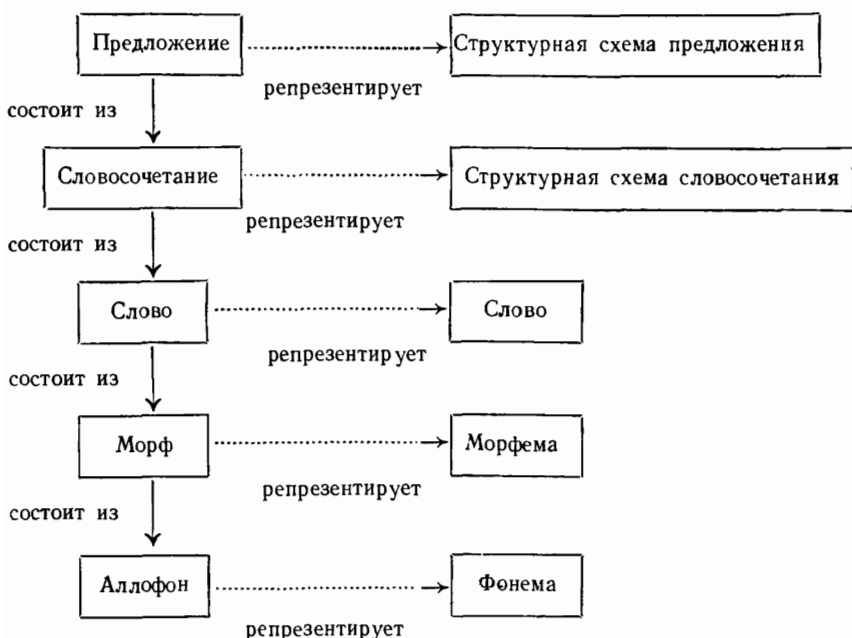
дит в единицу высшего уровня, являясь ее компонентом. Обратное словосочетания разлагаются на слова, слова разлагаются на морфы, морфы разлагаются на аллофоны. Лингвистический анализ и заключается прежде всего в последовательном дроблении, сегментации и, словосочетаний на все более мелкие единицы, пока мы не дойдем до фонем. На этом пути мы получаем множество конкретных единиц языка — словосочетаний, слов, морфов, аллофонов. Но при этом нужно иметь в виду чрезвычайно важное ограничение: все указанные отношения имеют место только в пределах конкретного, или наблюдаемого, аспекта языка: звуки речи как представители фонем (аллофоны) образуют морф, морфы образуют слово. Но нельзя сказать, как мы подробнее покажем ниже, что «фонемы входят в морфему или образуют морфему» или что «морфемы входят в слово или образуют слово». Это ограничение очень существенно, благодаря ему мы сможем избежать многих противоречий, нередко мешающих лингвистам. Процессом сегментации анализ не ограничивается.

Обобщение названных единиц в классы представляет собой другой процесс лингвистического анализа. На определенном этапе этого процесса, поступая так, как это было описано в первой части книги, в разделах о фонетике и грамматике, лингвист определяет эти классы как целое и получает абстрактные единицы — фонемы и морфемы, а также типы слов, типы словосочетаний и структурные схемы предложений. Вообще говоря, в этом перечне должен был бы фигурировать не «тип слов», а слово, рассматриваемое со стороны своих общих, категориальных признаков, «абстрактное слово». Общепринятого специального термина в лингвистике не существует, но, поскольку оговорка сделана, мы будем употреблять и в этом значении термин «слово». Гораздо существеннее соответствующее различие для предложения, потому что предложение в его обобщенных категориальных признаках уже вовсе не то, что предложение как словесное высказывание. Этому различию хорошо отвечает термин «структурная схема предложения». Основой такого обобщения от конкретных единиц к абстрактным является взаимное расположение, дистрибуция, единиц в пределах одного уровня. Но про полученные таким путем абстрактные единицы — фонему, морфему, абстрактное слово, структурную схему словосочетания или предложения — уже нельзя сказать, что они «состоят друг из друга», идя сверху вниз, или «входят друг в друга», идя снизу вверх. Сказанное может быть резюмировано в такой схеме (на стр. 220).

Явный параллелизм, отраженный в симметричности левой и правой колонок на схеме, побуждал лингвистов доводить его до крайней степени и рассматривать отношения между абстрактными единицами языка целиком по аналогии с его конкретными единицами. Исходя из этого, считали возможным утверждать, что «морфемы состоят из фонем», «слова состоят из морфем», «структурные схемы словосочетания состоят из (абстрактных) слов», «структурные схемы предложения состоят из слов и структурных схем словосочетаний».

Отношение единиц и уровней в языке

Конкретный, или наблюдаемый, Абстрактный аспект
аспект

Общий принцип подобных утверждений совершенно ложен и должен быть отброшен. (В частности, неправомерность утверждения «морфемы состоят из фонем» была показана выше, § 46.) Отношения между абстрактными единицами еще только становятся предметом специального изучения и специального названия не имеют.

Напротив, отношения между конкретными и абстрактными единицами одного уровня достаточно хорошо изучены и получили названия репрезентации, манифестации, или реализации. Например, морф репрезентирует (представляет) морфему, морфема манифестируется, или реализуется, в морфах; соответственно так же называются отношения между другими единицами.

§ 74. Предельные и непредельные единицы языка. В этом параграфе нам предстоит обобщить то, что было сказано о непредельных (недискретных) единицах в первой части книги. Напомним о непредельных значимых группах фонем, квазиморфемах (занимающих промежуточное положение между отдельной фонемой и незначимым сочетанием фонем, с одной стороны, и предельным значимым сочетанием фонем — морфом — с другой) типа русского *xp-* (*xряк*, *xряпнуть*, *xрен*), английского *sp-* (*speak*, *spit*, *spew*) (§ 10). Необходимо подчеркнуть, что такие сочетания фонем получают смысл как знаки

в силу условных, традиционных черт нормы данного языка, а вовсе не в силу звукоподражания. Если бы звукоподражание играло при этом какую-нибудь роль, то одни и те же или сходные сочетания во всех языках получали бы дополнительный смысл, причем одинаковый. Однако этого нет. Так, русск. *sn-* вообще не имеет никакого дополнительного смысла: ср. *снег, снять, снап, сникнуть* и т. п. против англ. *snow, snake, snotty* и пр., где та же группа *sn-* имеет некий общий смысл. Другим недискретным явлением фонетики выступают «группофонемы» (см. § 41).

Аналогичные отношения наблюдаются и в грамматике. В русском языке имеются так называемые двувидовые глаголы типа *образовать(ся), сообразовать(ся)*, которые сочетают в формах настоящего-будущего времени два разных видовых значения. Ср.: *Ее накопления образуют солидную сумму* — глагол здесь может пониматься и в значении совершенного вида, и тогда это форма будущего: 'ее накопления в будущем достигнут солидной суммы', и в значении несовершенного вида, и тогда это форма настоящего: 'ее накопления составляют уже теперь солидную сумму'. Таким образом здесь в определенной мере слитно представлены не только две формы и два значения вида, но и две формы и два значения времени. Одно глагольное слово, одна единица как бы передвигается по такому фрагменту грамматической системы русского языка, который в других случаях покрывается тремя различными единицами в плане выражения (3 формами), например: *идут — пойдут — будут идти*, и четырьмя в плане содержания: *идут* (настоящее) — *пойдут* (будущее) — *пойдут* (совершенный вид) — *будут идти* (несовершенный вид).

Называя такие явления общим термином континуум, американский исследователь Д. Болинджер показал, что континуум может быть двух родов: недифференцированный, в котором явления, составляющие континуум, однородны, и дифференцированный, или градуальный, ступенчатый (*gradient*, отсюда и слово *gradience* в названии его книги)¹. Пример недифференцированного континуума — слово *яблоко*, оно покрывает разные сорта яблок и понятия 'более — менее' к нему не приложимы. Примером градуального континуума будут иные случаи: если одну точку континуума символизировать отметкой 1, а противоположную отметкой 10, то в точке, удаленной от отметки 1 на 55% расстояния, будет находиться в точности отметка $5\frac{1}{2}$; например, чем громче голос при интонации возбуждения, тем в точности настолько же сильнее возбуждение, которое эта интонация выражает.

Если какое-либо грамматическое явление представляет собой континуум, но при этом в языке имеется сопоставимое с ним явление без континуума, расчлененное и разнооформленное, то континуум благодаря этому сопоставлению «принудительно расчленяется»,

¹ D. L. Bolinger. *Generality, Gradience, and the All-or-None*. Mouton. The Hague, 1961.

происходит его принудительная категоризация. В частности, русские двувидовые глаголы могут рассматриваться как случай принудительной категоризации. Для говорящего по-русски имеет место принудительное обобщение двух разных глагольных видов, а для слушающего — принудительный выбор для расчленения обобщенного значения по принципу «или — или»: или совершенный вид — или несовершенный вид, или настоящее — или будущее. Ср. англ. пример:

Put them away yet? { a) *Do you put them away yet?*
 'Ну, как, отвыкаете?'
 б) *Did you put them away yet?*
 'Ну, как, уже отвыкли?'

Здесь имеется принудительный выбор между *Do you put?* — *Did you put?* 'отвыкаете' — 'отвыкли'. Но здесь нет принудительного выбора между *Did you put?* и *Have you put?*, т. е. английский язык в данном случае, принудительно категоризуя прошедшее — настоящее, оставляет в недискретном состоянии, в континууме, различие между Past Indefinite (*did*) и Present Perfect (*have*). Для экспериментального установления недискретности в последнем случае Д. Болинджер провел следующий опыт. Испытуемым давалась фраза-вопрос: *Well, my assignment's almost done. You finish yours* 'Ну, мое задание почти сделано. Вы кончаете свое?' — и ответ с пропуском: *No, I ... n't.* 'Нет, я не ...' Каждый из 53 испытуемых должен был быстро заполнить пропуск по первому впечатлению о недостающем. Результаты были таковы: ответили формой *have* — 21, *did* — 23, *did / have* с колебаниями и без окончательного выбора — 1, *shan't, couldn't, won't, wouldn't, ain't* — 8. Таким образом, выбор между формами *did* и *have* оказался чисто случайным и подчиненным только вероятностному принципу — недискретность форм типа *Put them away yet?*; *You finish yours?* была экспериментально подтверждена. Далее, в грамматике недискретность проявляется в виде зеркальной омонимии (§ 47), в лексике — в виде паронимии (§ 10), в ином отношении — как свойство неразложимости словосочетаний (§ 16) и др.

Особую разновидность недискретности составляют различные типы синкретизма. Один из них — совпадение разных категориальных значений в одной форме — омонимия: русск. вин. п. муж. р. = род. п. муж. р. в рамках категории одушевленности. Другой тип синкретизма такой, где налицо сочетание нескольких разных категориальных значений в одной форме — полисемия: латинск. *-orum* как показатель муж. р. мн. ч. род. п.; аналогично во многих случаях в русском языке. Наконец, явление недискретности раскрывается также в особом типе синкретизма — в проблеме отношения класса как множества и класса как целого. Впервые на эту проблему с лингвистической точки зрения обратил внимание известный датский лингвист Л. Ельмслев. Он указывал:

«Поскольку парадигма рассматривается не просто как сумма членов (класс как множество в терминологии Рассела), но как что-то отличное от своих членов (класс как целое), постольку она представляется разрешимым синкретизмом своих членов; путем разрешения синкретизма класс как целое превращается в класс как множество»¹. В соответствии со своей общей структуральной концепцией Л. Ельмслев всячески стремился добиться предельного разложения, снять, «разрешить» синкретизм в своем описании языка путем «принудительной категоризации», подобно тому как это происходит в некоторых случаях в практике языкового общения (см. примеры выше). Он теоретически не исследовал того положения, что класс как целое, даже получив естественное «разрешение» синкретизма в языке путем превращения в класс как множество, все же не перестает существовать как целое. Между тем это один из важнейших принципов системы языка: класс языковых элементов существует одновременно и в виде класса как множества, и в виде класса как целого. Оставив в стороне это важное теоретическое положение, Л. Ельмслев и далее структуралисты не обратили внимания и на соответствующие факты. Между тем указанное положение означает, что в языке должны существовать одновременно противопоставления элементов одного класса элементам другого — это противопоставления классов как множеств и противопоставления одного класса другому при снятии, нейтрализации противопоставлений внутри каждого класса между его элементами — это противопоставления классов как целых.

На одну группу явлений такого рода обратил внимание известный русский лингвист Н. С. Трубецкой и подробно исследовал их под названием архифонемы. Архифонемой Н. С. Трубецкой называл такую оппозицию нескольких фонем, когда, во-первых, в ней основание для сравнения фонем друг с другом, т. е. совокупность признаков, которым обладают в равной мере обе фонемы, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы и, во-вторых, различия двух фонем могут в определенных условиях нейтрализоваться². Например, в русском языке [т] и [д] обладают следующими общими для них обоими признаками: 1) зубной, 2) твердый, 3) взрывной (различает же их признак звонкости-глухости). Эти три признака в такой совокупности не повторяются нигде более у русских фонем и поэтому достаточны, чтобы отличить [т] и [д], взятые вместе, от любой другой фонемы. Фонемы [т] и [д] представляют собой класс фонем. Взятый как множество, он существует в виде совокупности {[т], [д]}; взятый как целое, он существует в виде одной архифонемы [Т]. Поскольку [т] и [д] противопоставляются и друг другу, то их отношения в пределах

¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, пер. с англ. Ю. К. Лecomцева. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 348.

² Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, пер. с нем. А. А. Холодовича. М., 1960, стр. 75 и 87 (в дальнейшем указываются страницы этого издания).

их класса можно более точно записать со знаком противопоставления: $\{[t] \sim [d]\}$. В таких положениях, когда противопоставление внутри класса между его членами нейтрализуется, т. е. класс как множество перестает существовать, то класс в целом, класс как целое, все же продолжает противопоставляться всем другим фонемам данной системы. В этом случае класс фонем и выступает как архифонема.

Учение Н. С. Трубецкого об архифонеме сыграло огромную роль не только в фонологии, но и в общей теории языка (в частности, и Л. Ельмслев развивает его далее в своей теории синкретизма). Но все же оно не было до конца последовательным в том отношении, которое интересует нас здесь. Когда Н. С. Трубецкой противопоставлял архифонему «другим фонологическим единицам», то со стороны архифонемы он имел в виду и класс как множество, и класс как целое; со стороны же «других фонологических единиц» он имел в виду лишь отдельные фонемы — представители разных классов, т. е. только классы как множества. В действительности же архифонема противопоставлена в языке не только отдельным фонемам, но и некоторым совокупностям фонем — классам как целым. Рассмотрим несколько примеров.

В немецком языке противопоставление фонем $[t]$ и $[d]$ нейтрализуется, как и в русском, в исходе слова, так что в этом положении класса $\{[t], [d]\}$ представлен архифонемой $[T]$, совпадающей с $[t]$. В начале слова в положении перед $[l]$ в немецком языке невозможно ни $[t]$, ни $[d]$. Н. С. Трубецкой рассматривал это как явление, противоположное нейтрализации. Его рассуждение очень характерно: «В противоположность этому (т. е. первому случаю.— Ю. С.), то обстоятельство, что $[t]$ и $[d]$ невозможны в начале слова перед $[l]$, а $[b]$ и $[p]$ в таком положении возможны, не ведет к нейтрализации оппозиций $[d] \sim [b]$ и $[p] \sim [t]$ » (стр. 88). Оппозиция $[d] \sim [b]$ перед $[l]$ в начале слова существует, ср. *Blatt* 'листок' в противопоставлении *glatt* 'гладкий'. Однако Н. С. Трубецкой сузил вопрос и неправомерно заменил противопоставление классов как целых противопоставлением их только как множеств.

В действительности $[t]$ и $[d]$ образуют не только класс как множество, но и класс как целое — архифонему — и поэтому противопоставляются всем другим аналогичным классам тоже как целым. Мы имеем не только противопоставления $[t] \sim [d]$, $[t] \sim [p]$, $[t] \sim [k]$, $[d] \sim [b]$ и т. д., но и противопоставления целых: $\{[t], [d]\} \sim \{[p], [b]\} \sim \{[k], [g]\}$. Если из этого противопоставления в определенных условиях, а именно перед $[l]$, выбывает целый класс как целое, то естественно предположить, что и оставшиеся классы в этих условиях могут вести себя как целое. Последствия этого поведения обнаруживаются в немецкой лексике: классы слов, имеющих начальные группы $[p]$, $[b] + [l]$ или $[k]$, $[g] + [l]$, густо пронизаны отношениями паронимии. Для того чтобы выявить их с возможной полнотой, включим в рассмотрение, кроме взрывных, и соответствующий фрикативный $[f]$ (фрикативный в ряду $[k]$, $[g]$

в немецком языке отсутствует). Ср. (по-русски указываем лишь общее значение каждой группы паронимов): *klappern, klapsen* 'стучать, трещать'; *gleich, glatt, flach, platt* 'ровный'; *blitzen, glitzern, blinken, blinzeln, flimmern (Flitter), flackern* 'блестеть, мерцать'; *Block, Kloben, Klotz, Klos, Pflock* 'чурбан, глыба'; *Flecken (Fleck), Platz* 'место'; *glotzen* 'глазеть, выпучивать глаза'; *plötzlich* 'вдруг'.

Учтем теперь, что и в классе зубных имеется фрикативный [s], который в начале слова перед [l] в немецком языке замещается другой фонемой [ʃ] (sch), последняя и остается единственным представителем этого класса перед [l], сама не будучи зубной. Независимо от того, имели ли место в истории реальные замещения фонемы [s] фонемой [ʃ] (sch) в положении перед [l], с синхронной точки зрения мы имеем право рассматривать дело именно так на том основании, что нет исконных немецких слов с начальной группой *sl-*, но имеется много слов с *schl-*. Итак, [ʃ] (sch) выступает как архифонема зубных в положении перед [l]. Имеется класс паронимов и с этой начальной группой, ср. *Schlange* 'змея, длинная очередь'; *Schlauch* 'шланг, рукав, кишка'; *schleppen, schleifen* 'волочить'; *schleichen* 'красться'; *schlingen* 'обвивать'.

Поскольку класс зубных в немецком языке в позиции начала слова перед [l] нейтрализован как множество и выступает как целое в виде своего единственного представителя [ʃ] (sch), постольку и противопоставленные ему в совокупности, т. е. как одно множество, классы губных и заднеязычных также нейтрализованы как множество и выступают как целое в виде любого своего представителя (или [p], или [b], или [f], или [k], или [g]). Следует особенно подчеркнуть, что мы начали рассуждение не с противопоставления отдельных фонем, а с противопоставления классов фонем. Поэтому и для последней цепочки противопоставлений, если мы желаем найти ее отражение в лексике, следует искать не противопоставления типа минимальных пар *дом — том, glitten — schlitten* и т. п., а противопоставления классов слов. Иначе говоря, класс слов, начинающихся группой *schl-*, должен стоять в каком-то особом отношении к классу слов, начинающихся группами *pl-, bl-, fl-, kl-, gl-*, отношении, которое не встречается между другими классами немецких слов, например между классом слов, начинающихся на *schl-*, и классом слов, начинающихся на *pi-, bi-, fi-, ki-, gi-*. Поскольку речь идет о классах, это особое отношение не обязательно распространяется на отдельные пары слов, взятых соответственно одно из одного, а другое из другого класса.

Для того чтобы систематизировать эти отношения, включим в классификацию и слово *schimmern*, рассматривая его как производное потенциальной (возможно, несуществовавшей) формы **schlimmern*, утратившей [l] в силу расподобления (отталкивания) от *schlimm* 'дурной'.

Все сказанное резюмируется в таблице.

**Явления лексической паронимии, связанные с нейтрализацией
класса зубных фонем в положении перед [l]
в начале слова в немецком языке**

Частичные омонимы (колонка I в отношении к колонке II)			
		I. Синонимы со значением 'блестеть'	II. Синонимы со значением 'скользить, гладкий'
Паронимы (ряд I — в отношении к ряду 2 внутри рядов)	1. С начальной группой <i>bl-</i> , <i>gl-</i> и т. д.	<i>blitzen</i> <i>blinken</i> <i>blinzeln</i> <i>glitzern</i> <i>flimmern</i> , <i>Flitter</i> <i>flackern</i>	<i>gleiten</i> <i>fliehen</i> <i>glatt</i> <i>gleich</i> <i>flach</i> <i>platt</i>
	2. С начальной группой <i>schl-</i> .	<i>schimmern</i> < * <i>schlimmern</i>	<i>Schlitten</i> , <i>Schlittschuh</i> <i>schleichen</i> <i>schleifen</i> <i>schleppen</i> <i>schlingen</i> <i>Schlicht</i>

Подведем итоги. Предельные единицы языка существуют в силу двух типов отношений в языке: 1) отношений вхождения в единицу более высокого уровня и разложения на составляющие более низкого уровня — в своем конкретном аспекте; 2) отношений дистрибуции в пределах своего уровня. При анализе языка эти единицы устанавливаются как результат предельного разложения. К предельным единицам относятся:

- дифференциальные признаки фонем (с оговоркой);
- фонемы;
- морфемы;
- слова;
- словосочетания (с оговорками, см. § 16 и сл.);
- предложения (с оговорками).

Непредельные, или недискретные, единицы языка обнаруживаются при анализе языка как результат непредельного, не доведенного до конца разложения. Как и предельные единицы, они объективно существуют в языке в силу двух типов отношений: 1) отношений вхождения в единицу более высокого уровня и неполного вычленения из нее, а также непредельного разложения на составляющие более низкого уровня; 2) отношений дистрибуции в пределах своего уровня. К непредельным единицам относятся:

- дифференциальные признаки слога (просодия);
- группофонемы (например, бемольные и диззные слоги);
- квазиморфемы (англ. *sp-*, *sn-* и подобн.):

— аналитические формы слова (русск. *буду читать*, англ. *to have written*);

— словосочетания (с оговорками, см. § 16 и сл.);

— сложные предложения (с теми же оговорками, что и применительно к предложению).

Кроме того, в языке существуют общие недискретные явления: паронимия в лексике; архифонема в фонетике; синкретизм в грамматике.

§ 75. Два типа общих отношений в языке — парадигматика и синтагматика. Выше мы видели, благодаря каким отношениям языковая единица существует как таковая. Цель этого параграфа — осветить указанные отношения по возможности в чистом виде. Разумеется, отношения не существуют без единиц, которые эти отношения соединяют. Но если выше мы рассматривали комплекс «единицы — отношения», исходя из единиц, то теперь рассмотрим тот же комплекс, исходя из отношений. В широком смысле все отношения вхождения единицы в единицу высшего уровня и отношения членения ее на единицы или элементы низшего уровня, «отношения иерархии», «отношения по вертикали», можно назвать парадигматикой (см. схему § 55). Так же в широком смысле все отношения дистрибуции единицы в пределах ее уровня можно назвать синтагматикой. Такое широкое понимание необходимо при известных теоретических обобщениях. Однако чаще отношения парадигматические и синтагматические понимаются в среднем диапазоне иерархии языка — применительно к каждому уровню отдельно. В таком случае синтагматикой будет последовательность единиц этого уровня в речи, парадигматикой будет группировка единиц этого уровня в классы на основе оппозиций единиц друг другу по их дифференциальным признакам. Последовательности слов в речи дают пример синтагматики на уровне слов; группировки слов в классы — синонимов, антонимов, тематических групп, частей речи и т. д. — дают пример различных проявлений парадигматических отношений. В таком же смысле можно говорить о совокупности возможных в данном языке фонем как о фонемной (или фонологической) синтагматике и о совокупности оппозиций фонем как о фонемной парадигматике. Чаще всего эти отношения понимают и исследуют еще более узко: под синтагматикой понимают последовательность единиц каждого уровня, рассматриваемых в относительно коротких пределах — 1—10 единиц подряд; под парадигматикой в таком случае понимают относительно небольшие классы единиц, каждая из которых может заменять одну из единиц последовательности, входя в последовательность на ее место. В пределах этого «среднего диапазона» действительно следующее определение: синтагматика есть отношения единиц по принципу «и — и», парадигматика — отношения по принципу «или — или». Наконец, иногда под парадигматикой понимают только совокупность словоформ одного слова (например, *иду — идешь — идет...* и т. д.); синтагматика при этом будет

представлена разнородными единицами (хотя каждая из них под-
ходит под определение слова). Нижеследующая схема иллюстрирует
такой случай и одновременно показывает три разных (из большого
количества возможных) типа парадигм:

		Синтагматика (по горизонтали)			
Парадигматика (по вертикали)	2.	1.	3.		
	<i>я</i>	<i>—ид-у</i>	<i>—в кино</i>	и т. д.	
	<i>ты</i>	<i>—ид-ешь</i>	<i>—в театр</i>	и т. д.	
	<i>он</i>	<i>—ид-ет</i>	<i>—домой</i>	и т. д.	
	<i>мы</i>	<i>—ид-ем</i>	<i>—к знакомым</i>	и т. д.	
	и т. д.	и т. д.	и т. д.		

Парадигма под номером 1 — пример парадигмы как группы сло-
воформ одного слова; под номером 2 — пример более широкой пара-
дигмы как группы слов, объединенных несколькими категориаль-
ными грамматическими значениями (в данном случае это так
называемые личные местоимения); под номером 3 — пример еще
более широкой парадигмы, объединяющим ее принципом является
лишь то, что все эти слова и словосочетания отвечают на вопрос
куда?

Логическое определение парадигматики как отношений по прин-
ципу «или — или» и синтагматики как отношений по принципу «и —
и» к таким случаям, как 1, 2, неприменимо: в самом деле, форма *я*
не может сочетаться с формой *идешь*, *ты* с *иду* и т. д. Это определе-
ние неприменимо и к пониманию соответствующих отношений на
высших ярусах абстракции (см. ниже, § 85).

§ 76. Структура и система. Назначение этого параграфа — лишь
обобщить то, что говорилось на эту тему в других местах книги. Под
системой понимается единое целое, доминирующее над своими
частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений.
Совокупность отношений между элементами системы образует ее
структуру. Правомерно говорить поэтому о структуре
системы. Совокупность структуры и элементов составляет систе-
му.

Ядро языковой системы образуют предельные единицы
языка и связывающие их отношения. Под предельными единицами
понимаются аллофоны, морфы, слова, словосочетания, предложения
или, в абстрактном аспекте, фонемы, морфемы, слова, структурные
схемы словосочетаний, структурные схемы предложений (§ 51).
Под отношениями между предельными единицами понимаются все
типы парадигматических и синтагматических отношений (§ 75).

К ядру языковой системы примыкают неопредельные язы-
ковые единицы и связывающие их отношения: группофонемы,
квазиморфы, аналитические формы слова, сложные предложе-
ния.

Ядро языковой системы в наиболее употребительных пластах лексики, в грамматике и в продуктивных пластах словообразования образует центр системы языка. Периферию системы языка образуют малоупотребительные пласты лексики, мертвые пласты словообразования и отмирающие грамматические категории. Грамматические категории, когда они отмирают, проходят снова стадии словообразовательных отношений и, наконец, перемещаются в лексику, становясь фактами словаря (см. § 59).

При определении того, что представляет собой языковая система, необходимо вкладывать четкий смысл в термин *доминирует* («система доминирует над своими частями и элементами»). Система и структура определяют элемент как принадлежность данной системы и в этом смысле доминируют над ним. Поэтому при описании системы логическое определение отношений действительно предшествует логическому определению элементов (ср. § 78—80). Однако система и структура не определяют происхождения элементов как отдельных объективных явлений действительности (например, материальных звукотипов, значений слов как отражения отдельных предметов объективной действительности) и в этом смысле не доминируют над элементами. Кроме того, даже и в случае доминанции в системе языка важную роль играют нежестко детерминированные, вероятностные отношения — нежесткая доминанция. Ее примером могут служить явления «континуума» (см. § 74). В силу этого системная историческая реконструкция может восстановить прошлую систему языка, но нередко оказывается не в состоянии определить ни материальной формы, ни происхождения элементов (см. о ларингалах, § 41; далее Постулаты, § 86).

Глава II

ВИДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

§ 77. Вводные замечания. Структура языка, как мы уже выяснили выше, является лишь частью его системы. Структура языка недоступна непосредственному наблюдению, она открывается посредством углубленных лингвистических исследований, с разных сторон, как бы проявляясь в различных видах. Существуют структуры дистрибутивные, оппозитивные, функциональные, трансформационные и другие. Каждая такая структура является результатом последовательного описания языка с определенной одной точки зрения, следовательно, теоретическим построением лингвиста. Вместе с тем каждая такая структура более или менее точно отражает одну из сторон того, что объективно существует в языке как его собственная структура. Поэтому такие структуры, как дистрибутивная, оппозитивная и т. д., удобно называть не «теоретические структуры» (что подчеркивало бы их субъективную сторону как результата построения лингвиста) и не «языковые структуры» (что создавало бы ложное представление, заставляя думать, что у одной системы языка много разных структур или что структура языка лежит на поверхности и может быть воспринята независимо от теоретического построения лингвиста), а более общим термином — «лингвистические структуры».

Под лингвистической структурой мы далее понимаем лишь то, что основано каждый раз на ясном лингвистическом принципе. Поэтому каждой из рассматриваемых ниже структур соответствует одно какое-либо понятие, преимущественно используемое в этой структуре и, как и она сама, отвечающее одновременно и стремлению лингвиста к упорядочению описания и объективно существующему принципу языка. Это понятие дает название и всей структуре. В заголовке каждого параграфа оно приводится первым.

§ 78. Дистрибуция и дистрибутивная структура. Разработка дистрибутивной структуры языка явилась главным достижением американской лингвистической школы 40—50-х годов нашего века, иначе именуемой дескриптивной лингвистикой. Она, как

и всякое отдельное направление, характеризуется особой задачей исследования, особым методом достижения этой задачи и определенной методологией и философией, стоящими за методом.

Дескриптивная лингвистика возникла в 20-е годы нашего века в США. Ее первоначальной задачей было изучение индейских языков Америки, не имевших письменности, писанных грамматик и словарей. Исследователь, естественно, не мог обратиться за существенными разъяснениями к носителям языка — индейцам. (Известно, что сознательно отнестись к своему языку человек может только после школьного обучения, но как раз такого обучения языку у американских индейцев и не было.) Поэтому лингвисту приходилось полагаться на то, что он мог объективно наблюдать. Перед ним оказывался один непосредственно наблюдаемый факт — поток индейской речи, все остальное — грамматику и словарь — ему приходилось устанавливать путем научного анализа. В этих условиях исследователи выработали приемы максимально объективного описания языка без помощи (или, точнее, при минимальной помощи) носителей этого языка и без обращения (точнее, при минимальном обращении) к смыслу, установить который объективно при начале описания все равно не было никакой возможности.

Основателями этого направления были три лингвиста: Франц Боас (1858—1942), составитель коллективного «Руководства по языкам американских индейцев» (1911), Эдвард Сэпир (1884—1939), его главная работа — монография «Язык» (1921 г., русский перевод вышел в издательстве Соцэкгиз. М., 1934 г.); Леонард Блумфильд (1887—1949), из работ которого особенно важное значение имели «Постулаты для науки о языке» (1926) и обширная монография «Язык» (1935 г., русский перевод выпущен издательством «Прогресс». М., 1968 г.). Ф. Боас и Э. Сэпир на долгие годы определили интересы и тематику американской дескриптивной лингвистики вообще и в особенности одной ее ветви — Энн-Арборской школы (К. Л. Пайк, Ю. Найда, Ч. Фриз и др.). Л. Блумфильду принадлежит заслуга строгого упорядочения приемов исследования и основных понятий. Именно его работы основали другую, ортодоксальную ветвь дескриптивной лингвистики, так называемую Йельскую школу (Дж. Трейгер, Б. Блок, З. С. Хэррис и др.), и определили метод, который в своей основе приложим ко всем языкам и может служить созданию действительной грамматики каждого языка, свободной от привнесенных в нее из психологии понятий. Дескриптивный метод получил особенное развитие в 40-е и 50-е годы. В 1951 г. вышла обобщающая и итоговая монография З. С. Хэрриса «Методы в структурной лингвистике»¹.

Основу дескриптивного метода составляет понятие дистрибуции. Под дистрибуцией элемента понимается совокупность окружающих, состоящих из одноименных с ним элементов, в которых данный

¹ Z. S. Harris. *Methods in structural linguistics*. The University of Chicago Press, 1951; более поздние издания той же работы называются иначе: Z. S. Harris. *Structural linguistics*.

элемент может встретиться в речи: для фонемы — это предшествующие и последующие фонемы, для морфемы — предшествующие и последующие морфемы, для слов — предшествующие и последующие слова. Дистрибуция может быть мелкая, когда рассматривается окружение на глубину одного элемента, и глубокая — на большее количество элементов. Исходной точкой анализа является сырой материал — поток речи; конечной точкой — установление дистрибутивной структуры данного языка. Этот результат достигается применением одной и той же двухступенчатой процедуры, заключающейся: а) в установлении элементов, б) в определении дистрибуции этих элементов относительно друг друга и в сведении их в классы. Процедура применяется дважды: 1) для определения фонологических элементов (фонем) и отношений между ними, 2) для определения морфологических элементов (морфем) и отношений между ними. Отношения между морфемами, точнее, классами морфов составляют конструкцию, которая может совпадать с отдельным высказыванием (предложением) или быть меньше его, но не может превосходить его. Таким образом, область языковых явлений, изучаемых дескриптивной лингвистикой, размещается в пределах от фонемы до конструкции, или от звука до высказывания. Конструкции, превосходящие по длине высказывание (например, строение абзаца), в классической дескриптивной лингвистике не рассматривались.

Общая дистрибуция включает всю совокупность окружений данной единицы одноименными единицами. При определении общей дистрибуции в расчет принимается также позиция элемента в некоторой последовательности. Под позицией понимается положение единицы в конце, начале или середине слога, морфемы, слова; положение по отношению к ударению, долготе, тону и т. д. Различают три типа дистрибуции, или, точнее, три типа соотношения дистрибуций.

Если при сравнении общих дистрибуций двух элементов оказывается, что не существует таких контекстов, где бы эти дистрибуции совпадали, то такие два элемента находятся в отношении дополнительной дистрибуции, которая составляет первый тип. Графически это отношение изображается следующим образом:

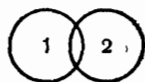

(каждый круг символизирует окружение одной из единиц, две единицы никогда не встречаются в общих окружениях, круги не пересекаются).

Дополнительная дистрибуция является необходимым, но не всегда достаточным условием для признания ряда звуков вариантами одной фонемы. Так, для отнесения различного вида одного гласного в русском языке к одной фонеме достаточно установить между разными звуками отношение дополнительной дистрибуции:

$T'AT'$ — наиболее закрытый вариант (T здесь любой согласный звук, A — любой гласный); $T'AT$ — более открытый; TAT' — еще более открытый вариант, произносимый после твердого и перед мягким согласным; TAT — наиболее открытый вариант (см. § 27). Точно так же на основании критерия дополнительной дистрибуции вариантами одной фонемы должны быть признаны [и] и [ы] в русском языке, так как первое всегда встречается после мягких согласных или в начале слова, а второе — только после твердых и никогда в начале слова. Однако в языке могут быть звуки, находящиеся в дополнительной дистрибуции и тем не менее не считающиеся вариантами одной и той же фонемы. Так, в английском, немецком, датском, шведском языках имеется звук [h], который встречается только в начале слов и морфем, и звук [ŋ] — только в конце слов и морфем.

Второй тип дистрибуции — контрастная дистрибуция. Единицы речи находятся в контрастной дистрибуции, если они встречаются в одних и тех же окружениях и при этом различают звуковые оболочки слов (если речь идет о фонемах) или значения (если речь о морфемах). В этом случае они являются представителями разных единиц — соответственно разных фонем или разных морфем. Таковы в русском языке начальные согласные в *ток*, *док*, *рок*, *мок*, *кок*, *сок*, *шок* и т. п. В контрастной дистрибуции находятся, например, морфы *-ющ-* и *-вш-* в русском языке, принадлежащие, следовательно, разным морфемам: *страдающ-ий* и *страдавш-ий*. Иногда считают, что для установления фонологического различия достаточно двух-трех или даже одной минимальной пары с контрастом. Так, фонемы [ʃ] и [ʒ] в английском языке выделяются на основе лишь четырех минимальных пар: 1) *mesher* ~ *measure*, 2) *dilution* ~ *delusion*, 3) *Aleutian* ~ *allusion*, 4) *Asher* ~ *azure*. Если в русском языке признать правильным образованием деепричастную форму *берегя* от глагола *беречь*, то это может служить основанием для признания [г'] отдельной фонемой, так как в этом случае имела бы минимальная контрастная пара *берегá* ~ *берегá̃*, где мягкость задненёбного согласного обладала бы фонологической значимостью. Многие исследователи признают недостаточным наличие лишь одной пары элементов с контрастом для установления различия фонем. Графически контрастная дистрибуция изображается следующей схемой (окружения двух единиц частично одни и те же, круги пересекаются):

Третий тип дистрибуции — свободное варьирование: единицы встречаются в одних и тех же окружениях и не различают при этом звуковых оболочек слов или значений. В этом случае они являются вариантами одной и той же единицы языка. Примером сво-

бодного варьирования будут взрывное [ɣ] и фрикативное [ʏ] в русском языке (литературной нормой является [ɣ] взрывное). В свободном варьировании находятся варианты морфемы творительного падежа *-ой* и *-ою* или соответственно *-ей* и *-ею*, которые приведены здесь в орфографической записи. Этот тип дистрибуции графически изображается так (окружения двух единиц полностью совпадают, круги на схеме сливаются):

Если дескриптивная фонология устанавливает классы взаимозаменяемых фонов и эти классы практически совпадают с фонемами, то дескриптивная морфология устанавливает не морфемы, а классы взаимозаменяемых морфов. Классы морфов — это то же самое, что классы встречаемости морфов друг с другом. Все морфы одного класса заменяют друг друга почти в каждом окружении, принадлежащем этому классу. Окружения сами составляют классы морфов. Например, Я . . . *-у домой* составляет окружение для такого класса морфов как *ид-*, *бег-*, *ед-*, *леч-* и т. д., который можно определить как класс морфов со значением движения. *Быстро . . .-у* — другое окружение для того же класса морфов. Ряд аналогичных классов морфов объединяется в широкий класс глагольных морфов, который принято обозначать латинской буквой *V*. Аналогичным образом определяются классы именных морфов, предложных морфов и т. д. Основой дальнейших операций, например при определении конструкций, служат уже не морфы, а классы морфов. (Поэтому, в частности, и возможно изображение конструкции в виде формулы, например $V + N$, глагол + имя существительное.) Установление классов морфов через совместную встречаемость производится путем последовательных проб — подстановки разных морфов в одно окружение и подстановки разных окружений к одному морфу. Минимальный класс взаимозаменяемых морфов (обычно один-два, иногда три-четыре морфа), у которых совпадает наибольшее число окружений, составляет морфему.

Но семантические отличия одного морфа от другого, как и одной морфемы от другой, далеко не всегда могут быть описаны через указание разницы в окружениях. Нередки случаи, когда две различные морфемы имеют полностью тождественные окружения и все-таки различны — различны сами по себе, по своему фонемному составу и семантике. В силу этого на основе дескриптивного анализа оказалось невозможным решить некоторые важные проблемы, например описать систему словообразования, в которой индивидуальность морфемы играет большую роль.

После установления классов морфов лингвист получает возможность описать последовательности морфов и морфем в речевой цепи (это описание мы здесь опускаем). Последовательность морфем сов-

падает с тем, что в традиционном языкознании называется словом и словосочетанием. Таким образом, в дистрибутивной структуре в том виде, как она была разработана в дескриптивной лингвистике, не делается различий между одноморфемным и многоморфемным словом, с одной стороны, словом и словосочетанием, с другой стороны. Однако границы слова в речевой цепи могут быть при желании описаны этим методом достаточно точно.

В отличие от традиционного изучения предложения, которое начинается с анализа, разложения на все более и более мелкие части (синтаксические группы членов предложения, главные и подчиненные члены групп, слова), дескриптивная лингвистика идет обратным путем: она синтезирует конструкцию из морфем и их последовательностей.

На синтаксическом уровне, кроме дистрибутивного метода, применяется анализ «по непосредственно составляющим» (НС), первоначально разработанный Л. Блумфильдом и З. Хэррисом. Анализ по непосредственно составляющим пришел на смену анализу по членам предложения, применение которого требует обращения к внелингвистической реальности и не всегда приводит к однозначным результатам. Расчленение высказывания на непосредственно составляющие производится на основе разграничения двух видов конструкций: эндоцентрических (словосочетания, имеющие главный член) и экзоцентрических (словосочетания, не имеющие главного члена). Эндоцентрическая конструкция функционирует подобно одному из ее членов и представляет собой распространение главного члена: *друг* → *хороший друг* → *мой хороший друг* → *один мой хороший друг*. В этом случае говорят, что конструкция разворачивается. При движении в обратном направлении конструкция свертывается до главного члена. Свертывание конструкции можно записать схематически в виде формул:

$D + A \rightarrow A$, где D — определитель (наречие, числительное, артикль), в данном случае — *один*;

$A + N \rightarrow N$, где A — определение-прилагательное, N — имя существительное;

$V + Na \rightarrow V$, где V — глагол (сказуемое + дополнение в винительном падеже свертывается в сказуемое).

§ 79. Оппозиция и оппозитивная структура. Заслуга разработки оппозитивных структур принадлежит лингвистам так называемой Пражской лингвистической школы. Центром деятельности этой школы стал организованный в 1926 г. Пражский лингвистический кружок, в котором объединился ряд крупнейших русских и чешских лингвистов: Н. С. Трубецкой (1890—1938), В. Матезиус (1882—1945), Р. О. Якобсон, Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, позднее В. Скаличка, Й. Коржинек и др. Программа деятельности новой школы была провозглашена в знаменитых «Тезисах», опубликованных кружком в 1929 г. к I съез-

ду славистов. Основные идеи Пражской лингвистической школы были сформулированы ранее, чем развернулись работы дескриптивного направления в США. Но в логическом плане дистрибутивные структуры предшествуют оппозитивным, в единой последовательности лингвистического описания дистрибутивная структура составляет первый этап и основу, на которой далее строится более глубокая и содержательная оппозитивная структура. Из большого количества работ, в которых были развиты принципы оппозитивного анализа, упомянем лишь наиболее значительные — исследование Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (1939 г., русск. пер. с нем. М., 1960), где разработано понятие оппозиции и дана классификация языковых оппозиций, и работу Р. О. Якобсона «Опыт общей теории падежей» (на немецком языке, в шестом выпуске «Работ Пражского лингвистического кружка», 1936 г.), где на оппозитивном принципе построен детальный семантический анализ русских падежей. С понятием оппозиции мы неоднократно встречались в первой части этой книги, в разделах о лексике (§ 11), фонетике (§ 29), грамматике (§ 47), и уже из этого могли убедиться, что своя оппозитивная структура существует в каждой из этих частей языка.

В процессе последовательного описания какого-либо языка выявление оппозитивной структуры начинается тогда, когда исследователю уже известны основные единицы этого языка, установленные в результате дистрибутивного анализа. В зависимости от того, какую часть языка он желает описать, лингвист выбирает группу единиц этой части — группу фонем (для описания фонологии), группу морфем и словоформ (например, падежей для описания грамматики), группу слов (например, предлогов для описания грамматики и лексики). Группа с самого начала должна быть достаточно полной, однако она может пополняться и в самом ходе анализа. Задача оппозитивного описания состоит в том, чтобы выявить все оппозиции, существующие в этой группе единиц.

Первым этапом является установление парных (бинарных) оппозиций и затем как бы суммирование всей системы из парных оппозиций. Этот этап исторически был разработан первым. (Например, упомянутая работа Р. Якобсона о падежах построена таким образом и ограничивается этим.) На первом этапе описания лингвисту приходится решать две основные задачи: 1) отделение существенных оппозиций от несущественных, 2) отделение логических оппозиций от лингвистических. Покажем работу лингвиста на примере группы из четырех русских фонем — класса губных смычных: $n, n', б, б'$. В этом классе фонем существуют следующие парные оппозиции: 1) $n \sim n'$, 2) $n \sim б$, 3) $б \sim б'$, 4) $n' \sim б'$, 5) $n \sim б'$, 6) $n' \sim б$ (оппозиция с переставленными членами считается той же самой: $n \sim б$ то же самое, что $б \sim n$). Из них первые четыре весьма существенны, остальные менее существенны (для простоты в данном случае будем считать их несущественными). В общем, существенной для оппозитивного описания будет та оппозиция, в которой различие между членами является эле-

ментарным и поддается формулировке в качестве одного признака. Так, $n \sim n'$ противопоставлены по признаку «мягкость», $n \sim б$ — по признаку «звонкость», это оппозиции элементарные и существенные; $n \sim б'$ противопоставлены сразу по двум признакам — «мягкость» и «звонкость», это оппозиция комплексная и, следовательно, несущественная.

Член оппозиции, обладающий признаком в положительной форме, называется *признаковым*, или *маркированным*; противопоставленный ему член — *беспризнаковым*, или *немаркированным*. В трактовке оппозиций довольно распространена следующая ошибка: исследователи склонны считать, что члены оппозиции равноправны, что каждый из них обладает собственным позитивным содержанием, так что если один член характеризуется признаком «а», то другой должен быть охарактеризован прямо противоположным признаком «не а» (отрицанием «а»). В действительности логические отношения здесь иные: если маркированный член сообщает о наличии признака «а», то противопоставленный ему немаркированный член о наличии или отсутствии «а» ничего не говорит. Немаркированный член характеризуется отсутствием сигнализации «а». Например, если в оппозиции $n \sim б$ член *б* характеризуется как маркированный с признаком «звонкость», то член *n* должен быть описан не признаком «глухость», а признаком «незвонкость, в смысле отсутствия сигнализации о звонкости». (Ср. систему дихотомической фонологии в § 23.)

Логически любой из членов оппозиции может быть охарактеризован как маркированный, а противопоставленный ему — как немаркированный. Логические отношения в оппозиции определяют лишь возможности. Но какая из возможностей действительно реализовалась в данном языке, выявляется лишь из специальных лингвистических наблюдений. Приписывание отрицательного или положительного дифференциального признака вытекает из объективных критериев и не может рассматриваться как всего только дело условного соглашения между лингвистами. Когда в оппозиции $n \sim б$ фонема [б] описывается как маркированный член с положительным признаком «звонкость», то это делается не в силу условности и произвольной точки зрения исследователя, а потому, что в функционировании русских фонем наблюдаются такие случаи, а именно в конце слова, когда противопоставление звонких и глухих согласных снимается, нейтрализуется и исчезает при этом именно признак звонкости. Следовательно, его и надо считать положительным. Нейтрализация фонем — один из важнейших критериев для определения маркированных и немаркированных фонем, для определения положительного и отрицательного дифференциального признака.

Этот лингвистический прием, очевидно, основан на том более общем положении, что отношения между предметами (в данном случае фонемами) столь же объективны, сколь и предметы (фонемы).

Резюмируя описание выбранного класса русских фонем, можно установить следующую систему оппозиций.

	Положительный признак «звонкость»	Отсутствие положительного признака, «незвонкость»
Положительный признак «мягкость»	б'	п'
Отсутствие положительного признака, «немягкость»	б	п

Уже из суммирования системы на первом этапе оппозитивного описания можно сделать вывод, что в оппозитивной системе всегда содержится определенная иерархия признаков, а следовательно, и иерархия членов. Так, в приведенном примере б' является самым маркированным членом, п — самым немаркированным, а вся иерархия выглядит следующим образом:

$$n(n'(b(b'))).$$

Однако в период деятельности Пражской школы вопрос об иерархии признаков не ставился. Р. Якобсон, как уже было отмечено, просто суммировал систему русских падежей из парных оппозиций, представляя ее в таком виде:

(и ~ в)	(Р I ~ Р II)
§	§
(т ~ д)	(П I ~ П II)

В этой табличке признаковый падеж располагается справа или внизу. Индексы при Р и П означают: Р I — «родительный первый» (*запах чая*), Р II — «родительный второй» (*Я не пил чаю*), П I — «предложный первый» (*о лесе*), П II — «предложный второй» (*в лесу*).

На втором этапе оппозитивного описания лингвист должен решать две задачи: 1) ввести иерархию признаков, 2) установить оппозиции каждого элемента по отношению к системе в целом, а не только по отношению к каждому из членов системы. Вторая задача решается на основе первой, а ее теоретическим основанием служит принцип «класса как целого». Оппозиция каждого элемента по отношению к системе в целом означает не что иное, как оппозицию элемента класса классу как целому. Этот вопрос был затронут выше (§ 74). Здесь мы продолжим пример с русскими фонемами, рассмотрев оппозицию *n* — наименее маркированного члена класса — всему классу губных смычных в целом. Стоят ли за этим

теоретическим противопоставлением какие-либо факты языка вообще и русского языка в частности?

С точки зрения языка вообще обнаруживается, что фонема типа *п* (в разных языках ее фонологическое содержание может варьироваться) является «более универсальной», чем, например, фонема типа *б*, и несравненно более универсальной, чем фонема типа *п'*. Первая имеется в большем количестве языков (если не во всех языках) и в тех языках, где она представлена, встречается в большем количестве слов, чем *б*. Для примера достаточно раскрыть словарь русского языка, чтобы убедиться, что количество слов, начинающихся на *п*, значительно больше, чем количество слов, начинающихся на *б*. Что касается русского языка, то в нем фонемы, характеризующиеся отсутствием положительных признаков «мягкости» и «звонкости», на определенном этапе истории русского языка выступали нередко как представители всего соответствующего класса. Вал. В. Иванов предложил называть такие фонемы «полифонемами». Описывая фонологическую систему древнерусского языка конца X — начала XI в., он пишет: «В области гласных не было такого положения, чтобы один и тот же дифференциальный признак противопоставлял при одном и том же общем основании не две фонемы друг другу, а группу (точнее — класс.— Ю. С.) фонем какой-либо фонеме. В области согласных это оказывалось возможным потому, что часть конститутивных признаков этих фонем не выступала в качестве дифференциальных. . . . В связи с этим выше был сделан вывод, что для идентификации членов подобной оппозиции необходимо учитывать те признаки, которые в данной оппозиции не выступают в качестве дифференциальных, но которые могут оказаться такими в других оппозициях, и было введено логическое понятие полифонемы, дающее возможность установить реальные соотношения согласных фонем, но не отражающее действительных их манифестаций в древнерусском языке»¹. В качестве примера В. В. Иванов приводит полифонеми *с*, которая в оппозиции с фонемой *в* покрывала *с*, *з*, *с'*, *з'*. Последствия такого положения дел, характерного для древнерусского языка, существуют в современном русском языке. Они заключаются в том, что чередования фонем, противопоставленных по твердости-мягкости, служат для целей словообразования и словоизменения (например, *бел* — *бель*, *жар* — *жарь*), в то время как чередования фонем, противопоставленных по глухости-звонкости, для этих целей не используются². Это говорит об известной подчиненности мягких фонем соответствующим твердым: *п* (*п'*), *б* (*б'*). В то же время это говорит о достаточной независимости между глухими и соответствующими звонкими в современном русском языке. Но в древнерусском такая зависимость, как уже было сказано, в ряде случаев имела место.

¹ В. В. Иванов. Историческая фонология русского языка. М., «Просвещение», 1968, стр. 131.

² В деталях см.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956, стр. 182

Аналогичные отношения существуют и в системе падежей. Для краткости ограничимся группой из четырех падежей:

Д	В
Р	И

Таким же путем, какой был пройден выше и изложение которого опускаем, приходим к заключительной формуле: $I(B(P(D)))$. Она символизирует уже не попарные, как в системе Р. Якобсона, противопоставления, а иерархию падежей, основанную на иерархии их семантических признаков. В случае с фонемами n символизирует «полифонему», т. е. такую фонему, которая противопоставлена классу в целом и, следовательно, является просто «губной смычной», но при этом «не мягкой, не твердой, не звонкой, не глухой». Аналогично этому I в нашей системе является падежом, который реализует лишь признак, противопоставляющий его классу в целом, т. е. является «не падежом прямого объекта (не B)», «не падежом принадлежности (не P)», «не падежом косвенного объекта (не D)», а также поскольку именительный падеж субъекта входит в класс, то и «не падежом субъекта (не I)». Какие же реальные факты русского языка могут соответствовать этому I — «именительному падежу», который воплощает столь специфические отрицательные признаки и притом в форме «обычного» именительного падежа? Таким случаем будет так называемый именительный падеж темы. Он является необходимой частью высказывания, но при этом не принадлежит к ядру синтаксического построения, выносится за его рамки и дублируется в ядре местоимением в любом падеже:

- А брат, — он и в ус не дует* (=И),
А брат, — его ищи-свищи (=В),
А брат, — его дело сторона (=Р),
А брат, — ему и горя мало (=Д).

Из формулы $I(B)$ вытекает, что B в определенном отношении может быть подчинен I , подобно тому как это имеет место в отношениях фонем $n(n')$, и что различие $I - B$ может нейтрализоваться в пользу I . Соответствующие факты находим в древнерусском языке в виде употребления I жен. р. на $-а, -я$ в значении B : *вода пить* 'воду пить', *трава косить* 'траву косить' и т. п. Это древнейший провозвестник «именительного темы». В таком виде он сохранился в современных северо-восточных говорах русского языка.

§ 80. Функцив и функциональная структура. Этот вид структур был детально разработан группой датских лингвистов, составлявших в 30—40-е годы нашего века Копенгагенский лингвистический кружок. Во главе его стоял известный лингвист, многолетний бессменный директор Института лингвистики и фонетики при Копенгагенском университете Луи Ельмслев (1899—1965).

Его единомышленниками были В. Брэндалль (1887—1942) и Х. Ульдалль (1907—1957). Основные идеи функтивных структур были изложены в рамках особой формализованной теории языка, созданной Л. Ельмслевом и названной им «глоссематика» (от греч. γλῶσσα 'язык'). Основное сочинение Л. Ельмслева — «Вокруг оснований теории языка», 1943 г. (в русском переводе «Прологомены к теории языка» вышло в сб. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960). Своей задачей Ельмслев ставил создание такой теории языка, которая могла бы быть, по его мнению, свободной от каких бы то ни было нелингвистических данных — социологических, физиологических, психологических, исторических и т. п. Образцом Ельмслев считал строго дедуктивную аксиоматическую теорию логико-математического типа. Эта задача связывалась с особым пониманием как объекта — самого языка, так и методов его описания.

Язык Ельмслев понимал как «автономную сущность», как самодовлеющую сетку чистых отношений, «имманентную структуру». Реальными языковыми единицами являются, по Ельмслеву, не звуки, буквы или значения, а «представляемые звуками или знаками и значениями элементы соотношений... Именно эти соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков»¹. «Язык есть форма, а не субстанция». Это положение конкретизовалось следующим образом: язык в широком, не собственном смысле термина состоит из четырех пластов: 1) субстанции содержания, под которой понимается нерасчлененный континуум человеческого опыта, мыслей, представлений и т. д.; 2) формы содержания, которая есть не что иное, как способ упорядочения этого содержания языком; 3) субстанции выражения — нерасчлененной последовательности звуков, звукового континуума; 4) формы выражения, под которой понимается способ расчленения и упорядочения звукового континуума языка. Язык в собственном смысле слова есть соотношение формы содержания и формы выражения. Субстанция не принадлежит языку в собственном смысле слова. Язык имеет аспекты текста и системы. Эти понятия в теории Л. Ельмслева аналогичны понятиям синтагматики и парадигматики.

Такому «имманентному» пониманию языка соответствовал метод описания. Традиционное лингвистическое описание идет от элемента к классу (Ельмслев называет это индукцией), предполагая независимость элемента от того целого, элементом чего он является. По этой причине индукция, по мнению Ельмслева, не может обеспечить исчерпывающее и непротиворечивое описание. В отличие от индукции Ельмслев предлагает иной путь — «дедукцию». При начале анализа цельный, еще не расчлененный текст рассматривается как класс. Он делится на элементы, которые в свою очередь рассматри-

¹ Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, русск. пер. в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., «Просвещение», 1965, стр. 103.

ваются как классы и подвергаются дальнейшему разложению. Таким путем исследователь идет от обширных кусков текста к абзацам, предложениям, словам, слогам, фонемам.

Основой для членения текста и объединения выделенных элементов в функциональные классы служат однообразные зависимости между элементами. Зависимость — это функция. Элементы, связанные этой зависимостью, называются функцивами. Функцивы и зависимости между ними — функции определяются одно через другое, ибо, согласно этой теории, элемент и совокупность его отношений к другим элементам — это одно и то же. Л. Ельмслев установил следующие три основные функции:

1) интердепенденция, зависимость двусторонняя, функция между двумя постоянными. Такова зависимость между двумя планами языка — планом содержания и планом выражения; между морфемами падежа и числа у латинских или русских существительных и т. д.;

2) детерминация, зависимость односторонняя, функция между постоянной и переменной. Эта зависимость имеет место между предлогом и падежной формой при управлении (при этом предлог детерминирует падежную форму, которая может встречаться и вне функции с предлогом); между прилагательным в качестве определенным и существительным и т. д.;

3) констелляция, зависимость двусторонне свободная, функция между двумя переменными. Такова зависимость между глаголом и наречием в русском языке; между тем или иным конкретным падежом и тем или иным числом у русских существительных (в целом же между категорией падежа и категорией числа существует функция интердепенденции).

Три основные функции действуют как в системе (парадигматике), так и в тексте (синтагматике), соответственно чему в глоссематике получается шесть разновидностей функций.

Благодаря понятиям «постоянной» и «переменной» функциональная структура может быть сопоставлена с дистрибутивной. «Постоянная» в системе Л. Ельмслева — не что иное, как «единичная сочетаемость» в дистрибутивной системе, а «переменная» Л. Ельмслева — не что иное, как «сочетаемость со многими элементами» в дистрибутивной системе. Однако сам автор употреблял эти термины иногда и в других значениях, не всегда последовательно.

В глоссематике имеется еще два важных теоретических понятия, которые в дальнейшем были развиты в трансформационных теориях и теориях порождающих грамматик. Это понятия катализа и импликации, введенные в ранних сочинениях Л. Ельмслева.

По де Соссюру, языковой знак есть единство означаемого и означающего, но, как выяснилось вскоре после того, как это положение было сформулировано, — единство асимметричное: одному означаемому могут соответствовать несколько означающих, и наоборот. Задачей Л. Ельмслева было устранить эту асимметрию в теоретическом описании. Для этого Л. Ельмслев постулирует в речевой цепи вместо

одного два ряда означающих: конкретный, непосредственно наблюдаемый ряд звуков речи и абстрактный ряд «кенематем» («сенематем»). Точно так же вместо одного ряда означаемых он вводит два — конкретный ряд понятий и представлений и абстрактный ряд языковых значимостей, «плерематем». Конкретные ряды относятся к «субстанции» — субстанции выражения и субстанции содержания — и не связаны непосредственными отношениями символизации. Напротив, абстрактные ряды, составляющие язык в собственном смысле слова, непосредственно и однозначно соотносятся друг с другом, они уже не асимметричны, и собственно они-то и составляют язык. Установить однозначное соотношение абстрактных языковых сущностей, кенематем и плерематем, друг с другом — значит произвести полный анализ. Наличие однозначного соотношения проверяется операцией «коммутации». Коммутация заключается в том, чтобы выявить столько кенематем, сколько имеется элементов плана выражения, которые при замещении одного другим влекут изменение в плане содержания. Например, русские 'а' и 'о' — кенематемы, что выясняется коммутацией 'дам' — 'дом'. Катализ и есть операция, предшествующая полному анализу и подготавливающая его. Катализ (от греч. *κατάλυω* 'развязываю, расслабляю') имеет целью ослабить видимые, субстанциальные связи между элементами речевой цепи и позволить увидеть за этим глубинную реальность — абстрактные сущности языка. Практически катализ сводится к тому, чтобы дополнять непосредственно наблюдаемую речевую цепь таким количеством элементов, какое только можно ввести, не вызывая изменения плана содержания. Простой пример катализа — замена непосредственно наблюдаемого *хожу* на 'ходжу'. В одном наблюдаемом *ж* мы выделяем 'д' на том основании, что оно имеется в парадигме *хожу, ходишь, ходит* и т. д., а оставшийся элемент обозначаем как 'j' и таким образом сводим конкретное *ж* в этом слове к абстрактному 'dj'. С точки зрения трех уровней абстракции, которые Л. Ельмслев называет, в направлении от абстрактного к конкретному, «схемой», «актуализацией», «манifestацией» (они имеют много других названий в других системах терминологии), катализ соответствует среднему уровню, он выявляет актуализацию.

В другой лингвистической системе, а именно в системе Московской фонологической школы и Р. И. Аванесова, трем названным уровням Л. Ельмслева соответствуют три типа транскрипции — морфофонематическая, словофонематическая, фонетическая. Благодаря этому обстоятельству положения Л. Ельмслева можно иллюстрировать хорошо известным русскому читателю материалом. В фонетической транскрипции (I) кратчайшие звуковые единицы рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и вне отношения к структуре языка. В словофонематической (II) транскрипции звуки речи передаются на письме освобожденными от всего «внешнего», от тех их сторон, которые обусловлены позицией в данном конкретном случае. В морфофонематической транскрипции (III) кратчайшие звуковые единицы предстают пол-

ностью «обнаженными», с указанием лишь тех их сторон, которые существенны, самостоятельны в смысле независимости от фонетической позиции и от данного конкретного слова, т. е. при этом кратчайшие звуковые единицы передаются лишь с учетом их отношения к различению морфем, а следовательно, с учетом их отношения к структуре языка¹. Словофонематическая транскрипция Р. И. Аванесова и соответствует катализу Л. Ельмслева. Например, I. [н'ос], [н'и'слá], [клн'óm], [ókун'ъм]; II. [н'ос₂], [н'ас₁лá], [клн'óm], [ókун'ом]; III. [н'ос], [н'ос₁лá], [кон'óm], [ókун'ом]. В каталитической записи (II) непосредственно наблюдаемая речевая цепь (I), с одной стороны, дополняется новыми элементами (с₁, с₂), с другой стороны, некоторые элементы освобождаются от различающих их внешних, чисто позиционных черт и благодаря этому отождествляются (и^е, л, ъ = α).

Вообще говоря, нет строгой разницы ни между записью манифестации и катализом, ни между катализом и анализом. Всякая запись манифестации есть простейший катализ, и всякий анализ есть полностью завершённый катализ. Поэтому, говоря о любой записи словоформ и других элементов речевой цепи, сколь бы развернутой эта запись ни была, от орфографической формы до формы с обозначением абстрактных элементов, можно называть такую запись каталитической или просто катализом. Но если при этом показывается, каким образом была достигнута эта запись, то подобный показ будет уже анализом. Таким образом, всякий катализ есть результат той или иной, хотя бы начальной, ступени анализа. Но при этом сам анализ может опускаться. Простым примером катализа разных ступеней могут служить различные способы записи морфем, рассмотренные выше (стр. 112).

Теорию Л. Ельмслева отличает от фонологических теорий его времени одна существенная черта, благодаря которой эта система остается актуальной и при «порождающем» подходе, характерном для современной лингвистики. Эта черта — понятие импликации. Под импликацией понимается порождение одного элемента речевой цепи другим элементом, соседствующим с первым. Импликация — это не что иное, как функция детерминации между элементами текста. Примером импликации (в данном случае морфофонематической) служит отношение 'дж' → ж в случае 'ходжу' → *хожу*: 'д' имплицирует 'ж' в соседстве с 'j'. В Московской фонологической школе (1930—1950-х гг.) решались другие задачи и понятие импликации не разрабатывалось. Например, на всех уровнях транскрипции элементы предстают соположенными, без указания того, как один элемент имплицирует другой в соседстве третьего. Однако весьма совершенная система Московской фонологической школы позволяет в случае необходимости развить на ее основе и систему импликаций.

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 215—224; пример оттуда же.

§ 81. Порождающий процесс и порождающая (генеративная) структура. Порождающие структуры особенно исследовались в течение последнего десятилетия. Основные работы связаны со школами порождающих грамматик в США и в СССР. В порождающих грамматиках каждый конкретный язык понимается как набор предложений, имеющих некую идеальную фонетическую форму и связанную с ней семантическую интерпретацию. Система правил, которым подчиняется это соотношение «звук — смысл», и составляет грамматику данного языка. «Теория языка» — это теория грамматик в указанном смысле термина, и ее основная задача — изучение универсальных свойств языка и порождения речи.

Эволюция теорий порождающих грамматик привела к разнообразию точек зрения, сменившему первоначальное относительное единство. В том их варианте, который разрабатывается в США Н. Хомским и его последователями, в грамматиках различаются две группы свойств — «формальные универсалии» и «содержательные универсалии». Первые, по-видимому, не что иное, как виды правил и их преобразования. Сторонники этой теории на деле стремятся использовать одни и те же правила и преобразования для описания самых различных языков. Вторые, «содержательные универсалии», охватывают лексические единицы, группирующиеся в такие категории, как «имя», «глагол», «прилагательное», а также «универсальную фонетику». Фактически в настоящее время детально и «универсально» разработана лишь эта часть¹. Поэтому здесь мы будем говорить лишь о так называемом «фонологическом компоненте» порождающих грамматик, основываясь на названной работе Н. Хомского и М. Халле (1968 г.). Фонологический компонент — это раздел грамматики, который является промежуточным звеном между «синтаксическим компонентом», т. е. синтаксическим описанием, и его фонетической интерпретацией, связывая структурное описание каждого предложения с его фонетическим воплощением.

Содержание «фонологического компонента» составляют (1) правила и (2) универсальные дихотомические признаки для описания всех звуков речи, которые вообще способен произвести человек. В системе Н. Хомского и М. Халле 40 двоичных признаков. Эта классификация является дальнейшим развитием известной системы дихотомической фонологии с ее 12 двоичными признаками Р. Jakobsona, Г. Фанта, М. Халле (1950-е годы) (см. § 23). Фонетическая интерпретация, или фонетическое воплощение предложения, мыслится как двухмерная матрица, колонки матрицы представляют собой последовательные фонетические единицы (фонемы), соответствующие линейно идущим одна за другой звукам высказывания, а строки матрицы соответствуют каждой одному классификационному признаку из универсального набора (положительный признак отмечается знаком «плюс», отрицательный — знаком «минус»). Что ка-

¹ См.: N. Chomsky and M. Halle. The Sound Pattern of English. New York, 1968.

сается правил, входящих в «фонологический компонент», то они представляются в стандартных формулах типа:

$$A \rightarrow B / X - Y,$$

где A и B означают отдельные единицы фонологической системы, включая «нуль», стрелка означает «актуализуется как», косая черта означает «в контексте», X и Y представляют соответственно левое и правое окружение для A . (Подчеркнем, что, поскольку система основана на универсальных фонетических признаках, она описывает не «фонемы», а «звукотипы».) Например, правило, отражающее появление призвуков (глайдов) ω и j между согласным и гласным, имеет такой вид (указ. соч., стр. 332—340):

$$\left[\begin{array}{l} - \text{cons} \\ + \text{high} \\ - \text{back} \end{array} \right] \rightarrow [-\text{voc}] / \rightarrow \left[\begin{array}{l} + \text{voc} \\ - \text{cons} \end{array} \right],$$

или в русском переводе:

$$\left[\begin{array}{l} - \text{консонантный} \\ + \text{высокий} \\ - \text{задний} \end{array} \right] \rightarrow [-\text{вокальный}] / \rightarrow \left[\begin{array}{l} + \text{вокальный} \\ - \text{консонантный} \end{array} \right]$$

Каждое такое правило представляет собой не что иное, как «порождающий», или «абстрактный», процесс, дальнейшее развитие понятия «импликация» у Л. Ельмслева.

С понятием «порождения» в лингвистических структурах в своеобразной форме вернулась категория исторического процесса.

По Н. Хомскому, в процессе овладения языком ребенок неосознанно конструирует такую грамматику, которая наилучшим образом соответствует набору известных ему предложений («получает наивысшую оценку в оценочной шкале»). Элементарной формой диахронического звукового изменения является в терминах порождающих грамматик «добавление (или исключение) правила». Как должно отразиться это изменение, когда ребенок овладевает речью? «Нетрудно видеть, — отвечают авторы, — что добавление определенного правила к грамматике G_1 может вылиться в грамматику G_2 , которая производит те же языковые формы, что и некая третья грамматика G_3 , и, однако, получает более низкую оценку на оценочной шкале. Мы принимаем, что, когда язык взрослых претерпевает такое изменение, их грамматика видоизменяется только добавлением одного данного правила. Когда же дети этого поколения взрослых усваивают родной язык от родителей, они конструируют для себя грамматику с наивысшей оценкой — G_3 , которая может оказаться в принципе отличной от грамматики родителей G_2 . Тот факт, что дети и родители могут иметь совершенно различные грамматики, говоря на почти тождественных идиолектах, не должен казаться удивительным. Когда дети научаются родному языку, они приходят в соприкосновение с его грамматикой не непосредственно, а через внешний выход этой грамматики, актуализованной в виде высказываний в речи родителей, и через посредство этих высказываний дети конструируют грамматику этого языка» (указ. соч., стр. 251).

Очевидно, однако, что это теоретическое требование реконструировать иную грамматику для каждого периода истории языка, когда отмечается то или иное существенное звуковое изменение, фактически выполнить очень трудно, если не невозможно. В действительности все исследования, имеющие дело с реконструкцией по методу порождающих грамматик этого типа, реконструируют историческое изменение только в виде либо 1) «добавления (исключения) правила», либо 2) «изменения порядка правил», либо 3) в виде каких-либо комбинаций из этих основных изменений.

Вариант Хомского — Халле не является единственным. Оригинальная, детально разработанная концепция порождающей фонологии представлена в работе В. В. Мартынова (1968 г.)¹, где четко развивается основной принцип порождающей фонологии, не получивший ясного изложения в работах указанной выше ориентации. Этот принцип «триедин»: 1) порождение звукотипов есть универсальный процесс, свойственный языковой способности человека; 2) порождение звукотипов в онтогенезе (в процессе овладения речью у ребенка) совпадает с универсальной исторической последовательностью; 3) каждая фонологическая система, т. е. система каждого языка, может быть описана как определенная стадия этого универсального процесса. Из конкретных положений этой работы особенно существенно указание на роль полугласных или глайдов типа *j*, *ɥ* или соответственно *i̇*, *u̇*. Заметим, что ту же роль играют глайды в системе Хомского — Халле: эти элементы, а также ларингальный глайд *h* входят в так называемый «главный класс фонетических черт», на основе которого строится универсальная классификация звукотипов (см. § 23). Именно они выступают «универсальными модификаторами» фонем, постоянно порождая из наличных фонем новые. Таким образом, по В. В. Мартынову, каждая новая фонема порождается двумя прежними — «полноценной» и «модификатором». Модификаторами в определенном выше смысле как в системе вокализма, так и в системе консонантизма становятся полугласные и любые гласные в той мере, в какой они способны утрачивать функцию слогоносителя. При каждом новом порождении ни одна из фонем прежнего состояния не исчезает. Порождение вокализма выглядит при этом таким образом (указ. соч., стр. 13—15):

„первичный треугольник гласных“
и его развитие

$$\begin{array}{l}
 \text{I. } \begin{array}{c} i \quad u \\ a \end{array} \left| \begin{array}{l} a+i > e \\ a+u > o \end{array} \\
 \text{II. } \begin{array}{c} i \quad u \\ e \quad o \\ a \end{array} \left| \begin{array}{l} u+i > y \\ o+i > \text{э} \end{array} \\
 \text{III. } \begin{array}{c} i \quad y \quad u \\ e \quad \text{э} \quad o \\ a \end{array} \left| \begin{array}{l} i+u > \bar{y} \\ i+o > \bar{o} \end{array} \right. \text{ и т. д.}
 \end{array}$$

¹ В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.

На основе этих принципов В. В. Мартынов дает детальную реконструкцию фонологической и слоговой систем славянских языков и некоторых фрагментов лексического состава. Созданная одновременно с циклом работ Хомского — Халле и их последователей, работа В. В. Мартынова фактически составляет переход к следующему этапу в развитии этого метода — этапу «глубинных структур». Под этим еще не вполне определившимся названием проводятся в настоящее время довольно разнообразные исследования.

§ 82. Знак и семиотическая структура. Структуры, о которых шла речь в предыдущих параграфах, в общем могут быть охарактеризованы как одноплановые — либо ориентированные на формальную сторону языка, план выражения (дистрибутивная, фунгивная, а также оппозитивная, когда последняя применяется в фонологии), либо ориентированные на семантику, план содержания (оппозитивная, порождающая). В последние годы стала особенно тщательно разрабатываться структура, соответствующая двусторонней природе языкового знака как единства «означаемого» и «означающего». Основным понятием при таком подходе, естественно, становится понятие языкового знака, а выявляемая на его основе структура получает название семиотической, или семиологической (от греч. *σημα*, *σημεῖον* 'знак').

Основная единица языка, которая может быть охарактеризована как знак, — это слово. Выше (§ 2) мы видели, что знаковые отношения в слове многоступенчаты. Чтобы избежать возможной и нередко действительно происходящей путаницы, целесообразно различать эти отношения с помощью специальных терминов:

фонетическое слово как материальный носитель языкового знака — это носитель знака, англ. *sign vehicle*;

фонетическое слово как знак своего смысла, или сигнификата, — это означающее, в то время как смысл, или сигнификат, — это означаемое, англ. *signifying, significant, signifier* — 'означающее', *signified* 'означаемое', франц. *signifiant* 'означающее', *signifié* 'означаемое';

фонетическое слово вместе со своим смыслом, или сигнификатом, т. е. «означающее» вместе со своим «означаемым», как знак предмета, или денотата, или референта, — это знак языка или просто языковой знак, англ. *linguistic sign*, франц. *signe linguistique, signe de langue*.

Слово-языковой знак как знак какого-либо нового предмета, обозначаемого в процессе речи, — это речевой знак; в этом случае обозначаемый предмет часто называют именно термином референт (оставляя термин «денотат» для предыдущего случая), тогда речевой знак состоит из «реферирующего» (знака языка) и «реферируемого» (нового предмета, референта); франц. *référent* 'реферирующее', *référé, référénd* 'реферируемое'; русская и английская терминология в этой части еще не устоялась, нередко термином «референт» (англ. *referent*) называют «реферируемое».

Понятие о семиотической структуре языка лежит в основе раздела Грамматика в первой части книги, здесь нашей целью будет обобщить и развить намеченный выше наш вариант семиотической структуры.

В основе всех многообразных использований языка как средства общения, познания и воздействия лежат три элементарные функции, которые выполняет каждый язык, какова бы ни была его индивидуальная структура. Эти функции, следовательно, не зависят от того или иного специфического устройства отдельного языка, а принадлежат языку вообще. Три элементарные функции состоят в том, чтобы: 1) назвать предметы реального мира (номинация), 2) привести названное в связь друг с другом (предикация), 3) локализовать названное в пространстве и времени относительно говорящего (локация) (стр. § 49). Три названные функции соответствуют трем аспектам общей семиотики: «номинация» как отношение языкового знака к объекту соответствует «семантике»; «предикация» как отношение знака к знаку (с дальнейшим отношением к действительности, что на этом этапе рассуждения несущественно) соответствует «синтактике»; «локация» как соотнесение говорящим языковых знаков со своим 'я' соответствует «прагматике». Вместе с тем второй, чисто семиотический ряд терминов — «семантика», «синтактика», «прагматика» — обозначает значительно более широкий круг явлений. «Номинация» лишь один из аспектов «семантики», которая включает в себя, кроме номинативного, или ономазиологического, еще и семасиологический аспект. «Предикация» — один из типов отношений знака к знаку, эти отношения включают в синтагматике еще и непредикативные сочетания и, кроме того, связи знаков в парадигматике. «Локация» лишь частный случай отношения человека к используемым им знакам.

Каждая элементарная функция в системе языка прикреплена к какой-либо ее части и находит в структуре этой части свои средства выражения, или свой формальный аппарат. Рассмотрим сначала первичные формальные аппараты функций, более или менее сходные в самых различных языках, затем перейдем к более сложным способам выражения каждой функции, которые возникают на основе первичных аппаратов, в значительной степени зависят от специфического устройства каждого языка и которые мы назовем вторичными аппаратами.

Первичный формальный аппарат номинации состоит из языковых знаков, составляющих именные и глагольные классы. Что касается имен, то к настоящему времени в языках мира обнаружены следующие четыре независимые классификации: 1) активные и неактивные классы, 2) суффиксальные и префиксальные классы, 3) одушевленные и неодушевленные классы, 4) грамматические роды. Некоторые из этих классификаций могут сосуществовать в одном и том же языке. Вопрос заключается в том, какой из четырех типов классов является первичным аппаратом номинативной функции. Семантические и типологические исследования заставляют

предполагать, что если не у самых истоков этой функции, то очень близко к ним стоят именные и глагольные классы так называемых языков активного строя. К последним относятся группы на-дене, сиу и галф среди индейских языков Северной Америки и ряд языков семьи тупи-гуарани в Южной Америке. Глаголы в этих языках распределяются по двум основным классам — «активных» и «стативных» глаголов, основанных, как и соответствующие явления в имени, т. е. классы «одушевленных» и «неодушевленных» на той или иной степени отождествления с человеком¹. Таким образом, основной семантический признак первичного аппарата номинативной функции — это ближайшая степень отождествления с человеком. Как основа номинативной функции понятие 'человек' выступает не в виде 'я' говорящего субъекта, а в виде представителя рода.

Знаки номинации всегда указывают на класс предметов, даже когда используются для обозначения лишь одного предмета; они называют предмет, характеризуя его, знаки номинации могут быть названы характеризующими; наконец, они могут быть названиями самих себя. Последнее свойство можно пояснить на таком примере. *Ваня весь в веснушках; Ваня — имя мальчика*; если эквивалент слова *Ваня* из второго высказывания подставим в первое, то получим *Имя мальчика все в веснушках* — высказывание бессмысленное, что происходит из того, что слово *Ваня* одновременно является названием предмета и названием самого себя. (Как уже было отмечено на первых страницах этой книги, «предмет» в теории языка — общее название объективных явлений действительности.)

Первичный формальный аппарат предикации состоит в элементарной синтаксической связи, заключающейся в том, что два знака номинации непосредственно следуют в речи один после другого, так что их контактное расположение символизирует факт их связи. Простейшим примером является здесь сочетание двух имен — существительного и существительного, существительного и прилагательного. Ср. русск. *меч-рыба*, франц. *poisson-chat* 'рыба-кошка', англ. *grammar school* 'начальная школа', *school grammar* 'школьная грамматика'; русск. *белый дом* и т. п. Ближайшим усложнением этого аппарата является именная предлоложение. Как уже отмечалось, во многих языках нет внешнего различия между именной синтагмой, примеры которой были приведены выше, и элементарным именным предложением или их различия минимальны. Ср. греч. *ἄριστόν μὲν ὕδωρ* 'самое лучшее — вода' или 'самая лучшая вода'; лат. *varia et mutabilis semper femina* «изменчива и непостоянна всегда женщина» и *varium et mutabile semper femina* «изменчивое и непостоянное (есть) всегда женщина». Если именная синтагма становится формой предикации, утверждения существования названных признаков лишь в акте восклицания — непосредственном акте речи, то именная

¹ Детальный обзор и предпосылки для такого понимания см. в работе: Г. А. Климов. К характеристике языков активного строя. «Вопросы языкознания», 1972, № 4.

предложение является формой предикации в любых условиях. Поэтому оно и рассматривается как дальнейшее обобщение свойства предикации.

Знаки предикации могут быть названы универсальными и синтаксическими, потому что они возникают всегда («универсально») между номинативными знаками языка, как только последние располагаются в речи одно за другим («синтаксически»), следовательно, потому что сама речь развертывается во времени, что она линейна.

Первичный формальный аппарат локации состоит из знаков, которые могут быть определены только непосредственно в их отношении к протекающему акту речи. В индоевропейских языках это элементы 'я' — 'здесь' — 'сейчас'. 'Я' определяется как субъект речи, называющий себя я в пределах одного акта высказывания. Таким образом, 'я' — это слово, референт которого есть его собственное употребление, это аутореферентное слово. 'Здесь' определяется как местонахождение субъекта, определяющего себя как 'я'. 'Сейчас' определяется как время говорения субъекта речи, определяющего себя как 'я'. Это время есть протекающее, актуальное настоящее, оно не соотносимо непосредственно с прошедшим и будущим, а есть просто и только настоящее, «вечное настоящее», в его ряду нет других времен и перехода к другим временам. Слова *я, здесь, сейчас* как объекты обычного грамматического описания русского языка или соответствующие слова в любом другом языке, — это всего только «имена метаязыка», которыми называют те 'я', 'здесь', 'сейчас', которые существуют лишь в протекающем акте высказывания.

Все эти три основных словесных знака могут быть заменены в своей первичной функции простым указанием — жестом. 'Я' и 'здесь' передается жестом, указывающим на говорящего и на место рядом с ним, а 'сейчас' может быть сведено к жесту, обозначающему место. Знаки локации могут быть названы знаками-индексами.

В той мере, в какой аутореферентные указатели системы 'я — здесь — сейчас' имеются в неиндоевропейских языках, они и там относятся к аппарату локации. Однако в некоторых из неиндоевропейских языков этот аппарат содержит еще и другие категории. К нему принадлежит категория «отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности», или, по другой терминологии, «органической — неорганической принадлежности». Очень часто представителем класса «неотчуждаемой принадлежности» выступают названия частей тела, вообще же классы могут варьироваться от языка к языку. Интересно проявляется эта категория в американо-индейском языке ассинибойн, семьи сиу. Здесь имеется два собственно именных класса: одушевленные, неодушевленные, и, кроме того, класс прилагательных и класс наречий. Морфемы — показатели лица — выделяются как подтип в пределах совокупного класса одушевленных и неодушевленных и соответственно этому разделяются на свободные

и связанные формы. Свободные формы имеют три типа, назначение которых заключается в том, чтобы эмфатически выделять имя тремя степенями силы. Из этих трех классов третий, представляющий собой комбинацию форм двух других классов, дает самое интенсивное выделение. Эта непосредственная связь личных показателей с эмфатическим выделением является одним из свидетельств того, что мы имеем здесь дело с аппаратом функции локации.

В сочетании со словами класса прилагательных местоименные показатели дают два новых класса форм: 1) независимые формы, выражающие обладание (напр., «Он привел свою жену», «Эти ботинки — мои»), 2) зависимые формы, выражающие а) собственность, б) части тела, в) родственные отношения («моя жена», «моя рука», «мой брат» и т. п.)¹. Здесь отчетливо видно, что классификация на «отчуждаемую — неотчуждаемую» принадлежность возникает на основе отношения к 'я' и независимо от собственно именных классов.

В знаках первичных формальных аппаратов в семиологическом устройстве языка имеется и нечто общее как с формальной, так и с содержательной стороны. Здесь уместно вернуться еще раз к именной синтагме (см. выше об аппарате предикации) и подчеркнуть, что именная синтагма осуществляет акт номинации одновременно с актом установления синтаксической связи, одно в ней невозможно без другого. В этом смысле именная синтагма всегда есть название самой себя. Тогда аналогичные формальные свойства трех аппаратов можно обобщить в такой форме: элементы первичного формального аппарата каждой из трех функций могут быть названиями самих себя, т. е. они потенциально аутореферентны. Первичные формальные аппараты этим свойством, в общем, не обладают. Например, показатели предложно-падежных отношений, которые относятся к вторичному аппарату локации, не могут быть названиями самих себя, даже когда они являются отдельными словами, а не морфемами. Слово *под* в русском языке может быть названо только как «предлог *под*», или «показатель определенного, такого-то отношения», или подобным образом. Со стороны содержания общее свойство первичных аппаратов всех трех функций заключается в том, что все аппараты более или менее тесно связаны с непосредственным актом говорения, с ситуацией непосредственного общения двух партнеров по акту речи — говорящего и слушающего.

Вторичные аппараты всех трех функций развиваются на основе различных типов метафоры, в своей сущности не отличающихся от метафорического переноса слов. Признаки ситуации непосредственного говорения переносятся на все возможные ситуации, сколь угодно далеко отстоящие от нее в пространстве и времени. В функции номинации метафорический перенос заключается в том, что отождествление с человеком становится основой для всех даль-

¹ Norman Balfour L e v i n. The Assiniboine Language. «International Journal of American Linguistics», part II, vol. 30, № 3, 1964, стр. 16—28.

нейших классификаций, и в далеко опосредованном виде этот признак доходит до таких классификаций, как грамматические роды и суффиксиальные классы имен и глаголов в индоевропейских языках. В функции предикации метафорический перенос состоит в том, что связь признаков в данном протекающем акте номинации переходит на связь признаков в любое время, вообще. Следовательно, между *Белый дом* и *Дом — белый* существуют те же отношения переноса признаков данной ситуации говорения на ситуацию вне данного момента, что и в других случаях метафоры. В функции локации метафора состоит в том, что отношения 'я — здесь — сейчас' ситуации говорения переносятся на любую другую ситуацию, становясь применительно к ней отношениями 'он — там — тогда'; отношения актуального настоящего обобщаются на другие моменты времени, примером чего служит перфект, превращающийся в аорист (подробнее см. «Граматику»). Более полное изложение вопроса можно найти в других работах автора.

Метафора, за которой признается, таким образом, широкая сфера действия, в свою очередь составляет лишь частный случай своеобразной деятельности, совершающейся в языке, — метаморфизма. Различные типы метаморфизма неоднократно исследовались в ряде лингвистических теорий — как «трансформации» в трансформационных и генеративных грамматиках, «трансляции» в работах французских лингвистов, «конверсии» в трудах по английскому языку, «замены» членов предложения и частей речи в теории А. А. Потемни и т. д. Семиотический принцип объединяет все эти категории как разновидности одного и того же общего свойства языка — метаморфизма. М е т а м о р ф и з м мы определим как эквивалентность языковых категорий либо при тождественных референтах в различных синтаксических контекстах, либо, наоборот, при различных референтах в тождественных синтаксических контекстах. Соотношение форм *писатель — писателя* в контекстах *П и с а т е л ь приехал — приезд п и с а т е л я* является примером первого рода. Соотношение двух разрядов слов 'я — здесь' — сейчас и 'он — там — тогда' служит примером второго рода.

Метаморфизм действует и в плане выражения языка. Его типичным проявлением там будет перераспределение одной просодической черты при разных членениях слога (см. § 41).

Глава III

ПОСТУЛАТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

§ 83. Что такое постулат? Под постулатом понимается основное положение теории, из которого логически вытекают другие существенные ее положения и которое само в этой теории либо не доказывается и принимается как данное, либо, напротив, постепенно разъясняется, раскрывается и доказывается в ней от ее первых до последних строк, так что является настолько же конечным выводом, насколько начальной точкой. Лингвистика также основана на постулатах. Впервые это стало вполне ясно с момента выхода в свет «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, изданного после смерти ученого его учениками в 1916 г.¹ Соссюр формулировал лингвистические постулаты в точной и афористичной форме: «В языке нет ничего, кроме тождеств и различий»; «Язык — система, в которой все взаимосвязано (буквально: все держится друг за друга, *où tout se tient*)»; «Языковой знак состоит из означаемого и означающего»; «Языковой знак произволен»; «Единственный и истинный объект лингвистики — язык (как имманентная система, — Ю. С., *Language*), изучаемый в самом себе и для себя». И т. д. Таких тезисных положений в «Курсе...» Соссюра довольно много, но слово «постулат» он не употреблял, и трудно сказать с полной определенностью, какие из них сам он считал действительно основными, а какие просто важными следствиями из основных. Несомненно, однако, что, по крайней мере, четыре следующие являются основными:

1. В языке нет ничего, кроме тождеств и различий. Основной элемент языка — знак создается лишь отличиями от других знаков. Отличительные свойства знака сливаются с самим знаком. Назовем это положение постулатом о тождествах-различиях.

В этот постулат, очевидно, входит еще и утверждение, что знак состоит из означаемого и означающего. Но это уже не постулат, а определение: знак есть то, что состоит из означаемого и означающего.

¹ F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Publié par Ch. Bally et A. Séchéhay. Genève, 1916. Русск. пер. (А. М. Сухотина): Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933.

2. В языке различаются два типа отношений между языковыми единицами — отношения между единицами в группах языковых элементов, парадигматические (Соссюр называл эти отношения «ассоциативными»), и отношения между единицами в речевой цепи, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения более чем одного элемента одновременно, отношения синтагматические. Назовем это положение постулатом о синтагматике-парадигматике.

3. Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной связи, т. е. в статическом состоянии, в отношениях между одновременно существующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени. Это предмет синхронической лингвистики. Переход от одного состояния системы к другому, включение времени, диахрония есть предмет совершенно иной дисциплины — диахронической лингвистики. Совмещение обеих в рамках одной научной дисциплины невозможно, оно ведет к ошибкам и противоречиям. Назовем это положение постулатом о синхронии-диахронии.

4. Языковой знак произволен. Так, понятие «сестра», «означаемое», никаким внутренним отношением не связано с последовательностью звуков *s-ô-r* (*sœur*), служащей во французском языке ее «означающим». То же означаемое выражается иной последовательностью звуков *s-w-e-s-t-e-r* (*Schwester*), по другую сторону лингвистической границы, в немецком языке. Назовем это положение постулатом о произвольности-непроизвольности языкового знака.

Постулаты Соссюра обладают замечательными особенностями. В каждом из них скрыто какое-либо резкое противопоставление, антитеза или даже антиномия. Каждое из них входит в целую группу взаимосвязанных положений, так что, вообще говоря, любое положение из группы могло бы быть выдвинуто на заглавное место. Так, в постулате о синтагматике — парадигматике содержится еще противопоставление линейного характера означающего знака и нелинейного характера означаемого. Это противопоставление могло бы не хуже первого послужить названием постулата.

Кроме того, в учении Соссюра было сформулировано еще одно противопоставление — «Языка как системы (*langue*) — речи (*parole*)». Выдвинутое позднее противопоставление парадигматики и синтагматики в широком смысле этих терминов является хотя и более узким, но и более точным выражением некоторых существенных идей, вкладывавшихся ранее в противопоставление «язык» — «речь». То же основное противопоставление выражается иногда терминами «система» — «текст».

Однако мало-помалу, и чем дальше, тем больше, выяснялось, что постулаты Соссюра не покрывают ни всей реальности языка, ни всех фактических оснований исследовательской работы лингвиста. Вопросы, рассмотренные на предыдущих страницах этой книги, делают это особенно ясным. Возникает, таким образом, потребность

сформулировать новые постулаты, отвечающие объективно действующим в современной лингвистике принципам.

Оказалось, однако, что просто добавить несколько новых положений к системе положений Соссюра невозможно и что в процессе их формулирования они становятся естественными антитезами к положениям Соссюра. Но при этом вновь формулируемые постулаты отрицают постулаты Соссюра не путем отбрасывания их, а так, что последние включаются в новые постулаты как их частный случай, как положения, справедливые не вообще, а лишь для определенной области языка и науки о языке. Ниже мы говорим именно о новых постулатах в указанном смысле слова.

§ 84. I. Постулат о тождествах-различиях. Постулат Соссюра гласит: в языке нет ничего, кроме тождеств и различий; отличительные свойства знака сливаются с самим знаком. Толковать это следует (как обычно, и справедливо, делают) широко: сущность любых языковых единиц создается их противопоставлениями, языковые единицы — чисто относительные и оппозитивные сущности. Такова фонема, создаваемая дифференциальными (т. е. отличительными) признаками; такова же морфема, сущность которой состоит в ее противопоставлениях другим морфемам; таково слово, значение (десигнат) которого создается дифференциальными отличиями от других слов его семантической группы; такова же и структурная схема предложения, которая входит в ряды, парадигмы структурных схем и, следовательно, определяется также дифференциальными признаками. Это безусловные и истинные положения.

Однако из постулата Соссюра следует и еще одно положение, которое необходимо со всей ясностью осознать. Если отличительные свойства знака сливаются с самим знаком, то, значит, назначение дифференциальных признаков — различать знаки языка, а тождества и различия в языке равноправны.

Этому положению и противопоставляется иное: различия заложены в самой материальной природе знаков языка, в их индивидуальности как звукотипов, как сочетаний звукотипов в морфы, как слов и т. д., индивидуальное же по самой сущности неповторимо и отлично одно от другого; дифференциальные признаки имеют назначением не различать, а отождествлять; таким образом, тождества и различия в языке неравноправны, различия заложены в первоначальной природе элементов языка как элементов материальных, различия первичны, а система языка отождествляет различные элементы посредством системы дифференциальных признаков. Дифференциальные признаки, вопреки своему названию (дифференция — «различие»), всегда, противопоставляя в одном отношении, соединяют в другом.

Как это часто бывает с общими положениями, эти два постулата остались бы противостоящими друг другу и волей каждого лингвиста было бы принимать тот или другой, если бы из них не вытекали следствия, допускающие опытную проверку.

Из постулата Соссюра следует, что, поскольку элементы языка представляют собой пучки дифференциальных признаков, порядок приписывания (или систематизации) дифференциальных признаков произволен. Из нового постулата следует, что порядок приписывания (или систематизации) дифференциальных признаков не произволен, и хотя последние, действительно, могут быть систематизированы в самых различных порядках, но из этих порядков лишь один наиболее адекватен объективной структуре языка. Например, если фонема [п] в русском языке имеет дифференциальные признаки: 1) смычный, 2) губной, 3) глухой, 4) твердый, то, согласно постулату Соссюра, эти признаки могут быть систематизированы в любом произвольном порядке, например так: «Фонема [п] принадлежит к группе смычных, внутри которой имеется подгруппа губных, внутри которой имеется, в свою очередь, подподгруппа глухих губных и внутри которой, в последнюю очередь, имеется подподподгруппа твердых». Либо так: «Фонема [п] принадлежит к группе губных, внутри которой имеется подгруппа твердых, внутри которой имеется подподгруппа глухих...» и т. д. Напротив, согласно новому постулату, только один из этих возможных порядков адекватен объективной системе языка. Это положение проверяется на опыте, путем изучения фонемной системы любого языка с учетом ее истории. Свое внешнее и формальное выражение исторические отношения в фонемной системе находят в дистрибуции фонем. Рассмотрим пример.

Класс согласных губных и зубных фонем русского языка состоит из 16 членов: [п], [п'], [б], [б'], [ф], [ф'], [в], [в'], [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з']. При разбиении по четырем признакам — 1) по месту, 2) по способу, 3) по мягкости, 4) по глухости — существует $4 \times 3 \times 2 = 24$ способа разбиений. С точки зрения постулата Соссюра безразлично, какой предпочесть, все они равноправны, поскольку на последнем этапе любого из 24 способов разбиений мы получаем одни и те же фонемы. С точки же зрения нового постулата последовательность разбиений вовсе не безразлична, потому что подчиненность корреляций при каждом разбиении разная. В данном случае следует предпочесть только один определенный порядок:

- 1) по мягкости-твердости,
- 2) по звонкости-глухости,
- 3) по способу (смычные-щелевые),
- 4) по месту (губные-зубные).

В выбранном порядке подчиняющей является корреляция (класс) фонем, противопоставленных по твердости-мягкости, а подчиненной — корреляция (класс) по звонкости-глухости и т. д. Полное доказательство необходимости выбранного порядка длинно и поэтому не может быть здесь приведено целиком. Здесь укажем лишь некоторые его моменты.

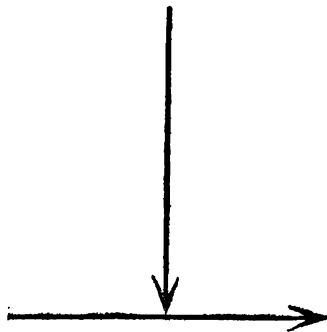
Чередования фонем по твердости-мягкости служат в современном русском языке для образования разных слов с одной морфемой (обычно корнем), для целей словообразования и словоизменения.

Такие отчетливые нефонетические чередования по глухости-звонкости отсутствуют. Это свидетельствует о разном времени образований противопоставлений по твердости-мягкости, с одной стороны, и по глухости-звонкости — с другой, о молодости первой корреляции и о большей древности другой. Об этом свидетельствуют определенные отношения в лексике и грамматике. Ср. следующее наблюдение Р. И. Аванесова: «Изучая ряды фонетических (т. е. позиционно обусловленных) чередований соотносительных по глухости-звонкости и твердости-мягкости сильных фонем со слабыми, нельзя не отметить, что возглавляющие эти ряды сильные фонемы нередко образуют нефонетические (т. е. позиционно необусловленные) чередования по твердости-мягкости, служащие для образования слов с одной и той же морфемой (обычно корнем), но в разных своих вариантах, для целей словообразования и словоизменения. Ср. [хвал'у́], [хвал'á], [п̑хвал'ба́] и [хвалу́], [хвалá]; [б'эл] и [б'эл'л], [жар] и [жа'р'л]. Такого рода нефонетические чередования по глухости-звонкости отсутствуют: слова и формы, включающие в свой состав самостоятельную (т. е. фонетически необусловленную) глухость и звонкость согласного, в семантическом отношении ни в какой степени не сближаются (ср. [платá] и [пладá], [паро́къ] и [паро́гъ], [касá] и [кзá], [плат'á] и [плад'á] и т. д.)¹. Соответственно то же отношение во второй паре корреляций. Корреляция по способу образования (смычные-щелевые) пережила целый ряд перестроек в общеславянский период так называемых палатализаций, и с ее помощью закономерно соотносится значительное количество корней слов (*тонкий // тоньше, много // множить* и т. п.). Корреляция по месту образования сама по себе почти не испытала перестроек со времени общеславянского единства и в основных чертах восходит к индоевропейской эпохе. Все это также находит отражение в современной дистрибуции русских фонем. (Дальнейшее см. в связи с III постулатом.)

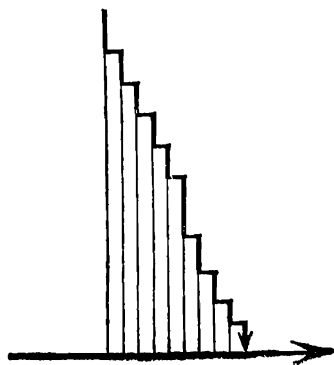
§ 85. II. Постулат о синтагматике-парадигматике. П о с т у л а т Соссюра (в более поздней формулировке) гласит: в языке различаются два основных типа отношений: парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения — это отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции. Синтагматические отношения — это линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи. Парадигматические отношения — это отношения «или — или», или, точнее, отношения исключающей дизъюнкции в логическом смысле слова. Синтагматические отношения — это отношения «и — и», или логической конъюнкции. Совокупность элементов, связанных парадигматическими отношениями, называется парадигматикой. Совокупность элементов, связанных синтагматическими отношениями,

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 182.

ми, называется синтагматикой. Поскольку те и другие отношения совершенно различны, постольку парадигматика и синтагматика резко, скачкообразно противопоставлены друг другу и их соотношение иллюстрируется и обычно схематизируется аналогией с двумя осями, пересекающимися под прямым углом, из них горизонтальная ось — синтагматика, вертикальная — парадигматика.

Новый постулат: в языке различаются два основных типа отношений: первичные, синтагматические отношения, и вторичные, парадигматические. Синтагматические отношения — это линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи. Это отношения сосуществования и последовательности во времени, отношения «и — и». Парадигматические отношения — это отношения между языковыми единицами, которые чередуются друг с другом в одной и той же позиции или определенным образом совмещаются друг с другом в одной и той же позиции. Парадигматика и синтагматика не резко, не скачкообразно противопоставлены друг другу. Парадигматические отношения могут быть приравнены к отношениям «или — или» логической исключающей дизъюнкции, только в пределе или в приближении к нему. Соотношение парадигматики и синтагматики (его можно сравнить с интегралом в математике) схематизируется следующим образом:

В новой формулировке постулата подразумевается, что языковая единица (или знак), имеющая материальную природу, является в силу этого всегда протяженной. При построении парадигматики нельзя отвлекаться от протяженности элементов и рассматривать их только как элементы оппозиций, как чисто оппозитивные сущности. Будучи протяженным, каждый языковой элемент, входя в оппозиции в парадигматике, соответствует не просто месту в речевой цепи в синтагматике, но месту определенной протяженности. Протяженность присутствует, таким образом, как в синтагматике, так и в парадигматике, и этим определяется смысл нового постулата. Только им могут быть объяснены недискретные явления языка — паронимия в лексике, синкретизм в грамматике и другие (ср. § 74).

Нередко отношения между парадигматикой и синтагматикой сводят к следующей слишком общей формулировке: языковые единицы, находящиеся в парадигматике в отношении оппозиции, вступают в синтагматике в отношении контраста (например, оппозиция фонем *n* — *a* дает в синтагматике контраст — *na* — и т. п.). Этому при новой формулировке противопоставляется развернутое положение: оппозиция и контраст находятся в градуальных соотношениях; отношение оппозиции в парадигматике обратно пропорционально отношению контраста в синтагматике. Чем сильнее оппозиция, тем слабее контраст, и наоборот. В самой общей форме можно констатировать зависимости следующего типа:

1) привативная оппозиция¹ соответствует слабому (недостаточному) контрасту, например, русские согласные фонемы, противопоставленные по признаку твердости-мягкости, не могут непосредственно следовать друг за другом на синтагматической оси — их контраст недостаточен;

2) эквиолентная оппозиция соответствует среднему контрасту, достаточному для того, чтобы фонемы могли непосредственно следовать друг за другом на синтагматической оси;

3) дизъюнктивная оппозиция соответствует самому сильному контрасту, сравни: согласный-гласный — основная структура слога.

§ 86. III. Постулат о синхронии-диахронии. Постулат Соссюра гласит: ось одновременности, определяющая отношения между существующими элементами (синхрония), резко противопоставлена оси последовательности во времени, по которой каждый из элементов первой оси располагается со всеми своими историческими изменениями (диахрония). «С наибольшей категоричностью различие это обязательно для лингвиста, ибо язык есть система чистых ценностей (значимостей), ничем не определяемая, кроме как наличным состоянием входящих в ее состав элементов»².

¹ Полную классификацию оппозиций можно найти в книге: Н. С. Трубецкого. Основы фонологии, стр. 73—99.

² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 87.

Новый постулат: ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахрония). Переносить предмет в прошлое (в теоретическом рассуждении) равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам.

Поясним это положение одним примером. Установленная на основании I постулата последовательность корреляций в русском языке — 1) по месту, 2) по способу, 3) по звонкости-глухости, 4) по твердости-мягкости — соответствует исторической последовательности их появления во времени. Рассмотрим крупные линии этих соотношений.

1. Корреляция по месту восходит к индоевропейскому и в своей основе сохраняется в общеславянском и в русском:

Индоевроп.	Общеслав.
<i>p</i>	<i>p</i>
<i>t, th</i>	<i>t</i>
<i>k, k^a</i>	<i>k</i>
<i>b, bh</i>	<i>b</i>
<i>d, dh</i>	<i>d</i>
<i>g, g^u, gh, g^{uh}</i>	<i>g</i>
<i>s, k', k'h</i>	<i>s</i>
<i>S(z), g', g'h</i>	<i>z</i>
<i>kh, k^{uh}</i>	<i>h</i>
<i>ʃ</i>	<i>v</i>

2. Корреляция по способу. Частично осуществившееся в эту эпоху изменение корреляции по способу — переход части придыхательных и всех палатализованных в фрикативные и изменение сонанта *ʃ* продолжается. Ряд фрикативных и аффрикат представлен в общеславянском гораздо обильнее, чем в индоевропейском, в результате так называемых трех палатализаций. Причем, что особенно важно подчеркнуть, этот процесс односторонне направлен: фрикативные во многих случаях развиваются из смычных, но не наоборот: в общеславянском и русском не отмечается ни одного случая развития смычных из фрикативных.

Мягкие шипящие и мягкие свистящие в силу своего происхождения в эпоху возникновения были первоначально не самостоятельными фонемами, а позиционными вариантами соответствующих твердых.

3. Корреляция по глухости-звонкости, хотя и тесно связанная с корреляцией по способу, поскольку глухие и звонкие согласные наиболее отчетливо противопоставлялись внутри группировок по способу, все же развивается далее довольно независимо от первой, но в более тесной связи с корреляцией по мягкости-твердости. В определенную эпоху древнерусского языка (а именно в период развития согласных вторичного смягчения) корреляция по мягкости-твердости выделяется из корреляции по глухости-звонкости. «Смягчение полумягких, иначе говоря, расщепило оппозиции *n — b* и *m — d* на две — на оппозиции твердых глухих — звонких и на оппозиции мягких глухих — звонких; точно так же, расщепив

единую ранее оппозицию *с — з* на две, оно передало оппозицию вторично смягченных свистящих исконно существовавшей оппозиции этих мягких согласных»¹. Но ни в предыдущую, ни в эту эпоху «не было такого положения (кроме как в паре *с — з*), чтобы та или иная пара глухих — звонких оказалась в такой позиции, где на месте двух согласных выступал бы только глухой или звонкий. Отсутствие позиций нейтрализации глухости-звонкости, связанное с тем, что согласные всегда сопровождались последующим гласным, уравнивало отношения между парными глухими — звонкими с отношениями непарных по этому признаку согласных»². Падение редуцированных коренным образом меняет это положение, создавая позиции нейтрализации по глухости-звонкости, и этим завершается создание корреляции глухости-звонкости.

4. Корреляция по твердости-мягкости, постепенно фонетически вычлняющаяся, как мы видели выше, из корреляций по способу и корреляции по звонкости-глухости, становится фонологической лишь после падения редуцированных, причем, как фонологическая, эта корреляция должна быть поставлена определенно позже корреляции по глухости-звонкости.

О такой именно последовательности свидетельствуют не только фонологические отношения, но и определенные отношения в грамматике, словообразовании и лексике. Если понимать знак в духе нового I постулата, то отсюда следует, что корреляция фонем, расщепляющаяся в ходе времени на две новые корреляции, не перестает в определенном смысле существовать и как целое в своем прежнем виде, как бы запечатленном до происшедшего расщепления. Актуальная, синхронная фонологическая корреляция отражается в большом количестве минимальных лексических пар, противопоставленных по отчетливым, регулярным словоизменительным или словообразовательным отношениям. Прежняя, бывшая до расщепления фонологическая оппозиция отражается в наличии меньшего количества минимальных пар, и эти пары противопоставлены неотчетливыми и нерегулярными семантическими признаками, это пары паронимические. В паронимических парах слов отсутствуют ясные словообразовательные или тем более словоизменительные отношения. Таким образом, чем древнее фонологическая оппозиция и чем больше расщеплений пережила она на своем веку, тем меньше ее участие в словообразовании (и ничтожно в словоизменении), но тем больше ее участие в неотчетливых и нерегулярных, паронимических противопоставлениях слов. То же отношение можно выразить, конечно лишь в общей и довольно грубой форме, еще и иначе: словоизменение построено на новейших фонологических оппозициях, словообразование — с меньшим участием новейших оппозиций и большим участием более старых, регулярные отношения в лексике — с еще меньшим участием новейших оппозиций и еще большим участием

¹ В. В. Иванов. Историческая фонология русского языка. М., «Просвещение», 1968, стр. 282.

² Там же, стр. 324.

старых оппозиций, нерегулярные отношения в лексике типа паронимии построены в очень малой степени на новейших оппозициях и главным образом на оппозициях старых и очень старых.

Роль новейшей корреляции, корреляции по твердости-мягкости, в русском языке для системы словоизменения и словообразования уже была освещена выше (см. § 84). На основе этой корреляции существуют и паронимические отношения типа *жар* — *жарь*, но их относительное место, по сравнению с отношениями словообразовательными и словоизменительными, невелико.

На основе корреляции глухости-звонкости паронимические отношения проступают более отчетливо:

1) современ.: *калоша* — *галоша*; *отрепье* — *отребье*; *околодок* — *околодок*; *просфора* — *просвира*; *гекзаметр* — *гексаметр*; *этак* — *эдак*, *дрягза* — *тряска*; *дряблый* — *тряпка*; *дробить* — *трепать*; *дрожать* — *трясти(сь)* и др.;

2) современ. русск., древнерусск. и общеслав.: *колокол* — *глагол* (*глагол* — заимств. из церковнослав. вместо русск. **гологол*); *плевать* — *блевать*; *прыскать* — *брызгать*; следует заметить также паронимию суффиксов *-ск-*, *-зг-*; *прыгнуть* — *брыкнуть*; *плющ* — *блющ*; *плутать* — *блудить*;

3) слав. и балтийск.: *голубь* — слав. *kъlръ* — лит. *gulbis*, *дрозд* — древнепрусск. *trezde* — лит. *strazdas* и др.

В последнее время подобные пары привлекают внимание лингвистов. Ряд авторов предлагают для таких явлений объяснение через неиндоевропейский субстрат, и это, по-видимому, удачное объяснение для одной группы случаев, в особенности балтийских, типа латышск. *pura* — *vura* 'боб'¹. Однако для основной группы русских, а также для большей части общеславянских случаев мы предлагаем объяснение через паронимию. Продолжая дальше ту же линию поисков, мы должны будем обнаружить и паронимические пары, а может быть, и целые группы, основанные на нейтрализации согласных по способу, далее по месту и еще далее сонантов, но пропорция таких групп в пределах одного современного индоевропейского языка (если исключить звукоподражания типа *бряк* — *плюх*) должна быть, в силу древности указанных оппозиций, невелика и возрастать при сравнении лексики родственных языков. До некоторой степени мы, по-видимому, и обнаруживаем это уже при поверхностных наблюдениях. Ср. следующую группу:

4) паронимия на основе корреляции по месту: современ. русск. разг. *брызгать* — *дрызгать* (Даль, I, 497); *брылять* — *дрылять* (Даль, I, 133); *грохнуть* — *брякнуть*; паронимия на основе сонантов: *трамвай* — *транвай*; *комфорка* — *конфорка*; *брезг* ('рассвет') — *блеск*; *тусклый* — *тускнеть*, ср. литовск. *tuknus* — *tuklus* (тучный);

¹ См.: В. В. Колесов. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости/звонкости. «Вестник ЛГУ. Серия истории яз. и лит.», вып. I, 1963; В. В. Мартынов, в сб.: «Славянское языкознание. Сборник статей в честь С. Б. Бернштейна». М., «Наука», 1971; ср.: В. Кипарский, в «Scando-slavica», XIV, 1968.

брод, бред — блуд (Преображенский, I, 45); паронимия суффиксов, содержащих *r*, *l*, резко возрастает в древних индоевропейских языках: дублиеты на *-ro-*, *-lo-* у прилагательных, имена деятелей на *-tel-*, *-tol-* и названия орудий на *-tro-*, *-tlo-* и *-dhro-*, *-dhlo-*. «При любом употреблении в системе имени *l* способно заменять *r*»¹.

Таким образом, имеется в основных чертах совпадение между соотношением дистрибуций фонем и историческим появлением корреляции фонем.

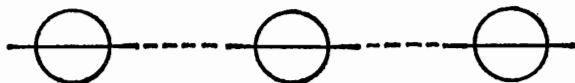
Из сказанного ясно, какой еще смысл содержит I постулат (о тождествах и различиях): материальное существование языкового знака или класса знаков, в данных примерах фонетическое, предшествует их существованию как элемента или класса элементов, входящих в противопоставления, в данном случае фонологические. И в этом смысле также языковой знак не сводится к сумме своих различительных свойств.

§ 87. IV. Постулат о произвольности-непроизвольности знака. Постулат о произвольности знака был сформулирован Соссюром в противоречивой форме, и его позднейшие толкования породили огромную литературу. В словесной формулировке Соссюр утверждал произвольность связи между означающим и означаемым в пределах языка, а в действительности понимал ее как произвольность отношения знака в целом (с его двумя сторонами — означаемым и означающим) к предмету объективного мира, к денотату. Э. Бенвенист показал², что произвольность сильно ограничена, т. е. по сути дела уже не является произвольностью в первом смысле — во внутренних отношениях между означаемым и означающим в знаке, хотя, по его мнению, действительно имеет место во втором смысле.

Новый постулат гласит: произвольность языкового знака существенно ограничена не только в первом, но и во втором смысле, т. е., вообще говоря, языковой знак ни в каком отношении не произволен.

Как и в случае I постулата, мы разъясним это общее положение через его следствия. Рассмотрим сначала понимание произвольности как внутренней, внутриязыковой произвольности знака, т. е. произвольности связи в знаке означаемого и означающего. Это понимание предполагает, что знаки симметричны и в силу этого существуют изолированно друг от друга:

означаемое

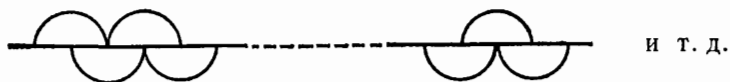
и т.д.

означающее

¹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование, пер. с франц. Н. Д. Андреева. М., 1955, стр. 65.

² См.: E. Benveniste. Nature du signe linguistique (1939), русск. перев. в книге: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., «Прогресс», 1974.

Но, как известно, симметрия знака постоянно нарушается, и знак испытывает скольжение в двух плоскостях: в плоскости синонимии (два знака стремятся иметь одно означаемое) и в плоскости омонимии (один знак стремится иметь два означающих):

В силу этого как означаемые, так и означающие знаков постоянно обусловлены и опосредованы другими знаками языка и не являются полностью произвольными в том смысле, чтобы данное одно означающее одного знака было бы произвольно независимо от всей системы, было бы связано лишь с данным одним означаемым.

Что касается внешней произвольности, т. е. понимания как произвольной связи между знаком в целом и объективным внеязыковым денотатом, то, как мы видели выше, такая произвольность у самого Соссюра связывается с «языковой границей» (по одну сторону границы — одно, по другую — другое), т. е. в конечном счете оказывается связанной с определенным пониманием существования языка на определенной территории и в определенную эпоху — с существованием языка во времени и пространстве.

Таким образом, постулат о произвольности-непроизвольности языка (во втором смысле «произвольности») мы сведем к постулату о существовании языка во времени и пространстве.

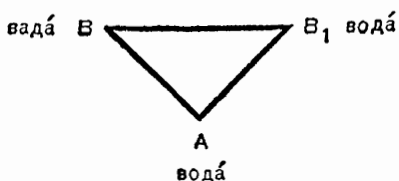
Устанавливая в своем постулате о синхронии и диахронии, что только одновременно сосуществующие языковые сущности образуют систему языка, Соссюр должен был в соответствии с этим резко противопоставлять существование языка во времени (т. е. в разные точки времени) существованию языка в пространстве в одно время; при этом второй аспект — различие языка в пространстве — подчинен первому — различию во времени.

Действительно, мы находим у Соссюра это утверждение: «...именно временем обусловлена лингвистическая дифференциация. Географические различия должны быть переведены на различия во времени... Географическое разнообразие представляет собою только вторичный аспект общего явления»¹.

Новый постулат: существование языка во времени и существование языка в пространстве — это одно и то же явление существования языка во времени-пространстве; языковые различия в пространстве есть те же явления, что и различия во времени, но рассмотренные с другой стороны; ни одно не подчинено другому. Начальная точка рассмотрения — от времени к пространству или от пространства ко времени — не имеет принципиального значения.

¹ Ф. де С о с с ю р. Курс общей лингвистики, стр. 179—180.

Так, языковые различия знаков типа [водá] ~ [вадá] или [гус'] ~ [гус'] в русском одновременно представляют собой различия, сосуществующие и следующие друг за другом во времени: в первом случае они характеризуют диалектный язык одного времени на разных территориях, во втором — разного времени на одной территории. Структурные отношения между знаками вне зависимости от того, даны ли они в территориальной или временной проекции, остаются одними и теми же. Сказанное иллюстрируется схемой:

Здесь линия AB указывает на время (разные эпохи истории языка при одной территории), причем точка A — предшествующая эпоха, точка B — последующая эпоха, линия BB_1 — на территорию (разные территории одной эпохи). В плане структурном соотношения между $водá$ — $вадá$ в аспекте временном (AB) и в аспекте территориально-диалектном (BB_1) не различаются, «равны сами себе»¹.

Поскольку, как мы уже знаем (см. раздел «Язык и общество»), диалектное дробление и та или иная степень диалектной непрерывности и различных переходных и смешанных форм всегда характеризует язык как в его «горизонтальном», территориальном, так и в его «вертикальном», социальном членении, причем последнее оказывается в большинстве случаев проекцией в социальную плоскость различных языков или диалектов прошлого, постольку понятие лингвистического тождества «пространства — времени» снимает тезис о произвольности языкового знака и во втором смысле слова.

§ 88. Библиография к разделу «Язык как объект теории». Здесь указываются работы, которые помогают осознать концепцию языка, излагаемую в этой книге. Категории единиц, уровней, структуры, системы: Н. Д. А р у т ю н о в а. Об иерархии лингвистических единиц, в сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., «Наука», 1969; Э. Б е н в е н и с т. Уровни лингвистического анализа; он же. Понятие структуры в лингвистике, в кн.: Э. Б е н в е н и с т. Общая лингвистика. М., «Прогресс», 1974 (ср. франц. изд. E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Gallimard. Paris, 1966); А. С. М е л ь н и ч у к. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма, в сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., «Наука», 1970 (с библиографией); Ю. С. С т е п а н о в. Семантика. М., «Наука», 1971. Категории парадигматики и синтагматики: М. М. Г у х м а н. Грамматическая категория и структура парадигм, в сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., «Наука», 1968, стр. 117—161; В. М. С о л ь н е в. Язык как системно-структурное образование. М., «Наука», 1971, стр. 60—91., особ. 72—74. Лингвистиче-

¹ Сб. «Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 11.

ские структуры (основная библиография к отдельным типам структур указана в соответствующих параграфах в сносках; здесь упомянем особо лишь о семиотических универсальных основаниях грамматики и о семиотической структуре языка, центральной для концепции этой книги): Ю. С. Степанов. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка). «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. 32, вып. 4, 1973 (с библиографией); J. Kuryłowicz. Metaphor and Metonymy in Linguistics. «Zagadnienia rodzajów literackich» (Łódź), t. 9 (2), 1967; Ch. Morris. Writings on the general theory of sign. Mouton, The Hague, 1971, особ. стр. 191 и мн. др. G. Roysen. Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde («Linguistische Bibliothek Anthropos», IV. Band), Wien, 1929. Постулаты современной лингвистики: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики (1916). Пер. с франц. А. М. Сухотина. М., Соцэкгиз, 1933; Н. А. Слюсарева. Категории «внутренней лингвистики» в концепции Ф. де Соссюра, автореф. докт. дис. М., 1968; Ю. С. Степанов. Принцип детерминизма в современном языкознании, в сб.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., «Наука», 1970.

Оглавление

Предисловие	3
-----------------------	---

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И СИСТЕМА ЯЗЫКА

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

Глава I. Отдельное слово

§ 1. Общие замечания. План содержания языка и лексика. Лексикология и семасиология	7
§ 2. Отдельное слово. Семантический треугольник. Понятие о денотате (референте) и сигнификате	8
§ 3. Значение слова. Слово и понятие	10
§ 4. Вариации слова. Синоним, термин, метафора как пределы вариаций в трех разных отношениях	14
§ 5. Система значений одного слова. Многозначность, или полисемия	20
§ 6. Семантическое развитие слова	23

Глава II. Группы и системы слов

§ 7. Простейшие группы слов. Омонимия	27
§ 8. Простые группы слов. Антонимия	28
§ 9. Более сложные группы слов. Синонимия	30
§ 10. Омонимо-синонимические группы слов. Паронимия. Омонимия и синонимия как две «оси» в системе языка	34
§ 11. Антонимо-синонимические группы слов. Введение понятий оппозиции, дифференциального признака, структуры, системы	37
§ 12. Еще раз семантический треугольник. Понятие о десигнате	43
§ 13. Процесс называния. Понятие о внутренней форме слова и этимологии	45
§ 14. Лексические и семантические поля. Понятие о сочетаемости слов и дистрибуции	47
§ 15. Вся лексика как система. Словари-тезаурусы	50

Глава III. Непредельные (недискретные) единицы лексики. Фразеология

§ 16. Общее понятие о недискретных единицах лексики. Устойчивые и фразеологические словосочетания	53
§ 17. Классификация фразеологических единиц с точки зрения их происхождения	55
§ 18. Классификация фразеологических единиц с точки зрения их связи с лексикой в целом	56

§ 19. Категории омонимии, антонимии, синонимии, метафоры в сфере словосочетаний	57
§ 20. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Лексика и семантика»	60

Ф О Н Е Т И К А

Глава I. Звуки речи и их классификация

§ 21. Звуки вообще и звуки человеческой речи	63
§ 22. Классификация звуков речи. Артикуляторная и акустическая классификация	65
§ 23. Универсальные дихотомические классификации	68

Глава II. Выделение и определение фонем

§ 24. Выделение фонем из многообразия звуков речи	72
§ 25. Выделение фонем способом устранения различий. Минимальные пары	73
§ 26. Предельный случай минимальных пар — фонема как форма отдельного слова	75
§ 27. Выделение фонем способом усиления различий. Понятие о сочетаемости, или дистрибуции. Понятие о дополнительной дистрибуции	79

Глава III. Группы и системы фонем

§ 28. Некоторые общие вопросы. Системы фонем и системы значений (и слов), их аналогии	81
§ 29. Элементарные оппозиции фонем. Дифференциальные и интегральные признаки фонем	82
§ 30. Системы из элементарных оппозиций. Корреляции	85
§ 31. Весь фонемный состав как система	86
§ 32. Фонемы в сильных и слабых позициях. Группировки фонем по различительной силе	—

Глава IV. Непредельные (недискретные) фонетические единицы

§ 33. Общее понятие о непредельных фонетических единицах	88
§ 34. Слог	89
§ 35. Фонетическое слово, фраза, высказывание	92
§ 36. Фонетическое содержание слога (сила, тон, длительность и т. д.)	94
§ 37. Сила слога. Силовое, или динамическое, ударение	—
§ 38. Тон слога. Языки с этимологическими тонами. Языки с морфологическими тонами. Языки с тоновым, или музыкальным, ударением	95
§ 39. Движение тона в пределах слога. Слоговые интонации	97
§ 40. Длительность, или долготы, слога. Долготное ударение. Язык и стих	100
§ 41. Гармония гласных и согласных в пределах слога. Дизезность и бемольность слога. Переразложение слогов и слов	102
§ 42. Гармония гласных и согласных в пределах слова. Сингармонизм. Ассимиляции и диссимиляции	106
§ 43. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Фонетика»	108

Г Р А М М А Т И К А

Глава I. От фонетики к грамматике. Грамматическая форма

§ 44. Грамматика как сочленение формы плана содержания и формы плана выражения. Введение понятия о грамматической категории	110
§ 45. От фонетики к грамматике. Предельная грамматическая форма — морф	141

§ 46. Группировка морфов в морфемы. Понятие морфемы	115
§ 47. Омонимия, антонимия и синонимия в грамматике. Оппозиции морфем	118
§ 48. Непредельные фонетические единицы в их отношении к морфам и морфемам	120

Глава II. От лексики к грамматике. Грамматическое значение. Типы грамматических категорий

§ 49. Предварительные замечания. Три типа грамматической абстракции — номинация, предикация, локация	122
§ 50. Номинация. Именные и глагольные классы	—
§ 51. Предикация. Элементарные синтаксические связи. Строение предложения	131
§ 52. Локация. Принцип 'я — здесь — сейчас'. Категории времени, лица, числа и падежа	136
§ 53. Резюме. Общие связи грамматики с лексикой	142

Глава III. Грамматическая категория как единство категориального значения и грамматических форм

§ 54. Вводные замечания. Вопрос о «степенях существования» грамматической категории. Понятие элементарного грамматического значения, или «граммемы»	144
§ 55. Иерархия в строении грамматической категории	147

Глава IV. Словообразование

§ 56. Предварительные замечания	151
§ 57. Механизм словообразования. Словообразовательная корреляция . .	152
§ 58. Различные типы словообразовательных корреляций	153
§ 59. Словообразование как промежуточная система между лексикой и грамматикой	156
§ 60. Библиография и краткие сведения об авторах к разделу «Грамматика»	157

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Глава I. Общие вопросы

§ 61. Вопрос о происхождении языка	161
§ 62. Язык, народ, раса	163
§ 63. Язык и общественно-экономический уклад	165

Глава II. Языки до эпохи образования наций

§ 64. Языки первобытнообщинного строя. Их внутренние особенности (женские языки, табу и др.)	166
§ 65. Языки первобытнообщинного строя (внешние контакты, скрещивание и др.)	171
§ 66. Языки древнейших и древних государств. Появление понятий нормы и стиля	179
§ 67. Языки феодальных обществ	185

Глава III. Языки в эпоху образования наций

§ 68. Языки эпохи образования наций. Национальный язык и литературный язык. Национальный язык и диалекты. Социальные диалекты, жаргоны	191
§ 69. Национальный язык и его стили	201
§ 70. Межнациональное общение и современные языковые союзы	207
§ 71. Библиография к разделу «Язык и общество»	210

ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ

Глава I. Общие понятия лингвистической теории

§ 72. Вводные замечания о соотношении языка как наблюдаемого явления и языка как абстрактного объекта теории	215
§ 73. Уровни языка и единицы языка	218
§ 74. Предельные и непредельные единицы языка	220
§ 75. Два типа общих отношений в языке — парадигматика и синтагматика	227
§ 76. Структура и система	228

Глава II. Виды лингвистических структур

§ 77. Вводные замечания	230
§ 78. Дистрибуция и дистрибутивная структура	—
§ 79. Опозиция и оппозитивная структура	235
§ 80. Функцив и функциональная структура	240
§ 81. Порождающий процесс и порождающая (генеративная) структура	245
§ 82. Знак и семиотическая структура	248

Глава III. Постулаты современной лингвистики

§ 83. Что такое постулат?	254
§ 84. I. Постулат о тождествах-различиях	256
§ 85. II. Постулат о синтагматике-парадигматике	258
§ 86. III. Постулат о синхронии-диахронии	260
§ 87. IV. Постулат о произвольности-непроизвольности знака	264
§ 88. Библиография к разделу «Язык как объект теории»	266

Юрий Сергеевич Степанов

ОСНОВЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Редактор

Г. В. Карпюк

Художник

В. В. Воронин

Художественные редакторы

Г. А. Жегин и Т. Г. Коновалова

Технический редактор

З. М. Кузьмина

Корректор

В. Ф. Малышева

Сдано в набор 2/VII 1974 г. Подписано к печати 19/XII 1974 г. 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 17,32. Тираж 100 тыс. экз. А 11688. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Заказ № 1626.

Цена 72 коп.